

33(09)
P60

33(09)

P60

Родбертусъ

Теория рента и
изъяснение о ка-
пیتالъ,

1908г.

601587

Классики экономической науки.

Родбертусъ.

ТЕОРІЯ РЕНТЫ
И
ИЗСЛѢДОВАНИЕ О КАПИТАЛѢ.

(Соціальныя письма къ фонъ-Кирхману).

Сокращенный переводъ и введение

А. А. Кауфмана.

КНІВСЬКИЙ ІНСТИТУТ
НАРОДНОГО ГОСПОДАРСТВА
БІБЛІОТЕКА

МОСКВА.

Изданіе М. Н. Прокоповича.

1908.

Издакія склада „Книжное Дѣло“

М. Н. Прокоповича.

МОСКВА, В. Грязникова пер., мебл. комнаты „Лира“.

Телефонъ № 127-60.

Беллетристика и поэзія.

- Ардовъ, Е. И. Руфина Каздоева, романъ. Ц. 3 р. въ переп.
Его же. Эскизы Ц. 1 р.
Арнольдъ, Аріель. Жрица свободы, трагедія въ 5 картинахъ. М. 1907 г. Ц. 60 к. (конфискована).
Арнольдъ, Э. Свѣтъ Азии. Пер. А. М. Федорова. М. 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к.
Булыгинъ, П. Повѣсти и очерки, т. II. М. 1904 г. Ц. 1 р.
Грэндъ, С. Джени всему дому голова. Разсказъ. М. 1895 г. Цѣна 2½ коп.
Догановичъ, А. Наканунъ службы (изъ запис. фельдшерницы). М. 1904 г. Ц. 1 р.
Кругловъ, А. Совѣтъ проснулась. Съ 4 рис. Изд. 2-е. М. 1903 г. Ц. 15 к.
Къ „Правдѣ“. Литературно-публицистическій сборникъ. М. 1904 г. Ц. 1 р. 50 к.
Лебедевъ-Одинокій, И. Въ тревогѣ и борьбѣ. М. 1902 г. Ц. 75 к.
Метерлиннъ, М. Смерть Тинтажиля. Симв. др. Съ 4 рис. М. 1903 г. Ц. 40 к.
Монинъ, В. Сибирскіе мотивы. М. 1903 г. Ц. 40 к.
Несчастные. Сборникъ разсказовъ Ант. Чехова, Ф. М. Достоевскаго, Н. Лѣскова и др. Изд. 2-е. Съ 8 рис. М. 1905 г. Ц. 30 к.
Самоотверженные. Сборникъ разск. Съ 9 рисунк. М. 1904 г. Цѣна 50 коп.
Свирскій, А. И. Собр. соч., т. I. Преступникъ и др. разск. М. 1905. Цѣна 1 р.
Свѣшниковъ, Е. Старая сказка про Кавдида-Простодума. Съ 3 рис. М. 1903 г. Ц. 10 к.
Тимковскій, Н. И. Тѣма и Дѣло жизни. Пьесы. М. 1904 годъ. Цѣна 1 руб.
Его же. Убѣжище и Колесо. Пьесы, т. II-й. 87 стр. М. 1908 г. Ц. 70 к.
Толстой, Л. Н. Смерть Ивана Ильича. Съ 10 отдѣл. рис. акад. Бурова. М. 1904 г. Цѣна 60 к.

Естествовѣдѣніе.

- Брэмъ. Обезьяны стараго свѣта. Съ 22 рис. М. 1905 г. Ц. 7 к.
Его же. Обезьяны новаго свѣта. Съ 13 рис. М. 1895 г. Ц. 5 к.
Гринъ. Растворимые ферменты и броженіе. Перев. съ нѣмецк. А. Кизеля и Л. Ножина, подъ ред. прив.-доц. Ф. Н. Крашенинникова. Съ предисловіемъ К. А. Тимирязева. М. 1905 г. Ц. 2 р. 25 к.
Гунеръ. Начатки ботаники (изъ серіи начальныхъ курсовъ), пер. С. М. Переваславцевой. Съ 73 рис. М. 1906 г. Ц. 60 к.
Коробчевскій, Д. А. Микронезійцы. М. 1889 г. Ц. 15 к.
Его же. Меланезійцы. М. 1889 г. Ц. 25 к.
Курочкинъ, А. Я. Какъ размножается растеніе. В. II Съ 29 рисунк. М. 1904 г. Ц. 30 к.
Лоджъ, Ол. Современные взгляды на матерію. М. 1904 г. Ц. 20 к.
Масе. Исторія кусочка хлѣба. Описаніе жизни человѣка и животныхъ, перев. съ фр. Головачева. 7-я тысяча. Ц. 75 к.
Михаэлисъ Э., д-ръ. Повторительный курсъ исторіи развитія человѣка соотвѣтственно съ развитіемъ позвоночныхъ животныхъ, съ 72 рис. М. 1904 г. Цѣна 1 р.
Серебряновъ, Л. Кометы и падающія звѣзды. М. 1895 г. Ц. 8 к.
Тимирязевъ, К. А. Земледѣліе и физиологія растений. 2 выд. М. 1893 г. Цѣна 1 р.

Исторія, біографіи и путешествія.

- Быкова, А. Вильгельмъ Оранскій. 2 изд. М. 1898 г. Ц. 20 к.
Вилліамъ, Г. Рабство и освобожденіе негровъ. Съ 5 рис. М. 1907 г. Цѣна 6 к.
Волкова, Е. Петръ Басмановъ. 2 изд. Съ 4 рис. М. 1905 г. Ц. 20 к.
Ея же. Горь матері-посадницы. М. 1904 г. Ц. 20 к.
Вѣтринскій, Ч. Жизнь и стихотворенія Ц. С. Никитена. М. 1898 г. Ц. 7 коп.
Гольцева, Н. А. Труды и подвиги Миклухи Маклая. М. 1903 г. Ц. 20 к.
Гаррисонъ, В. Оливеръ Кромвель. Пер. съ англійскаго, подъ ред. В. А. Гольцева. М. 1901 г. Ц. 80 к.

02
Водбертусъ.

33(09)

P 60

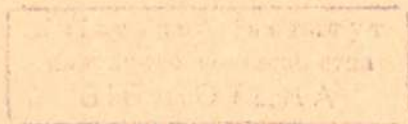
ТЕОРИЯ РЕНТЫ
И
ИЗСЛѢДОВАНИЕ О КАПИТАЛѢ.

(Соціалныя письма къ фонъ-Кирхману).

601587
Сокращенный переводъ и введение

А. А. Кауфмана.

МОСКВА.

Издание М. Н. Прокоповича.
1908.

МОСКВА.

Типографія О. Л. Сомовой. Б. Никитская, д. Шапошниковой, близъ Кудрина.

1908.

Отъ издателя.

Моментъ выхода въ свѣтъ настоящаго изданія, посвященнаго экономической теоріи Родбертуса, совпадаетъ съ десятилѣтнею давностью со времени выполнения А. А. Кауфманомъ предлагаемой вниманію читателя работы. Работа эта должна была быть однимъ изъ выпусковъ издававшейся покойнымъ К. Т. Солдатенковымъ „экономической библіотеки“ и была отпечатана къ концу 1896 года.

Но въ силу одной изъ тѣхъ насмѣшекъ судьбы, которыми такъ богата исторія нашей многострадальной литературы, эта работа, содержащая біографію и изложеніе экономической теоріи консервативнаго социалиста, приверженца прусской монархіи и рѣшительнаго противника всякаго насильственнаго переворота, Родбертуса, была уничтожена по опредѣленію комитета министровъ; и для большаго курьеза—уничтоженіе ея почти совпало по времени съ выходомъ въ свѣтъ Марксовской „Критики нѣкоторыхъ положеній политической экономіи“. Бѣдный Родбертусъ оказался опаснѣе и „вреднѣе“ Маркса...

Теперь, въ виду измѣнившихся условій нашей печати, представляется своевременнымъ выпустить въ свѣтъ эту работу, которая, конечно, будетъ цѣннымъ пособіемъ для каждаго, кто серьезно изучаетъ экономическую теорію, не имѣя времени или возможности читать Родбертуса въ подлинникѣ. Въ общемъ, настоящая работа выпускается въ томъ самомъ видѣ, какой она имѣла 10 лѣтъ тому назадъ; самый переводъ Родбертуса, конечно, тщательно пересмотрѣнъ и подвергнутъ необходимымъ исправленіямъ; введеніе, содержащее біографію Родбертуса, общій обзоръ его научныхъ работъ и социальнo-экономическихъ взглядовъ и критическую ихъ оцѣнку, оказалось необходимымъ нѣсколько дополнить, чтобы использовать новѣйшую, посвященную Родбертусу, литературу.

Май 1907 г.

ВВЕДЕНІЕ.

Карль Родбертусъ-Ягецовъ ¹⁾.

Мало кому изъ выдающихся ученыхъ и писателей пришлось испытать такую своеобразную судьбу, какая досталась на долю Карла Родбертуса-Ягецова. При жизни Родбертуса, его теоретическія работы оставались, можно сказать, совершенно незамѣченными, и если авторъ ихъ и пользовался въ Германіи нѣкоторою извѣстностью, то главнымъ образомъ—какъ политическій дѣятель, сыгравшій довольно видную роль въ бурную эпоху 1849—1850 годовъ. Изъ научныхъ трудовъ Родбертуса извѣстнымъ успѣхомъ пользовались его работы по вопросамъ ипотечнаго кредита, которыя не только пріобрѣли довольно широкую ученую репутацию, но имѣли и практическое значеніе, такъ какъ легли въ основу требованій значительной группы нѣмецкихъ землевладѣльцевъ; высоко цѣнились, уже и при жизни Родбертуса, его изслѣдованія въ области исторіи античнаго и въ частности римскаго народнаго хозяйства, оказавшія немаловажное вліяніе на работы специалистовъ-историковъ. Но теоретическіе труды Родбертуса при его жизни оставались совершенно незамѣченными. Изъ переписки Родбертуса извѣстно, правда, что Лассаль былъ близко знакомъ съ этими трудами и открыто признавалъ себя въ своихъ теоретическихъ взглядахъ послѣдователемъ Родбертуса. Но читатели теоретическихъ работъ послѣдняго насчитывались единицами; и мало того: даже тѣ, кто читалъ его сочиненія по практическимъ и историческимъ

¹⁾ Настоящій очеркъ не претендуетъ на оригинальность. Въ основу первой и второй частей его положены главн. образ. книги Dietzel'я, „Karl Rodbertus, Darstellung seines Lebens und seiner Lehre“, 2 тома, Jena 1884 и 1885, и статья „Rodbertus“ въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften; на оба эти источника особыхъ ссылокъ въ отдѣльныхъ случаяхъ не дѣлается. Въ третьей, критической части мы пользовались главн. обр. книгами Böhm-Bawerk'a, Adler'a и Туганъ-Барановскаго и статьей Герценштейна, поименованными въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

вопросамъ, обращали мало вниманія на тѣ довольно многочисленныя мѣста, гдѣ авторъ развивалъ, въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, главнымъ образомъ, тѣ самыя общіе взгляды, которые лежатъ въ основѣ его теоретическихъ работъ.

Честь, если можно такъ выразиться, „открытія“ Родбертуса, какъ одного изъ величайшихъ теоретиковъ экономической науки, принадлежитъ Адольфу Вагнеру, который первый обратилъ вниманіе ученаго міра на огромное значеніе работъ Родбертуса, посвященныхъ изслѣдованію великихъ теоретическихъ вопросовъ народнаго хозяйства и права въ ихъ обоюдной связи, который первый объявилъ Родбертуса „замѣчательнѣйшимъ и оригинальнѣйшимъ ученымъ теоретикомъ экономического социализма“, имѣющимъ право на мѣсто рядомъ съ Лассалемъ, Марксомъ и Энгельсомъ и даже выше ихъ. „Въ теоретическихъ работахъ Родбертуса, говоритъ Вагнеръ ²⁾, затрогиваются *все основные вопросы ученія о производствѣ и о распредѣленіи продукта*: ученіе о капиталѣ и въ особенности о коренномъ различіи между капиталомъ съ народохозяйственной и съ частной точки зрѣнія; ученіе о рентѣ, какъ доходѣ, вытекающемъ изъ простаго факта владѣнія, и о сокращеніи доли продукта, достигающей работниковъ, въ сравненіи со всею массою продукта; различіе между чисто экономическими и историческими отношеніями въ народномъ хозяйствѣ и между соотвѣтственными понятіями въ экономической наукѣ; ученіе о распредѣленіи продукта среди связаннаго раздѣленіемъ труда населенія, въ его зависимости отъ правового института частной собственности на землю и капиталъ,—все эти темы разработаны такъ оригинально, такъ талантливо, такъ мастерски, что Родбертуса слѣдовало бы признать однимъ изъ важнѣйшихъ теоретиковъ экономической науки. Я лично, заключаетъ Вагнеръ, готовъ назвать Родбертуса *Рикардо-экономическаго социализма*,—эпитетъ, которому я придаю весьма высокое значеніе“. И высказанное Вагнеромъ мнѣніе не преувеличивало заслугъ и значенія Родбертуса. „Можно утверждать, говоритъ другой корифей современной экономической науки, Лексисъ ³⁾, что Родбертусъ, по меньшей мѣрѣ равный своему британскому собрату по силѣ абстрактнаго мышленія, еще превосходитъ его по виртуозному умѣнью раскрывать сокровенную связь между явленіями, по живости научной фантазій и

²⁾ А. Wagner, «Einiges von und über R.-I.» въ Zeitschrift für die gesammte Staatswissenschaft за 1878 г., стр. 203.

³⁾ Jahrbücher für Nationalökonomie und Stat., Neue Folge, Bd. IX, 1884, стр. 462.

особенно по той этической точкѣ зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на хозяйственную жизнь, видя въ ней не простой естественно-историческій процессъ, а процессъ развитія человѣческой культуры“. Не менѣе выдающееся мѣсто Родбертусъ занимаетъ и среди тѣхъ, кто создалъ теорію современнаго социализма: „Въ области отвлеченной экономической теоріи—говоритъ новѣйшій русскій историкъ экономической теоріи, М. И. Туганъ-Барановскій, Родбертусъ оригинальнѣе и выше Маркса, далеко уступая послѣднему въ болѣе широкой сферѣ социологическихъ обобщеній“⁴). Правда, изъ отдѣльныхъ взглядовъ Родбертуса многое не выдерживаетъ критики фактовъ, и во многихъ изъ его разсужденій можно найти даже прямыя ошибки; но, съ другой стороны, не мало изъ его основныхъ взглядовъ сдѣлалось прочнымъ достояніемъ экономической науки и послужило къ ея дальнѣйшему развитію и совершенствованію; во всякомъ случаѣ, по вѣрному замѣчанію Лексиса⁵), сочиненія его навсегда останутся для наждаго, кто захочетъ посвятить себя серьезному изученію экономической теоріи, превосходною *disciplina mentis* и уже въ силу этого никогда не утратятъ своей классической цѣнности.

Карль-Йоганъ Родбертусъ родился 12 августа 1805 года въ Грейфсвальдѣ, гдѣ отецъ его занималъ въ то время кафедру римскаго права. Окончивъ курсъ юридическаго факультета въ 1826 году, онъ посвятилъ себя сначала государственной службѣ, которую проходилъ на разныхъ должностяхъ прусскаго мѣстнаго управленія. Но уже въ 1830 году Родбертусъ оставилъ службу и слѣдующіе четыре года частью прожилъ въ Дрезденѣ и Гейдельбергѣ, частью путешествовалъ по Франціи, Швейцаріи и Голландіи. Въ 1834 году онъ купилъ въ Помераніи дворянское имѣніе Ягцовъ, гдѣ съ 1836 года поселился на постоянное пребываніе, раздѣляя свое время между хозяйствомъ, научными работами и участіемъ въ мѣстномъ самоуправленіи.

Первымъ результатомъ изслѣдованій и размышленій Родбертуса была написанная еще въ 1837 году небольшая статья: „Требованія рабочихъ классовъ“, которая однако не была въ то время напечатана и появилась въ свѣтъ лишь послѣ смерти автора. „Въ этой статьѣ, гово-

⁴) Туганъ-Барановскій, «Очерки изъ новѣйшей исторіи политической экономіи и социализма», 3-е изд., стр. 226.

⁵) *Jahrbücher für Nationaloekonomie und Stat.*, Neue Folge, Bd. IX, 1884, стр. 462.

рить біографъ Родбертуса—Дицель ⁶⁾, мыслитель изъ Ягцова изобразилъ основныя черты своей системы съ такою силою въ аргументаціи и съ такою ясностью въ формулировкѣ, что изученіе ея можетъ дать достаточно ясное понятіе о всѣхъ тѣхъ основныхъ идеяхъ, которыя Родбертусъ развивалъ въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. „Въ этой статьѣ“, писалъ въ послѣдствіи Родбертусъ Рудольфу Мейеру, „вы найдете тѣ самыя мысли, даже тѣ самыя выраженія и тѣ же обороты рѣчи,—вообще всю ту систему, которую я въ послѣдствіи развивалъ по частямъ въ моихъ сочиненіяхъ по экономической теоріи“. Эта система, говоритъ Родбертусъ въ томъ же письмѣ, явилась ему, „какъ откровеніе“; работая надъ тѣми же вопросами почти сорокъ лѣтъ своей позднѣйшей жизни, онъ не внесъ въ нее никакихъ измѣненій и сдѣлалъ къ ней лишь очень мало существенныхъ дополненій.

Поводомъ, побудившимъ Родбертуса написать эту замѣчательную статью, было движеніе чартистовъ въ Англіи. Господствующіе классы не сумѣли ничего противопоставить этому движенію, кромѣ „полиціи и пушекъ“, а экономическая теорія стремилась убѣдить рабочихъ въ томъ, что дурныя условія ихъ жизни есть результатъ фаталистической необходимости. Между тѣмъ въ требованіяхъ рабочихъ классовъ и въ тѣхъ движеніяхъ, въ которыхъ эти требованія выражаются, Родбертусъ видѣлъ симптомъ коренного недостатка, присущаго современному, основанному на свободной конкуренціи общественному строю,—недостатка, могущаго угрожать гибелью всей нашей цивилизаціи и культурѣ: при возрастающей производительности общественного труда, совокупный продуктъ котораго распредѣляется между тремя имѣющими право участія въ распредѣленіи группами лицъ, именно землевладѣльцами, капиталистами и работниками, абсолютный доходъ послѣдней группы остается болѣе или менѣе неизмѣннымъ, тогда какъ доходы первыхъ двухъ группъ непрерывно возрастаютъ; такимъ образомъ, при возрастающей производительности совокупнаго общественнаго труда, *доля продукта, достающаяся рабочему классу, становится все меньше и меньше*, и напротивъ—доли земельной и капитальной ренты непрерывно растутъ. Всѣ успѣхи культуры, всѣ благодѣянія, которыя, какъ казалось, сулили грандіозныя изобрѣтенія въ области техники, давшія человѣчеству въ образѣ машинъ миліоны желѣзныхъ работниковъ,—всѣ они пошли на пользу одному

⁶⁾ Dietzel, «Karl Rodbertus, Darstellung seines Lebens und seiner Lehre», Bd. I, стр. 2.

только имущему меньшинству. Такимъ образомъ, система промышленной свободы по самому существу своему *все увеличиваетъ и увеличиваетъ разстояніе и разнь между общественными классами*,—послѣдствія свободы создаютъ для рабочихъ классовъ нѣчто противоположное самой свободѣ. И если единственнымъ связующимъ началомъ, которое могло бы предупредить распаденіе общественнаго союза, могли бы служить просвѣщеніе и нравственное воспитаніе, то неизбѣжная при современномъ общественномъ строѣ бѣдность рабочаго населенія не позволяетъ развиться этому единственному связующему началу, и, такимъ образомъ, въ вопіющемъ противорѣчьи прогрессъ цивилизаціи угрожаетъ разрушить самое общество и самую культуру.

Читателю не трудно будетъ убѣдиться въ томъ, что въ приведенныхъ словахъ—вся сущность социальнаго вопроса, какъ его разумѣлъ Родбертусъ и во всѣхъ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ. Самыя средства борьбы съ недостатками современнаго строя, на которыя Родбертусъ указывалъ въ 1837 году,—это тѣ самыя средства, какія онъ проповѣдуетъ до послѣдняго дня своей жизни: чтобы избѣгнуть бѣдствій, которыми грозитъ современная социальная неурядица, необходимо возвысить долю рабочихъ классовъ въ распредѣленіи общественнаго продукта, гарантировать имъ повышеніе заработной платы, пропорціональное возрастанію производительности труда, и обезпечить ихъ отъ пагубнаго вліянія случайностей конъюнктуры. А для этого необходимы, во-первыхъ, *нормировка цѣнности* всѣхъ продуктовъ по количеству затраченнаго на производство труда, періодически измѣняющаяся сообразно измѣненіямъ въ производительности послѣдняго; во-вторыхъ, созданіе *особаго трудового денежнаго знака*, тѣсно связаннаго съ упомянутою нормировкою цѣнности, и въ-третьихъ, устройство *системы общественныхъ складовъ*, гдѣ трудовые денежные знаки могли бы размѣниваться на продукты. Осуществленіе этихъ предположеній Родбертусъ и въ то время, и послѣ признавалъ „важнѣйшею задачею нашего времени, жизненнымъ вопросомъ новой цивилизаціи“.

Если первый научный трудъ Родбертуса имѣетъ по преимуществу историко-философскій характеръ, то слѣдующая его работа,—первая, которой суждено было увидѣть свѣтъ,—не выходитъ изъ области вопросовъ теоретической экономіи. Это—появившаяся въ 1842 году книжка: „Къ познанію нашего народохозяйственнаго строя“ (*Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände*), болѣе извѣстная подъ названіемъ „Пять теоремъ“. Цѣль этой книжки, какъ и статьи 1837 года,—найти способы

„повысить долю рабочихъ классовъ въ распредѣленіи національнаго продукта и поставить это распредѣленіе внѣ зависимости отъ случайностей экономического оборота“. Авторъ стремится „предоставить рабочему классу возможность извлекать пользу изъ успѣховъ производительности труда и упразднить тотъ гибельный для нашего общественнаго строя законъ, въ силу котораго доля рабочихъ, какъ бы ни росла производительность ихъ труда, всегда низводится къ уровню, не превышающему необходимыхъ издержекъ ихъ существованія, — къ уровню, устранившему рабочихъ отъ участія въ успѣхахъ просвѣщенія, которое одно только могло бы стать на мѣсто прежней личной зависимости и замѣнить ее въ роли сдерживающаго и умиротворяющаго начала; къ уровню, стоящему въ вознѣющемъ противорѣчій съ юридическимъ положеніемъ рабочихъ, съ тѣмъ формальнымъ равенствомъ, которое провозглашено современнымъ правомъ“. Обеспечивая работникамъ большую долю національнаго дохода, авторъ имѣетъ въ виду „попутно устранить страшные, періодически-возвращающіеся промышленные кризисы, причина которыхъ лежитъ въ несоотвѣтствіи покупательной способности съ производительною силой: первая отстаетъ отъ послѣдней вслѣдствіе неупорядоченности распредѣленія продукта, потому что покупательная сила есть вѣдь, въ сущности, не что иное, какъ доля въ распредѣленіи плодовъ производительной силы или, что то же, національнаго дохода“. Для достиженія поставленной имъ задачи, Родбертусъ подвергаетъ пересмотру основныя положенія экономической науки, и результаты этого пересмотра сводитъ къ слѣдующимъ пяти теоремамъ: 1) Всѣ хозяйственныя полезности — продуктъ труда, и одного только труда. 2) Если бы цѣнность продуктовъ всегда равнялась исчисленной по количеству труда стоимости, то трудъ былъ бы наилучшимъ мѣриломъ цѣнности. 3) Рента, т. е. часть продукта, поступающая въ доходъ класса собственниковъ, дѣлится на земельную и капитальную ренту, которыя, такимъ образомъ, имѣютъ одинъ общій источникъ; обособленіе земельной ренты вытекаетъ, при наличности оскобаго класса капиталистовъ и при достаточной цѣнности сырья, изъ обычнаго способа исчисленія прибыли на капиталъ. 4) Если только цѣнность продуктовъ равна исчисленной по количеству затраченнаго труда стоимости производства, то она содержитъ въ себѣ, говоря вообще, какъ земельную и капитальную ренту, такъ и возмѣщеніе затраченнаго капитала; все это — въ предположеніи, что производительность труда достаточна, чтобы дать возможность существованія ренты; и 5) при такомъ порядкѣ вещей, гдѣ цѣнность продуктовъ всегда была бы равна исчис-

ленной по затраченному труду стоимости производства, возможно было бы установить новый денежный знакъ, который отвѣчалъ бы всѣмъ требованіямъ, предъявляемымъ къ деньгамъ, какъ „мѣрилу цѣнностей“ и „орудію обращенія“, не будучи въ то же время вещественнымъ продуктомъ и не опираясь, какъ современные бумажные деньги, на вещественную монету.

Около того же времени начинается періодъ дѣятельнаго участія Родбертуса въ общественной и государственной жизни дореформенной Пруссіи. Въ 1841 году онъ былъ избранъ, какъ владѣлецъ имѣнія Ягцовъ, въ депутаты мѣстнаго окружнаго земскаго собранія; отъ этого собранія онъ былъ назначенъ участвовать въ комиссіи для выработки новыхъ основаній земскаго обложенія и составленія проекта новаго земскаго устава для провинціи Помераніи, а въ 1847 году онъ былъ выбранъ въ гласные областного земскаго собранія и въ члены главнаго земскаго совѣта той же провинціи. Участіе Родбертуса въ мѣстномъ самоуправленіи имѣло, между прочимъ, и то слѣдствіе, что побудило его ближе заняться нѣкоторыми вопросами обложенія и кредита; результаты этихъ занятій вылились въ нѣсколькихъ небольшихъ монографическихъ работахъ, появившихся въ свѣтъ въ промежутокъ времени отъ 1845 до 1847 годъ. Наконецъ, въ качествѣ члена померанскаго областного земскаго собранія Родбертусъ призванъ былъ къ участію въ „соединенномъ земскомъ собраніи“ (Vereiniger Landtag), созданномъ въ 1849 году, послѣ мартовской революціи, для выработки проекта прусской государственной конституціи.

Въ первыхъ своихъ работахъ, о которыхъ упоминалось выше, Родбертусъ только мимоходомъ касается политическихъ вопросовъ. Въ работѣ 1837 года онъ лишь вскользь упоминаетъ о наблюдаемомъ среди рабочихъ классовъ стремленіи къ политической свободѣ и высказываетъ опасеніе, что это стремленіе можетъ въ концѣ-концовъ привести къ установленію республиканской формы правленія, а такой политической переворотъ причинилъ бы серьезное зло и отдѣльнымъ лицамъ, и народамъ: „тѣ силы, которыя могли бы служить спокойному и быстрому всемірно-историческому развитію, были бы растрчены безъ пользы, и исторія сдѣлала бы только лишнее уклоненіе въ сторону съ предлагаемаго ей пути“. Такъ же мало Родбертусъ говоритъ о политическихъ вопросахъ и въ своихъ „Пяти теоремахъ“: только въ предисловіи онъ съ неодобреніемъ упоминаетъ какъ о ретроградныхъ планахъ прусскаго

правительства,—планахъ, „которые, съ недоумѣемъ относясь ко всѣмъ пріобрѣтеніямъ современной правовой идеи, могутъ быть уподоблены возвращенію въ средніе вѣка“,—такъ и объ анти-историческомъ радикализмѣ тѣхъ, кто „хотѣлъ бы головоломнымъ прыжкомъ перенестись къ порядкамъ, не связаннымъ съ современнымъ строемъ никакими переходными ступенями“, и противопоставляетъ тому и другому свои собственные планы, избѣгающіе крайностей и не только не порывающіе связи съ современнымъ социальнымъ строемъ, но, напротивъ, исходящіе изъ этого строя, какъ изъ своего необходимаго, исторически обоснованнаго предположенія.

Какъ ни отрывочны изложенныя замѣчанія, тѣмъ не менѣе уже они съ достаточною ясностью обрисовываютъ отношеніе Родбертуса къ политическимъ вопросамъ вообще и въ частности—къ политическимъ формамъ и реформамъ. Для Родбертуса на первомъ мѣстѣ стоитъ *спокойное и быстрое историческое развитіе*, т. е. прежде всего развитіе цивилизаціи и культуры, и какъ необходимая его предпосылка—урегулированіе социальныхъ отношеній и устраненіе тѣхъ неравенствъ, которыя грозятъ опасностью культурному развитію. Къ политическимъ формамъ, самимъ по себѣ, Родбертусъ равнодушенъ; политическая свобода, какъ таковая, въ его глазахъ не есть благо; она—только средство для устраненія препятствій нормальному прогрессу, лежащихъ въ волѣ и взглядахъ государственной власти; политическая форма—монархія, республика и т. п.—интересуетъ Родбертуса постольку, поскольку она обѣщаетъ содѣйствовать культурному прогрессу и нормальному развитію, социальныхъ отношеній; политической реформѣ, разъ она имѣетъ рѣзко выраженный революціонный или реакціонный характеръ, онъ не сочувствуетъ, потому что революція безъ пользы отвлекаетъ человѣчество отъ правильнаго и спокойнаго развитія. Радикальный по отношенію къ сущности вещей, Родбертусъ, по его собственнымъ словамъ, считаетъ цѣлесообразнымъ только *легальный переходъ* къ новымъ формамъ и порядкамъ (*ich lege nur auf einen legalen Uebergang Werth,—in den Dingen bin ich radikal*); первымъ и необходимымъ условіемъ прогресса является для Родбертуса его *преемственность* (*Kontinuität*), непрерывность,—всякій прогрессъ долженъ вытекать изъ существующаго строя, какъ своей необходимой исторической предпосылки.

Эти принципы, какъ превосходно выяснилъ біографъ Родбертуса—Дицель, въ продолженіе всей его жизни лежали въ основѣ какъ его теоретическихъ взглядовъ, такъ и его пракческаго поведенія; и только

исходя изъ этихъ принциповъ, можно усмотрѣть единство и послѣдовательность въ образѣ дѣйствій и мыслей дѣятеля, который въ 1849 году былъ приверженцемъ народного верховенства, а подъ конецъ своей жизни сдѣлался искреннимъ сторонникомъ Гогенцоллерновъ, а одно время— даже и Бисмарка, не прекращая въ то же время сношеній съ вождями социаль-демократической партіи.

Послѣ революціи 1849 года, принципъ преемственности, легальнаго перехода, воплотился для Родбертуса въ томъ соединенномъ земскомъ собраніи, въ которомъ ему довелось участвовать, и которое, будучи созвано для проведенія новыхъ политическихъ идей, въ силу самой своей ссловной, дореформенной организаціи, казалось ему наиболѣе способнымъ создать связь между прошедшимъ и будущимъ... какъ выражался Родбертусъ, легализовать революцію. Въ силу этого, Родбертусъ является въ это время противникомъ того принципа *соглашенія* между короной и собраніемъ (*Vereinbarung*), который проводило и въ концѣ-концовъ провело прусское правительство, и настаиваетъ на суверенности собранія— на правѣ его самостоятельно выработать прусскую конституцію. Затѣмъ, когда настоянія Родбертуса и его единомышленниковъ оказались безуспѣшными, и большинство собранія высказалось за принципъ соглашения, Родбертусъ предъявляетъ и проводитъ требованіе, чтобы этотъ принципъ былъ опредѣленно выраженъ въ законѣ. Сдѣлавшись предводителемъ партіи лѣваго центра, онъ неуклонно слѣдуетъ этому принципу,— мало того, онъ начинаетъ его оправдывать и теоретически, усматривая въ принципѣ соглашения между короной и представителями народа какъ бы осуществленіе принципа общественнаго договора. вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣдовательно проводя принципъ соглашения, онъ постоянно отстаиваетъ тамъ взглядъ, что корона и собраніе являются двумя совершенно равноправными договаривающимися сторонами, и что въ частности корона не имѣетъ права ни распускать собранія, ни переносить его засѣданій въ другое мѣсто, ни отсрочивать ихъ, а что собраніе должно существовать до тѣхъ поръ, пока оно не исполнитъ своей задачи. Принципы эти вошли въ составленную Родбертусомъ въ іюнѣ того же 1849 года программу партіи лѣваго центра, а въ видахъ увеличенія компетенціи собранія Родбертусъ внесъ предложеніе, принятое собраніемъ, но не получившее согласія короны, ввести въ выработывавшійся собраніемъ конституціонный законъ и постановленія по ряду важнѣйшихъ вопросовъ внутренняго управленія, каковы: общинное устройство, учебное

дѣло, отношенія государства къ церкви, организація народной обороны и т. д.

Не будучи въ состояніи провести принципъ народнаго верховенства въ дѣлѣ созданія прусской конституціи и опасаясь надвигавшейся реакціи, Родбертусъ и его партія думали найти опору въ обще-германской идеѣ и въ засѣдавшемъ въ то время во Франкфуртѣ обще-германскомъ парламентѣ. Этимъ объясняется то на первый взглядъ странное обстоятельство, что Родбертусъ, экономистъ и убѣжденный сторонникъ коренной соціальной реформы, почти не принимаетъ участія въ обсужденіи вопросовъ экономическаго и соціальнаго характера, но въ то же время является самымъ выдающимся ораторомъ оппозиціи въ борьбѣ за германское единство. Въ этомъ единствѣ онъ видитъ залогъ дѣйствительнаго возрожденія Германіи; но объединеніе Германіи могло осуществиться лишь при условіи признанія суверенности франкфуртскаго парламента, потому что требовать для его постановленій согласія каждаго изъ 38 союзныхъ правительствъ значило заранѣе осудить его на практическую бесплодность. И вотъ идея народнаго суверенитета, воплощаемаго франкфуртскимъ парламентомъ, является, на-ряду съ болѣе общою идеей германскаго единства, центральнымъ пунктомъ парламентской дѣятельности Родбертуса.

Здѣсь не мѣсто подробно описывать перипетіи той борьбы между собраніемъ и короной, въ которой Родбертусу довелось играть видную роль,—достаточно будетъ остановиться на тѣхъ изъ важнѣйшихъ моментовъ этой борьбы, въ которыхъ Родбертусъ принималъ особенно дѣятельное участіе. Поводомъ къ особенно торжественному провозглашенію принципа германскаго единства послужила прусско-датская война; такъ какъ многія изъ нѣмецкихъ правительствъ поддерживали съ Даніей дружественныя отношенія, то Родбертусъ, охарактеризовавъ въ горячей рѣчи позорный характеръ нѣмецкой розни, предложилъ собранію обратиться съ адресомъ къ франкфуртскому парламенту, приглашая парламентъ, какъ „учрежденіе, призванное къ созданію германскаго единства“, рѣшительно высказаться противъ поведенія поддерживающихъ сношенія съ Даніей правительствъ. Предложеніе Родбертуса встрѣтило возраженіе со стороны министерства, которое въ то время негласно вело уже переговоры о перемиріи съ Даніей, и Родбертусъ былъ вынужденъ взять его обратно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого случая, ультра-консервативное министерство вышло въ отставку; на мѣсто его 25 іюня 1849 г. стало

болѣ передовое министерство Ауэрсвальда, въ составъ котораго, въ качествѣ министра просвѣщенія и исповѣданій, вошелъ и Родбертусъ, имѣвшій въ виду, между прочимъ, провести значительныя улучшения въ положеніи народныхъ учителей. Но въ составѣ министерства онъ пробылъ всего 9 дней: уже 4 іюля онъ отказался отъ своего портфеля, такъ какъ „не могъ прійти къ соглашенію со своими коллегами относительно образа дѣйствій въ обще-германскихъ дѣлахъ“. Послѣ этого Родбертусъ на нѣсколько мѣсяцевъ почти устраняется отъ активнаго участія въ дѣлахъ собранія, но затѣмъ въ октябрѣ снова выступаетъ на сцену и проводитъ въ собраніи постановленіе, обязывающее правительство на будущее время принимать къ обязательному и энергичному исполненію всѣ рѣшенія олицетворенной во франкфуртскомъ парламентѣ временной центральной власти; постановленіе это относилось, правда, только къ одному спеціальному вопросу—датскому, въ которомъ политика прусскаго правительства вызвала негодованіе собранія; но оно заключало въ себѣ, *implicite*, и принципиальное признаніе суверенности центрального правительства. Въ ближайшіе затѣмъ дни собраніе, приступивъ къ обсужденію выработаннаго тѣмъ временемъ проекта конституціи, принимаетъ рядъ крайне непріятныхъ для короны постановленій: объ измѣненіи королевскаго титула, объ упраздненіи дворянства и т. д., при чемъ Родбертусъ и его партія во всѣхъ случаяхъ голосовали вмѣстѣ съ большинствомъ. Наконецъ, въ концѣ октября собраніе вступаетъ уже въ открытый конфликтъ съ короной: узнавъ о происшедшемъ 28 октября штурмѣ Вѣны, собраніе принимаетъ въ предложенной Родбертусомъ редакціи резолюцію, приглашающую правительство рѣшительно вступить за свободу нѣмецкихъ земель Австріи и за существованіе самого центрального парламента. Отвѣтомъ короны на это постановленіе собранія была отставка министерства и назначеніе, во главѣ новаго кабинета, крайне непопулярнаго графа Бранденбурга. По предложенію лѣваго центра, собраніе отправило къ королю депутацію, въ составъ которой вошелъ и Родбертусъ, просить объ отмѣнѣ состоявшагося назначенія. Ходатайство это осталось безъ успѣха; вслѣдъ затѣмъ Берлинъ былъ объявленъ въ осадномъ положеніи, а собранію сообщено о перенесеніи его засѣданій въ Бранденбургъ и объ отсрочкѣ ихъ на двѣ недѣли. Партія Родбертуса, вмѣстѣ съ остальными оппозиціонными партіями, съ своей стороны, постановила признать эти мѣры незаконными, а затѣмъ, когда къ залу засѣданій была введена военная сила, едино-

гласнымъ постановленіемъ объявила, что правительство лишается права взимать налоги и вообще располагать государственными суммами.

Въ происходившихъ въ Бранденбургѣ засѣданіяхъ Родбертусъ вмѣстѣ съ большинствомъ представителей оппозиціонныхъ партій не участвовалъ. Когда затѣмъ собраніе было окончательно распущено, и когда одновременно съ этимъ была опубликована октроированная коро-лемъ безъ всякаго участія народнаго представительства конституція, Родбертусъ выступилъ съ брошюрой (*Mein Verhalten in dem Konflikte zwischen Krone und Volk*), въ которой изложилъ свой взглядъ на послѣд-нія политическія событія; между прочимъ, онъ отрицалъ право короны отсрочивать и переносить въ другое мѣсто засѣданія собранія и объ-являлъ, что роспускъ собранія и октроированіе конституціи повергли страну „въ состояніе революціи“.

Тѣмъ не менѣе Родбертусъ нашелъ возможнымъ и нужнымъ вы-ступить кандидатомъ на выборахъ въ созванную на основаніи новой конституціи палату: „подвергая себя новому избранію, писалъ онъ, и апеллируя этимъ путемъ къ націи, какъ источнику всякаго права, я не становлюсь въ противорѣчіе ни съ однимъ изъ отстаиваемыхъ мною правовыхъ принциповъ, а только повинуюсь волѣ народа“. Благодаря созданной Родбертусу его предыдущею парламентскою дѣятельностью популярности, онъ былъ избранъ трижды: въ Трирѣ—въ верхнюю па-лату и въ двухъ избирательныхъ участкахъ Берлина—въ нижнюю.

Однако, и на этотъ разъ представительное собраніе просущество-вало недолго, такъ какъ немедленно по открытіи засѣданій оно всту-пило въ конфликтъ съ короной по тому же вопросу о германскомъ един-ствѣ. Поводомъ къ конфликту послужилъ отказъ короля отъ принятія императорской короны,—отказъ, побудившій собраніе принять, по пред-ложенію Родбертуса, резолюцію, строго осуждающую сепаратистскія въ то время тенденціи прусскаго правительства: собраніе признало именно, что выработанная франкфуртскимъ парламентомъ имперская консти-туція имѣетъ силу закона, и что измѣненіе этой конституціи можетъ воспослѣдовать лишь въ указанномъ самую конституціею порядкѣ; въ частности собраніе полагало, что въ данный моментъ, когда правитель-ства 29 мелкихъ государствъ уже объявили о своемъ согласіи на при-нятіе конституціи, Пруссія должна безъ колебаній принять мѣры къ осуществленію желаннаго германскаго единства. Постановленіе это не имѣло другихъ послѣдствій, кромѣ новаго объявленія въ Берлинѣ осад-

наго положенія; а когда палата, по предложенію, между прочимъ, и Родбертуса, постановила отмѣнить осадное положеніе, правительство отсрочило засѣданія верхней палаты и распустило нижнюю.

Этимъ навсегда кончается активная политическая дѣятельность Родбертуса, который съ того времени всецѣло предается кабинетнымъ занятіямъ и возвращается прежде всего къ тѣмъ самымъ вопросамъ, которымъ были посвящены первыя теоретическія работы, написанныя въ 1837 г. и 1842 году. Въ это время какъ разъ появились статьи друга и единомышленника Родбертуса по всѣмъ основнымъ вопросамъ—фонъ-Кирхмана, въ которыхъ опровергалось главное теоретическое положеніе Родбертуса—„законъ пониженія доли заработной платы“. И вотъ Родбертусъ тотчасъ же по распущеніи палаты берется за перо и въ теченіе 1850 и 1851 гг. пишетъ и выпускаетъ въ свѣтъ три знаменитыхъ „соціальныхъ письма къ фонъ-Кирхману“, съ содержаніемъ которыхъ читатель познакомится ниже. Какъ справедливо замѣчаетъ Дидель⁷⁾, въ отношеніи тона и характера изложенія первое „письмо“ замѣтно отличается отъ второго и третьяго: „тогда какъ эти послѣднія имѣютъ строго-теоретическій, абстрактный характеръ, сближающій ихъ съ „пятью теоремами“, первое „письмо“ носитъ еще на себѣ явственные слѣды той бурной эпохи, которую автору только-что пришлось пережить: „въ изложеніи теоріи пауперизма и кризисовъ неоднократно проскальзываютъ фразы политическаго характера, и среди народохозяйственныхъ разсужденій слышатся отзвуки революціоннаго возбужденія“. Въ заключительныхъ словахъ „письма“ Родбертусъ рѣзко порицаетъ правительства, которыя упустили время для того, чтобы наладить переходъ отъ опиравшихся на средневѣковыя основы порядковъ къ новому строю, основанному на свободномъ самоопредѣленіи и уваженіи къ правамъ каждаго члена общественнаго союза,—которыя дали старой системѣ распасться, не сдѣлавъ ничего для обоснованія новой; упоминая о чартистскомъ движеніи въ Англии, Родбертусъ предсказываетъ послѣдней гибель, если „она не допуститъ представителей рабочаго класса въ свои совѣты“.

Такимъ образомъ Родбертусъ въ эпоху созданія „Соціальныхъ писемъ“—далеко не тотъ политическій индифферентистъ и даже консерваторъ, какимъ онъ былъ въ началѣ своей научной дѣятельности: въ то

7) Названное сочиненіе, стр. 60.

время онъ боялся дарованія рабочимъ классамъ политическихъ правъ, такъ какъ опасался, что этимъ нарушится „преемственность“ социального развитія; теперь, извѣрившись въ способности дореформенной монархii провести тѣ мѣры, въ которыхъ онъ видѣлъ спасеніе отъ социального недуга, онъ уже самъ признаетъ политическую реформу настоятельно необходимою и видитъ въ „свободѣ самой по себѣ“ такое благо, какого онъ не видѣлъ въ ней въ болѣе раннюю эпоху.

Въ теченіе нѣсколькихъ послѣдующихъ лѣтъ Родбертусъ, повидимому, дѣлилъ свое время между специальными работами въ области аграрной политики, въ результатѣ которыхъ въ 1858 году появилась книжка, озаглавленная: „Промышленные кризисы и ипотечная нужда землевладѣнiя“, и теоретическими изслѣдованiями по вопросу о сущности и историческихъ формахъ капитала, имѣвшими дать ему твердую почву для опроверженiя предложенной тѣмъ же фонъ-Кирхманомъ теорiи кризисовъ и для прочнаго обоснованiя той собственной теорiи Родбертуса, которая была имъ намѣчена еще въ первомъ и второмъ „Социальныхъ письмахъ“. Въ это именно время было написано „Ислѣдованіе о капиталѣ“, и которое увидѣло свѣтъ лишь черезъ девять лѣтъ послѣ смерти Родбертуса—въ 1884 году.

Для того, чтобы всесторонне выяснитъ дѣйствительное содержаніе понятiя капитала, Родбертусъ производитъ сравнительный анализъ его функций при различномъ общественномъ устройствѣ: въ *современномъ* народохозяйственномъ стрѣ, основною чертою котораго является частная собственность на землю и капиталъ; въ *идеальномъ* обществѣ, гдѣ право частной собственности существовало бы лишь по отношенiю къ *доходу*, а земля и капиталъ принадлежали бы общественному союзу и находились бы въ завѣдыванiи его органовъ, и въ *античномъ* народномъ хозяйствѣ, главнѣйшею отличительною чертою котораго являлось существованіе *рабства*, т. е. права собственности, распространявшагося не только на орудiя производства, но и на самихъ производителей. Заинтересовавшись при этомъ случаѣ организаціей античнаго народного хозяйства, Родбертусъ посвящаетъ затѣмъ нѣсколько лѣтъ специальному его изученiю, которое дало ему, какъ видно отчасти изъ его переписки, чрезвычайно богатые результаты. Прежде всего близкое знакомство съ народохозяйственною организаціей древняго Рима убѣдило его въ справедливости тѣхъ сопоставленiй и выводовъ, которые имъ были сдѣланы въ „Ислѣдованiи о капиталѣ“. Съ другой стороны, знакомство съ этою организаціей и проникновеніе античною государственною идеею послу-

жили источникомъ той выработанной имъ социально- и историко-фило-софской системы, о которой мнѣ придется говорить на послѣдующихъ страницахъ. Наконецъ, непосредственнымъ результатомъ этихъ изслѣдованій явилось нѣсколько специальныхъ работъ, большею частью напечатанныхъ въ журналѣ „Hildebrandt's Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“, начиная съ 1864 года, частью же оставшихся, при жизни Родбертуса, въ рукописи и увидѣвшихъ свѣтъ уже послѣ его смерти ⁸⁾. Работы эти, доставившія Родбертусу титулъ доктора іенскаго университета, пользуются почетною репутаціею какъ среди экономистовъ, такъ и среди специалистовъ-историковъ: „Если Родбертусъ, говоритъ Ад. Вагнеръ ⁹⁾, не всегда овладѣвалъ источниками въ той мѣрѣ, въ какой могъ бы это сдѣлать специалистъ филологъ и историкъ; если нѣкоторыя изъ его толкованій текстовъ не вполне удовлетворительны, то всѣ специалисты признають его широкое знакомство съ источниками, его ученое остроуміе и глубокомысліе. Такой выдающійся знатокъ римскихъ древностей, какъ Фридландеръ, признается, что въ своихъ изслѣдованіяхъ о населеніи Рима онъ былъ многимъ обязанъ обстоятельнымъ письменнымъ сообщеніямъ Родбертуса. И всякій безпристрастный читатель не можетъ не усмотрѣть громаднхъ преимуществъ предъ специалистами-историками, которыя давала Родбертусу его основательная экономическая и сельскохозяйственная подготовка“. И теперь, почти черезъ полвѣка, воспринятая Бюхеромъ конструкція Родбертуса остается путеводною нитью, за которую продолжаетъ держаться научная разработка хозяйственной исторіи классической древности. Родбертусъ, говоритъ современный русскій историкъ античнаго хозяйства и культуры И. М. Гревсъ, „первый выдвинулъ форму замкнутаго домашняго хозяйства, какъ одну изъ первыхъ фазъ экономическаго развитія общества въ древнія времена. Онъ же и разработалъ ее обстоятельно и ярко на примѣрѣ изученія экономическаго строя античныхъ народовъ, преимущественно римлянъ“. Вѣрна или не вѣрна эта конструкція, во всякомъ случаѣ Родбертусъ, по спра-

⁸⁾ Работы эти носятъ слѣдующія названія: I. Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Alterthums: 1) Zur Geschichte der agrarischen Entwicklung Roms unter den Kaisern; 2) Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus.—II. Zur Frage des Sachwerths des Geldes im Alterthume.—III. Was waren Mediastini.—IV. Bedenken gegen den von den Topographen Roms angenommenen Tract der Aurelianischen Mauer, u V. Ein Versuch, die Höhe des antiken Zinsfußes zu erklären.

⁹⁾ См. назв. статью въ Zeitschr. f. d. ges. Staatswiss., 1878, стр. 200.

ведливому замѣчанію проф. Гревса, принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ экономистовъ, которые „гораздо больше помощи оказали исторической наукѣ при выработкѣ пріемовъ изученія хозяйственныхъ явленій“, нежели представители такъ называемой исторической школы въ политической экономіи; къ числу тѣхъ экономистовъ, „которые работали съ тѣми же теоретическими предпосылками и по тому же методу, какъ и англійская политическая экономія, но сумѣли почувствовать и понять исторію лучше, чѣмъ тѣ, которые называли себя экономистами историками“¹⁰⁾. И совершенно такъ же высоко, со своей точки зрѣнія прежде всего экономиста, оцѣниваетъ значеніе историческихъ работъ Родбертуса такой видный историкъ-экономистъ, какъ М. И. Туганъ-Барановскій: „Въ противоположность—говоритъ онъ—экономистамъ такъ называемой исторической школы, совершенно не сумѣвшимъ связать въ одно цѣлое экономическую исторію и экономическую теорію, воспользоваться историческими обобщеніями для установленія новыхъ теоретическихъ посылокъ, Родбертусъ даетъ грандіозную картину историческаго развитія народнаго хозяйства, которая проливаетъ яркій свѣтъ на экономическую теорію вообще“¹¹⁾.

Между тѣмъ, тѣ идеи, выясненію и развитію которыхъ Родбертусъ служилъ своими учеными работами, начали мало-по-малу проводиться въ жизнь другими, болѣе дѣйствительными способами. Новая стадія въ исторіи соціального вопроса началась со времени лондонскаго рабочаго конгресса (1862 г.). Родбертусъ въ своемъ деревенскомъ уединеніи отнесся къ конгрессу съ живѣйшимъ сочувствіемъ, усматривая въ немъ первое осуществленіе идеи солидарности всѣхъ націй и классовъ, прекрасное проявленіе законнаго самосознанія рабочаго класса, почувствовавшего себя главнымъ носителемъ этихъ идей. Сочувствіе это Родбертусъ выразилъ въ написанномъ по поводу конгресса „посланіи“ (Sengschreiben an den Arbeiterkongress während der Londoner Industrieausstellung); онъ посылалъ конгрессу пожеланія успѣха въ борьбѣ за справедливую долю въ распредѣленіи продукта, но въ то же время обращалъ вниманіе рабочихъ на то, что они—хотя и главная часть, но все же только *часть* общественнаго союза, и потому могутъ достигнуть своей цѣли не иначе, какъ путемъ *соглашенія* съ остальными общественными слоями. Въ ос-

¹⁰⁾ И. М. Гревсъ. «Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія» (преимущественно во время имперіи), т. I, СПб., 1899, стр. 481 и 476.

¹¹⁾ Туганъ-Барановскій «Очерки по исторіи П. Э.», стр. 224.

нову этого соглашения Родбертусъ предлагалъ положить тѣ самые практическіе принципы, которые онъ проповѣдовалъ еще въ 1837 году и которые сводятся, въ сущности, къ установленію національныхъ тарифовъ заработной платы, построенныхъ на базисѣ нормальнаго рабочаго дня и нормальнаго дневнаго урока.

„Послание“ это, однако, не было отправлено по назначенію и сдѣлалось извѣстнымъ опять-таки лишь послѣ смерти Родбертуса. Причиной было отчасти опасеніе, что изложенныя въ „Посланіи“ практическія предложенія не встрѣтятъ сочувствія собравшихся на конгрессъ представителей рабочаго класса, отчасти, можетъ быть, уже начинавшійся въ то время переворотъ въ политическихъ взглядахъ Родбертуса, съ полною ясностью выразившійся нѣсколько позднѣе въ его сношеніяхъ съ Лассалемъ. Близко знакомый съ теоретическими изслѣдованіями Родбертуса и, по его собственному признанію, выработавшій свои экономическіе взгляды подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, Лассаль усиленно старался привлечь Родбертуса къ участію въ основанномъ имъ въ 1863 году всеобщемъ германскомъ рабочемъ союзѣ, или, по крайней мѣрѣ, заручиться его одобрительнымъ отзывомъ. Усиленныя настоянія Лассалья не привели, однако, ни къ чему: Родбертусъ отказался даже вступить въ члены союза, мотивируя свой отказъ, какъ видно изъ его переписки съ Лассалемъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что въ уставъ союза включено было требованіе всеобщаго избирательнаго права, какъ политическое средство для достиженія соціальной цѣли; Родбертусъ прямо заявилъ Лассалю, что не согласенъ принять участія ни въ какой агитаци, направленной къ возбужденію рабочихъ классовъ противъ существующей государственной власти.

Единственнымъ результатомъ стараній Лассалья привлечь Родбертуса на сторону своихъ идей было опубликованное Родбертусомъ „Открытое письмо“ на имя комитета, основаннаго Лассалемъ „Союза германскихъ рабочихъ“. Родбертусъ соглашается въ этомъ письмѣ съ тѣмъ, что нельзя ожидать рѣшенія соціального вопроса отъ ассоціацій Шульце-Делича; но въ то же время заявляетъ, что такого рѣшенія не дадутъ и производительныя ассоціаціи Лассалья. вмѣстѣ съ тѣмъ Родбертусъ высказывается противъ поставленнаго рабочими во главѣ ихъ программы требованія всеобщаго избирательнаго права; будучи самъ сторонникомъ этого права, Родбертусъ высказываетъ мнѣніе, что эта политическая задача можетъ только запутать и осложнить дѣло, а потому должна быть

отложена въ сторону; что рабочимъ слѣдуетъ оставить политическіе обходные пути и идти прямо къ достиженію соціальной цѣли.

Какая, казалось бы, непослѣдовательность со стороны человѣка, въ 1849 году игравшаго столь видную роль въ борьбѣ противъ прусской абсолютной монархіи,—человѣка, не останавливавшагося въ то время предъ такими крутыми мѣрами, какъ отказъ правительству въ правѣ взиманія налоговъ!... Но непослѣдовательность исчезнетъ, если имѣть въ виду ту основную точку зрѣнія, съ которой только и возможно правильно судить о поведеніи Родбертуса,—если вспомнить, что на первомъ мѣстѣ для него всегда стояли *соціальный прогрессъ* и *преимственность общественнаго развитія*. Какъ видно, между прочимъ, изъ упомянутой уже переписки, все дѣло въ томъ, что Родбертусъ послѣ событій 1849—1850 гг. и послѣ конституціоннаго конфликта 1863 г. окончательно убѣдился въ крѣпости и прочности прусской монархіи и началъ видѣть въ ней наиболѣе пригодное орудіе для проведенія соціальныхъ реформъ; событія начала 60-хъ годовъ выдвинули могучую личность Бисмарка, и Родбертусъ отъ его инициативы ожидалъ для блага народныхъ массъ большаго, нежели могъ ожидать отъ слабаго, разрозненнаго и занятаго политическими вопросами парламента. Вотъ почему бывшій демократъ становится приверженцемъ абсолютизма; увѣровавъ въ мощь прусской монархіи и ея руководящаго государственнаго дѣятеля, онъ начинаетъ относиться къ конституціонной свободѣ какъ къ препятствію, могущему затормозить проведеніе въ жизнь соціальной реформы; онъ окончательно порываетъ со своею прежнею партіей, становится защитникомъ министерства Бисмарка въ печати и вступаетъ въ болѣе или менѣе близкія отношенія къ правительственнымъ сферамъ.

Въ значительной мѣрѣ по приглашенію прусскаго правительства, Родбертусъ возвращается въ это время къ темъ, уже и ранѣ неоднократно его занимавшей, именно къ вопросу о задолженности частнаго землевладѣнія, и въ 1868—1869 годахъ пишетъ послѣднюю и наиболѣе продуманную и законченную изъ своихъ крупныхъ работъ— „Къ вопросу о причинахъ и мѣрахъ для устраненія угнетающей землевладѣніе нужды въ кредитѣ“ (*Zur Erklärung und Abhilfe der heutigen Kreditnoth des Grundbesitzes*). Родбертусъ доказываетъ здѣсь, что главная причина стѣсненнаго положенія землевладѣльцевъ заключается въ существующей формѣ поземельнаго кредита: обязывать недвижимое имущество долгами, выплачиваемыми въ видѣ капитальной суммы—нелѣпность, потому что этимъ путемъ недви-

жимый фондъ, дающій только опредѣленную непрерывную ренту, становится отвѣтственнымъ за движимый капиталъ, природа котораго существенно отлична. Единственное средство помочь землевладѣнію—это введеніе *рентной формы* задолженности, соответствующей самой природѣ сельско-хозяйственнаго землевладѣнія; ипотечный кредитъ долженъ быть облеченъ въ форму *приобрѣтенія права на ренту* (Rentenkauf); другими словами—недвижимое имѣніе должно отвѣчать не за опредѣленный капиталъ, во всякое время подлежащій выплатѣ (kündbar) и потому дающій ренту, измѣняющуюся въ зависимости отъ уровня колебаній роста, а за опредѣленную, неизмѣнную ренту, соответствующую измѣняющейся, въ зависимости отъ тѣхъ же колебаній, капитальной суммѣ.

Книга эта доставила Родбертусу болѣе широкую извѣстность, нежели какая-либо изъ его прежнихъ теоретическихъ работъ, и въ частности—сдѣлала его имя весьма популярнымъ въ кружкахъ прусскихъ аграріевъ; въ то же время книга эта подчеркнула его окончательное отчужденіе отъ прежнихъ политическихъ союзниковъ и навлекла на него, особенно со стороны послѣдователей Маркса, рядъ чрезвычайно строгихъ осужденій.

Послѣдніе годы своей жизни Родбертусъ живетъ въ полномъ уединеніи, почти постоянно больной, и скорѣе слѣдитъ за разыгрывающеюся на жизненной сценѣ драмою, нежели принимаетъ въ ней участіе. Событія 1870 года—франко-прусская война и объединеніе Германіи—окончательно укрѣпляютъ его вѣру въ прусское правительство и въ Бисмарка,—вѣру въ то, что „германское государство, разрѣшивъ *національный* вопросъ, призвано взяться за разрѣшеніе *соціального* вопроса“,—что соціальный вопросъ будетъ когда-нибудь разрѣшенъ подъ эгидою Гогенцоллерновъ и согласно принципу *sumi siquie*—девизу гогенцоллернскаго дома. Но событія вскорѣ показали Родбертусу, что онъ ошибался. Уже въ 1871 году, вскорѣ по возвращеніи Бисмарка изъ Франціи, Родбертусъ узнаетъ, что Бисмаркъ совершенно не интересуется соціальнымъ вопросомъ, а въ концѣ 1872 года онъ уже высказываетъ опасеніе, что „Бисмаркъ окажется столь же ничтожнымъ въ области внутренней политики, какъ онъ былъ великъ въ политикѣ вѣншей“; онъ видитъ, что внутренняя политика Бисмарка, особенно въ области экономической и гражданско-правовой, совершенно безыдейна; онъ съ рѣзкимъ порицаніемъ относится къ реформѣ мѣстнаго управленія, основанной, главнымъ образомъ, на системѣ почетныхъ должностей и потому

способной только усилить преобладание господствующих классов; все это заставляет Родбертуса опасаться, что прусская монархия окажется неспособною провести социальную реформу, и что ее неразумная политика разорвет „естественную связь между монархией и социализмом“ и даст в руки республиканских партий лишние козыри.

Разочаровавшись в своей идее *социального королевства* и *социально-консервативной* партии с девизом monarchisch, national, social, Родбертус уже сам начинает искать сближения с социаль-демократической партией. Еще в конце 1871 года он вступает в сношения с Газенклевером и, опираясь на свое близкое знакомство со взглядами и политикой Лассаля, убеждает его меньше нетерпимо относиться к *современному* государству и не так неуклонно держаться принципа, запрещающего рабочему классу что-либо принимать из рук этого государства. Затѣмъ онъ начинаетъ носиться съ планомъ основанія „социально-консервативнаго“ органа, въ которомъ участвовали бы, объединенные идеей социальной реформы, какъ представители консервативныхъ и конфессіональных партий, такъ и опредѣленные приверженцы социалистическихъ идей; но планъ этотъ остался безъ осуществленія, главнымъ образомъ, потому, что взгляды Родбертуса, какъ *государственнаго* социалиста, слишкомъ во многомъ расходились со взглядами социаль-демократии, этого, по мнѣнію Родбертуса, въ корнѣ своемъ индивидуалистическаго ученія.

На этомъ, однако, сношенія Родбертуса съ социаль-демократической партией не прекращаются. Очень тронутый сочувствіемъ, выраженнымъ ему въ апрѣлѣ 1873 года по поводу его продолжительной болѣзни громаднымъ собраніемъ рабочихъ,—тѣмъ болѣе тронутый, что публика вообще не избаловала его сочувствіемъ и вниманіемъ, Родбертусъ начинаетъ думать о томъ, чтобы опубликовать „открытое письмо“ на имя Газенклевера; онъ чувствуетъ себя „тѣсно и глубоко связаннымъ съ социализмомъ“ и, занимаясь разработкой статистическихъ данныхъ о распредѣленіи національнаго дохода (напечатанныхъ въ помертномъ изданіи „Zur Beleuchtung der socialen Frage, II“), подумываетъ даже о возможности своего избранія, въ качествѣ кандидата социаль-демократовъ, въ германскій рейхстагъ.

Зимой 1873—1874 г. Родбертусъ знакомится въ Италіи съ радикальнымъ публицистомъ Шраммомъ и условливается вести совмѣстно съ нимъ „социалистическую кампанію“ противъ „антисоциальной“ внутренней политики правительства. И мысли, высказывавшіяся имъ по поводу

этой „кампаніи“ въ перепискѣ съ Шраммомъ и другими лицами, опять-таки свидѣтельствуютъ о томъ, что Родбертусъ, несмотря на всю кажущуюся непоследовательность его поведенія, всегда оставался вѣренъ самому себѣ: „я сочувствую социализму, говоритъ онъ, ради него самого и хочу проводить его до конца“; его отличие отъ радикальныхъ социалистовъ—въ томъ, что „они при случаѣ допускаютъ и революціонные способы дѣйствія, которыхъ я не хочу ни подъ какимъ видомъ“. Какъ и въ 1848 году, Родбертусъ „радикаленъ по существу дѣла, но считаетъ цѣлесообразнымъ только легальный переходъ къ новымъ формамъ и порядкамъ“; „только при легальномъ переходѣ, объясняетъ Родбертусъ, общество можетъ вступить на путь социальной реформы, не встрѣчаясь ни съ какими серьезными препятствіями и не принося ни малѣйшихъ жертвъ; напротивъ, всякая революціонная попытка заставляетъ общество уйти въ самого себя, какъ улитка уходитъ въ раковину“. Для Родбертуса, по-прежнему, важна *соціальная цѣль*, ради достиженія которой онъ одинаково готовъ вступить въ союзъ и съ социаль-демократіей, и съ правительствомъ, если только послѣднее направляетъ свою политику на социальный путь. Чисто-политическія понятія консерватизма или демократизма, по мнѣнію Родбертуса, отжили свой вѣкъ: „когда дѣло дойдетъ, говоритъ онъ въ письмѣ къ Р. Мейеру, до образованія *соціальной* партіи, то эта послѣдняя получитъ свою окраску не отъ понятія демократизма или консерватизма, а отъ реальной обстановки данной ступени историческаго развитія; партій будетъ всего двѣ—*соціальная и антисоціальная*; въ каждой изъ нихъ перемѣшаются бывшіе консерваторы и бывшіе демократы, и ни тѣхъ ни другихъ нельзя будетъ обвинить въ ренегатствѣ: отрѣшиться отъ устарѣлой партійной группировки и распредѣлиться по новымъ партіямъ, намѣченнымъ самою исторіей, не будетъ ренегатствомъ ни для одной изъ старыхъ партій, которыя исчезнутъ въ новой группировкѣ“.

Только этимъ можно объяснить то на первый взглядъ совершенно непонятное обстоятельство, что Родбертусъ, организуя „социалистическую кампанію“ и даже подумывая о выступленіи на выборахъ въ качествѣ кандидата социаль-демократической партіи, въ то же время не былъ чуждъ мысли о поступленіи на правительственную службу; мысль эта неоднократно, хотя и вскользь, высказывается въ опубликованной послѣ его смерти перепискѣ, при чемъ впервые Родбертусъ говоритъ объ этомъ въ томъ самомъ письмѣ, гдѣ идетъ рѣчь о его социаль-демократической кандидатурѣ!

Впрочемъ, и та и другая мысль осталась одинаково безрезультатно: безнадежно большой, передвигавшейся уже не иначе, какъ въ креслѣ, Родбертусъ былъ также мало способенъ къ правительственной службѣ, какъ и къ активной дѣятельности въ рядахъ социаль-демократической партіи. Но интересъ его къ социальному вопросу не ослабѣвалъ до самыхъ послѣднихъ дней его жизни, и онъ еще разъ пытается какимъ-нибудь способомъ повліять на правительство и побудить Бисмарка заинтересоваться социальнымъ вопросомъ. Еще въ февралѣ 1875 года Родбертусъ, вмѣстѣ съ Ад. Вагнеромъ и Руд. Мейеромъ, вноситъ въ конгрессъ германскихъ сельскихъ хозяевъ предложеніе ходатайствовать предъ имперскимъ канцлеромъ объ учрежденіи „комиссіи изъ свѣдущихъ людей для изслѣдованія положенія сельскихъ рабочихъ какъ самаго по себѣ, такъ и въ связи его съ экономическимъ положеніемъ частнаго землевладѣнія и капитала“, а въ октябрѣ того же года, уже за нѣсколько недѣль до своей смерти (6 декабря 1875 г.), онъ вноситъ въ собраніе нѣмецкаго союза социальной политики предложеніе пригласить правительство „оказать нѣмецкой промышленности, въ лицѣ какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ, то покровительство, которое является единственнымъ средствомъ возстановить наше пошатнувшееся положеніе на мировомъ рынкѣ и установить на внутреннемъ рынкѣ социальный миръ“. Это предложеніе, не принятое союзомъ, было понято обществомъ и печатью какъ призывъ къ установленію покровительственныхъ пошлинъ, и Родбертусу въ газетной статьѣ, бывшей его лебединою пѣсней, пришлось объяснять, что онъ имѣлъ въ виду совсѣмъ другое, именно—„потребовать вмѣшательства государства въ цѣляхъ устраненія современнаго промышленнаго кризиса“, что, слѣдовательно, и это предложеніе было направлено къ той же цѣли, къ которой стремилась вся его научная и общественная дѣятельность. „Большая часть хозяйственныхъ бѣдствій,—такъ гласили послѣднія опубликованныя Родбертусомъ строки,—отъ которыхъ мы страдаемъ въ настоящее время, происходитъ отъ того, что государство все еще не хочетъ взять на себя инициативы и придать нашему народному хозяйству характеръ хозяйства государственнаго“.

Замышляя въ 1872 г. образованіе новой „социально-консервативной“ партіи, Родбертусъ, какъ мы уже упоминали, резюмировалъ ея программу въ краткомъ девизѣ: *Monarchisch, national, social*, и даже одинъ

изъ лучшихъ критиковъ Родбертуса, Г. Адлеръ ¹²⁾, усматриваетъ въ этихъ словахъ самую сущность его взглядовъ. Между тѣмъ уже изъ предыдущаго изложенія видно, что такое пониманіе далеко не схватываетъ дѣйствительной сущности міросозерцанія Родбертуса: ни монархизмъ, ни національность не составляютъ его основныхъ принциповъ. Соціальныя идеалы Родбертуса хотя и имѣютъ несомнѣнно строго централистическій характеръ, но вовсе не связаны по существу съ монархическимъ принципомъ; Родбертусъ дорожитъ монархіей лишь потому, что считаетъ государя, воплощающаго въ себѣ единую государственную идею, болѣе способнымъ провести въ жизнь его соціальныя идеалы, нежели способно это сдѣлать измѣнчивое парламентское большинство; преклоненіе предъ прусскою монархіей появляется у Родбертуса только тогда, когда событія 50-хъ и 60-хъ годовъ внушили ему убѣжденіе въ безсиліи народнаго представительства, и это преклоненіе доходитъ до своего апогея, когда монархіи Гогенцоллерновъ удалось довести до конца трудное дѣло объединенія Германіи. Но преклоненіе это продолжается недолго,—лишь до тѣхъ поръ, пока Родбертусъ могъ ожидать отъ прусской монархіи активной соціальной политики,—пока онъ думалъ, что монарху и канцлеру, объединившимъ Германію, будетъ по плечу провести и великое дѣло соціальной реформы. Монархія для Родбертуса, такимъ образомъ, лишь орудіе для проведенія его государственно-соціальныхъ идеаловъ: если она способна лучше организованной инымъ образомъ правительственной власти служить интересамъ соціального цѣлаго, ей слѣдуетъ предоставить полный просторъ, не стѣсняемый проявленіями индивидуальной воли; если, напротивъ, она не можетъ или не хочетъ нести знамя соціального прогресса, то центральная власть, не сумѣвшая олицетворить въ себѣ воли государства, должна быть ограничена вмѣшательствомъ воли народа. Если затѣмъ Родбертусъ всю свою жизнь являлся патриотомъ объединенной Германіи, то это объясняется, съ одной стороны, влияніемъ, такъ сказать, его непосредственнаго патриотическаго чувства, а съ другой—тѣмъ обстоятельствомъ, что Родбертусъ ожидалъ большаго, въ смыслѣ осуществленія своихъ соціальныхъ идеаловъ, отъ объединеннаго германскаго государства, нежели отъ правительствъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ. Но національное государство не есть для Родбертуса ничто самодовлѣющее, оно, въ свою очередь, подчинено идеѣ *объединеннаго человечества*; государство имѣетъ важную миссію—создать и воспитать

¹²⁾ „Rodbertus, der Begründer des wissenschaftl. Socialismus“, 1884, стр. 18.

общество; но затѣмъ отдѣльные національные союзы должны постепенно выходить изъ своей отчужденности, приходитъ все въ болѣе тѣсное соприкосновеніе и взаимную связь и въ концѣ-концовъ должны объединиться въ міровое государство. Государство самоѣльно лишь по отношенію къ составляющимъ его индивидамъ; но оно въ свою очередь является только орудіемъ для осуществленія идеи единого человѣчества. Самъ по себѣ національный принципъ, по мнѣнію Родбертуса, лишень смысла; отдѣльное государство, отдѣльная нація не должны противопоставлять своихъ интересовъ и правъ правамъ и интересамъ человѣческаго рода, а потому Родбертусъ безусловно чуждъ той узко-націоналистической покровительственной политики, проповѣдникомъ которой явился, напр., Фр. Листъ; онъ, напротивъ, считаетъ принципъ свободной торговли и вообще анти-націоналистическую тенденцію лучшею характерною чертою Смитовой политической экономіи.

Итакъ, и національный, и монархическій принципы одинаково не существенны для пониманія теоретическихъ основъ и соціальныхъ идеаловъ Родбертуса; можетъ быть и важные для оцѣнки Родбертуса, какъ *практическаго* дѣятеля, оба эти принципа совершенно безразличны для характеристики теоретическихъ основъ его ученія. Съ этой послѣдней точки зрѣнія Родбертусъ, по вѣрному опредѣленію Децеля, *есть социалистъ органической государственной идеи*, провозвѣстниками которой въ философской области были Шеллингъ и Гегель; онъ—*теоретикъ идеалистическаго социализма*; рѣшительный анти-индивидуалистъ, онъ выводитъ свои соціальныя требованія не изъ присущаго индивиду равнаго съ другими права на пользованіе благами жизни, а изъ обязанностей государства, понимаемыхъ имъ въ духѣ Платона или Фихте. Государство для Родбертуса—*центральная организація соціальнаго тѣла*; но сущность всякой организаціи—въ тѣсной связи и гармоніи частей, каждая изъ которыхъ исполняетъ опредѣленную функцію, необходимую для существованія—цѣлаго и стоящую въ тѣсномъ взаимодействіи съ дѣятельностью всѣхъ остальныхъ частей. Чѣмъ болѣе поэтому развиты въ государствѣ централизація и раздѣленіе труда, тѣмъ государство совершеннѣе,—и идеаломъ для Родбертуса является абсолютно-централизованное и организованное міровое государство, подчиняющее каждого индивида жизненному процессу соціальнаго цѣлаго, отмежевывающее индивиду сферу правъ и сферу потребленія, пропорціональныя его заслугамъ и его значенію для этого цѣлаго,—словомъ, міровое государство, построенное по принципу іерархіи соціальныхъ заслугъ. И государство

это, подобно „абсолютному организму“ Шеллинга, не преслѣдуетъ какихъ-либо индивидуальных или временныхъ цѣлей, а является носителемъ идеи непрерывнаго прогресса *человѣческаго рода*, единого въ смѣнѣ слѣдующихъ другъ за другомъ поколѣній. Если Родбертусъ возстаетъ противъ неравенства, то это не потому, чтобы онъ интересовался нарушаемыми неравенствомъ правами индивида, а потому, что неравенство нарушаетъ гармоническій ходъ общественнаго развитія,— что объективнымъ его слѣдствіемъ является общественная дезорганизація.

Такое возвеличеніе соціальнаго цѣлаго на счетъ индивида, такое предпочтеніе правъ и интересовъ перваго правамъ и интересамъ второго, рѣдко отличающее Родбертуса, напр., отъ Прудона или Руссо, довольно ясно выступаетъ уже въ наиболѣе раннихъ его соціально-экономическихъ сочиненіяхъ. Но только подъ конецъ жизни, посвятивъ много лѣтъ специальнымъ изслѣдованіямъ въ области исторіи античнаго народнаго хозяйства, Родбертусъ создалъ для своихъ взглядовъ общее историко-философское обоснованіе. Такимъ обоснованіемъ является для него *аналогія между природой и исторіей*.

Міръ—арена дѣятельности божественнаго духа: въ *природѣ* Богъ расцѣвается въ мірѣ, въ *исторіи* міръ вновь объединяется въ Богѣ; и та и другая осуществляютъ въ себѣ единый законъ бытія, воплощающійся въ аналогичныхъ между собою восходящихъ рядахъ физическихъ и соціальныхъ образованій. И въ природѣ, и въ исторіи органическому періоду развитія предшествуетъ неорганической, въ исторіи характеризующійся отсутствіемъ языка, морали и раздѣленія труда. Первымъ организмомъ въ природѣ является клѣточка, въ исторіи—семья; и какъ клѣточка остается основнымъ элементомъ всего органическаго развитія,— элементомъ, котораго здоровье, болѣзнь и смерть влекутъ за собой здоровье, болѣзнь или смерть самаго сложнаго органическаго тѣла, такъ и семья навсегда остается основой всякаго, самаго сложнаго общественнаго союза. Въ природѣ органическое развитіе проходитъ черезъ фазисы растительный и животный и достигаетъ апогея въ человѣческомъ организмѣ; въ исторіи первому фазису соотвѣтствуетъ племенной періодъ, второму—государственный, а въ концѣ развитія является совершеннѣйшій „аналогичный человѣку“, соціальный организмъ. Изъ аналогій съ естественными организмами выясняются и тѣ признаки, по которымъ можно судить о степени совершенства организмовъ общественныхъ: мѣсто, занимаемое какимъ-либо видомъ животныхъ въ ряду

другихъ, опредѣляется по степени централизаціи и дифференціаціи его органовъ; у низшихъ животныхъ даже голова не дифференцировалась отъ желудка, — напротивъ, у высшаго животнаго, человѣка, „позвоночный столбъ является единою, доминирующею, со всѣхъ сторонъ воспринимающею и во всѣ стороны распредѣляющею опорою жизненныхъ двигателей организма“. То же имѣетъ мѣсто и въ процессѣ развитія общественныхъ организмовъ: организація ихъ не только становится все болѣе сложной, для каждой функціи соціальной жизни не только приспособляется особый органъ, но эта организація становится и все болѣе согласованной, такъ какъ каждый изъ ея органовъ становится во все болѣе тѣсную зависимость отъ единого центрального органа. Наконецъ, въ наиболѣе совершенномъ соціальномъ организмѣ „органы, служащія для всѣхъ жизненныхъ функцій, будутъ связаны и централизованы въ *единую* верховную организацію“, и „вся индивидуальная жизнь сольется въ единую, соціальную жизнь“; это единое, организованное человѣческое общество будетъ настолько выше современнаго политическаго тѣла, государства, насколько организація человѣка выше и совершеннѣе организаціи моллюска.

Абсолютнымъ соціальнымъ жизненнымъ принципомъ является, такимъ образомъ, *не свобода, а общность, не индивидуализмъ, а коммунизмъ*. Но аналогія идетъ далѣе и распространяется и на самый процессъ органическаго развитія. Эволюція внѣшняго міра все рѣже и рѣже прерывается хаотическими періодами, катаклизмами и внезапными переворотами. То же имѣетъ мѣсто и въ развитіи соціальныхъ организмовъ; чѣмъ дальше идетъ исторія, тѣмъ болѣе послѣдовательнымъ становится это развитіе. Въ древнемъ мірѣ носителями каждой новой, болѣе совершенной общественной формы являлись новые племена и народы; со времени переселенія народовъ носительницею соціальнаго прогресса остается группа романо-германскихъ народовъ, и въ концѣ-концовъ совершится объединеніе всего человѣчества, которое и достигнетъ идеальнаго общественнаго строя. Наконецъ, какъ физическіе организмы представляютъ восходящій рядъ въ отношеніи сознательности и свободы, максимумъ которыхъ характеризуетъ человѣка, такъ и соціальныя организмы въ своей жизни и въ своемъ развитіи становятся мало-по-малу все менѣе зависимыми отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и вліяній, — и все большую роль пріобрѣтаетъ сознательная дѣятельность общественной власти; въ идеальномъ государствѣ все будетъ опредѣляться его разумною волей, и государство это будетъ „самоорганизующимся организмомъ“.

Современный строй, гдѣ господствуютъ „естественные“ законы не управляемаго сознательною волей экономического оборота, далеко отъ идеала, и этотъ идеалъ можетъ быть достигнуть не дѣйствіемъ „естественныхъ силъ“ и борьбой взаимно-противорѣчивыхъ индивидуальныхъ интересовъ, а исключительно сознательною организующею дѣятельностью общественной власти.

Такимъ образомъ, главнѣйшіе выводы изъ аналогіи природы и исторіи сводятся къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: 1) относительно *цѣли* развитія: какъ физическіе атомы соединялись въ организмы, все болѣе централизованные и дифференцированные, до „единого человѣческаго рода“ включительно,—такъ и социальныя атомы, индивиды, будутъ комбинироваться въ союзы все болѣе тѣсныя, пока не соединятся въ „единое“, организованное человѣческое общество. 2) Относительно *процесса* развитія: какъ въ ряду физическихъ организмовъ сознание становится яснѣе и свободнѣе, пока не достигнетъ своего апогея въ разумѣ человѣка, все болѣе и болѣе подчиняющаго себѣ помыкавшіе имъ когда-то естественныя законы и стремленія, такъ и человѣчество постепенно освобождается отъ дѣйствія „естественныхъ“ законовъ, имѣющихъ въ основѣ „естественныя“ стремленія эгоизма, и замѣняетъ ихъ *общественными* законами, которыми социальный организмъ самъ нормируетъ свое бытіе.

Эти законы социального развитія Родбертусъ пытается доказать анализомъ отдѣльныхъ ступеней развитія, на которыя распадается „государственный“ періодъ исторіи человѣческаго общества.

Въ самыхъ крупныхъ чертахъ Родбертусъ намѣтилъ свою періодизацію хозяйственной исторіи еще въ первой изъ болѣе крупныхъ своихъ работъ—въ „Пяти теоремахъ“—за основу періодизаціи онъ принималъ здѣсь степень развитія раздѣленія труда и значеніе его въ народномъ хозяйствѣ: въ первомъ періодѣ, соотвѣтствующемъ античной эпохѣ исторіи хозяйства, раздѣленіе труда еще только возникаетъ, и отдѣльное домохозяйство стремится къ тому, чтобы быть самодовлѣющимъ цѣлымъ; второй періодъ, соотвѣтствующій „германской“ эпохѣ, характеризуется полнымъ развитіемъ раздѣленія труда, которое въ значительной мѣрѣ подчиняетъ себѣ человѣка; наконецъ, въ третьемъ періодѣ, еще не начавшемся, духъ человѣка подчиняетъ себѣ раздѣленіе труда, и начинается царство свободы, между прочимъ, и въ экономической сферѣ. То же тройственное дѣленіе, но уже по иному основанію, Родбертусъ сохраняетъ и въ написанномъ въ 1851 году „Исслѣдованіи

о капиталѣ“: для выясненія роли капитала при различныхъ условіяхъ оныя разсматриваетъ, прежде всего, общественный строй „изолированнаго хозяйства“, которому противопоставляетъ современный строй—общественное хозяйство съ частною собственностью на землю и капиталъ, и грядущій строй—хозяйство безъ частной собственности на орудія производства.

И та и другая періодизація имѣетъ характеръ, такъ сказать, остова, скелета, который Родбертусъ облакаетъ въ плоть и кровь только значительно позднѣе, въ 1865 году, посвятивъ нѣсколько лѣтъ специальнымъ историко-экономическимъ изслѣдованіямъ. Основные эпохи остаются тѣ же, что и въ прежнихъ періодизаціяхъ Родбертуса, но выступаютъ подъ новыми названіями: первый періодъ получаетъ названіе *антично-языческаго*, второй періодъ, съ развитымъ раздѣленіемъ труда и частною собственностью на землю и капиталъ, — *католическо-германскаго*, третій, грядущій періодъ — *христіанско-соціального*. Въ каждомъ изъ первыхъ двухъ уже пережитыхъ человѣчествомъ періодовъ Родбертусъ усматриваетъ эпоху органическую, на смѣну которой приходитъ, подъ вліяніемъ усилившагося индивидуализма, эпоха дезорганизации и разложенія, служащая переходомъ къ слѣдующему, высшему въ эволюціи человѣческаго общества, періоду. Каждый изъ этихъ періодовъ представляетъ, далѣе, по четыре приходящихъ другъ другу на смѣну государственно-общественныхъ типа: самымъ раннимъ типомъ *антично-языческаго* періода была египетская теократія; за нею послѣдовало кастовое государство индусовъ, затѣмъ персидская сатрапія и, наконецъ, — греко-римская политія. Весьма близкую аналогію съ этими типами представляютъ четыре типа *католическо-германскаго* періода: церковное государство, въ которомъ вся культурная дѣятельность сосредоточивалась въ рукахъ епископовъ и монастырей; сословное государство, бюрократическое государство эпохи просвѣщеннаго абсолютизма и государство съ представительнымъ правленіемъ. И, наконецъ, не рѣшаясь намѣтить типы грядущаго, *христіанско-соціального* періода, Родбертусъ полагаетъ, однако, что основаніе этому періоду будетъ положено государствомъ религіознаго по преимуществу характера.

Каждому изъ названныхъ трехъ періодовъ соотвѣтствуетъ, по мнѣнію Родбертуса, вполне своеобразный складъ народнаго хозяйства, отражающійся на всѣхъ существенныхъ сторонахъ этого послѣдняго. Въ первомъ періодѣ вся хозяйственная дѣятельность сосредоточивается въ изолированномъ хозяйствѣ, оikosѣ; во второмъ — въ лишенномъ объеди-

внящей організації народномъ хозяйствѣ; въ третьемъ—въ единомъ, организованномъ государственномъ союзѣ. Раздѣленіе труда въ первомъ періодѣ существуетъ, вообще говоря, только внутри ойки; во второмъ оно достигаетъ полнаго развитія, но лишено надлежащей організації и осуществляется при посредничествѣ частнаго капитала; въ третьемъ раздѣленіе труда подпадаетъ централизованному руководительству общественной власти. Соотвѣтственно этому, хозяйство въ античномъ мірѣ имѣло, по преимуществу, натуральный характеръ; мѣна являлась скорѣе исключеніемъ, нежели общимъ правиломъ, и либо осуществлялась натурою, либо происходила чрезъ посредство денежныхъ знаковъ, вполнѣ сохранившихъ значеніе самостоятельнаго цѣннаго товара; въ современномъ періодѣ все хозяйство основано на мѣнѣ, и мѣна почти исключительно денежная; сами деньги почти перестаютъ быть товаромъ и становятся, главнымъ образомъ, расчетнымъ средствомъ, еще сохраняя, однако, самостоятельную цѣнность; въ грядущемъ строѣ на мѣсто вещественныхъ денегъ стануть простыя свидѣтельства, ассигновки, удостовѣряющія количество исполненнаго каждымъ нормальнаго труда. Что касается до распредѣленія продукта, то въ древности распредѣленія въ современномъ смыслѣ, можно сказать, не было: рабочій былъ рабомъ, весь продуктъ принадлежалъ рабовладѣльцу, который удѣлялъ рабу столько, сколько находилъ нужнымъ удѣлять для поддержанія его существованія; нынѣ распредѣленіе происходитъ на почвѣ формально-свободнаго рабочаго договора, фактически сводящаго долю работника къ минимуму,—а въ будущемъ доходъ каждаго будетъ строго соответствовать его труду. II, наконецъ, въ правовой сферѣ антично-языческая эпоха характеризовалась порабощеніемъ личности государствомъ; въ современномъ обществѣ государство бессильно передъ личностью, а въ грядущемъ, идеальномъ строѣ гармонически примирятся государственное и индивидуальное начало.

Болѣе подробное разсмотрѣніе историко-философской схемы Родбертуса не представляетъ для насъ непосредственнаго интереса. Достаточно будетъ сказать, что во всей смѣнѣ общественно-хозяйственныхъ эпохъ и типовъ Родбертусъ усматриваетъ полное подтвержденіе тому закону, который онъ вывелъ изъ аналогіи между общественнымъ и физическимъ организмами,—закону возрастающей дифференціаціи частей и объединенія ихъ на службѣ интересамъ цѣлаго. „Историческая жизнь, говоритъ Родбертусъ, не основана на индивидуализмѣ...; основнымъ ея принципомъ является не свобода, а общеніе индивидовъ, охватывающее

ихъ жизнь со всѣхъ сторонъ—духовной, нравственной и экономической. Исторія есть процессъ объединенія и слиянія, охватывающій и все тѣснѣе связывающій все болѣе обширные круги,—процессъ, въ которомъ вся индивидуальная жизнь сливается въ жизнь социальную, и въ концѣ этого процесса, какъ вѣнецъ творческой работы исторіи, видѣется „единая организація человѣческаго рода“,—организація, при которой „единство достигнетъ наивысшей степени возможнаго развитія“, и „все общество будетъ олицетворено въ единой волѣ, единомъ разумѣ и единой власти“.

Для Родбертуса, такимъ образомъ, общественный союзъ и его представитель—государство—представляютъ собою не средства для достиженія какихъ-либо внѣ ихъ лежащихъ цѣлей, а нѣчто самоцѣльное, въ самомъ себѣ имѣющее свое оправданіе: „не государство существуетъ ради благополучія индивидовъ, а напротивъ—индивиды должны служить духовному, нравственному и хозяйственному преуспѣванію государства“,—и интересы ихъ, въ случаѣ столкновенія, неизбежно должны приноситься въ жертву интересамъ социальнаго цѣлаго. Съ этой точки зрѣнія Родбертусъ оправдываетъ, для своего времени, античное рабство, которое, причиняя величайшій ущербъ интересамъ отдѣльныхъ лицъ, было необходимою основой, на которой только и могла развиваться античная культура и высокоразвитый античный общественный строй. Съ этой же точки зрѣнія онъ оцѣниваетъ и современный капитализмъ: посвятивъ всѣ силы своего ума раскрытію вредныхъ для народныхъ массъ послѣдствій этого послѣдняго, онъ находитъ, однако, немедленное осуществленіе радикальной социальной реформы не только *невозможнымъ*, но и *нежелательнымъ*; нежелательнымъ—потому, что „свободный трудъ едва ли сталъ бы достаточно заботиться о развитіи науки и искусства, вообще большинства благороднѣйшихъ даровъ цивилизаціи“,—что современные отношенія рабочаго найма являются такою же необходимою стадіею въ „воспитаніи человѣческаго рода“, какою въ свое время было античное рабство. Съ этой же точки зрѣнія онъ разсматриваетъ и поведеніе различныхъ общественныхъ классовъ, и въ частности—рабочаго класса, въ области практической политики; онъ относится, напримѣръ, съ крайнимъ осужденіемъ къ стачкамъ и къ закону, разрѣшившему рабочіе союзы, усматривая въ томъ и другомъ проявленіе крайняго индивидуализма: законъ о рабочихъ союзахъ, говоритъ онъ, исходитъ изъ такого непониманія *социальныхъ обязанностей* отдѣльныхъ общественныхъ классовъ, что чрезъ сто лѣтъ почтутъ безумнымъ того законода-

теля, который разрѣшилъ приостанавливать *службу* (Dienstleistungen), *необходимую для жизни социальнаго цѣлаго*“. Видя въ стачкахъ нарушеніе обязанности рабочаго класса предъ общественною культурой, Родбертусъ полагаетъ, что государство имѣетъ право принуждать рабочихъ къ исполненію этихъ обязанностей, и одобряетъ самыя рѣшительныя мѣры, направленные къ прекращенію „такой безсмыслицы, какъ стачки“ (Streikenunsinn).

Та же точка зрѣнія—точка зрѣнія всемогущества государства, служить для Родбертуса путеводною нитью, опредѣляющею его отношеніе къ каждому вопросу, крупному или мелкому, въ области практической политики, и приводящею его къ такимъ рѣшеніямъ, которыя нерѣдко діаметрально-противоположны взглядамъ политиковъ индивидуалистическаго направленія. Такъ, Родбертусъ считаетъ принципъ отдѣленія государства отъ церкви одною изъ величайшихъ ошибокъ міровой исторіи, — ошибкою, которую эта исторія когда-нибудь уразумѣетъ и исправитъ: *государственная церковь и государственная школа*—для него необходимые выводы изъ системы, стремящейся слить всю индивидуальную жизнь въ жизнь социальную. Дальнѣйшій выводъ изъ той же системы—возможное расширеніе сферы *государственнаго хозяйства*: Родбертусъ рѣзко осуждаетъ политику современнаго государства, давшаго въ своемъ индивидуалистическомъ ослѣпленіи частнымъ лицамъ завладѣть такими орудіями экономической мощи, какъ банки и желѣзныя дороги, которыя должны были бы быть исключительно-государственною регаліей; онъ не придаетъ никакого значенія вопросу, насколько государство способно *выодно* вести подобныя предпріятія, которыя по существу своему соотвѣтствуютъ *природѣ государства*. „Геній исторіи, говоритъ онъ, подарилъ человѣчеству такое колоссальное изобрѣтеніе, какъ желѣзныя дороги, въ которыхъ транспортное дѣло неразрывно связано съ дорожнымъ и почтовымъ,—и этимъ намѣтилъ новый шагъ къ достиженію государственнаго единства, новую ступень развитія *органической природы государства*. Только социальный атомъ, отдѣльная личность стремится бороться противъ всемогущества этой исторической воли,—государству въ этомъ вопросѣ приходится бороться съ индивидомъ; но надо помнить слова великаго Стагирита: что *„государство по существу своему имѣетъ преимущество передъ ассоціаціями и индивидами“*“.

На той же почвѣ, въ противоположность индивидуалистическому французскому социализму, дѣлающему всѣ свои выводы изъ правъ личности, построенъ и весь социализмъ Родбертуса: въ своей критикѣ со-

временнаго капиталистическаго строя оцъ исходитъ изъ правъ и интересовъ общественнаго союза, и самая идея обобществленія въ будущемъ всѣхъ орудій производства логически вытекаетъ изъ его взглядовъ на „природу государства“.

Въ критикѣ современнаго капитализма на первый планъ выступаютъ „интересы исторіи“, которой мѣшаетъ въ исполненіи ея „великихъ плановъ“ присущая современному строю классовая жизнь, угрожающая рано или поздно похоронить нашу культуру подъ развалинами страшной революціи; интересы рабочихъ массъ имѣютъ для Родбертуса второстепенное значеніе: если бы даже распредѣленіе народнаго дохода было гораздо болѣе справедливымъ, если бы нашлось средство задержать паденіе относительной заработной платы,—Родбертусъ все же долженъ былъ бы бороться противъ частной собственности и свободы экономического оборота,—вообще противъ порядка, при которомъ, „не разумная воля государства руководитъ обществомъ“, а большая часть функций, относящихся по существу къ области государственнаго хозяйства, еще раздроблена по рукамъ отдѣльныхъ частныхъ лицъ. Государственное хозяйство для Родбертуса—непосредственный выводъ изъ государственной идеи Шеллинга и Гегеля, и радикальная социальная реформа, съ его точки зрѣнія, была бы лишь „возвращеніемъ государству его правъ въ области народнаго хозяйства, нынѣ отвоеванныхъ у него индивидуализмомъ“. Только такая реформа придала бы организациі государства то единство и ту твердость, которыя соотвѣтствуютъ его идеѣ. Современное социальное тѣло развѣдается рознью общественныхъ классовъ, и только желѣзная рука государства можетъ направить центробѣжно-дѣйствующія силы партикулярныхъ интересовъ на служеніе одному общественному интересу; члены социальнаго тѣла должны повиноваться велѣніямъ мозга, олицетворяемаго государствомъ. Но современное государство—голова!—лишь внѣшнимъ образомъ связано съ прочими, въ свою очередь не связанными между собою органами трехсуставчатаго социальнаго тѣла,—ему во многихъ отношеніяхъ принадлежитъ лишь роль наблюдателя за дѣйствіями борющихся за преобладаніе общественныхъ классовъ. Современное государство похоже на насѣкомое,—оно не имѣетъ позвоночнаго столба, который являлся бы связующимъ всѣ отдѣльныя части организма началомъ; твердую организацию оно получить лишь съ обобществленіемъ производительныхъ капиталовъ. Этого рода реформа „дастъ государству опорный механизмъ, господствующій надъ всѣми жизненными функциями цѣлаго организма.

все воспринимающей и все распределяющей“, — даст ему „централизованную силу для объединенного руководства всей жизнью социального тела“, вообще, „создаст ту объединяющую совокупную жизнь государства организацию, которую можно уподобить позвоночному столбу высших животных“.

Ставя обобществление орудий производства, как постулат, необходимо вытекающей из самой идеи государства и общества, Родбертус мало интересуется вопросом о том, насколько центральная государственно-социальная власть и ее подчиненные органы способны справиться с трудной задачей руководства хозяйственной деятельностью общественного союза: государственная власть *должна* взять на себя эту задачу и справиться с нею, и если даже она окажется плохим хозяином, то и это не имеет для Родбертуса серьезного значения. Впрочем, Родбертус не думает, чтобы обобществленное хозяйство, даже в производственном смысле, обещало давать худшие результаты, нежели современное капиталистическое; напротив, один из серьезнейших упреков, какие Родбертус дѣлает современному общественному строю, сводится к тому, что присущая ему дезорганизация народного хозяйства мешает полному развитию и напряжению сил экономического прогресса и тем задерживает даже рост материальной культуры. Не говоря уже о влиянии кризисов, периодически разрушающих значительную часть народного богатства и дѣлающих движение послѣдняго вмѣсто растущаго колебательным, — не говоря об этом, серьезным тормозом для развития общественного производства является уже самая необходимость участия частного денежного капитала в организации производительного предприятия. Орудия производства — земля и вещественные капиталы — не находятся нынѣ в непосредственном распоряжении общества, а состоятъ в юридически неограниченной власти массы частных лиц, многія из которых не хотят или не умѣют дать им производительного применения, или которыя, владея одними орудиями, не могут начать производства по немѣнию других орудий, тоже для него необходимых; отсюда вытекает необходимость в *частном денежном капитале*, соединяющем необходимые для производства орудия в одних руках, и притом далеко не всегда в тѣх именно руках, которыя наиболее способны и склонны вести данное производство. Таким образом, существование частной собственности на орудия производства вызывает необходимость в сложном, дорого стоящем механизме, дающем массу лишняго тренія и поглощающем для преодоленія этого

трения массу лишней силы. Не будь этого механизма, не будь необходимости преодолевать это „трение“, и национальная производительная сила, по мнению Родбертуса, создавала бы вдвое больше продукта, нежели производить нынѣ.

Итакъ, переходъ всѣхъ орудій производства, т. е. земли и вещественнаго капитала, въ руки государственно-соціальной власти,—таковъ идеаль Родбертуса, тѣсно связанный со всѣмъ его историко-философскимъ и политическимъ міросозерцаніемъ. Осуществленіе этого идеала, по убѣжденію Родбертуса, не встрѣтитъ особыхъ затрудненій и не потребуетъ насильственныхъ переворотовъ. Наиболее цѣлесообразнымъ для этого способомъ Родбертусъ считаетъ обязательный выкупъ всѣхъ орудій производства—мѣру, которая, будучи безобидною для собственниковъ и не угрожая нарушить хода экономическаго развитія, была бы очень удобна и для общественнаго союза: выкупная сумма была бы величиною постоянною, а потому по мѣрѣ роста производительности общественнаго труда поглощала бы все меньшую долю общественнаго дохода и лежала бы на обществѣ все меньшимъ и меньшимъ бременемъ. Къ такому выкупу естественнымъ образомъ клонится и все современное развитіе формъ промышленности. Въ самомъ дѣлѣ: если частное землевладѣніе и капиталъ имѣютъ какое-нибудь право на существованіе, то только въ силу лежащей на нихъ въ современномъ общественномъ устройствѣ „миссія“ руководить производствомъ. Между тѣмъ въ настоящее время эта послѣдняя функція все опредѣленнѣе дифференцируется отъ обладанія собственностью; собственники, будутъ ли это землевладѣльцы или капиталисты, все болѣе устраниются отъ личнаго завѣдыванія производствомъ и возлагаютъ эту обязанность на управляющихъ или арендаторовъ, а сами довольствуются полученіемъ дохода. Если, говоритъ Родбертусъ, „капиталъ будетъ продолжать идти по тому же пути; если имущіе классы, которые когда-то являлись необходимыми органами соціальной жизни, будутъ смотрѣть на свое служеніе, какъ на простую синекуру, а дѣйствительное руководство производствомъ будетъ все болѣе сосредоточиваться въ рукахъ „частно-хозяйственныхъ служащихъ“, то частная собственность, съ экономической точки зрѣнія, вскорѣ перестанетъ быть необходимою, потому что функція руководства производствомъ съ такимъ же успѣхомъ смогутъ исполняться *служащими государственнаго союза*. Когда собственники станутъ простыми рантьеерами, а ихъ прежнія производительныя функція будутъ исполняться выдающимися людьми изъ рабочаго класса, тогда „ренты собственни-

ковъ будутъ подлежать выкупу и обращенію на счетъ государственнаго долга“; землевладѣльцы и капиталисты „юридически сдѣлаются простыми получателями рентъ, какими они фактически охотно становятся и въ настоящее время“.

Такимъ образомъ, выкупъ орудій производства не представитъ никакихъ особыхъ затрудненій. Но для *настоящаго* времени такой выкупъ и вообще коренная социальная реформа представляются преждевременными. „Миссія капитализма, говоритъ Родбертусъ, еще не завершена; существованіе частной собственности на землю и капиталъ сіюю нужды *заставляетъ* народъ оставаться на пути труда и прогресса“; нравственная мощь общества еще недостаточна для того, чтобы „свободнымъ трудомъ завоевать и сохранить за собой обѣтованную землю освобожденія отъ гнета собственности“. Въ частности, свободный трудъ недостаточно заботился бы о существованіи наукъ и искусствъ, а потому средства на существованіе этихъ высшихъ благъ человѣческой культуры еще долго должны быть принудительно взимаемы съ рабочихъ въ формѣ ренты, а рабочіе должны трудиться болѣе, нежели необходимо для ихъ личнаго существованія.

Вотъ почему Родбертусъ находитъ коренную социальную реформу пока преждевременною и считаетъ необходимымъ еще на болѣе или менѣе продолжительное время сохранить въ его главныхъ чертахъ существующій социальный строй, принявъ только мѣры къ тому, чтобы предотвратить дальнѣйшее пониженіе относительной заработной платы и доставить рабочему классу возможность пользоваться плодами растущей производительности труда, — плодами, которые до сихъ поръ шли на пользу одному только имущему классу. Выше мы упоминали уже о томъ, что Родбертусъ — безусловный противникъ рабочихъ союзовъ и стачекъ; равнымъ образомъ, онъ совершенно не сочувствуетъ ни лассалевскимъ производительнымъ ассоціаціямъ, ни коллективной собственности свободныхъ корпорацій или сельскихъ общинъ, такъ какъ полагаетъ, что ассоціаціи по своей тяжеловѣсности и непрактичности могли бы только привести народное хозяйство къ гибели, и что притомъ, благодаря различіямъ въ производительности земель, и при коллективной собственности не была бы достигнута равномерность вознагражденія труда; наконецъ, Родбертусъ не придаетъ значенія и участію рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія, которое, по его мнѣнію, естественно приведетъ къ самымъ неудобнымъ практически формамъ участія ихъ и въ завѣдываніи производствомъ. По мнѣнію Родбертуса, на почвѣ суще-

ствующаго соціального строя могутъ имѣть дѣйствительный успѣхъ только двѣ мѣры: съ одной стороны, установленіе *нормальнаго рабочаго дня* и *нормальной заработной платы*, какъ средство прекратить пониженіе относительной заработной платы; съ другой—введеніе *рентнаго принципа* ипотечнаго кредита, мѣра, имѣющая цѣлью возвысить значеніе землевладѣнія и создать, такимъ образомъ, противовѣсъ чрезмѣрному могуществу денежнаго капитала.

На предыдущихъ страницахъ мы изобразили въ главнѣйшихъ чертахъ внѣшнюю исторію литературной дѣятельности Родбертуса и попытались намѣтить ту историко-философскую систему, съ которою тѣсно связаны его чисто-экономическія воззрѣнія. Для насъ нѣтъ, какъ намъ кажется, необходимости входить въ подробное разсмотрѣніе вопроса о томъ, насколько оригинальны взгляды Родбертуса или насколько они, наоборотъ, заимствованы у болѣе раннихъ писателей. Нѣмецкіе критики Родбертуса, особенно Дицель и Адлеръ, потратили не мало труда, чтобы доказать, что его историко-философскія построенія сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ, съ одной стороны, философіи Фихте, Шеллинга и Гегеля, а съ другой—историко-философскихъ взглядовъ Сень-Симона, а во многомъ даже прямо у нихъ заимствованы, и что въ чисто-экономической сферѣ Родбертусъ во многомъ явился прямымъ продолжателемъ Прудона и Сисмонди. Но это обстоятельство не имѣетъ существеннаго значенія: исторія всякой науки вообще, и экономической въ частности, представляетъ собою непрерывный преемственный процессъ, въ которомъ каждое, даже самое крупное явленіе, будетъ ли это „Богатство народовъ“ Смита, „Начала“ Рикардо, „Капиталъ“ Маркса, или изслѣдованія Родбертуса, вырастаетъ на почвѣ, подготовленной предшествующею исторіею науки; связь съ Прудономъ и сенсимонистами такъ же мало способна служить доводомъ противъ важнаго значенія Родбертуса, какъ связь съ Вильямомъ Томпсономъ не унижательна для Маркса, а связь съ индивидуалистическою философіею XVIII в. не умаляетъ значенія Адама Смита. Не представляетъ особаго интереса и возникшій между Родбертусомъ и Марксомъ споръ о литературномъ приоритетѣ: въ наукѣ достаточно мѣста и для Маркса, и для Родбертуса: признавая огромное значеніе Родбертуса для всего послѣдующаго развитія экономической науки, мы не имѣемъ поэтому никакой надобности возвеличивать его на счетъ Маркса, какъ и сли-

шкоть усерднымъ послѣдователямъ теоретическихъ взглядовъ Маркса не было нужды отрицать, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, Энгельсъ, за Родбертусомъ всякое научное значеніе.

Безполезно далѣе входить въ критическую оцѣнку общихъ историко-философскихъ воззрѣній Родбертуса: такія вещи, какъ воплощеніе мірового духа, какъ аналогія между природой и исторіей, въ сущности такъ-же мало можно доказать, какъ мало можно и опровергнуть; кромѣ того, вся историко-философская схема Родбертуса, въ сущности говоря, является лишь нѣкоторымъ позднѣйшимъ придаткомъ къ его экономической теоріи и, такъ сказать, придумана Родбертусомъ для того, чтобы оправдать предъ самимъ собою его централистическое и анти-индивидуалистическое міровоззрѣніе; историко-философская схема Родбертуса лишь внѣшнимъ образомъ связана съ его экономической теоріей и соціальными идеалами, и потому даже несомнѣнно доказанная несостоятельность этой схемы нисколько не умалила бы значенія Родбертуса собственно для экономической науки.

Мы не послѣдуемъ, наконецъ, за многими изъ нѣмецкихъ критиковъ Родбертуса и не будемъ вдаваться, какъ это дѣлаютъ Адлеръ, Дидель, Ант. Менгеръ и др., въ детальную критику тѣхъ плановъ соціального переустройства, которые Родбертусъ набрасываетъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій и особенно въ своемъ „Капиталѣ“. Критика эта направляется, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы доказать непрактичность этихъ плановъ и неминуемое крушеніе ихъ при встрѣчѣ со сложными обстоятельствами конкретной экономической жизни. Но Родбертусъ никогда и не задавался цѣлью составить *практическій* планъ коренной соціальной реформы: намѣчая, въ главнѣйшихъ чертахъ, картину „общественнаго строя безъ частной собственности на землю и капиталъ“, Родбертусъ преслѣдовалъ, съ одной стороны, чисто теоретическую цѣль—выясненіе дѣйствительныхъ функций капитала, а съ другой—имѣлъ въ виду намѣтить идеаль, осуществленіе котораго въ ближайшемъ будущемъ онъ самъ признаетъ не только невозможнымъ, но даже, по указаннымъ выше соображеніямъ, нежелательнымъ. При такихъ условіяхъ ему не было никакой надобности входить въ подробности, проектировать детально приемы измѣренія соціальной потребности въ томъ или другомъ товарѣ, порядокъ распредѣленія рабочихъ по отдѣльнымъ производствамъ, способы расцѣпки труда при болѣе и при менѣе благоприятной обстановкѣ и т. д., а потому критика не должна и требовать

отъ Родбертуса того, чего онъ вовсе не хотѣлъ дагь, и чѣмъ онъ вовсе не задавался.

Заканчивая нашъ очеркъ, мы хотѣли бы только привести нѣкоторыя данныя для оцѣнки значенія Родбертуса, какъ экономиста-теоретика, именно указать важнѣйшіе изъ тѣхъ пунктовъ, по которымъ его воззрѣнія встрѣчаютъ наиболѣе серьезныя возраженія, а затѣмъ перечислить главнѣйшія изъ заслугъ Родбертуса въ области экономической теоріи.

Вся теорія Родбертуса логически дедуцируется имъ изъ положенія, что цѣнность продукта опредѣляется только трудомъ. На это-то положеніе и направляются по преимуществу возраженія критиковъ, имѣющія такимъ образомъ въ виду не одного только Родбертуса, но всю вообще школу или, точнѣе, всѣ вообще школы, придерживающіяся трудовой теоріи цѣнности. Я, конечно, не вхожу здѣсь въ разборъ вопроса о степени состоятельности или несостоятельности трудовой теоріи цѣнности—это завело бы насъ слишкомъ далеко. Миѣ достаточно отмѣтить, что эта теорія представляется единственнымъ фундаментомъ, на которомъ зиждется все грандіозное зданіе теоріи ренты Родбертуса—вмѣстѣ съ фундаментомъ разваливается въ прахъ и самое зданіе. Родбертусъ, говоритъ М. И. Туганъ-Барановскій, „совершенно правъ, утверждая, что его теорія земельной ренты есть безусловно необходимый логическій выводъ изъ признанія труда единственнымъ факторомъ цѣнности“; его теорія, основнымъ началомъ которой является распредѣленіе продукта пропорціонально трудовымъ затратамъ, была бы несокрушима, „если бы цѣны сырья и фабриката устанавливались на основѣ трудовыхъ затратъ. А такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ цѣны въ капиталистическомъ хозяйствѣ управляются не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства, то сравнительно болѣе высокія затраты капитала на производство фабрикатовъ—обстоятельство, въ которомъ Родбертусъ видитъ источникъ возникновенія земельной ренты, приведуть лишь къ болѣе высокимъ цѣнамъ послѣднихъ“, — „желая опровергнуть теорію земельной ренты Рикардо, Родбертусъ опровергъ теорію трудовую цѣнности въ ея абсолютной формѣ“¹³⁾.

Повторяю: я не вхожу и не могу входить здѣсь въ разборъ трудовой теоріи въ ея общей постановкѣ. Но что необходимо отмѣтить особо, это то, что если вѣренъ законъ соответствія цѣнности труду, то не

¹³⁾ Туганъ-Барановскій, „Очерки по исторіи П. Э.“, стр. 217.

можетъ быть рѣчи объ уравненіи прибылей на различныхъ ступеняхъ производства. Пусть, въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторый продуктъ—хотя бы льняная ткань—проходить чрезъ руки сельскаго хозяина-льновода и трехъ фабрикантовъ—прядильщика, ткача и набивальщика; пусть на каждой ступени производства этого продукта затрачивается по 100 рабочихъ часовъ труда, т. е. создается, согласно трудовой теоріи, новая цѣнность въ 100 раб. часовъ; если заработная плата за эти 100 часовъ равна продукту 50 часовъ, то остальные 50 часовъ поступятъ на каждой ступени производства въ доходъ предпринимателя. Между тѣмъ каждый послѣдующій предприниматель *не только платилъ рабочимъ, но затрачивалъ капиталъ* на приобретеніе матеріаловъ, т. е. продукта, изготовленнаго предыдущимъ предпринимателемъ, и, слѣдовательно, достающійся каждому изъ нихъ доходъ, равный 50 рабочимъ часамъ, распредѣляется на слѣдующій капиталъ:

	Заработная плата.	Издержки на матеріалы.	
У сельскаго хозяина на	50 раб. ч.	+ 0 раб. ч.	= 50 раб. ч.
„ прядильщика на	50 „	+100 „	=150 „
„ ткача на	50 „	+200 „	=250 „
„ набивальщика на	50 „	+300 „	=350 „

Слѣдовательно, доходъ въ 50 раб. час. составитъ у перваго—100%, у втораго—33,3%, у третьяго—20%, у четвертаго—14,3%; на каждой ступени производства получится, такимъ образомъ, иная норма прибыли, и приведеніе послѣдней къ одному уровню возможно лишь въ томъ случаѣ, если цѣнность продуктовъ на послѣдующихъ ступеняхъ производства будетъ соотвѣтственно *выше* трудовой стоимости.

Обстоятельство это имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ въ значительной мѣрѣ подрываетъ созданную Родбертусомъ теорію происхожденія земельной ренты. Въ разсужденіяхъ своихъ, изложенныхъ въ IX главѣ первой части настоящаго изданія, Родбертусъ исходитъ изъ гипотетическаго случая, гдѣ производство распадается на *два* ступени, — на производство *сырья* и производство *фабриката*, и аргументируетъ въ общихъ чертахъ такъ: вся рента, т. е. весь излишекъ сверхъ оплаты труда, достающійся собственникамъ, распредѣляется между названными двумя его ступенями пропорціонально трудовой стоимости сырья и фабриката. Если, такимъ образомъ, на добычу сырья и на его переработку затрачено по 50 рабочихъ дней, а заработная плата равнялась

продукту въ каждомъ случаѣ 25 дней, то рента, равная всего 50 раб. днямъ, раздѣлится на двѣ *равныя* части, которыя и составятъ доходъ каждаго изъ двухъ собственниковъ. Но собственникъ фабрикантъ платилъ не только за трудъ, но и за матеріалъ, который онъ купилъ у сельскаго хозяина; этотъ послѣдній, напротивъ, матеріала не покупалъ, и всѣ его издержки сводятся къ оплатѣ труда; въ данномъ случаѣ затраты перваго равны 75, втораго—25 раб. днямъ. Если поэтому всю долю ренты, доставшуюся первому, т. е. 25 раб. дней, исчислить, какъ прибыль на его капиталъ, то второй, въ силу закона равенства прибылей, будетъ имѣть право получить на свой капиталъ только третью часть тѣхъ 25 раб. дней, которые причитаются на долю сырья; остальные двѣ трети, $16\frac{2}{3}$ рабочихъ дней, составятъ экстренный доходъ землевладѣльца—его земельную ренту. Все это на первый взглядъ очень убѣдительное разсужденіе, однако, разсыпется прахомъ, если измѣнить предположеніе Родбертуса и взять производство, расчлененное не на *два*, а на *три*, четыре или болѣе ступеней. Достаточно взглянуть на сдѣланный выше схематическій расчетъ распредѣленія прибыли въ производствѣ ткани, чтобы увидѣть, что если только вѣрны основныя положенія Родбертуса, то *экстренный доходъ долженъ получиться не только въ добычѣ сырья, но и на всѣхъ ступеняхъ переработки, кромѣ самой послѣдней*. Такимъ образомъ, то явленіе, къ которому Родбертусъ сводитъ причину земельной ренты, вовсе не составляетъ отличительной особенности сельско-хозяйственнаго производства и вообще добычи сырья и, слѣдовательно, не можетъ служить для земельной ренты специфическимъ объясненіемъ. „Изъ двухъ вещей, говоритъ Бемъ-Баверкъ ¹⁴⁾, возможна только одна—либо происходитъ подъ влияніемъ конкуренціи уравненіе прибылей, либо нѣтъ. Положимъ, что оно происходитъ; что же въ такомъ случаѣ даетъ Родбертусу право предполагать ¹⁵⁾, что это уравненіе, охватывая всю область обрабатывающей промышленности, какъ бы волшебствомъ остановится въ преддверіи добывающей промышленности? Если сельское хозяйство общааетъ экстренный доходъ, то почему не приливаетъ капиталъ въ эту отрасль хозяйства, почему не увеличиваются запашки, не увеличивается интенсивность обработки, не улучшается культура, пока мѣновая цѣнность сырья не придетъ въ соотвѣ-

¹⁴⁾ Назв. соч., стр. 413—414. См. Туганъ-Барановскій, назв. соч., стр. 218.

¹⁵⁾ Это предположеніе было бы умѣстно лишь въ томъ случаѣ, если бы Родбертусъ признавалъ установленный Рикардо и Мальтусомъ законъ понижающейся производительности земли, который вѣдь онъ отрицаетъ.

ствіе съ возросшимъ капиталомъ и не станетъ давать на послѣдній одну обычную прибыль? Если законъ распредѣленія ренты не по капиталу, а по затратѣ труда не помѣшалъ уравненію прибылей въ обрабатывающей промышленности, то какъ онъ можетъ помѣшать ему въ добычѣ сырья? А если онъ не можетъ помѣшать, то откуда возьмется экстренный сверхъ обычной прибыли доходъ, т. е. земельная рента? Положимъ, далѣе, что уравненія прибылей вообще нѣтъ. Но тогда не будетъ всеобщей обычной нормы прибыли, тогда въ народномъ хозяйствѣ вообще и въ сельскомъ хозяйствѣ въ частности не будетъ мѣры, опредѣляющей, какая часть „ренты“ должна отчисляться въ прибыль на капиталъ, и, слѣдовательно, исчезнетъ граница между прибылью и земельной рентой. Словомъ, происходитъ ли уравненіе прибылей или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ, заключаетъ Бемъ-Баверкъ, созданная Родбертусомъ теорія ренты оказывается висящей на воздухѣ“.

Не менѣе серьезнымъ возраженіямъ доступна и построенная Родбертусомъ теорія кризисовъ¹⁶⁾, объясняющая это печальное явленіе необходимо наступающимъ по мѣрѣ возрастанія производительности труда сокращеніемъ доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ. „Теорія кризисовъ Родбертуса, говоритъ русскій изслѣдователь вопроса о кризисахъ, М. И. Туганъ-Барановскій, построена на предположеніи, что сокращеніе доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ происходитъ настолько быстро и внезапно, что капиталы не успѣваютъ приспособиться къ измѣнившимся условіямъ спроса и перейти отъ предметовъ потребления рабочаго класса къ производству предметовъ потребления капиталистовъ. Всего этого не наблюдается въ дѣйствительности: прогрессъ техники не совершается сразу во всѣхъ отрасляхъ промышленности, а идетъ понемногу и въ разное время въ различныхъ отрасляхъ труда“. Если притомъ и подешевѣтъ какой-либо продуктъ, потребляемый рабочими, „то денежная заработная плата вовсе не понизится немедленно въ соответствующей пропорціи, такъ какъ, даже исходя изъ теоріи заработной платы Мальтуса-Рикардо, слѣдуетъ признать, что процессъ приспособленія денежной заработной платы къ уровню наименьшихъ средствъ существованія есть процессъ очень долгій и совершающійся не въ 2—3 года, предшествующіе промышленному кризису, а въ десятки лѣтъ. Но

¹⁶⁾ См. по этому поводу Adler, назв. соч., стр. 51—58.—Handwörterbuch der Statswissenschaften, изд. Conrad'a и др., т. V стр. 448, и книгу М. И. Туганъ-Барановскаго „Промышл. кризисы въ современн. Англій“, С.-ПБ. 1894, стр. 484—489, а также въ его „Очеркахъ по исторіи вол. экон.“, стр. 221—222.

для того, чтобы произошел промышленный кризисъ, достаточно оживленія торговли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, не болѣе. Можно ли думать, что за эти немногіе годы реальная заработная плата можетъ успѣть опуститься до своего наименьшаго уровня? На самомъ дѣлѣ, всѣмъ извѣстно, что передъ наступленіемъ промышленнаго кризиса *денежная заработная плата бываетъ всего выше, а не ниже*, какъ слѣдовало бы по теоріи Родбертуса. Итакъ, продолжаетъ г. Туганъ-Барановскій, повышение производительности труда и удешевленіе продуктовъ, если бы даже такое дѣйствительно происходило предъ каждымъ промышленнымъ кризисомъ, не могло бы уронить денежную заработную плату рабочихъ и, слѣдовательно, не могло бы сократить покупательныхъ средствъ этихъ послѣднихъ. Другими словами, успѣхи техники не могутъ быть причиною промышленныхъ кризисовъ, какъ это предполагалъ Родбертусъ¹⁷. Мало того, въ дѣйствительности „эпохи торговаго оживленія, которыя непосредственно предшествуютъ кризисамъ и вызываютъ ихъ, характеризуются не ускореніемъ технического прогресса и удешевленіемъ фабрикатовъ, а наоборотъ—*замедленіемъ технического прогресса и повышеніемъ цѣнъ фабрикатовъ*“.

Такимъ образомъ, факты даже въ томъ видѣ, какъ ихъ характеризуетъ самъ Родбертусъ въ своемъ очеркѣ исторіи кризисовъ, совершенно не подтверждаютъ его логически стройной и красивой теоріи кризисовъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что незначительность доли рабочихъ классовъ въ распредѣленіи, сокращая ихъ покупательную способность, препятствуетъ нормальному росту и развитію производства; но эта незначительность и даже сокращеніе доли рабочихъ классовъ не могутъ произвести такихъ острыхъ потрясеній, какими являются промышленные кризисы. Причина этихъ послѣднихъ кроется прежде всего и главнымъ образомъ въ неорганизованности производства—явленіи, которое Родбертусъ неоднократно отмѣчалъ и рѣзко критиковалъ въ своихъ сочиненіяхъ, но котораго онъ нигдѣ не попытался привести въ связь съ промышленными кризисами; а затѣмъ—въ накопленіи свободнаго капитала, превышающемъ существующую въ данное время потребность¹⁷⁾.

Если, такимъ образомъ, многіе изъ основныхъ теоретическихъ взглядовъ Родбертуса представляются по меньшей мѣрѣ спорными, то не слѣдуетъ забывать, что всякая вообще наука, а особенно столь молодая и не установившаяся, какъ политическая экономія, совершаетъ путь

¹⁷⁾ Туганъ-Барановскій, назв. соч., стр. 499—504.

свой „отъ мрака къ свѣту“, стремится къ истинѣ чрезъ длинный рядъ заблужденій; извѣстно, что у Адама Смита нѣтъ, можетъ быть, ни одного опредѣленія, которое бы не страдало неполнотою или неясностью; что взгляды Рикардо отличаются крайнею односторонностью и схематичностью, а противорѣчія въ теоріи цѣнности Маркса до сихъ поръ не вполне выяснены и не сглажены его ревностными учениками и послѣдователями. И если Смитъ, Рикардо, Марксъ до сихъ поръ остаются тѣми столпами, на которыхъ покоится все зданіе политической экономіи, то равнымъ образомъ и Родбертуса его ошибки и заблужденія не могутъ лишить права на званіе одного изъ первыхъ корифеевъ экономической науки и въ частности одного изъ основателей научнаго социализма. Въ этомъ, кажется, согласны нынѣ представители всѣхъ направлений, если не считать немногихъ слишкомъ рьяныхъ и одностороннихъ послѣдователей и поклонниковъ Маркса. Въстѣ съ этимъ послѣднимъ Родбертусъ поднялъ социалистическія ученія на степень стройной научной системы, данныя и выводы которой оказали сильнѣйшее вліяніе на развитіе всей вообще экономической науки, подвергъ критикѣ основныя положенія либеральной политической экономіи, создалъ теоретическое обоснованіе для потребныхъ, съ точки зрѣнія нуждъ рабочаго класса, коренныхъ реформъ и намѣтилъ въ общихъ чертахъ самый планъ такихъ реформъ. Если Марксъ и остался совершенно свободенъ отъ вліянія теоретическихъ взглядовъ Родбертуса, то на Лассаля, по его собственному признанію, эти взгляды имѣли очень сильное вліяніе, а чрезъ него они повліяли и на тѣ болѣе широкія сферы, для которыхъ собственныя работы Родбертуса оставались совершенно недоступными.

Обращаясь затѣмъ къ обзору заслугъ Родбертуса въ области экономической теоріи, слѣдуетъ на первомъ мѣстѣ назвать, несмотря на указанныя выше ошибки и противорѣчія, его теорію цѣнности и связанную съ нею теорію распредѣленія. Конечно, Родбертусъ, какъ и Марксъ, не былъ создателемъ трудовой теоріи цѣнности. Теорія эта была точно формулирована еще Рикардо; но только Родбертусъ въ своей теоріи ренты и Марксъ въ своей теоріи прибавочной стоимости сдѣлали изъ нея логическіе выводы въ области распредѣленія національнаго продукта: они показали, что весь доходъ класса собственниковъ, будутъ ли то землевладѣльцы или владѣльцы движимаго капитала, получается путемъ разложенія на части именно этой самой трудовой цѣнности; что источникомъ этого дохода является не какая-нибудь надбавка къ нормальной цѣнности, а неполная оплата создаваемаго эту послѣднюю труда; что, дру-

гими словами, „для опредѣленія цѣнности нужно не суммировать ея составныя части, а наоборотъ, для опредѣленія этихъ составныхъ частей приходится разлагать цѣнность“¹⁸⁾. Созданная Родбертусомъ теорія цѣнности и теорія происхожденія нетрудового дохода доступны многимъ серьезнымъ возраженіямъ; тѣмъ не менѣе въ указанныхъ только что своихъ основныхъ чертахъ ученіе Родбертуса едва ли поколеблено и можетъ считаться прочнымъ приобрѣтеніемъ экономической науки.

Родбертусу принадлежитъ, далѣе, заслуга болѣе точной формулировки и выясненія цѣлаго ряда важнѣйшихъ явленій хозяйственной жизни и основныхъ понятій экономической науки. На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить здѣсь установленное имъ и завоевавшее себѣ прочное мѣсто въ наукѣ разграниченіе *логически*хъ и *исторически*хъ категорій въ хозяйственныхъ явленіяхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—частно-хозяйственной и общественно-хозяйственной точекъ зрѣнія въ анализѣ этихъ явленій, разграниченіе, особенно полно и обстоятельно разработанное по отношенію къ капиталу. Либеральная политическая экономія разсматривала капиталъ если не исключительно, то преимущественно съ частно-хозяйственной точки зрѣнія, благодаря чему включала въ понятіе капитала такіе элементы, какъ издержки предпринимателей на содержаніе рабочихъ. Родбертусъ, на основаніи сравнительнаго изслѣдованія роли капитала въ античномъ, рабскомъ хозяйствѣ, въ современномъ строѣ и въ грядущемъ, идеальномъ обществѣ, показалъ, что капиталъ необходимо разсматривать съ двоякой точки зрѣнія: въ *логическомъ народохозяйственномъ* смыслѣ капиталъ, независимо отъ измѣненій въ общественномъ строѣ, есть совокупность продуктовъ, назначенныхъ для дальнѣйшаго производства; но на-ряду съ этимъ понятіемъ въ современномъ обществѣ, гдѣ уже установилась личная свобода рабочихъ, но существуетъ право частной собственности на землю и капиталъ, сложилось еще понятіе *частнаго* капитала, обнимающее всѣ составныя части имущества отдѣльныхъ лицъ, потребныя для организациіи производительнаго предпріятія и для поддержанія его въ ходу. Для того, чтобы опредѣленно выяснитъ понятіе капитала, Родбертусу пришлось произвести детальный сравнительный анализъ всего хозяйственного механизма въ античномъ, ойкосномъ хозяйствѣ, при существованіи рабства, въ современномъ обществѣ, основанномъ на свободѣ личности и частной собственности на орудія производства, и въ такомъ идеальномъ обществен-

¹⁸⁾ Герценштейнъ, „Переписка Родбертуса съ Ад. Вагнеромъ“, „Русск. Мысль“, 1885, декабрь, отд. 2-й, стр. 77.

номъ строѣ, гдѣ существовала бы только собственность на заработокъ, и орудія были бы достояніемъ общества; а при этомъ анализѣ ему удалось выяснитъ историческій характеръ многихъ другихъ экономическихъ явленій и понятій, а также зависимость какъ всей организациі производства, такъ и въ особенности распредѣленія народнаго дохода отъ правовой организациі общества.

Точно установивъ, такимъ образомъ, понятіе капитала, Родбертусъ весьма много сдѣлалъ для выясненія вопроса объ отношеніи капитала къ доходу и въ частности—къ заработной платѣ. Извѣстно, что въ либеральной политической экономіи господствовалъ взглядъ, что доходъ получается *изъ капитала*, что въ частности изъ капитала выплачивается заработная плата,—господствовала, словомъ, теорія *заработнаго фонда*, размѣръ котораго опредѣляетъ собой наивысшій возможный размѣръ заработной платы. „Отлично понимая, говоритъ русскій критикъ Родбертуса М. Я. Герценштейнъ¹⁹⁾, что существованіе такой теоріи служить непреодолимымъ препятствіемъ для всякаго рода мѣръ, направленныхъ къ повышенію рабочей платы и вообще къ улучшенію быта рабочихъ классовъ, онъ основательно разобралъ эту теорію, доказалъ всю ея несостоятельность и такимъ образомъ очистилъ политическую экономію отъ тяготившаго надъ нею обвиненія въ стремленіи поработить рабочіе классы. Можно положительно утверждать, продолжаетъ Герценштейнъ, что лучшее опроверженіе этой теоріи принадлежитъ ему, такъ какъ онъ не только доказалъ, что такого опредѣленнаго фонда не существуетъ, но и показалъ, что рабочая плата вовсе не берется изъ капитала, а наравнѣ съ прибылью и рентой есть доля въ продуктѣ“.

Не мало сдѣлалъ, далѣе, Родбертусъ и для выясненія самаго понятія дохода и въ частности—*національнаго дохода*, который онъ впервые противопоставилъ *національному продукту*: этотъ послѣдній—результатъ всѣхъ работъ, произведенныхъ въ данное время, на всѣхъ ступеняхъ добычи сырья и переработки продукта; національный доходъ—совокупность полезностей, вышедшихъ уже изъ послѣдней стадіи производства и окончательно подготовленныхъ къ потребленію. Къ *продукту* данной эпохи принадлежатъ такія вещи, какъ добытое на рудникахъ желѣзо, снятое съ полей зерно, изготовленная на фабрикѣ пряжа и пр.; къ *доходу*—только предметы непосредственнаго потребленія, какъ готовыя ткани, утварь, мука и пр.,—и очевидно, что доходъ данной эпохи лишь

¹⁹⁾ См. назв. статью, стр. 77.

въ наименьшей части является продуктомъ той же эпохи, а въ весьма значительной мѣрѣ слагается изъ продукта предыдущихъ эпохъ²⁰⁾.

Наконецъ, не малая заслуга принадлежитъ Родбертусу въ выясненіи понятія и значенія *раздѣленія труда*. Со времени Адама Смита раздѣленіе труда понималось въ смыслѣ, такъ сказать, техническомъ,—въ смыслѣ раздѣленія операций внутри даннаго производства. Родбертусъ первый обстоятельно выяснилъ значеніе раздѣленія труда въ *общественномъ* смыслѣ, какъ „матеріальной связи, создающей общество изъ агрегата индивидовъ“²¹⁾; въ той постановкѣ вопроса, какую даль вопросу Родбертусъ, раздѣленіе труда *перестаетъ быть только раздѣленіемъ*,—оно становится *общественнымъ соединеніемъ труда*, объединяющимъ не только цѣлыя націи, но весь промышленный міръ и всѣ существующія отрасли производства,—и объединенный трудъ даетъ *единый доходъ*, который уже въ распредѣленіи своемъ расчленяется на ренту и прибыль. Для Рикардо рента была продуктомъ добывающей, прибыль—обрабатывающей промышленности; для Родбертуса всѣ виды дохода—результатъ раздѣленнаго, но нераздѣльнаго въ своей взаимной связи труда, расчленяющійся между разными категоріями лицъ, имѣющихъ право участвовать въ его распредѣленіи.

Таковы наиболѣе серьезные и прочные вклады Родбертуса въ экономическую науку. Но и тѣ части его ученія, которыя, какъ мы отчасти показали, разработаны неполно и не выдерживаютъ провѣрки фактовъ, напр., теорія происхожденія земельной ренты, ученіе о сокращеніи доли продукта, достаемой рабочему классу, какъ причинѣ промышленныхъ кризисовъ, по необыкновенной силѣ и логичности выводовъ навсегда сохранять почетное мѣсто въ исторіи развитія экономическихъ идей. Независимо отъ этихъ наиболѣе крупныхъ заслугъ Родбертуса, у него, по вѣрному замѣчанію Герценштейна²²⁾, „часто поражаетъ масса отдѣльныхъ мыслей, вскользь брошенныхъ замѣчаній, сильная критика, умѣніе доходить до самаго корня вопроса и выдѣлять случайные элементы отъ постоянныхъ, наконецъ, его образный языкъ и удачныя сравненія“. Во всемъ этомъ—если не считать, можетъ быть, манеры изложенія, Родбертусъ весьма близокъ къ Рикардо, далеко превосходя его въ общемъ взглядѣ на народное хозяйство, какъ на единый процессъ

²⁰⁾ Adler, назв. соч., стр. 22 и сл.

²¹⁾ Герценштейнъ, назв. статья, стр. 78.

²²⁾ Тамъ же, стр. 79.

культурнаго развитія чловѣчества и въ умѣнїи анализировать экономическіе факты, какъ проявленія именно этого единаго народохозяйственнаго процесса. И я могу только присоединиться къ заключенію, высказываемому Лексисомъ, и сказать, что теоретическія работы Родбертуса навсегда останутся для каждаго, кто захочетъ посвятить себя серьезному изученію экономической теорїи, превосходною *disciplina mentis*, и уже въ силу этого никогда не утратятъ своей классической цѣнности.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ входить здѣсь въ оцѣнку работъ Родбертуса по исторїи античнаго народнаго хозяйства и сочиненїй его, посвященныхъ вопросу о задолженности землевладѣнїя и организаціи поземельнаго кредита. Эти послѣднія работы, по оцѣнкѣ спеціалиста въ данномъ вопросѣ М. Я. Герценштейна²³⁾, „представляютъ, безспорно, самое основательное, что было написано по этому вопросу“. Что касается до историческихъ работъ, то мы указывали уже выше, какъ высоко ихъ цѣнятъ спеціалисты-экономисты и историки. И здѣсь Родбертусъ проявляетъ ту же особенность, которая характеризуетъ его теоретическія изслѣдованїя: „за какой бы спеціальнїй вопросъ ни брался Родбертусъ, говоритъ Герценштейнъ²⁴⁾, онъ всегда умѣетъ свести его къ какому-нибудь крупному фактору, придающему всей экономической жизни ея конкретныя формы, и этимъ даетъ примѣръ совершенно новаго рода разработки историческаго матеріала“; во всѣхъ его историческихъ изслѣдованїяхъ красною нитью проходитъ идея, „что измѣненїя въ земледѣльческой техникѣ, т. е. въ области производства, приводятъ къ измѣненїямъ въ землевладѣнїи и измѣняютъ такимъ образомъ всю конструкцію общества“,—идея, значительно сближающая Родбертуса, несмотря на весь его теоретическїй идеализмъ, съ историко-философскими взглядами Карла Маркса.

Предлагаемое ниже читателю изложенїе экономической теорїи Родбертуса состоитъ изъ двухъ частей: первая озаглавлена „Теорїя ренты“, вторая—„Изслѣдованїе о капиталѣ“. Эта вторая часть представляетъ собой не болѣе, нежели слегка сокращенный переводъ „Четвертаго соціальнаго письма къ фонъ-Кирхману“, носящаго заглавіе „Das Kapital“ и содержащаго въ себѣ изслѣдованїя Родбертуса по такимъ основнымъ вопросамъ, какъ значенїе капитала и отношенїе его къ доходу, какъ

²³⁾ Тамъ же, стр. 80.

²⁴⁾ Стр. 79.

исторически-измѣнчивый характеръ экономическихъ понятій и категорій, и т. п. Въ первой части я имѣлъ въ виду представить читателю выработанную Родбертусомъ теорію распредѣленія въ связи съ ученіемъ о кризисахъ и съ взглядами его на общій характеръ и значеніе соціальнаго вопроса. Осуществленіе этой задачи оказалось нѣсколько болѣе труднымъ: свою теорію распредѣленія и свои взгляды на соціальный вопросъ Родбертусъ выработывалъ и излагалъ постепенно, начиная съ работы 1837 года; эта теорія и эти взгляды нигдѣ не сведены и не облечены въ законченную форму, а частью разбросаны, частью повторяются въ цѣломъ рядѣ сочиненій Родбертуса, особенно въ «Пяти теоремахъ» и въ первыхъ трехъ соціальныхъ письмахъ къ фонъ-Кирхману, при чемъ одни вопросы и однѣ стороны дѣла подробнѣе развиты въ однихъ, другіе—въ другихъ изъ этихъ сочиненій. Я нашелъ поэтому наиболѣе цѣлесообразнымъ изложить взгляды и разсужденія Родбертуса по названнымъ вопросамъ въ болѣе стройной системѣ, дающей возможность обозрѣть отдѣльныя части его теоріи въ ихъ взаимной связи и зависимости, и думаю, что достигъ этой цѣли, включивъ въ первую часть настоящей книги все существенное содержаніе первыхъ трехъ „соціальныхъ писемъ“. Мнѣ лично въ этой части принадлежитъ только общій планъ, только размѣщеніе даннаго Родбертусомъ содержанія по главамъ ²⁵⁾; самое содержаніе это вездѣ изложено собственными словами Родбертуса, при чемъ наиболѣе существенныя главы представляютъ собой полный или почти полный, менѣе важныя главы—болѣе или менѣе сокращенный переводъ. О тѣхъ сторонахъ экономическихъ, историко-философскихъ и соціологическихъ взглядовъ Родбертуса, которыя остались незатронутыми въ „соціальныхъ письмахъ“, я попытался дать понятіе въ настоящемъ введеніи.

А. Кауфманъ.

Мартъ 1897 г.

Апрѣль 1907 г.

²⁵⁾ Въ началѣ каждой главы въ выноскѣ показано, откуда именно взята заключающаяся въ этой главѣ часть изложенія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Теорія ренты.

Глава I. Общая характеристика современного общественного строя¹⁾.

Соціальный вопрос древняго Рима носил совершенно иной характеръ, чѣмъ соціальный вопросъ нашего времени: онъ сводился къ классовой борьбѣ между *крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ*. Работникъ въ это время былъ вещью, составною частью имущества землевладѣльца, а потому не игралъ активной роли въ соціальной жизни, являясь лишь объектомъ частнаго имущественнаго права; владѣніе капиталомъ совмѣщалось въ однихъ рукахъ съ владѣніемъ землею,—и такимъ образомъ арена соціальной жизни съ ея противорѣчіями суживалась до послѣдней степени, а соціальная борьба могла возникнуть не иначе, какъ на почвѣ противорѣчія между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ. Здѣсь борьба дѣйствительно достигала величайшей напряженности: гдѣ властвовалъ крупный землевладѣлецъ, тамъ не было житія для мелкаго землевладѣльца; послѣднему не было возможности даже бѣжать отъ притѣсненій, которыя онъ терпѣлъ, потому что вездѣ онъ встрѣчалъ со стороны крупныхъ землевладѣльцевъ тѣ же притѣсненія. Извѣстенъ афоризмъ—*latifundia perdidere Romam*: угнетеніе со стороны крупнаго землевладѣнія угасило послѣднюю искру патриотизма въ классѣ мелкихъ землевладѣльцевъ и вызвало всеобщее бѣгство послѣднихъ къ надвигавшимся на имперію варварамъ, такъ что въ концѣ-концовъ латифундіи, это великое соціальное зло древности, значительно содѣйствовали гибели римскаго государства и римской національности отъ руки виѣшнихъ враговъ.

¹⁾ Zur Beleuchtung der socialen Frage; ч. II, изд. 1885 г., стр. 13—21, и начало 1-го соц. письма—тамъ же, стр. 95—99.

Тщетно старались императоры, особенно христіанской эпохи, бороться съ пагубными послѣдствіями тогдашней классовой борьбы,—всѣ принимавшіяся ими мѣры, какъ онѣ ни казались радикальны, исчезали въ пропасти соціального вопроса. Иначе, впрочемъ, и не могло быть: характерная черта такихъ критическихъ эпохъ въ томъ и заключается, что для страданій, созданныхъ соціальнымъ вопросомъ, нельзя найти исцѣленія на почвѣ данного общественнаго строя,—и разрѣшеніе соціального вопроса можетъ быть найдено только въ измѣненіи самыхъ основъ этого послѣдняго строя. Только тогда, когда работникъ получилъ свободу, а владѣніе собственностью распредѣлилось между двумя классами—землевладѣльцевъ и капиталистовъ, только тогда разрѣшился и соціальный вопросъ древности и исчезла классовая борьба между крупнымъ и мелкимъ землевладѣніемъ.

Теперь въ Западной Европѣ содержаніемъ соціального вопроса является нѣчто иное, именно противорѣчіе между *трудомъ и всякою вообще собственностью*: крупная или мелкая земельная собственность и обладаніе движимымъ капиталомъ,—всѣ эти виды собственности стоятъ въ одинаковомъ противорѣчій съ правами и интересами рабочаго класса....

Въ общественномъ движеніи XVIII вѣка главная роль принадлежала *праву*; на обществѣ въ то время тяготѣло невыносимое бремя отдѣльныхъ исторически-сложившихся привилегій, не оставлявшихъ никакого простора естественному праву человѣка. Критическая теорія XVIII вѣка устранила все исторически сложившееся: въ частномъ правѣ она не оставила ничего, кромѣ свободы личности и собственности, въ публичномъ—ничего, кромѣ понятія господства воли народа, или, какъ теперь правильнѣе говорить,—воли государства, а за теоріей послѣдовала и практика какъ въ сферѣ частнаго, такъ отчасти и въ области публичнаго права.

Въ этомъ заключалась реформаторская миссія права; теперь эта миссія исполнена, и право должно уступить свою роль экономической политикѣ²⁾, которой приходится считаться съ возникшими на почвѣ новаго правового порядка угрожающими явленіями, имѣющими экономическій характеръ, или во всякомъ случаѣ коренящимися въ хозяйственномъ строѣ общества.

Дѣло въ томъ, что, установивъ абсолютную свободу личности и

²⁾ Въ подлинникѣ Staatswirthschaft. А. К.

собственности, право не оставило для хозяйственной организации общества никакой другой основы, кромѣ раздѣленія труда и свободной конкуренціи; въ области же самого права сохранилась частная собственность на землю и капиталъ, при наличности которой и раздѣленіе труда, и свободная конкуренція приобрѣтають своеобразный характеръ. Земля и капиталъ принадлежатъ не обществу, какъ цѣлому, а отдѣльнымъ собственникамъ, имѣющимъ неограниченное право распоряженія своею собственностью, а потому раздѣленіе труда не можетъ облечься въ подобающую ему форму народно-хозяйственного соединенія входящихъ въ составъ общества, юридически равныхъ между собою индивидовъ, — соединенія, руководимаго особою общественною властью, въ интересахъ всѣхъ и каждаго, сообразно наличнымъ общественнымъ средствамъ и потребностямъ. Функции этой власти сосредоточены въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, владѣющихъ землею и капиталомъ; эти лица руководятъ общественнымъ раздѣленіемъ труда, сообразуясь исключительно со своими собственными интересами, а самое раздѣленіе труда ограничивается классомъ рабочихъ, которые состоятъ на службѣ у собственниковъ и за наемную плату исполняютъ, по ихъ указанію, необходимыя для производства работы. Эта характерная форма раздѣленія труда имѣетъ рѣшающее вліяніе на распредѣленіе народного продукта: послѣдній, съ одной стороны, распредѣляется не между одними только работниками; съ другой стороны, распредѣленіе происходитъ не на основаніи какого-либо опредѣленнаго закономъ мѣрила. Въ распредѣленіи продукта общественного производства участвуютъ кромѣ дѣйствительныхъ производителей—работниковъ, еще отдѣльныя лица, владѣющія орудіями общественного производства: при этомъ законъ устанавливаетъ только правовыя основанія (titulus) распредѣленія, а опредѣленіе размѣра тѣхъ долей, на которыя распадается общественный продуктъ, предоставлено слѣпной власти экономического оборота (Verkehr). Окончательное распредѣленіе продукта создается на почвѣ чего-то въ родѣ естественнаго состоянія Гоббеса—на почвѣ непрерывнаго *bellum omnium contra omnes*, — борьбы, въ которой стороны, благодаря существованію частной собственности на землю и капиталъ, вооружены неравнымъ оружіемъ.

Въ этомъ—главныя характерныя черты общественного строя современной Европы. Какимъ же образомъ, спрашивается, вліяетъ этотъ строй на положеніе рабочаго класса? Извѣстно, что съ точки зрѣнія какъ

отвлеченныхъ принциповъ, такъ и дѣйствующаго закона, права и обязанности свободныхъ людей присвоены рабочимъ въ такой же мѣрѣ, какъ и всѣмъ прочимъ членамъ общественнаго организма. Но фактически дѣло обстоитъ совершенно иначе—между юридическимъ и фактическимъ положеніемъ современнаго рабочаго класса зияетъ цѣлая пропасть, вся глубина которой можетъ быть опредѣленно и рельефно выражена въ слѣдующихъ трехъ положеніяхъ:

Во-первыхъ: *Вмѣсто того, чтобы участвовать, по крайней мѣрѣ, въ одинаковой съ собственностью пропорціи въ выгодахъ роста національнаго производства и такимъ образомъ, параллельно съ ростомъ народнаго дохода вообще и достигающей собственникамъ ренты въ частности, получать въ видѣ заработной платы все увеличивающіяся массы продуктовъ³⁾,—народный трудъ въ дѣйствительности получаетъ въ видѣ заработной платы все то же количество продуктовъ, а следовательно—все меньшую долю народнаго дохода⁴⁾.*

Во-вторыхъ: *Несмотря на это, расходы, которые народный трудъ долженъ былъ нести на государственныя потребности, непрерывно возростали и въ настоящее время достигли высшаго нежели когда-либо размѣра.*

Въ-третьихъ: *Тѣ выгоды и то содѣйствіе, которыя государ-*

³⁾ Въ подлинникѣ: Betrag. А. Г.

⁴⁾ Это положеніе представляется однимъ изъ наиболее спорныхъ въ экономической наукѣ: „доказательствомъ необыкновенной трудности разрѣшать подобные вопросы статистики, читаемъ мы въ извѣстномъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, можетъ служить то обстоятельство, что въ настоящее время существуетъ два противоположныхъ ученія, изъ которыхъ одно, выставленное Сифенъомъ, Зетберомъ и Леруа-Болье, считаетъ возможнымъ, на основаніи извѣстныхъ фактовъ, представить въ благопріятномъ видѣ распредѣленіе доходовъ, а другое, основанное социалистами и статистически обоснованное главнымъ образомъ Шинпелемъ, на основаніи тѣхъ же самыхъ фактовъ, доказываетъ противоположное“ (цитируемъ по сборнику «Промышленность», изд. М. и П. Водовозовыхъ. М. 1896, стр. 315). Изъ русскихъ ученыхъ, напр., проф. Янжуль полагаетъ, что „періодъ свободной торговли увеличилъ во много разъ богатство и промышленность Англіи, и тѣмъ не менѣе положеніе массы народа... не представляетъ сколько-нибудь значительной перемѣны къ лучшему“ (Англ. своб. торговля, вып. II, стр. 468). Напротивъ, новѣйшій изслѣдователь англійской промышленной исторіи г. Туганъ-Барановскій утверждаетъ и доказываетъ, что въ 50-хъ и 60-хъ годахъ, т. е. какъ разъ въ эпоху, къ которой относятся наблюденія Родбертуса, „благосостояніе рабочаго класса въ Великобританіи значительно увеличилось“ („Промышленные кризисы въ современной Англіи“. С.-ПБ. 1894, стр. 201—202).

ство оказываетъ различнымъ общественнымъ классамъ въ обмѣнъ на возлагаемая на нихъ тягости, для рабочаго класса непрерывно уменьшались, и въ настоящее время они меньше, нежели когда-либо прежде.

Итакъ, работники получаютъ наименьшую долю созданныхъ при ихъ участіи, подъ защитой государства, плодовъ народнаго труда, и при существующемъ хозяйственномъ строѣ они будутъ получать тѣмъ меньшую долю, чѣмъ болѣе будетъ возрастать производительность труда; несмотря на это они несутъ наибольшую долю требуемыхъ существованіемъ государства тягостей и издержекъ, и въ то же время въ наименьшей мѣрѣ пользуются благодѣяніями, оказываемыми обществу государствомъ... Значеніе этихъ обстоятельствъ никоимъ образомъ не ограничивается тѣсною областью хозяйственныхъ отношеній, а угрожаетъ и серьезною политическою опасностью: рабочій классъ современной Европы, патриотизмъ котораго притушился подъ вліяніемъ испытываемаго имъ гнета, начинаетъ поддаваться такимъ же искушеніямъ, какъ мелкіе землевладѣльцы древняго Рима. Онъ не можетъ, правда, бѣжать къ какимъ-нибудь варварамъ; но, утрачивая чувство любви къ отечеству и проникаясь озлобленнымъ классовымъ чувствомъ, онъ тѣмъ не менѣе подаетъ руку врагамъ отечества. Та же аналогія съ эпохой древняго Рима замѣчается и въ отношеніи возможнаго разрѣшенія соціального вопроса: нельзя разрѣшать его, стоя на почвѣ основъ существующаго общественнаго строя; рѣшеніе современнаго соціального вопроса настанетъ лишь съ появленіемъ порядка, покоящагося на новыхъ соціальныхъ основахъ, такъ же отличающихся отъ частной собственности на землю и капиталъ и ея послѣдствій, какъ строй, основанный на рабствѣ, отличался отъ современнаго намъ общественнаго строя. Надо только желать и надѣяться, что коренное соціальное преобразованіе, имѣющее разрѣшить современный соціальный вопросъ, явится результатомъ сознательной дѣятельности государства, а не слѣпыхъ силъ, въ родѣ проявившихся въ великомъ переселеніи народовъ: въ первомъ случаѣ мы бы только перемѣнили соціальную одежду, но сохранили бы свое соціальное бытіе, тогда какъ во второмъ это послѣднее могло бы погибнуть среди бурь народныхъ движеній, какъ нѣкогда погибла могучая римская національность.

Глава II. Распределеніе богатствъ въ современномъ обществѣ ¹⁾.

Положеніе объ уменьшеніи доли рабочаго класса въ распределеніи

¹⁾ Zur Beleuchtung der socialen Frage, ч. II, изд. 1885 года, стр. 40—83.

національного продукта отвергается многими солидными экономистами, а большинствомъ ученыхъ господствующей школы совершенно игнорируется. Въ виду этого я считаю нужнымъ подтвердить это положеніе статистическими данными, извлеченными изъ сочиненій писателей самой господствующей школы и представляющими картину распредѣленія богатствъ въ богатѣйшей странѣ міра—Англии за періодъ времени съ 1812 по 1870 годъ.

По давнымъ англійскаго писателя Бакстера оказывается, что рабочее населеніе Соединеннаго Королевства въ 1867 году равнялось 23 милліонамъ и составляло 77% всего населенія страны. Изъ этого числа три милліона считались въ разрядѣ бѣдныхъ, пользующихся общественнымъ вспоможеніемъ (paupers), остальные 20 милліоновъ получали въ видѣ заработной платы средства, достаточныя лишь для покрытія необходимыхъ издержекъ существованія. На другомъ концѣ общественной лѣстницы стоятъ богачи, составляющіе всего $\frac{1}{35}$ % населенія (8,500 лицъ); средній доходъ ихъ равняется 14,820 ф. ст., и на долю ихъ достается 14 процентовъ національнаго дохода. Что касается до промежуточныхъ ступеней, т. е. до тѣхъ разрядовъ населенія, которые получаютъ съ имущества доходы малаго и средняго размѣра, то они далеко отстаютъ отъ рабочаго класса по своей численности, а отъ богатаго класса — по размѣрамъ получаемаго дохода: классъ „среднихъ доходовъ“ (отъ 300 до 1,000 ф. ст.) составляетъ $1\frac{1}{3}$ % населенія и получаетъ 9% народнаго дохода; лица съ доходомъ отъ 100 до 300 ф. ст., составляя 9%, получаютъ 14% народнаго дохода; наконецъ, разрядъ лицъ съ доходомъ отъ 60 до 100 ф. ст., скорѣе относящійся уже къ рабочему, нежели къ имущему классу, составляя по численности 14% населенія, получаетъ изъ народнаго дохода всего 10 процентовъ.

Но едва ли не въ наибольшей мѣрѣ бросается въ глаза то обстоятельство, что рядомъ съ высшимъ классомъ, богатство котораго превышаетъ самыя неумѣренныя потребности, постоянно существуетъ жалкій соціальный осадокъ, который хотя и пользуется общественною помощью, однако обреченъ на жертву голода, нищеты и преждевременной смерти: общественная помощь, достаемая на долю этихъ несчастныхъ, сводится къ тому, что имъ выдаютъ по 6 пенсовъ въ день и на каждого члена семьи по караваю хлѣба въ недѣлю, и за это заставляютъ бить щечены!..... И этотъ соціальный осадокъ исчисляется въ 3 милліона озлобленныхъ людей, что составляетъ 10% всего населенія,

14% всего рабочего класса и 20% числа работников, дѣйствительно имѣющихъ работу.

Но данныя Бакстера сами по себѣ не представляютъ полнаго исчерпывающаго интереса: для полнаго выясненія социальныхъ явленій нельзя довольствоваться сравненіемъ данныхъ, представляющихъ социальное тѣло въ одномъ только поперечномъ разрѣзѣ, какъ бы они ни были интересны по содержанію и какъ бы ни были точны соотвѣтствующія цифры; для этой цѣли необходимо *сравненіе данныхъ, относящихся къ различнымъ моментамъ жизни одного и того же социальнаго организма, отдѣленнымъ другъ отъ друга достаточно продолжительнымъ промежуткомъ времени.* Рядомъ съ данными Бакстера надо поставить другія данныя, которыя представили бы поперечный разрѣзъ тѣхъ же слоевъ, относящійся къ достаточно отдаленному прошлому. Только тогда можно будетъ вполне понять и продумать до конца значеніе Бакстеровскихъ данныхъ.

Къ счастью, для Великобританіи и Ирландіи имѣются данныя, пригодныя для такого сравненія; данныя эти, относящіяся къ 1812 году, приведены въ работѣ Колькуна (Colquhoun) и изобразятся параллельно съ данными Бакстера въ нижеслѣдующей табличкѣ²⁾:

Группы по размѣрамъ дохода.	Численность группъ.		Сумма дохода каждой группы	
	Число хо- зяйствъ въ 1812 году.	Число обла- гаемыхъ лицъ въ 1847 г.	въ 1812 г.	въ 1867 г.
	Т ы с я ч ь.		Милліоновъ ф. ст.	
Крупные свыше 5,000 ф. ст.	0,38	8,5	5,9	126
доходы 1,000—5,000 " "	15,36	48,8	34,1	83
Средніе 300—1,000 ф. "	167,39	178	114,2	87
Малые 100—300 ф. ст. . .	905,12	1.026	138,3	110
доходы 60—100 " " . . .	42,50	1.497	6,7	81
Рабочій классъ	1.846,02	10.961	9,6	324
(Въ томъ числѣ бѣдныхъ) . .	1.548	3.000		
	тысячь	человѣкъ.		
Итого . .	2.977,18	13.720	389,8	814

²⁾ У Родбертуса такой таблички нѣтъ; она составлена мною изъ данныхъ, приведенныхъ у Родбертуса и использованныхъ имъ для выводовъ, ради большей наглядности и краткости. А. К.

Отсюда получаются слѣдующія процентныя и относительныя цифры:

Группы по размѣрамъ дохода.	Изъ 100 единицъ населенія приходилось на каждую группу		Изъ 100 ф. ст. народн. дохода доставалось каждой группѣ	
	въ 1812 г.	въ 1867 г.	въ 1812 г.	въ 1867 г.
Крупныя { свыше 5.000 ф.ст.	0,01	0,062	1,5	15,5
Среднiе: { 1.000—5.000 " "	0,5	0,86	8,7	10,2
{ 300—1.000 " "	5,6	1,3	29,3	10,7
Мелкiе { 100—300 " "	30,4	7,3	35,5	13,3
{ 60—100 " "	1,1	10,9	1,7	9,9
Рабочiй классъ	6,6	79,9	23,2	39,8

Прежде, нежели попытаться сдѣлать выводы изъ сопоставленiя этихъ цифръ, необходимо задаться вопросомъ: на сколько данныя Колькуна удобосравнимы съ данными Бакстера? Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ быть утвердительный: въ то время, къ которому относятся данныя Колькуна, т. е. въ 1812 году, въ Англии господствовала уже свобода экономическихъ отношенiй; она, правда, не распространялась еще на внѣшнюю торговлю ³⁾, но именно свобода экономическихъ сношенiй *внутри страны* и создаетъ то бурное море *laissez faire'a*, на волнахъ котораго носится нашъ хозяйственный оборотъ; переходъ къ свободѣ внѣшней торговли не могъ кореннымъ образомъ измѣнить дѣйствiя свободы внутренняго оборота, а могъ только, смотря по обстоятельствамъ, иногда смягчать, а иногда обострять это дѣйствiе. Если поэтому законодательство двадцатыхъ и сороковыхъ годовъ, установившее свободу внѣшней торговли, присоединилось къ законамъ, создавшимъ свободу экономического оборота, то это не мѣшаетъ намъ утверждать, что основныя законы, подъ преобладающимъ влiянiемъ которыхъ слагались экономическiя отношенiя, оставались безъ измѣненiя во весь перiодъ съ 1812 по 1867 годъ, а потому сравненiе данныхъ, относящихся къ этимъ двумъ моментамъ, позволить намъ судить о результатахъ дѣйствiя этихъ законовъ, слѣдовательно—и объ ихъ достоинствахъ или недостаткахъ.

Итакъ, мы имѣемъ передъ собой почти 60-лѣтнiй перiодъ все

³⁾ Въ подлинникѣ игра словъ: *heutiger nationaler Freihandel, wenn auch nicht internationale Handelsfreiheit. A. K.*

болѣе и болѣе неограниченнаго дѣйствія современной экономической системы, основанной на полной свободѣ экономическихъ отношеній и дающей полный просторъ человѣческому себялюбію,—періодъ, достаточно продолжительный для того, чтобы эта система могла привести все свои плоды, а потому и достаточно продолжительный для того, чтобы дать намъ право судить и осудить систему. Въ этотъ періодъ возросло какъ количество національнаго труда, такъ и его производительность: первое—путемъ увеличенія численности рабочаго населенія, а до послѣднихъ десяти лѣтъ и путемъ удлиненія рабочаго дня; вторая—благодаря появленію множества новыхъ все болѣе удивительныхъ машинъ, какихъ міръ не видалъ ранѣе. Этотъ періодъ былъ періодомъ небывалой ранѣе свободы развитія индивидуальныхъ силъ и такой безопасности для личности и имущества, какой также не знали прошлыя тысячелѣтія. Словомъ, ни одна социальная система не имѣла предъ собою такого простора, не могла въ такой полной мѣрѣ проявить своего благодѣтельнаго или губительнаго вліянія.

И вотъ каковы результаты этой системы въ богатѣйшей странѣ міра, въ государствѣ, гдѣ система впервые была теоретически обоснована и практически осуществлена; въ странѣ, которая по характеру населенія и духу своихъ учреждений, по своему географическому положенію и матеріальнымъ средствамъ должна была бы умѣть провести систему надлежащимъ образомъ, если бы это вообще было возможно, и которая до сихъ поръ держится этой системы, не боясь ея послѣдствій и не слушая раздающихся порицаній; вотъ каковы эти хваленые результаты, изображенные въ цифрахъ, заимствованныхъ изъ трудовъ самихъ приверженцевъ системы ⁴⁾.

1) Народный доходъ возросъ съ 389 до 814 милліонновъ, то-есть на 109%.

2) Населеніе возросло съ 17 до 30 милліонновъ, т. е. примѣрно на 76%.

3) Численность рабочаго класса возросла съ 66,6% до 80% всего населенія.

4) Численность имущихъ классовъ упала съ 33% до 20% всего населенія.

⁴⁾ У Родбертуса въ текстѣ приведены нѣсколько иныя цифры; но такъ какъ эти цифры не согласованы между собой и съ цифрами, изображенными на діаграммахъ, то я взялъ эти послѣднія цифры для помѣщенныхъ на стр. 59 и 60 таблицъ и согласовалъ съ ними текстъ. А. К.

5) Въ составѣ имущихъ классовъ высшій разрядъ (доходы свыше 5.000 ф. ст.), составлявшій въ 1812 г. всего $0,019\%$ населенія и получавшій $1,5\%$ народнаго дохода, въ 1867 г. составлялъ уже $0,6\%$ и получалъ около $15,3\%$ всего дохода націи. Средняя цифра дохода въ этой группѣ возросла съ 9.682 ф. ст. до 14.820 ф. ст.

6) Что касается до средняго класса, т. е. группы, получающей доходы средняго размѣра (300—1.000 ф.), то численность его упала съ $5,6\%$ до $1,3\%$ населенія.

7) Классы со среднимъ и съ малымъ доходомъ, взятые вмѣстѣ, въ 1812 году при общей суммѣ народнаго дохода въ 389 милліоновъ, получили 259 милліоновъ ф. ст.; въ 1867 г. они получили всего 278 милліоновъ изъ 814-ти; слѣдовательно, въ 1812 г. ихъ доля участія въ народномъ доходѣ равнялась $66,6\%$, а въ 1867 году— $34,1\%$.

8) Рабочіе классы въ 1812 году получали въ видѣ заработной платы 91 милліонъ изъ 389, т. е. 23% ; въ 1867 году они получали изъ 814 милліоновъ около 324, слѣдовательно, почти 40% всего національнаго дохода. При этомъ однако реальный доходъ рабочаго класса—количество фунтовъ хлѣба, мяса и т. п. продуктовъ, служащихъ для поддержанія жизни рабочаго, т. е. то, что собственно имѣетъ наиболѣе важное значеніе,—осталось безъ измѣненія. Доходъ работника составляетъ такимъ образомъ все меньшую долю цѣнности его продукта, а слѣдовательно—пропорціонально все меньшую часть національнаго дохода.

9) Число лицъ, пользующихся общественною благотворительностью, абсолютно увеличилось вдвое—съ $1\frac{1}{2}$ до 3 милліоновъ, въ отношеніи же къ общей численности населенія возросло съ 9 до 10% .

10) Наконецъ, въ 1812 году эта масса несчастныхъ, получая отъ общинъ 9 милліоновъ ф. ст., пользовалась свободой и могла искать себѣ заработковъ; въ 1867 г. ихъ заставляютъ бить щепень за вознагражденіе по 6 пенсовъ въ день и на каждого члена семьи по каравану хлѣба въ недѣлю!

Таковы печальные результаты системы. Общество все болѣе раздвигается на противоположные концы общественной лѣстницы; внизу—все возрастающая неимущая масса; наверху—уменьшающаяся въ относительной численности, пресыщенная богатствомъ горсть избранныхъ; стоящіе между этими двумя крайностями средніе классы, связывающіе общество и примиряющіе соціальныя противорѣчія, убываютъ и въ численности, и въ размѣрѣ получаемаго ими дохода... Не открывается

ли, благодаря такому процессу, свободное поле для ужасной социальной борьбы?...

Глава III. Пауперизмъ и промышленные кризисы.

Характернѣйшіе признаки современнаго общественнаго строя, тѣсно связанные съ самими его основами, суть *пауперизмъ и промышленные кризисы*. Остановимся сначала на пауперизмѣ ¹⁾.

Вотъ уже нѣсколько десятилѣтій, какъ замѣчено, что обѣднѣніе массъ непрерывно растетъ, и что въ нѣкоторыхъ странахъ ростъ бѣдности быстрѣе, чѣмъ ростъ населенія. Въ настоящее время бѣдность достигла такихъ размѣровъ, что очень значительная часть населенія не можетъ существовать на собственныя средства, а вынуждена въ той или иной формѣ пользоваться поддержкой остальной части общества. Эти факты можно предполагать общеизвѣстными,—они не отрицаются ни однимъ экономистомъ или статистикомъ со сколько-нибудь солидною репутаціей. Благотворительные бюджеты отдѣльныхъ общинъ, возрастающіе быстрѣе, нежели растетъ ихъ населеніе, въ то время какъ и частная благотворительность въ наши дни дѣлаетъ болѣе, нежели когда-либо ранѣе, даютъ тысячи подтвержденій этого роста бѣдности. То, что Бюрэ доказалъ въ большихъ размѣрахъ—для всей Англіи, въ томъ каждый изъ насъ можетъ убѣдиться лично въ малыхъ размѣрахъ, посѣщая рабочіе кварталы въ любомъ прусскомъ городѣ.

Параллельно съ этимъ фактомъ наблюдается другой, столь же несомнѣнный фактъ, на-ряду съ которымъ возрастающее обѣднѣніе представляется явленіемъ еще болѣе страшнымъ и поразительнымъ, именно—*ростъ народнаго богатства*. Послѣднее возросло не только въ томъ смыслѣ, что увеличившееся населеніе производитъ больше продуктовъ, но и въ томъ, что возросшая общая сумма народнаго богатства, распределенная на возросшее число душъ населенія, даетъ на каждую душу большую цифру, чѣмъ прежде. Дитеричи считаетъ, что въ Пруссіи на каждую душу приходилось:

въ 1815 г.	по 15 талеровъ
въ 1831 г.	по 25 „
въ 1843 г.	по 30 „

¹⁾ Начало 1-го социальнаго письма (Zur Beleuchtung der social. Frage), ч. II, изд. 1885 г., стр. 99—106.

Отдѣльныя цифры, можетъ быть, и невѣрны, но прогрессія повышения, несомнѣнно, изображена приблизительно вѣрно. Въ сходной пропорціи возросло народное богатство въ большинствѣ другихъ цивилизованныхъ странъ, въ Англїи же его ростъ былъ значительно сильнѣе. При этомъ возрастаніе народнаго богатства не можетъ быть сведено къ увеличенію одной только суммы цѣнностей,—это могло бы явиться результатомъ простаго вздорожанія всѣхъ продуктовъ и, слѣдовательно, служить признакомъ возрастающаго недостатка въ тѣхъ предметахъ потребления²⁾, наличность или недостатокъ которыхъ являются дѣйствительнымъ мѣриломъ богатства или бѣдности. Дитериди доказываетъ въ своихъ прекрасныхъ работахъ о производствѣ и потребленіи въ Сѣверо-Германскомъ таможенномъ союзѣ, что количество важнѣйшихъ товаровъ, приходящееся на душу населенія, непрерывно возрастаетъ,—и этотъ фактъ представляется настолько безспорнымъ, что также не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Такимъ образомъ, эти два явленія находятся между собой въ замѣчательномъ параллелизмѣ: пауперизмъ (Vergarmung) растетъ быстрѣе, чѣмъ населеніе, и въ то же время быстрѣе населенія растетъ и масса имущества націи, слѣдовательно, возрастаетъ народное богатство. Такой параллелизмъ возможенъ, очевидно, лишь потому, что ростъ національнаго имущества идетъ на пользу только одной части населенія и совсѣмъ не отражается на положеніи другой, и, слѣдовательно, тотъ статистическій приемъ дѣленія общей суммы національнаго имущества на число душъ населенія, помощью котораго обыкновенно доказывается ростъ народнаго богатства, невѣрно представляетъ истинное положеніе дѣлъ, такъ какъ ростъ богатства націи не обогащаетъ нуждающейся части населенія. Если бы даже было доказано, что пауперизмъ растетъ лишь пропорціонально прибыли населенія или даже что онъ убываетъ, но медленнѣе, нежели растетъ народное богатство, то уже это было бы величайшимъ

²⁾ Это разъясненіе въ сущности представляется излишнимъ, потому что еще Рикардо выяснилъ, что богатство надо строго отличать отъ цѣнности: первое, по Рикардо, измѣряется «изобиліемъ предметовъ первой необходимости или удобства», тогда какъ цѣнность измѣряется количествомъ затраченнаго на производство труда, и, слѣд., одно никакъ не можетъ быть сведено къ другому. Смѣшеніе богатства и цѣнности возможно лишь съ точки зрѣнія отдѣльнаго лица, измѣряющаго свое богатство на деньги и получающаго выгоду отъ увеличенія цѣнности имущества, съ народохозяйственной же точки зрѣнія такое смѣшеніе не можетъ имѣть мѣста. А. К.

отступленіемъ отъ естественныхъ нормъ справедливости и законности. Правда, неравенство доходовъ имѣетъ за себя серьезное основаніе и оправданіе, но это естественное неравенство не можетъ оправдать того факта, что по мѣрѣ возрастанія народнаго богатства одна часть населенія получаетъ все большую долю его, другая — все меньшую.

Ближайшее изученіе хозяйственной жизни убѣждаетъ въ томъ, что въ такомъ неблагопріятномъ положеніи находятся *рабочіе классы*. Чтобы устранить тотъ нѣмой упрекъ, который заключается уже въ простой формулировкѣ этого положенія, пытались отрицать самое существованіе рабочаго класса, какъ чего-то самостоятельнаго и противоположнаго другимъ классамъ, — но это, конечно, неосновательно: тотъ трудъ, который является болѣе продуктомъ тѣла, нежели духа, который управляется болѣе привычкой, нежели идеей, который можетъ быть измѣряемъ по своему количеству и по своимъ матеріальнымъ результатамъ, а потому можетъ быть оплачиваемъ по числу рабочихъ часовъ или задѣльно, — такой трудъ несомнѣнно отличается по этимъ признакамъ отъ всякаго рода иной человѣческой дѣятельности. Если граница между „трудомъ“ и нѣкоторыми другими видами этой дѣятельности фактически почти исчезаетъ, то это не уничтожаетъ существа намѣченнаго нами различія: въ дѣйствительной жизни всѣ явленія образуютъ цѣпь, которой звенья незамѣтно переходятъ одно въ другое, и никто не станетъ отрицать различія между дубомъ и лошадыю на томъ основаніи, что есть органическія формы, въ которыхъ исчезаетъ различіе между животными и растительными организмами. То же можно сказать и относительно исторіи, гдѣ постепенные переходы отъ низшихъ ступеней развитія къ высшимъ часто уничтожаютъ границы между этими ступенями.

Присвоеніе характеризуемой перечисленными признаками дѣятельности, преимущественно предъ всякою другою, названія „труда“ обосновано исторически; исторически доказано также, что этотъ „трудъ“ является удѣломъ почти исключительно одного класса населенія; эта часть зарабатываетъ средства для своего существованія исключительно такимъ „трудомъ“, и средства эти таковы, что почти исключаютъ данный общественный классъ изъ числа пользующихся благами цивилизаціи.

Въ виду совпаденія столькихъ характерныхъ обстоятельствъ и разговорная рѣчь, и наука могутъ не обращать вниманія на попытки отрицать самостоятельное понятіе „рабочихъ классовъ“. Понятіе это и соответствующій ему терминъ исчезнутъ только тогда, когда благодѣянія цивилизаціи сдѣлаются общимъ достояніемъ, а трудъ — всеобщю обя-

занностью. Пока дѣло обстоитъ иначе, инстинктивная справедливость заставляетъ насъ компенсировать большую жизненную тягость исключительнымъ присвоеніемъ членамъ разсматриваемаго класса почетнаго названія „работниковъ“.

Итакъ, тѣ классы, которые исполняютъ болѣе или менѣе исключительно механическія работы, которые изъ такихъ работъ извлекаютъ болѣе или менѣе исключительно средства своего существованія, эти классы, со включеніемъ тѣхъ обладателей капитала, которые образуютъ „классъ мелкихъ ремесленниковъ“ и также существуютъ, главнымъ образомъ, на счетъ плодовъ труда своихъ рукъ, хотя и прилагаемаго къ собственному капиталу,—эти классы именно и страдаютъ отъ увеличенія пауперизма. Если статистика, это самопознаніе общества, еще настолько неудовлетворительна, что не даетъ цифровыхъ доказательствъ справедливости этого положенія, то въ этомъ можетъ убѣдить внимательное изученіе благотворительнаго бюджета любой общины.

Это явленіе ново въ исторіи. Несомнѣнно, бывали періоды, когда рядомъ съ прогрессирующимъ накопленіемъ богатствъ въ немногихъ рукахъ шло всеобщее обѣднѣніе; таково было, повидимому, время упадка Римской имперіи. Бывали также эпохи, когда временному гнету подвергались отдѣльные классы населенія; такой гнетъ нерѣдко испытывали даже классы землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Но въ исторіи не было эпохи, когда происходило бы усиливающееся въ теченіе продолжительнаго времени частичное обѣднѣніе общества, когда пауперизмъ непрерывно прогрессировалъ бы среди одного класса населенія параллельно съ непрерывнымъ ростомъ общей суммы народнаго богатства. Благодаря складу юридическихъ отношеній, рабочіе классы въ прежнее время не могли испытывать подобной участи. Правда, моровая язва и голодовки причиняли въ тѣ времена страшныя опустошенія, но ни эпоха рабства, ни эпоха крѣпостной зависимости, ни цеховой строй не могли знать пауперизма, хотя знавали и худшее. Разговорный языкъ присвоилъ это новое названіе новому явленію,—названіе, самая этимологія котораго напоминаетъ о томъ, что данное явленіе есть варварство среди цивилизаціи.

Не меньшія страданія, нежели пауперизмъ, причиняютъ обществу *промышленные кризисы* ³⁾.

³⁾ Изъ 1-го соціального письма (Zur Beleuchtung der Soc. Frage), стр. 106—111. А. К.

Приблизительно съ того же времени, какъ пауперизмъ началъ обращать не себя всеобщее вниманіе, начались и промышленные кризисы, которые, возвращаясь періодически, производятъ въ хозяйственномъ мірѣ страшныя опустошенія. Вышніе признаки этихъ мировыхъ бѣдствій ⁴⁾ схватить не трудно. Внезапная остановка еще недавно цвѣтущаго сбыта въ главныхъ отрасляхъ промышленности, быстро передающаяся и другимъ производствамъ; рѣзкое паденіе всѣхъ товарныхъ цѣнъ, которыя еще непосредственно предъ тѣмъ были такъ ⁵⁾ выгодны; пониженіе цѣнности всѣхъ капиталовъ, доходящее до полного ихъ обезцѣненія; почти всеобщая невозможность исполнять обязательства, а отсюда—безчисленныя банкротства или пріостановки платежей и частичное или временное прекращеніе или сокращеніе производствъ; нищета тысячъ работниковъ,—таковы быстро слѣдующіе другъ за другомъ и взаимно вліяющіе другъ на друга симптомы явленій, уничтожающихъ значительную часть капиталовъ и отнимающихъ у работника его послѣднія лохмотья.

Эти кризисы всегда зарождаются въ центрахъ мирового хозяйства, и вліяніе ихъ распространяется отсюда до крайнихъ предѣловъ обоихъ полушарій. Именно тамъ, гдѣ особенно изобилуютъ всѣ условія, могущія создать народное благосостояніе, гдѣ капиталы особенно многочисленны, кредитъ развитъ, производительность высока, работники вполнѣ свободны—тамъ прежде всего и сильнѣе всего чувствуются тѣ удары, которые постигаютъ весь связанный экономическимъ оборотомъ міръ. Въ непонятномъ противорѣчій ⁵⁾ жалобы нищеты раздаются всего громче тамъ и тогда, гдѣ и когда чудеса промышленности достигаютъ наибольшаго накопленія.

Всѣ кризисы, обнаружившіеся въ экономическомъ мірѣ, сопровождались обстоятельствами, однородность которыхъ позволяетъ заключить о существованіи одной и той же основной причины. Какъ подобныя катастрофы вообще появляются въ хозяйственной исторіи лишь съ тѣхъ поръ, какъ установившійся съ 1815 г. всеобщій миръ позволилъ націямъ обратить всѣ свои силы на развитіе производства и въ полной мѣрѣ использовать великія изобрѣтенія предыдущихъ десятилѣтій; какъ эти катастрофы наступили, такимъ образомъ, лишь тогда, когда богатство всѣхъ цивилизованныхъ націй стало возрастать быстрѣе и безпрепят-

⁴⁾ Въ подлинникѣ сильнѣе: Weltplage. А. К.

⁵⁾ Въ подл. сильнѣе—Widersinn. А. К.

ственнѣе, нежели возростало когда-либо ранѣе, — такъ и *каждый отдѣльный кризисъ слѣдовалъ за періодомъ необыкновеннаго промышленнаго процвѣтанія*. Каждому кризису предшествовали признаки, позволявшіе заключать о необыкновенно высокой степени благосостоянія. Каждый разъ цѣны товаровъ стояли такъ высоко, что прибыли достигали высокого размѣра; промышленныя предпріятія размножались съ необыкновенною быстротой или увеличивали путемъ введенія новыхъ изобрѣтений размѣры производства; быстрое накопленіе капиталовъ вызывало паденіе ссуднаго процента; національные банки, эти великія деньго-хранилища современнаго общества, переполнялись вкладами; легкость кредита открывала просторъ для миллионныхъ предпріятій; заработная плата повышалась и давала работникамъ возможность очень хорошаго — по крайней мѣрѣ съ точкой зрѣнія унизительной теоріи, измѣряющей нормальную рабочую плату стоимостью необходимыхъ издержекъ — существованія. И точно молнія ударяла каждый разъ среди этого благополучія. Весь этотъ рядъ благоприятныхъ явленій исчезалъ звено за звеномъ быстрѣе, нежели онъ передъ тѣмъ образовался. Иногда кризисъ начинался съ какой-нибудь заминки въ кредитѣ, иногда съ неурожая, чаще всего прямо съ наиболѣе общаго, повторяющагося во всѣхъ кризисахъ, симптома — съ паденія товарныхъ цѣнъ. *Сбытъ товаровъ приостанавливался*, товары задерживались въ его каналахъ, какъ останавливаются воды потока предъ ледянымъ заторомъ. Но на этомъ аналогія кончается: потокъ производитъ опустошенія, низвергаясь въ равнины и низменности; изъ этого товарнаго затора ничего не проникаетъ въ нижніе, нуждающіеся слои общества: товары остаются скопленными въ образовавшемся заторѣ, и только цѣнность ихъ таетъ, разоряя товаро-владѣльцевъ и не доставляя никому выгоды. Остановка въ сбытѣ товаровъ отражается на всей цѣпи условій и признаковъ благосостоянія, отражается въ концѣ-концовъ и на положеніи работника, который перестаетъ зарабатывать даже минимумъ, необходимый ему для существованія, такъ какъ вовсе лишается заработка, и, не имѣя на что купить себѣ хлѣба, этимъ самымъ портитъ, въ свою очередь, положеніе продавца хлѣба. Лишь послѣ частичной или временной пріостановки производства, когда потребность, какъ бы подавленная массою товаровъ, возникаетъ вновь, когда каналы сбыта освобождаются отъ заторовъ, производство начинаетъ мало-по-малу оживать, а мрачныя перспективы постепенно проясняются. Когда же, по окончаніи кризиса, народное хозяйство начинаетъ приводить въ извѣстности свои потери, то убытки капиталистовъ насчитываются миллионами, убыт-

ки же рабочего класса выражаются въ тысячахъ семействъ, которыя уже никогда не смогутъ подняться изъ своей нищеты.

Пропорціонально росту народнаго богатства кризисы становятся съ каждымъ разомъ ужаснѣе, а жертвы, поглощенные ими, все значительнѣе. Кризисъ 1818—1819 гг., какъ онъ ни напугалъ промышленность и какъ ни заставилъ задуматься науку, былъ ничтоженъ сравнительно съ кризисомъ 1825—1826 гг.. Этотъ послѣдній нанесъ народному богатству Англіи такія раны, что знаменитѣйшіе экономисты сомнѣвались въ возможности ихъ исцѣленія; но и онъ въ свою очередь былъ превозможенъ кризисомъ 1836—1837 гг. Кризисы 1839—1840 и 1846—47 гг. произвели еще большія опустошенія. Послѣ каждой такой катастрофы экономическій оборотъ въ теченіе нѣкотораго времени оставался слабымъ, какъ выздоравливающая больная, но вскорѣ оживалъ, и производство начинало совершать новыя чудеса, какъ бы нарочно для того, чтобы дать грозѣ матеріаль для новыхъ разрушеній. Невозможно вычислить, какихъ размѣровъ могло бы уже достигнуть въ наше время народное богатство, если-бы экономическая политика ⁶⁾ сумѣла оберечь его отъ этой смертельной болѣзни.

Между тѣмъ опытъ указываетъ, что кризисы возвращаются черезъ все болѣе короткіе промежутки времени. Отъ перваго до третьяго кризиса прошло 18 лѣтъ, отъ втораго до четвертаго—14, отъ третьяго до пятаго—12 лѣтъ; въ настоящее время уже появляются признаки предстоящей новой катастрофы, хотя 1848 годъ несомнѣнно замедлил ея наступленіе ⁷⁾. Можно думать, что болѣе ранніе кризисы, отдѣлявшіеся одинъ отъ другаго болѣе продолжительными промежутками, имѣли болѣе острый характеръ, нежели позднѣйшіе; во всякомъ случаѣ въ интервалахъ между этими послѣдними народное хозяйство никогда не освобождалось въ такой мѣрѣ отъ всѣхъ послѣдствій болѣзни, какъ это бывало прежде. Вѣроятно, эти болѣе частые и болѣе сильныя припадки являются признаками все болѣе безуспѣшной борьбы организма противъ болѣзни, ставшей хроническою ^{8) 9)}.

⁶⁾ Въ подл. Staatswirtschaft. А. К.

⁷⁾ Писано въ 1850 году. Ближайшій кризисъ наступилъ только въ 1857 году; въ 1834 и 1855 англійская промышленность вслѣдствіе сокращенія вышшняго сбыта была въ угнетенномъ положеніи, но кризиса не послѣдовало, такъ какъ народное хозяйство не успѣло еще достигнуть предъ тѣмъ достаточно напряженнаго состоянія. См. Туанъ-Барановскій „Промышл. кризисы“, Спб., 1894 г., стр. 223—225. А. К.

⁸⁾ Это предсказаніе въ значительной мѣрѣ оправдалось: въ періодъ послѣ 1850 г. и въ промежуткахъ между періодическими кризисами стали наблюдать похожія на

Пауперизмъ и промышленные кризисы—вотъ жертвы, цѣною которыхъ общество купило свою свободу. При содѣйствіи права оно освободилось отъ всѣхъ прежнихъ оковъ и приобрѣло полный просторъ для своихъ производительныхъ силъ; механика и химія даютъ ему власть надъ природою, кредитъ помогаетъ устранять другія препятствія,—словомъ, на лицо всѣ внѣшнія условія, позволяющія сдѣлать свободное общество—и счастливымъ обществомъ, а между тѣмъ оказывается, что старое безправіе смѣнилось новою нуждой. Рабочіе классы, которые прежде были жертвой юридической привилегіи, теперь являются добычей привилегіи фактической, гибельное вліяніе которой время отъ времени съ уничтожающей силой обращается на самихъ привилегированныхъ.

Нельзя слишкомъ часто указывать на господствующее въ современномъ народномъ хозяйствѣ вопіющее противорѣчіе между возможностью и дѣйствительностью, между наличными условіями и наличными результатами. Въ самомъ дѣлѣ: пять шестыхъ націи лишены, благодаря незначительности своего дохода, всѣхъ благъ цивилизаціи, и притомъ время отъ времени они должны страдать отъ самыхъ страшныхъ проявленій совершенной нищеты и постоянно живутъ подъ угрозою подобныхъ катастрофъ. И это—создатели всего національнаго богатства: ихъ работа начинается съ восходомъ и кончается съ закатомъ солнца, продолжается и ночью, но никакія усилія не могутъ улучшить ихъ судьбы. Не имѣя возможности возвысить свой доходъ, они лишаются послѣдняго свободнаго времени, которымъ могли бы воспользоваться для пополненія своего образованія.

Допустимъ, что прогрессъ цивилизаціи могъ создаться только на почвѣ столькихъ страданій. Но вотъ рядъ удивительнѣйшихъ изобрѣтеній, во сто разъ увеличивающихъ производительныя силы человѣка и ведущихъ къ значительному росту народнаго богатства, открываетъ возможность устранить такую печальную необходимость. Спрашивается: можно ли сдѣлать болѣе логическій выводъ, предъявить болѣе справедливое требованіе, какъ то, чтобы творцы и прежняго, и новаго богатства по-

кризисы, хотя и болѣе слабыя колебанія; начиная же со второй половины 70-хъ годовъ, періодическая смѣна кризисовъ съ эпохами процвѣтанія смѣнилась хронически-угнетеннымъ состояніемъ, которое только отъ времени до времени нарушается краткими періодами оживленія. См. тамъ же, стр. 222 и 856. А. К.

⁹⁾ Далѣе у Родбертуса слѣдуетъ очеркъ исторіи кризисовъ до 1847 г., котораго мы не приводимъ, такъ какъ этотъ очеркъ не имѣетъ прямого отношенія къ теоретическимъ взглядамъ Родбертуса. Слѣдующія страницы—изъ 1-го соч. письма (Zur Beleuchtung der soc. Frage), ч. II, стр. 166—190. А. К.

лучили отъ его роста какую-либо выгоду? чтобы была увеличена ихъ заработная плата, или чтобы сократилось рабочее время, или чтобы все большее число ихъ переходило въ разрядъ тѣхъ счастливецъ, которымъ предоставлено преимущественное право срывать плоды человѣческаго труда? Но въ дѣйствительности современная организація государственнаго или, точнѣе, народнаго хозяйства привела къ противоположнымъ результатамъ: въ то время, какъ растетъ народное богатство, усиливается и обѣднѣніе рабочихъ классовъ, спеціальныя законы должны противодѣйствовать удлинению рабочаго времени, а численность рабочаго класса растетъ быстрѣе численности другихъ общественныхъ классовъ.

Но этого недостаточно.

Увеличенная во сто разъ производительная сила не только не могла принести облегченія пяти шестымъ населенія, но періодически наводитъ ужасъ и на послѣднюю шестую, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и на всю націю. Здѣсь можно сдѣлать замѣчаніе, которое хотя и не ново, но такъ справедливо и притомъ такъ мало обращало на себя вниманія, что заслуживаетъ повторенія лишній разъ: въ образѣ машинъ общество получило въ даръ особаго рода рабовъ, весьма умѣлыхъ и при томъ такихъ рабовъ, освобожденія которыхъ не потребуетъ никакая правовая идея. Если въ древности, когда не было машинъ, часть общества должна была нести участь рабовъ, то теперь, казалось, все человѣчество могло уподобиться свободнымъ гражданамъ древности. Въ дѣйствительности же случилось обратное. Тѣ 300 милліоновъ рабовъ, которыхъ воплощаетъ собою сила англійскихъ машинъ, только сдѣлали большую часть общества равною себѣ, т. е. превратили ее въ машины. И это — еще лучший случай: рабочіе должны голодать, если они не имѣютъ возможности въ теченіе 12 часовъ въ сутки исполнять обязанности машинъ. Пока общество испытываетъ недостатокъ въ полезностяхъ, очевидно бессмысленно, если наличныя производительныя силы, которыя могли бы произвести достаточное количество продуктовъ, не могутъ устранить этого недостатка. Но эта бессмыслица ничтожна въ сравненіи съ бессмыслицей, порождаемой въ настоящее время возрастаніемъ производительныхъ силъ: въ настоящее время нужду создаетъ самый избытокъ продуктовъ — результатъ развитія этихъ силъ. Если тѣ разившіяся производительныя силы, которыя могли бы создать счастье всего общества, время отъ времени развертываютъ всю свою мощь и создаютъ массы продуктовъ, достаточныя, чтобы удовлетворить всѣхъ, то это ведетъ къ увеличенію нужды однихъ и наноситъ чув-

ствительнѣйшіе удары благополучію другихъ. „Пока имѣется на лицо какое-либо имущество, ни одинъ бѣднякъ не долженъ умереть съ голода!“—это слова Питта, а не мои. А между тѣмъ безсмысленность общественной организаціи такова, что бѣдняки голодаютъ именно тогда, когда избытокъ имущества повергаетъ и богатыхъ въ разореніе. Когда руководители производства по какимъ-либо соображеніямъ расширяютъ его, когда такимъ образомъ въ распоряженіе общества могла бы поступить масса богатства и благополучія, — тогда это изобиліе внезапно претворяется въ новую нужду. Миѳъ о Танталѣ осуществляется при всѣхъ чудесахъ промышленности.

Эти два явленія—пауперизмъ и кризисы—находятся, очевидно, въ тѣсномъ взаимодействіи. Доходъ рабочихъ классовъ, благодаря ихъ бѣдности, не можетъ служить достаточнымъ русломъ для отлива продуктовъ растущаго производства. Избытокъ продуктовъ, который, принадлежи онъ рабочимъ, не только улучшилъ бы ихъ положенія, но явился бы противовѣсомъ, повышающимъ цѣнность доли предпринимателей, и такимъ образомъ создалъ бы необходимыя условія для продолженія производства въ прежнемъ размѣрѣ, — этотъ избытокъ, принадлежа предпринимателямъ, давитъ цѣну всего продукта настолько внизъ, что сказанныя условія исчезаютъ, и даже въ лучшемъ случаѣ оставляетъ работниковъ при ихъ обычной нуждѣ. Со своей стороны кризисы никогда не позволяютъ работникамъ, какъ бы обстоятельства имъ ни благопріятствовали, подняться изъ бѣдности и хотя бы въ скромныхъ размѣрахъ воспользоваться благодѣяніями растущей производительности труда. Какъ только ихъ положеніе начинаетъ улучшаться, кризисъ повергаетъ ихъ обратно въ еще большую нищету и такимъ образомъ подготавливаетъ почву для своего собственнаго возвращенія.

Такая общественная неурядица стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ потребностями современной общественной жизни. Въ то время, какъ результатомъ современнаго производства и распредѣленія является пауперизмъ, необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго существованія общества является возвышеніе экономического уровня рабочихъ классовъ; въ то время, какъ другимъ подобнымъ результатомъ является ограниченіе дѣйствія производительныхъ силъ и даже пріостановка производства, — общество нуждается въ непрерывномъ ростѣ своего богатства.

Попытаемся обосновать это положеніе.

Рабочій классъ пользуется въ настоящее время полною личною свобо-

дой и является такимъ же участникомъ государственнаго союза, съ такими же правами и обязанностями, какъ и имущіе классы. Въ этомъ—коренное отличіе современнаго строя отъ общественнаго строя древности, когда большинство общества стояло въ качествѣ рабовъ или чужестранцевъ внѣ государства, а это послѣднее слагалось изъ небольшого числа свободныхъ гражданъ, которые и несли всѣ вытекающія изъ его существованія обязанности,—а также отъ средневѣковаго строя; хотя въ этомъ послѣднемъ все общество уже было принято въ составъ государства, но послѣднее являлось конгломератомъ отдѣльныхъ союзовъ, члены которыхъ пользовались совершенно различными правами и несли по отношенію къ государству различныя обязанности. Но разъ общество представляетъ собой совокупность равноправныхъ гражданъ, то государство не можетъ, какъ было въ древности и въ средніе вѣка, ни совсѣмъ оставить судьбу рабочихъ классовъ внѣ сферы своего вниманія, ни въ частности относиться равнодушно къ матеріальному положенію этихъ классовъ; въ современномъ обществѣ рабочіе классы имѣютъ всѣ права на вниманіе со стороны государства и притомъ могутъ предъявлять притязанія на участіе въ пользованіи всѣми богатствами. Правда, соображенія права и цѣлесообразности и въ этомъ новомъ обществѣ ставятъ участію рабочихъ въ пользованіи общественными богатствами нѣкоторыя предѣлы; но нѣтъ сомнѣнія, что свободный гражданинъ, исполнившій всѣ свои обязанности по отношенію къ обществу, имѣетъ право требовать отъ этого послѣдняго соотвѣтственной доли созданнаго общими силами продукта.

Эти притязанія, справедливыя съ точки зрѣнія права, должны быть осуществлены и съ точки зрѣнія цѣлесообразности.

Если не считать восточной деспотіи, основой которой является представленіе о правѣ собственности деспота на землю и людей, государство можетъ опираться на одну изъ двухъ нижеслѣдующихъ системъ: либо на внѣшнее господство—власть одного слоя общества надъ другими, либо на внутреннее сознаніе, на свободное изъявленіе воли ¹⁰⁾. Каждая изъ этихъ системъ имѣетъ свою моральную основу и свои способы воспитанія это морали: одна система основана на авторитетѣ и рабочемъ подчиненіи, другая—на свободномъ самоопредѣленіи и уваженіи къ чужой личности; одна мораль создается подчиненіемъ и относящимся къ нему учрежденіями, другая—воспитаніемъ и воспитательными мѣрами.

¹⁰⁾ У Родбертуса непереводимая игра словъ: одна система основана на aussere Zucht, другая—на innere Zucht. А. К.

Современное развитіе права дѣлаетъ неизбѣжнымъ переходъ къ общественному строю, основанному на равенствѣ и свободномъ самоопредѣленіи, а слѣдовательно, требуетъ развитія мѣръ и учрежденій воспитательнаго характера. Но при современномъ экономическомъ положеніи рабочихъ классовъ эти мѣры и учрежденія не могли бы имѣть успѣха; и это не только потому, что рабочимъ классамъ нѣтъ времени пріобрѣтать образованіе и воспитаніе, и что даже въ лучшемъ случаѣ, если бы удалось обезпечить имъ образованіе принудительнымъ путемъ, всѣ слѣды пріобрѣтеннаго въ молодости стирались бы впослѣдствіи чрезмѣрно тяжелою работою ¹¹⁾, — но главнымъ образомъ потому, что при ихъ современномъ экономическомъ положеніи теорія и практика стояли бы другъ съ другомъ въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчій; какъ бы хорошо ни была поставлена школа, слово ея не найдетъ отзвукъ среди нужды и бѣдности домашней жизни.

Политика государства необходимо должна вмѣшаться въ дѣло, если не хочетъ допустить разрушенія всего общественнаго организма. Рабочіе классы, которые прежде безпрекословно пребывали подъ игомъ дурно оплаченнаго труда, въ настоящее время не только негодуютъ на свое бѣдственное положеніе, но въ сознаніи своего права собираются сбросить съ себя лежащее на нихъ бремя, и легко можетъ случиться, что они предпочтутъ разрушить всю общественную культуру, чтобы только не нести страданій, связанныхъ для нихъ съ существованіемъ этой культуры; что изъ среды самого общества послѣдуетъ новое нашествіе варварства, которое уничтожитъ общественную цивилизацію и богатство. Было бы безуміемъ разсчитывать противъ этого новаго переселенія народовъ на вооруженную силу: варвары, служившіе въ римскихъ войскахъ, завоевали Римъ.

Едва ли менѣе невыносимо противорѣчіе, въ которомъ стоятъ съ требованіями общества промышленные кризисы. Прежній взглядъ на добровольныя лишенія, какъ на добродѣтель и на основу общественного бытія, признанъ невѣрнымъ и оставленъ. Наше время признало, напротивъ, что прогрессъ всего общества связанъ съ ростомъ богатства; что богатство—не что иное, какъ одна изъ сторонъ культуры, какъ подчиненіе природы человѣку; кто поэтому отвергаетъ богатство общества, отвергаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ его могущество, его прогрессъ, его добродѣтель; кто ставитъ препятствія росту богатства,—ставитъ ихъ вообще прогрес-

11) Въ подлинникѣ: Lastthierarbeit. А. Л.

су общества, ибо всякій ростъ среди общества знанія, силы и энергій ¹²⁾ связанъ съ ростомъ его богатства. Съ какими небольшими пожертвованіями со стороны имущихъ классовъ могло бы быть улучшено на счетъ возросшаго общественнаго богатства, положеніе рабочаго класса! Въ какой пропорціи могло бы возрасти число лицъ, приобретающихъ знанія, если бы приростъ богатства позволилъ сократить количество труда, потребнаго для его воспроизведенія! Въ какой мѣрѣ возросла бы область открытій и изобрѣтеній, если бы этотъ приростъ позволилъ направить на изобрѣтенія и открытія бѣльшее количество средствъ! А между тѣмъ при настоящемъ порядкѣ вещей общество вынуждено время отъ времени насильственно приостанавливать этотъ приростъ.

Какая масса противорѣчій въ области хозяйства, да и вообще въ болѣе широкой области всей соціальной жизни! Общественное богатство растетъ, и этотъ ростъ сопровождается ростомъ бѣдности. Увеличивается творческая сила средствъ производства, а слѣдствіемъ является приостановка послѣдняго. Соціальный строй требуетъ возвышенія матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ до уровня, соответствующаго ихъ политической роли, а хозяйственный строй ведетъ къ дальнѣйшему его ухудшенію. Общество нуждается въ безпрепятственномъ ростѣ богатства, а руководителямъ производства приходится задерживать этотъ ростъ, чтобы не содѣйствовать увеличенію бѣдности. И только въ одномъ нѣтъ противорѣчія: извращенности соціального строя соответствуетъ извращенность понятій господствующихъ слоевъ общества, упрямо ищущихъ причины зла тамъ, гдѣ ея нѣтъ.

Эгоизмъ, такъ часто облекающійся въ тогу морали, ищетъ причины пауперизма въ порокахъ работниковъ; онъ приписываетъ ихъ мнимой невоздержности и нехозяйственности то, что есть результатъ неотвратимыхъ внѣшнихъ причинъ, а если ему приходится сознаться въ томъ, что виноваты не они,—онъ возводитъ въ теорію „необходимую бѣдность“; онъ обращается къ рабочимъ съ призывомъ *ora et labora*, обязываетъ ихъ быть бережливими и воздержными и даже не останавливается передъ неправомѣрнымъ принужденіемъ къ бережливости путемъ устройства обязательныхъ сберегательныхъ кассъ. Онъ не видитъ, что слѣпая сила обращаетъ молитву о трудѣ въ проклятіе вынужденнаго бездѣлья; что бережливость невозможна или тягостна, что, наконецъ, сама мораль безсильна въ устахъ тѣхъ, кто, по словамъ поэта, „потихоньку пьетъ вино, а проповѣдуетъ пить воду“.

¹²⁾ Въ подлинникѣ: *Wollen, Wissen und Können*, А. К.

Не менѣ превратны представленія о причинахъ кризисовъ. Вину взваливаютъ на несообразительность предпринимателей, не замѣчая, что тѣмъ самымъ производятъ обвинительный приговоръ современному общественному строю: какъ могло бы, въ самомъ дѣлѣ, общество допустить, чтобы орудія всеобщаго благосостоянія, благодаря легкомыслію немногихъ, обращались для всѣхъ въ орудія ужаса и разрушенія?... Но нечего обвинять отдѣльныхъ лицъ! Если большинство членовъ общественнаго союза еще изнываетъ въ бѣдности, предприниматели исполняютъ какъ бы свою естественную обязанность, давая полный ходъ тѣмъ орудіямъ производства, которыя законъ предоставляетъ въ ихъ полное распоряженіе. Если легкость кредита и прежнія высокія прибыли побуждаютъ и немущихъ устраивать предпріятія, то новые предприниматели, начинающіе производство, не болѣе отвѣтственны за кризисъ, нежели старые, которые его продолжаютъ. Если, наконецъ, предприниматели, старые и новые, владѣютъ такими производительными силами, которыя, при полномъ напряженіи, въ немного недѣль могутъ бросить на рынокъ огромныя массы продукта; если признаки благопріятнаго состоянія рынка, побуждающіе къ такому напряженію, столь неясны и неопредѣленны, что едва позволяютъ предпринимателямъ опредѣлять мѣсто, гдѣ есть потребность на товары, и не даютъ почти никакого понятія о размѣрахъ этой потребности, то нельзя обвинять предпринимателей въ необдуманности, когда дѣятельность производительныхъ силъ оказывается вышедшей за предѣлы спроса. Въ Ливерпулѣ постоянно лежатъ на складѣ огромныя массы хлопчатой бумаги, которыя въ немного часовъ могутъ быть подвезены къ машинамъ Манчестера и Стокпорта, представляющимъ собою миллионы рабочихъ силъ; удивительно ли, что ничтожное повышеніе спроса, котораго всѣ ждутъ, на который всѣ работаютъ, сразу вызываетъ расширеніе производства? Кто въ правѣ осуждать за это отдѣльное лицо? А между тѣмъ подобныя нелѣпыя обвиненія возымѣли и практическія послѣдствія: сокращаютъ кредитъ, чтобы помѣшать расширенію производства, а если послѣднее расширяется, заключаютъ договоры, чтобы открыть сбытъ излишку продукта. Но сокращеніе кредита только разрушаетъ единственный способъ, могущій замѣнить накопленіе капитала, и мѣшаетъ немущимъ приобрѣсть имущество. А внѣшній сбытъ такъ же дѣйствуетъ на кризисы, какъ благотворительность вліяетъ на пауперизмъ, т. е. способствуетъ только ихъ усиленію.

Нельзя поэтому долѣе скрывать отъ себя, что *въ организаціи народнаго хозяйства есть коренной недостатокъ*. Развитие юридическаго строя

общества дошло до такой степени, при которой послѣдствія этого недостатка могли свободно обнаруживаться. Наука народнаго хозяйства ¹³⁾ должна опредѣлить этотъ недостатокъ и изыскать средства для его устраненія. Экономическая политика ¹⁴⁾ должна продолжать то преобразование общественнаго строя, которое начато было правомъ. Право ничего не можетъ больше сдѣлать для разрѣшенія назрѣвшихъ вопросовъ: продолжая идти по прежнему пути, оно могло бы только прійти къ упраздненію собственности на землю и капиталъ. Но если даже предположить, что грядущее развитіе права приведетъ къ этому крайнему исходу, этотъ послѣдній не можетъ наступить ранѣе, чѣмъ экономическая наука докажетъ возможность замѣны частной собственности на землю и капиталъ такою организаціею, которая могла бы исполнять лежація нынѣ на этой послѣдней функціи: опредѣленіе соціальной потребности, направленіе производительныхъ средствъ сообразно измѣненіямъ этой потребности, возстановленіе и умноженіе производительнаго капитала и распредѣленіе продукта между лицами, имѣющими право участвовать въ этомъ распредѣленіи. До сихъ поръ право могло идти по пути переворотовъ, не справляясь съ ученіями экономической науки: когда оно упраздняло отношенія личной зависимости, ограниченія поземельной собственности, препятствія къ свободному помѣщенію капиталовъ, ссылаясь на соображенія правового характера, то подразумѣвалось самой собой, что сохранявшаяся въ силѣ частная собственность на землю и капиталъ, при полной свободѣ, можетъ надлежащимъ образомъ вести національное хозяйство. Въ настоящее время дѣло обстоитъ иначе, и юридическимъ доказательствамъ неправомѣрности частной собственности на землю и капиталъ должно предшествовать экономическое доказательство ея замѣнимости.

Такимъ образомъ, въ будущемъ экономическая наука должна руководить общественнымъ развитіемъ. Но господствующая въ наше время экономическая теорія представляетъ по отношенію къ этимъ насущнымъ вопросамъ жалкую картину: она смотритъ на страданія со сложенными руками и считаетъ, что въ этомъ — ея научность. Она не игнорируетъ этихъ страданій; она видитъ выражающіяся въ нищетѣ рабочихъ классовъ и въ убыткахъ имущихъ нарушенія народохозяйственнаго равновѣ-

¹³⁾ См. ниже прим. 14.

¹⁴⁾ Въ подлинникѣ въ обоихъ случаяхъ Staatswirthschaft—выраженіе, употребленное Родбертусомъ въ нѣсколькихъ значеніяхъ.

сія, но утверждаеть, что нищета и убытки сами собой возстановляють равновѣсіе; она такъ безсердечна и слѣпа, что принимаетъ тѣ самыя страданія, которыя она должна предотвращать, за регуляторы и коррективы экономического оборота.

Но безсиліе господствующей теоріи не должно смущать насъ: экономическая наука еще молода, и неудивительно, что она еще не въ силахъ разрѣшить труднѣйшую задачу, какую когда-либо знала исторія. Только высокоуміе ученой школы можетъ видѣть законченную науку тамъ, гдѣ собраны только элементы науки. Къ тому же адепты ея туманностью своего изложенія обратили науку, которую слѣдовало бы проповѣдывать на площадяхъ, въ какую-то кабалистику ¹⁵⁾, недоступную даже для образованной части общества. Только тогда, когда вмѣсто отдѣльныхъ умовъ ¹⁶⁾ этою наукой займется народный духъ ¹⁷⁾, можно надѣяться на разрѣшеніе поставленныхъ жизнью трудныхъ задачъ.

Глава IV. Критика теоріи Рикардо ¹⁾.

Въ работахъ фонъ-Кирхмана, вызвавшихъ появленіе „Соціальныхъ писемъ“, пауперизмъ и кризисы обосновываются слѣдующимъ образомъ.

Основная причина *пауперизма* сводится къ усгановленному Рикардо закону образованія и роста земельной ренты, сущность котораго Кирхманъ сводитъ къ тремъ положеніямъ: 1) разнообразіе земель по плодородію и мѣстоположенію; 2) истощеніе запаса наилучшихъ земель, заставляющее обращаться къ культурѣ худшихъ, и 3) однообразіе цѣнъ продуктовъ, независимо отъ условій, при коихъ они произведены. По мѣрѣ перехода къ худшимъ землямъ повышается и цѣна хлѣба, получаемого съ лучшихъ, который уже ранѣе окупалъ издержки производства; а такъ какъ заработная плата и прибыль на капиталъ не могутъ имѣть одновременно разныхъ высотъ, то плоды этого повышенія цѣны не достаются работнику или капиталисту, а составляютъ ренту землевладѣльца. Дѣйствіе этого закона не отмѣняется успѣхами земледѣлія и свободнымъ ввозомъ: факты свидѣтельствуютъ, что хлѣбныя цѣны въ общемъ непрерывно повышаются,

¹⁵⁾ Въ подлинникѣ: *Geheimlehre*. А. К.

¹⁶⁾ и ¹⁷⁾ Въ подл. въ обоихъ мѣстахъ *Geist*. А. К.

¹⁾ Эта глава изложена въ сильно сокращенномъ видѣ, по 2-му и 3-му социальнымъ письмамъ *Zug Beleuchtung der soc. Frage*, часть I, стр. 1—24, 58—68, 75—77, 152—221. А. К.

и что при равномъ плодородіи онѣ тѣмъ выше, чѣмъ гуще население. Въ этомъ, по мнѣнію Кирхмана, причина увеличивающагося обѣднѣнія общества: земельная рента, считая ли ее въ долѣ продукта или въ деньгахъ, непрерывно растетъ, тогда какъ прибыль и заработная плата, рассчитанная въ количествѣ продуктовъ, падаютъ; поэтому въ то время, какъ человѣческій трудъ и изобрѣтательность увеличиваютъ производительность всѣхъ видовъ промышленности и благосостояніе могло бы излиться на всѣ классы населенія, — въ дѣйствительности всѣ плоды этого увеличенія достаются землевладѣнію. Отъ этого, конечно, теряютъ и капиталисты, но больше всѣхъ страдаютъ рабочіе классы: семь восьмыхъ ихъ дохода расходуются на пищу и топливо; на тѣ предметы, цѣны которыхъ, благодаря успѣхамъ промышленности, падаютъ, они тратятъ очень мало, а потому повышеніе цѣнъ на пищу и топливо необходимо ухудшаетъ ихъ положеніе, заставляя ихъ хуже одѣваться, жить въ худшемъ жилищѣ и меньше и хуже питаться. Такимъ образомъ, пока существуютъ различія въ производительность и мѣстоположеніи земли, пока население растетъ и цѣны продуктовъ стремятся къ одному уровню, до тѣхъ поръ рента будетъ поглощать большую часть продукта человѣческаго труда, и эта доля будетъ возрастать, сокращая долю рабочихъ классовъ и ухудшая ихъ положеніе.

Что касается до *кризисовъ*, то Кирхманъ объясняетъ ихъ цѣлымъ рядомъ обстоятельствъ, охватывающихъ въ сущности всю совокупность современнаго хозяйственнаго строя и сводящихся къ тремъ основнымъ пунктамъ: 1) слишкомъ неравномѣрному распредѣленію продукта между участниками производства; 2) трудностямъ, противопоставляемымъ природой человѣческому труду въ добывающей промышленности, частью постояннымъ и неизмѣннымъ, частью измѣнчивымъ и неравномѣрнымъ, и 3) недостаткамъ современной системы обмѣна, посредствующаго между производствомъ и потребленіемъ. При распредѣленіи продукта между капиталистами и работниками первые получаютъ слишкомъ много, вторые — слишкомъ мало; благодаря этому, работники *не могутъ* покупать на рынкѣ "всего того, что было бы имъ необходимо и что они могли бы потребить, а капиталисты, не будучи въ состояніи истратить на себя всѣ свои доходы, „сберегаютъ“ часть ихъ и присоединяютъ къ производительному капиталу. Такимъ образомъ, капиталы накапливаются, и производство растетъ, не имѣя достаточнаго сбыта для своихъ продуктовъ, не имѣя потому, что капиталисты *не хотятъ*, а работники *не могутъ* увеличивать своего потребленія. Не менѣе важную роль играютъ,

по Кирхману, отличительныя особенности сельско-хозяйственной промышленности, именно, во-1-хъ, рѣзкія колебанія урожаевъ и, во 2-хъ, возрастающая трудность помѣщенія капиталовъ, какъ результатъ трудности возвышать производительность земли. Колебанія урожаевъ нарушаютъ правильность сбыта, то увеличивая, то понижая покупательную способность сельскаго населенія; благодаря трудности помѣщенія въ сельское хозяйство новыхъ капиталовъ, всѣ вновь накапливаемые, въ томъ числѣ и въ сельскомъ хозяйствѣ, капиталы помѣщаются въ обрабатывающую промышленность и, слѣдовательно, способствуютъ увеличенію несоотвѣтствія между производствомъ и сбытомъ, и это тѣмъ болѣе, что, благодаря повышенію ренты, въ свою очередь понижается покупательная способность рабочихъ классовъ. Наконецъ, немаловажное значеніе имѣетъ, по Кирхману, характеръ современнаго обмѣна и въ частности—огромная роль денегъ въ связи съ развитіемъ кредита: въ настоящее время продукты не обмѣниваются на продукты; чтобы имѣть возможность предъявить спросъ на чужой товаръ, надо сперва продать свой, обмѣнить его на деньги; отсюда — всеобщая погоня за деньгами; послѣднія нужны предпринимателю для уплаты за трудъ и за сырье, а главное—для уплаты срочныхъ долговъ; если сбытъ сокращается, предприниматель не можетъ расчитываться товаромъ, а долженъ во что бы то ни стало достать денегъ; онъ долженъ непременно сбыть товаръ, хотя бы по пониженной цѣнѣ, и такое усиленное предложеніе товаровъ способствуетъ дальнѣйшей порчѣ условій правильнаго сбыта.

Изъ сдѣланнаго краткаго изложенія теоріи Кирхмана ясно, что краеугольнымъ ея камнемъ является теорія ренты Рикардо; но эта теорія сама по себѣ страдаетъ внутреннею невѣрностью и не способна объяснить соціального значенія ренты. Да и всѣ вообще существующія теоріи не выяснили соціального значенія ни земельной ренты, ни прибыли на капиталъ, ни даже заработной платы; по моему мнѣнію, эти три отрасли національнаго дохода почти не выяснены въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, какъ доли національнаго продукта, какъ совершенно не выяснено вліяніе частной собственности на землю и капиталъ на производство и распредѣленіе. А между тѣмъ слагающіеся подъ вліяніемъ этого института законы производства и распредѣленія необходимо должны быть изучены въ ихъ взаимной связи, потому что только этимъ путемъ можно подойти къ причинамъ пауперизма и промышленныхъ кризисовъ.

Существующія теоріи земельной ренты и прибыли на капиталъ мо-

гуть бытъ разбиты на три группы, соотвѣтствующія тремъ разнымъ направленьямъ.

1) Школа *Рикардо*, признающая, что и рента, и прибыль — продукты труда и притомъ труда не тѣхъ лицъ, которыя ихъ получаютъ; объясняя изложеннымъ выше образомъ происхожденіе ренты и подробно разсматривая условія, вліяющія на величину прибыли, Рикардо лишь поверхностно разсматриваетъ самое происхожденіе этой послѣдней и только мимоходомъ говорить о прибыли, какъ о вознагражденіи за сбереженіе капитала.

2) Школа *Сэ* не соглашается съ тѣмъ, чтобы доходъ, получаемый землевладѣльцами и капиталистами, былъ плодомъ чьего-либо труда, а видитъ источникъ этого дохода въ особыхъ *производительныхъ услугахъ* естественныхъ силъ, дѣйствіе которыхъ, проявляясь въ землѣ и капиталѣ, соотвѣтственно увеличиваетъ продуктъ труда. Въ этомъ — экономическое обоснованіе прибыли и ренты; правовое обоснованіе того обстоятельства, что плоды дѣйствія силъ *природы* достаются отдѣльнымъ *лицамъ*, — въ мотивахъ частной собственности на землю и капиталъ; земельная собственность оправдывается ея значеніемъ для культуры, собственность на капиталъ — тѣмъ, что послѣдній есть продуктъ труда, и потому прибыль является его естественнымъ плодомъ.

3) Такъ какъ французскій социализмъ основывалъ свои ученія на положеніяхъ школы *Сэ*, оспаривая правильность присвоенія отдѣльнымъ лицамъ плодовъ дѣйствія силъ природы, то это побудило школу *Бастіа* и *Тьера* утверждать, что рента и прибыль — продуктъ труда или услугъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя ихъ получаютъ, или ихъ юридическихъ правопреемниковъ.

Основная ошибка всѣхъ этихъ направленій, не исключая отчасти и Рикардо, заключается, во-1-хъ, въ томъ, что они не разсматриваютъ *всего* національнаго продукта, какъ единаго дѣлага, въ распредѣленіи котораго участвуютъ работники, землевладѣльцы и капиталисты, а отдѣляютъ распредѣленіе сырого продукта, въ которомъ участвуютъ *три* группы — работниковъ, землевладѣльцевъ и капиталистовъ, отъ распредѣленія продукта обрабатывающей промышленности, въ которомъ участвуютъ всего *два* группы — капиталисты и работники. Далѣе, во-2-хъ, всѣ направленія, кромѣ Рикардо и Смита, дѣлаютъ ту ошибку, что принимаютъ *естественный* фактъ — невозможность производства безъ сырого матеріала, т. е. безъ содѣйствія земли — за *экономическій* фактъ, а *соціальны* фактъ невозможности производства безъ участія частнаго капита-

ла — за *первоначальный* фактъ, и въ результатѣ такихъ смѣшеній выводятъ земельную *ренту* изъ участія земли, которую землевладѣлецъ предоставляетъ къ участію въ производствѣ, *прибыль* — изъ участія капитала, предоставляемаго для этой цѣли капиталистомъ, и *заработную плату* — изъ участія работника. Школа Сэ, давшая этому ошибочному взгляду наиболѣе полное развитіе, изобрѣла особое понятіе производительныхъ услугъ, соответствующихъ участію въ производствѣ представителей земли, капитала и труда, чтобы изъ этихъ услугъ объяснить участіе ихъ въ дѣлѣхъ продукта. И, наконецъ, къ этому присоединяется, въ 3-хъ, у многихъ экономистовъ та нелѣпность, что они, выводя заработную плату, ренту и прибыль изъ цѣнности продукта, выводятъ, въ свою очередь, эту цѣнность изъ заработной платы, ренты и прибыли, такъ что одно поочередно обосновывается на другомъ.

Первое изъ этихъ заблужденій ведетъ къ тому, что большинство экономистовъ — всѣ, кромѣ послѣдователей Рикардо, по отношенію къ земельной рентѣ впадаютъ въ старую ошибку физиократовъ. И въ самомъ дѣлѣ, если разсматривать производство сырья, какъ законченное производство, а распредѣленіе его продукта, какъ обособленное распредѣленіе, то, даже придерживаясь правильнаго взгляда на трудъ, какъ на источникъ цѣнности, нельзя отвѣтить иначе, какъ въ физиократическомъ смыслѣ, на вопросъ: почему только сельско-хозяйственный трудъ даетъ сверхъ заработной платы и прибыли особую ренту, а обрабатывающая промышленность не даетъ послѣдней. *Второе* заблужденіе, исключая всякую возможность правильно понять отношеніе труда къ продукту, а вмѣстѣ съ тѣмъ социальное, экономическое и правовое положеніе работника, дало вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ было упомянуто выше, оружіе въ руки французскимъ социалистамъ. Наконецъ, *третье* заблужденіе, съ одной стороны, породило пагубнѣйшій взглядъ, будто низкій уровень заработной платы, отражаясь на цѣнѣ продукта, облегчаетъ конкуренцію на мировомъ рынкѣ, и будто, такимъ образомъ, процвѣтаніе національной торговли и благосостояніе рабочихъ классовъ находятся между собой въ непримиримомъ противорѣчій; а съ другой стороны, оно дѣлаетъ невозможнымъ всякую теорію естественной высоты прибыли и ренты и заставляетъ сводить все къ вліянію конкуренціи, не задаваясь даже вопросомъ, чѣмъ объясняется самая конкуренція.

Теорія Рикардо свободна отъ большинства этихъ заблужденій. Рикардо считаетъ весь продуктъ продуктомъ одного только труда и основываетъ цѣнность и цѣну продукта на причинѣ, лежащей внѣ высоты рен-

ты, прибыли и заработной платы, именно на количествѣ потребнаго для производства труда. Но и онъ, какъ и другіе экономисты, изучаетъ не распределеніе *всего* продукта, а отдѣльно распределеніе сырого и обработаннаго продукта. Право собственности на капиталъ для него—простой фактъ, и притомъ фактъ, предшествующій праву собственности на землю: не анализируя послѣдствій этого права, онъ допускаетъ молчаливое предположеніе, что именно эти послѣдствія обуславливаютъ распределеніе продукта. Онъ исходитъ, такимъ образомъ, не изъ *основаній*, а изъ *факта* распределенія, и теорія его ограничивается объясненіемъ причинъ, вліяющихъ на установленіе и измѣненіе *пропорцій* этого послѣдняго.

Существенная черта построенной Рикардо теоріи ренты, улуценная изъ виду Кирхманомъ, заключается далѣе въ томъ, что наименѣе плодородныя земли вовсе не даютъ ренты, а только оплачиваютъ затраченный трудъ и даютъ обычную прибыль. Въ послѣдующихъ главахъ (см. гл. IX) будетъ доказано, что это положеніе совершенно невѣрно, и что при полной оплатѣ затраченнаго въ производствѣ труда, другими словами—при томъ полномъ соотвѣтствіи цѣнности издержкамъ производства, которое составляетъ основу ученія Рикардо, рента должна получиться со *всякой* земли, поступившей въ обработку; земля можетъ не дать ренты только въ томъ случаѣ, если конкуренція понизитъ цѣну продукта ниже нормальной цѣнности, т. е. ниже издержекъ производства. Но и независимо отъ такого внутренняго противорѣчія, теорія Рикардо возбуждаетъ и другія серьезные сомнѣнія. Возможно ли, прежде всего, предположить, чтобы ранѣе начала всякой земледѣльской культуры существовали капиталисты, получавшіе прибыль и помѣщавшіе капиталы соотвѣтственно закону равенства прибылей; чтобы въ это время существовали уже рабочіе, которые, несмотря на наличность свободной земли, готовы были работать по найму у капиталиста, довольствуясь въ видѣ заработной платы частью продукта и отдавая другую часть въ видѣ прибыли капиталисту? Предположеніе это неизбежно, если допустить, что дѣйствіе закона равенства прибылей уже при разработкѣ самыхъ первыхъ участковъ плодороднѣйшей почвы могло настолько понизитъ цѣну продукта, чтобы не дать образоваться рентѣ! А между тѣмъ, стоитъ только поставить себѣ этотъ вопросъ, чтобы убѣдиться, что подобная гипотеза слишкомъ далека отъ дѣйствительной жизни и потому не можетъ лечь въ основу построенія наиболѣе жизненной изъ наукъ... Правда ли далѣе, что когда уже возникло земледѣліе и появилась рента, капиталъ можетъ быть умножаемъ по усмотрѣнію, а земля

все еще доступна для свободнаго захвата? Опять-таки, только при справедливости этого предположенія законъ равенства прибылей могъ бы удержать цѣны на такомъ низкомъ уровнѣ, чтобы послѣдне-разработанныя земли и послѣдне-вложенные въ землю капиталы не давали ренты! А между тѣмъ и это предположеніе совершенно невѣрно: законъ конкуренціи капиталовъ не можетъ имѣть неограниченнаго дѣйствія, ибо капиталъ страны есть величина, ограниченная размѣромъ и родомъ національнаго производства, а большая часть территоріи каждой страны захватывалась въ частную собственность гораздо ранѣе, нежели обрабатывалась подъ разработку; въ тѣхъ же странахъ, гдѣ существуетъ опредѣленная норма прибыли, вся земля уже давно состоитъ въ частной собственности.

Невѣрность теоріи Рикардо всецѣло доказывается исторіей: послѣдняя не знаетъ такого состоянія общества, въ которомъ существовала бы прибыль и не существовала бы рента. Въ древнѣйшія эпохи наблюдалось скорѣе обратное тому, что предполагаетъ Рикардо: вся рента (въ широкомъ смыслѣ слова), т. е. весь доходъ, остающійся въ пользу собственника сверхъ оплаты стоимости труда, первоначально имѣлъ характеръ не столько прибыли, сколько земельной ренты, или точнѣе — весь этотъ доходъ безраздѣльно поступалъ въ руки землевладѣльца. Это единство земельной ренты и прибыли на капиталъ накладываетъ свою печать на весь экономическій характеръ классической древности еще въ наиболѣе цвѣтущую ея эпоху, въ эпоху Афинъ и Рима: землевладѣльцы были и владѣльцами капитала²⁾; той соціальной борьбы, которая тянется чрезъ всѣ средніе и новые вѣка вплоть до нашего времени, борьбы за раздѣленіе ренты между землевладѣніемъ и капиталомъ, не существовало въ древности. Прибыль, приобретаемая въ пользовавшейся всеобщимъ презрѣніемъ мелкой лавочной торговлѣ, рассматривалась какъ плодъ обмана, прибыль съ денежныхъ капиталовъ — какъ ростовщическій доходъ, а производительный капиталъ принадлежалъ тѣмъ же лицамъ, которымъ принадлежала и земля. Только со времени важнѣйшаго соціального событія среднихъ вѣковъ — со времени отдѣленія обрабатывающей промышленности отъ добывающей, начинается раздѣленіе ренты (въ широкомъ смыслѣ); капиталъ прѣвоставляется землевладѣнію, прибыль — земельной рентѣ. При этомъ однако раздѣленіе произошло далеко не сразу и далеко не сразу продуктъ сталъ распре-

²⁾ Подробнѣе см. во второй части. А. К.

дѣлаться между прибылью и рентой сообразно тому закону, который опредѣляетъ величину этихъ двухъ отраслей дохода въ настоящее время. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что оба вида дохода существовали и раньше, до ихъ обособленія, какъ составныя части единой ренты (въ широкомъ смыслѣ), почему было бы невѣрно утверждать, что прибыль возникла позже земельной ренты; но во всякомъ случаѣ обратное мнѣніе Рикардо, при такомъ ходѣ исторіи экономического быта, лишено всякаго основанія.

Столь же невѣрно другое основное положеніе Рикардо, именно положеніе объ *уменьшающейся производительности сельско-хозяйственнаго производства*, опровергаемое какъ специально-агрономическими соображеніями, такъ и статистическими данными.

По мнѣнію Рикардо, возрастающая потребность въ сельско-хозяйственныхъ продуктахъ и въ частности—въ пищѣ и одеждѣ, удовлетворяется все съ большими затратами труда, такъ какъ культура должна либо переходить отъ болѣе плодородныхъ земель къ менѣе плодороднымъ, либо на данной площади переходить отъ болѣе прибыльныхъ помѣщеній капитала къ менѣе прибыльнымъ.

Я просилъ бы кого-нибудь изъ послѣдователей Рикардо отвѣтить мнѣ: *съ какого времени* началось это повышеніе трудовой стоимости сельско-хозяйственнаго продукта. Я не буду ставить этого вопроса по отношенію къ наиболѣе крупнымъ фазамъ—къ охотничьему, кочевому, земледѣльческому быту, которыя, конечно, представляютъ прогрессъ, а не регрессъ производительности труда, а ограничусь одною только исторіей земледѣлія. Последнее существуетъ уже нѣсколько тысячъ лѣтъ. Началась ли, спрашивается, убыль его производительности съ самаго появленія его на свѣтъ? Но кто же въ такомъ случаѣ могъ бы въ наши дни доставить себѣ роскошь съѣсть кусокъ хлѣба!.. Или производительность его возросла въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, а потомъ внезапно стала убывать? Мнѣ отвѣтить, что этотъ поворотъ наступилъ тогда, когда была разработана вся наиболѣе плодородная земля и природа населенія заставилъ обратиться къ менѣе плодородной; но я спрошу: къ какой территоріальной области относится этотъ отвѣтъ? А если разслѣдовать *этотъ* вопросъ, то окажется, что положеніе объ уменьшающейся производительности земледѣлія для нашего времени еще совершенно непримѣнимо, такъ какъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже привился пауперизмъ, хлѣбъ продолжаетъ поступать *съ земель все болѣе плодородныхъ* и потому имѣетъ все меньшую трудовую цѣнность.

Изученіе положенія сельскаго хозяйства Западной Европы, какъ оно сложилось за послѣднее столѣтіе, т. е. въ такую эпоху, когда уже существовали и паузеризмъ, и кризисы, когда, слѣдовательно, по теоріи Рикардо, всѣ лучшія земли должны бы были оказаться давно разработанными, позволяетъ—если даже отвлечься отъ вліянія ввоза изъ новыхъ странъ—прийти къ выводамъ, совершенно опровергающимъ Рикардо. Такое изученіе показываетъ именно:

1. Что въ западно-европейскихъ странахъ, территория которыхъ разработана, какъ нигдѣ въ мірѣ, *до новѣйшаго времени такъ же часто случались переходы къ болѣе плодороднымъ землямъ, какъ и къ менѣе плодороднымъ, и что такіе переходы будутъ происходить и впредь.* Прежде всего, Рикардо исходитъ изъ того молчаливаго предположенія, что всякій можетъ выбирать земли для разработки по своему усмотрѣнію, и, слѣдовательно, всегда свободно можетъ разрабатывать болѣе плодородныя изъ еще неразработанныхъ земель. Въ дѣйствительности, каждая страна, заселенная осѣдло, издавна покрыта густою сѣтью отдѣльныхъ землевладѣній, изъ которой не ускользаетъ ни одинъ клочекъ некультурной земли; площадь cadaго изъ этихъ владѣній представляетъ собой совокупность разнообразныхъ угодій, образующихъ единое хозяйственное цѣлое, въ которомъ и некультурныя земли играютъ опредѣленную роль. Было-бы большою ошибкой полагать, что внутри cadaго такого цѣлага разработка всегда начиналась съ болѣе плодородныхъ земель, или что въ этихъ отдѣльныхъ дачахъ уже исчезла возможность обращать болѣе плодородныя земли подъ хлѣбопашество: весьма часто разработка такихъ болѣе плодородныхъ земель оказывалась физически или экономически невозможною; во многихъ случаяхъ такая невозможность существуетъ и до настоящаго времени, и только съ устраненіемъ препятствій разработка болѣе плодородной земли сдѣлается возможной. *Физическая* невозможность начинать разработку съ болѣе плодородныхъ земель коренится въ условіяхъ рельефа и влажности: многія плодороднѣйшія земли были, а частью и до сихъ поръ остаются недоступными для культуры вслѣдствіе излишка влаги, и медленное обсыханіе лишь съ большою постепенностью допускаетъ ихъ разработку; и въ Англии, и въ Германіи пониженіе водъ и обсыханіе болотъ освободило для культуры громадныя площади плодороднѣйшей земли; это стихійное явленіе далеко не закончилось и общааетъ дать культурѣ еще не мало подобныхъ же площадей. *Экономическая* невозможность вытекаетъ изъ того, что внутри каждой дачи культура начинается съ близѣйшихъ къ

селеніямъ площадей; между тѣмъ селенія размѣщались и дачи формировались совершенно независимо отъ плодородія и вообще отъ хозяйственныхъ соображеній, почему плодороднѣйшія земли нерѣдко въ силу своей удаленности не могли попасть подъ разработку; а разъ установилось опредѣленное разграниченіе дачи по угодыямъ, то цѣлый рядъ такихъ обстоятельствъ, какъ ограниченія въ правѣ распоряженія земель, черезполосица, трехпольное хозяйство и т. п., и впоследствии мѣшала обращенію этихъ плодородныхъ, но дальнихъ земель подъ культуру.

2. Что и позднѣйшія затраты капитала на воздѣлываніе каждаго даннаго земельного участка не становится меньше производительными. Напротивъ, въ видѣ общаго правила земля, подъ влияніемъ культуры, улучшается и переходитъ въ высшіе по плодородію классы; такое улучшеніе идетъ отчасти естественнымъ путемъ, благодаря обсыханію почвы и т. п. обстоятельствамъ, но гораздо чаще является результатомъ затратъ капитала. Рикардо полагаетъ, что послѣдняго рода улучшенія должны быть отнесены не на счетъ земли, а на счетъ капитала; но такой взглядъ основанъ на недоразумѣніи: Рикардо признаетъ за ренту лишь вознагражденіе за *естественныя* производительныя силы почвы и не включаетъ въ нее всего того плюса, который обязанъ своимъ происхожденіемъ вложенному въ землю капиталу. Между тѣмъ ясно, что на счетъ капитала можетъ быть отнесена только та часть этого плюса, которая соотвѣтствуетъ размѣру обычной прибыли, такъ какъ иначе пришлось бы допустить, что въ странѣ возможны различныя размѣры послѣдней, — а это противорѣчило бы основному положенію Рикардо. Если поэтому возможны затраты капитала, которые не только возмѣщаются съ обычною прибылью, но и увеличиваютъ доходность земли, воздѣлываемой обычными способами, т. е. повышаютъ ея плодородіе, то такія затраты, несомнѣнно, надо признать способствующими переходу земли въ высшіе по достоинству классы. Такихъ способовъ затраты капитала въ сельскомъ хозяйствѣ чрезвычайно много, и нѣтъ основанія ожидать, чтобы возможность ихъ когда-либо прекратилась; таковы всевозможныя виды орошенія, дренажа и т. п. Но независимо отъ этого сама долговременная обработка почвы, даже безъ всякихъ единовременныхъ затратъ, способствуетъ, если только она ведется по разумной системѣ, улучшенію почвы и повышаетъ ея производительность. Вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ и самое количество земель, непосредственно дающихъ продуктъ, такъ какъ переходъ къ каждой болѣе совершенной системѣ позволяетъ обращать къ производству продукта все болѣшую долю хо-

зяйственной площади, сокращая потребность въ площадяхъ, служащихъ только для производства навоза. Нельзя, конечно, думать, чтобы способность почвы улучшаться была безконечна: весьма возможно, что производительность наиболѣе плодородныхъ въ настоящее время почвъ уже не могла бы быть удвоена; но еще болѣе возможно, что всѣ неплодородныя почвы когда-нибудь сравнятся съ наиболѣе плодородными, такъ какъ всякая почва можетъ вмѣстить тотъ запасъ питательныхъ веществъ, который характеризуетъ почвы наиболѣе плодородныя, — дѣло сельскаго хозяйства доставить ей этотъ запасъ. Въ теченіе тѣхъ столѣтій, которыя до тѣхъ поръ пройдутъ, намъ нечего бояться угрозъ Рикардо, — производительность почвы будетъ не сокращаться, а возрастать, и даже, когда въ улучшеніи земель будетъ сдѣланъ послѣдній шагъ, останется еще одинъ исходъ — замѣнить культивируемыя нынѣ растенія другими, способными давать на данной почвѣ болѣе высокіе урожаи. Но если, съ другой стороны, способность почвы къ улучшеніямъ и не безконечна, то совершенно не доказана и безконечная размножаемость населенія.

3. Что для полученія ренты съ худшихъ земель нтъ необходимости въ повышеніи цѣны продукта. Для этого достаточно при неизмѣнившейся цѣнѣ продукта обрабатывать худшія земли по болѣе экстенсивной системѣ; на примѣръ, въ мѣстности, гдѣ для лучшихъ земель принята плодотермѣнная система, — по трехпольной или залежной; такой способъ хозяйства, съ одной стороны, позволитъ получать ренту и при низшей производительности земли, такъ какъ сократитъ издержки производства, а съ другой — культура даже и при менѣ совершенной системѣ улучшить свойства почвы и подготовить ее къ болѣе интенсивному хозяйству.

Теорія Рикардо не находитъ себѣ подтвержденія и въ статистическихъ данныхъ; для того, чтобы эта теорія оказалась вѣрною, необходимо было бы, во-первыхъ, чтобы увеличенію густоты населенія соответствовали какъ во времени, такъ и въ пространствѣ болѣе высокія цѣны на хлѣбъ, и, во-вторыхъ, чтобы болѣе густотѣ населенія соответствовала высшая земельная рента. Между тѣмъ анализъ статистическихъ данныхъ показываетъ, что *возрастаніе населенія во времени вовсе не сопровождалось постояннымъ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ*, выраженныхъ въ деньгахъ; если жегдѣ наблюдалось такое повышеніе, оно легко можетъ быть объяснено причинами, не имѣющими отношенія къ возрастающей непроизводительности земледѣлія: прежде всего, исто-

рія хлѣбныхъ цѣнъ не обнаруживаетъ непрерывнаго ихъ повышенія, а представляетъ значительныя и длящіяся колебанія, заполняющія иногда періоды жизни нѣсколькихъ поколѣній. Если же сравнить движеніе цѣнъ съ движеніемъ населенія, то между ними не только не обнаруживается параллелизма, какой долженъ бы былъ имѣть мѣсто по теоріи Рикардо, но, наоборотъ, рѣзкое паденіе цѣнъ нерѣдко сопровождало сильнѣйшій приростъ населенія, а наиболѣе быстрое повышеніе цѣнъ шло рядомъ съ уменьшеніемъ прироста этого послѣдняго. Чтѣ касается до тѣхъ случаевъ, когда дѣйствительно наблюдалось повышеніе цѣнъ на хлѣбъ, то это повышеніе было, главнымъ образомъ, результатомъ паденія цѣнности денегъ.

Далѣе, не трудно доказать, что и въ каждую данную эпоху цѣны не всегда стоятъ выше тамъ, гдѣ гуще населеніе, и что тамъ, гдѣ наблюдается такой параллелизмъ, онъ также объясняется причинами, не относящимися къ производительности земледѣлія: прежде всего, чѣмъ гуще населеніе, тѣмъ большая часть населенія скопляется въ городахъ, — и уже это обстоятельство способствуетъ повышенію цѣнъ на хлѣбъ, такъ какъ къ нормальнымъ издержкамъ производства послѣдняго прибавляется стоимость провоза. Съ другой стороны, въ густо населенныхъ странахъ натуральный способъ вознагражденія сельскихъ рабочихъ исчезаетъ и смѣняется денежнымъ, благодаря чему этотъ классъ рабочихъ является на рынкѣ на сторонѣ спроса и притомъ спроса именно на предметы первой необходимости. Правда, и самые товары, прежде служившіе натуральнымъ вознагражденіемъ рабочихъ, тоже поступаютъ на рынокъ и увеличиваютъ предложеніе, но равновѣсіе этимъ путемъ не восстанавливается: усиленный спросъ, разрозненный, направленный на предметы первой необходимости и притомъ возникающій въ моменты, когда безъ этихъ предметовъ нельзя обойтись, вліяетъ гораздо сильнѣе и поднимаетъ цѣны гораздо выше, нежели онѣ стояли бы при натуральномъ способѣ вознагражденія. Наконецъ, большое вліяніе имѣетъ и то обстоятельство, что болѣе населенныя страны болѣе богаты, а потому цѣнность денегъ въ такихъ странахъ ниже, а цѣны продуктовъ — при прочихъ равныхъ условіяхъ — выше, нежели въ странахъ съ рѣдкимъ населеніемъ.

Что касается до положенія, что земельная рента растетъ вмѣстѣ съ населенностью, то это положеніе дѣйствительно справедливо, но само по себѣ совершенно не доказываетъ справедливости теоріи Рикардо; доводомъ въ пользу этой послѣдней оно могло бы служить только въ томъ случаѣ, если бы было доказано, что повышеніе ренты есть ре-

зультатъ исключительно вызваннаго вздорожаніемъ производства повышенія цѣны продукта. Но доказать это совершенно нельзя: рента можетъ возвыситься и безъ всякаго возвышенія цѣнности продукта, вслѣдствіе увеличенія его количества, обусловленнаго либо переходомъ къ болѣе интенсивному хозяйству, либо введеніемъ въ культуру дающихъ большіе урожаи растений. Въ томъ и въ другомъ случаѣ на данную площадь земли затрачивается больше труда, но зато въ еще большей мѣрѣ возрастаетъ количество получаемаго продукта; большее количество продукта позволяетъ получить большую ренту, тогда какъ цѣнность единицы продукта могла даже упасть, такъ какъ эта единица стоила меньше труда. Въ этихъ именно обстоятельствахъ заключается объясненіе того, почему въ густо населенныхъ странахъ рента достигаетъ высшаго размѣра: густота населенія заставляетъ переходить къ болѣе интенсивнымъ культурамъ,—увеличеніе количества продукта ведетъ къ повышенію ренты, тогда какъ цѣнность единицы послѣдняго не только не повышается, но и можетъ даже понижаться. Каждая единица продукта отдѣляетъ на долю ренты столько же или даже меньше, чѣмъ въ мало населенной странѣ; но такъ какъ количество этихъ единицъ гораздо больше, то и общая сумма, поступающая въ ренту, достигаетъ гораздо болѣе значительныхъ размѣровъ.

Такимъ образомъ, сельско-хозяйственныя соображенія и статистическія данныя убѣждаютъ въ неосновательности положенія Рикардо—будто происхожденіе ренты объясняется необходимостью переходить отъ болѣе плодородныхъ и удобно расположенныхъ земель къ менѣе плодороднымъ и менѣе выгодно расположеннымъ. Но въ этомъ положеніи не трудно открыть и внутреннее противорѣчіе: Рикардо придаетъ одинаковое значеніе и меньшему плодородію позже поступающей въ культуру земли и ея большей удаленности отъ мѣста потребленія. Но для того чтобы вліяніе одного изъ этихъ двухъ условій не парализовало другого, необходимо было бы предположить, что большая удаленность сопровождается равнымъ или меньшимъ плодородіемъ, меньшее плодородіе—равною или большею удаленностью, а это было бы возможно только въ томъ случаѣ, если бы центръ сбыта лежалъ въ плодороднѣйшей точкѣ земного шара, а земля окружала его концентрическими кругами, и качество почвы понижалось по мѣрѣ удаленія отъ центра. Такъ какъ это предположеніе не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительнымъ расположеніемъ культурныхъ земель и рынковъ, то вліяніе плодородія и вліяніе разстоянія на каждомъ шагѣ парализуютъ другъ друга, а, слѣдовательно,

пока есть свободная земля, эта основа теоріи Рикардо теряетъ всякое практическое значеніе.

Далѣе, теорія Рикардо взваливаетъ на землевладѣніе такую вину, которая свойственна и собственности на капиталъ: землевладѣніе обвиняется въ томъ, что заставляетъ платить за продукты всѣхъ, въ томъ числѣ и наиболѣе производительныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, ту самую высокую цѣну, которая дѣлаетъ возможнымъ существованіе наименѣе производительныхъ предпріятій, необходимыхъ для покрытія всей общественной потребности въ продуктѣ, и что такимъ образомъ владѣльцы первыхъ получаютъ барышъ, на который они, по справедливости, не имѣютъ права. Между тѣмъ, то же имѣетъ мѣсто и въ обрабатывающей промышленности: предпріятія, въ какомъ-либо отношеніи поставленныя въ болѣе выгодныя условія, напримѣръ, владѣющія привилегіями, секретами, имѣющія болѣе дешевыхъ рабочихъ и т. п., и здѣсь берутъ цѣны, соотвѣтствующія издержкамъ производства предпріятій, которыя поставлены въ менѣе выгодныя условія, но необходимы для удовлетворенія существующаго спроса, а, слѣдовательно, получаютъ такія же экстренныя прибыли. Правда, конкуренція довольно успѣшно сглаживаетъ подобныя различія въ прибыляхъ, но на мѣсто ихъ тотчасъ же возникаютъ новыя различія, такъ что въ результатѣ и здѣсь цѣны устанавливаются по наименѣе выгоднымъ условіямъ производства, а владѣльцы выгоднѣе поставленныхъ предпріятій и здѣсь получаютъ экстренныя прибыли, по существу не отличающіяся отъ ренты болѣе производительныхъ земель ³⁾.

Наконецъ, нельзя не обратить вниманія на то, что если бы положеніе объ уменьшающейся производительности сельско-хозяйственнаго труда было вѣрно, то поземельная собственность была бы лишь весьма мало виновата въ существованіи пауперизма, и противъ послѣдняго не было бы, вообще, никакихъ средствъ. Если бы это положеніе было вѣрно, то рано или поздно, будетъ ли существовать поземельная собственность или нѣтъ, должно было бы наступить время, когда человечество начнетъ умирать съ голоду. Дѣйствительно, земельная рента возможна только потому, что сельско-хозяйственный трудъ даетъ больше

³⁾ Изложенный здѣсь взглядъ раздѣляется цѣлою школой экономистовъ (Шеффле, Мангольдтъ и др.), которые совершенно основательно видятъ въ рентѣ лишь разнородность экстраординарнаго дохода, получаемаго во всѣхъ отрасляхъ промышленности при исключительно благоприятныхъ условіяхъ производства и сбыта (aus schliessliche Absatzverhältnisse). А. К.

продукта, чѣмъ нужно для существованія работника; если производительность этого труда дѣйствительно убываетъ, то долженъ настать моментъ, когда трудъ вновь нарождающихся работниковъ создастъ меньше продукта, нежели нужно для ихъ собственнаго существованія; этимъ вновь народившимся работникамъ придется существовать на счетъ продукта труда прежнихъ работниковъ, и въ концѣ концовъ дѣло дойдетъ до того, что трудъ всего человѣчества не въ состояніи будетъ доставить средствъ, необходимыхъ для его существованія. Отмѣна частной собственности—предполагая вѣрность посылки Рикардо—могла бы только отсрочить, но не могла бы совершенно устранить наступленіе всеобщей нужды.

Глава V. Методъ изслѣдованія вопроса ¹⁾.

Въ предыдущей главѣ было показано, что теорія Рикардо не можетъ объяснить ни происхожденія ренты, ни тѣмъ болѣе происхожденія пауперизма. Корень заблужденій Рикардо—въ томъ, что онъ, какъ и всѣ остальные экономисты, разсматриваетъ сырой продуктъ и обработанный продуктъ независимо одинъ отъ другого, какъ самостоятельные источники дохода, и изучаетъ отдѣльно законы распредѣленія каждаго изъ этихъ двухъ видовъ народнаго продукта. Если бы Рикардо имѣлъ въ виду, что цѣнность каждаго изъ нихъ основана на взаимной связи добывающей и обрабатывающей промышленности, и что въ дѣйствительности объектомъ распредѣленія является вся совокупность національнаго продукта, онъ несомнѣнно пришелъ бы къ совершенно инымъ выводамъ. Но громадная заслуга Рикардо—въ томъ, что онъ первый сдѣлалъ попытку вывести всю совокупность явленій современной хозяйственной жизни изъ положенія о соотвѣтствіи цѣнности издержкамъ производства, и отсюда пришелъ къ многозначительному выводу, что, даже согласно законамъ основаннаго на свободной конкуренціи экономическаго строя, цѣна продукта вовсе не зависитъ отъ высоты заработной платы и прибыли, и что поэтому колебанія уровня заработной платы отражаются не на интересахъ потребителей, а только на уровнѣ дохода капиталистовъ и предпринимателей. Съ этими положеніями Рикардо тѣсно связаны всѣ грядущіе успѣхи политической экономіи, и потому сочине-

¹⁾ Изъ 2-го соціальнаго письма (Zur Beleuchtung der social Frage, II, I, стр. 23—32). А. К.

не Рикардо является однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи этой науки.

Признавая теорію ренты Рикардо, а равно и всѣ другія существующія теоріи ренты невѣрными и неспособными освѣтить социальное значеніе ренты, я предлагаю взамѣнъ ихъ новую теорію, которая представляетъ лишь логическій выводъ изъ установленнаго Смитомъ и глубже обоснованнаго Рикардо положенія, что *всѣ полезности съ экономической точки зрѣнія должны разсматриваться исключительно, какъ продуктъ труда, и что къ труду сводится вся ихъ цѣнность*,—положенія, имѣющаго такое же значеніе для социальной науки, какое открытія Галилея имѣютъ для физики. Согласно моей теоріи, пауперизмъ и кризисы, эти два важнѣйшихъ препятствія, задерживающія равномерный прогрессъ общества, вытекаютъ изъ одной и той же причины,—именно изъ того, что при неограниченной свободѣ экономического оборота *вознапряженіе рабочихъ классовъ, несмотря на возрастающую производительность общественнаго труда, составляетъ все меньшую долю общественнаго продукта*. Если возможно доказать это положеніе, то связь его съ пауперизмомъ и промышленными кризисами будетъ совершенно бесспорною; будетъ совершенно ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ рабочіе классы устранены отъ всякаго участія въ ростѣ національнаго богатства; въ то время, когда доходы другихъ классовъ непрерывно возрастаютъ, они въ лучшемъ случаѣ сохраняютъ свой прежній доходъ,—а это, при современномъ правовомъ и политическомъ положеніи рабочихъ классовъ, неизбѣжно должно, по экономическимъ и этическимъ соображеніямъ, вести за собою пауперизмъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ станетъ ясно, что при такомъ положеніи дѣлъ главный каналъ сбыта во внутреннемъ, а слѣдовательно и во всемъ вообще экономическомъ оборотѣ, именно покупательная способность четырехъ пятыхъ или даже пяти шестыхъ всего населенія не расширяется пропорціонально прогрессу производства, и, напротивъ, скорѣе суживается въ той же пропорціи, а отсюда сами собою, въ силу необходимости, вытекаютъ, въ свою очередь, промышленные кризисы. Я думаю, что изложенное основное положеніе дѣйствительно можетъ быть доказано, и что при внѣшнемъ экономическомъ строѣ заработная плата, разсматриваемая, какъ доля цѣнности продукта, понижается по меньшей мѣрѣ въ той же, если не въ большей пропорціи, нежели повышается производительность труда.

Чтобы доказать, что дѣло обстоитъ дѣйствительно такъ, нужно доказать два необходимыхъ предположенія: надо показать, во-первыхъ, что

производительность труда действительно возросла и продолжает возрастать, и, во-вторыхъ, что абсолютная величина заработной платы не только не возросла въ той же пропорціи, но, можетъ быть, осталась безъ измѣненія или даже упала. Если удастся доказать эти двѣ фактическія предпосылки, то сформулированное мною положеніе явится необходимымъ логическимъ выводомъ изъ нихъ, и станетъ безусловно ясно, что заработная плата, рассматриваемая какъ доля цѣнности продукта, понизилась въ томъ или иномъ отношеніи къ повышенію производительности труда.

Казалось бы, что я долженъ теперь приступить непосредственно къ обоснованію этихъ двухъ предпосылокъ съ тѣмъ, чтобы затѣмъ вывести изъ нихъ и науперизмъ, и кризисы. Но въ действительности дѣло обстоитъ не такъ просто: обоснованіе моихъ положеній встрѣчаетъ цѣлый рядъ препятствій въ видѣ неясныхъ понятій и научныхъ предразсудковъ. Вѣдь существуетъ даже мнѣніе, отрицающее, что заработная плата есть доля цѣнности продукта²⁾! И какъ отлична обычная теорія природы и происхожденія прибыли на капиталъ отъ той, которая лежитъ въ основѣ нашихъ построеній! Какъ несомѣстима съ этою послѣдней обычная теорія происхожденія и роста земельной ренты!... Мало того, я не зайду слишкомъ далеко, если скажу, что весь методъ, до сихъ поръ примѣнявшійся въ нашей наукѣ, затрудняетъ пониманіе того положенія, къ которому я свожу экономическія бѣдствія нашего времени.

Наука должна была бы, въ самомъ дѣлѣ, исходить изъ сознанія, что общество, благодаря раздѣленію труда, связано въ одно неразрывное цѣлое; съ точки зрѣнія этого цѣлага и она должна была бы приступать къ объясненію отдѣльныхъ понятій и явленій въ области народнаго хозяйства,—слѣдовательно, она должна была бы поставить во главѣ угла понятія *національнаго* достоянія, *національнаго* производства, *національнаго* капитала, *національнаго* дохода; она должна была бы изучать распредѣленіе этого послѣдняго на земельную ренту, прибыль и заработную плату, и уже отъ этихъ социальныхъ понятій переходить къ выясненію долей отдѣльныхъ лицъ. Но на дѣлѣ наука не смогла освободиться отъ преувеличенныхъ индивидуалистическихъ тенденцій своей эпохи: то, что представляетъ собой, въ силу раздѣленія

²⁾ Здѣсь имѣется въ виду теорія „фонда рабочей платы“, о которой подробнѣе будетъ рѣчь во 2-й части этой книги. А. К.

труда, нераздѣльное цѣлое, социальное тѣло³⁾, то, что можетъ существовать лишь въ предположеніи существованія этого цѣлага, она разорвала на клочки, и, исходя отъ этихъ клочковъ, отъ долей отдѣльных индивидовъ она пыталась подняться къ понятію о цѣломъ. Такъ, на примѣръ, она исходила изъ понятія индивидуального имущества, упуская изъ виду, что имущество человѣка, связаннаго раздѣленіемъ труда съ другими людьми въ одно социальное цѣлое⁴⁾, совсѣмъ не то, что имущество индивида, ведущаго совершенно изолированное хозяйство; она исходила изъ земельной ренты отдѣльнаго землевладѣльца, упуская изъ виду, что понятіе земельной ренты уже предполагаетъ понятіе о прибыли на капиталъ и о заработной платѣ, и что вообще нельзя говорить обо всѣхъ этихъ понятіяхъ, если не имѣть въ виду всего современнаго общества и общественнаго дохода, котораго *долями* являются земельная рента, прибыль и заработная плата. Она рассуждала такъ, какъ будто бы общество было только суммой различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическимъ, а не духовнымъ, не социальнымъ цѣлымъ, какъ будто бы само народное хозяйство было только агрегатомъ индивидуальныхъ хозяйствъ, а не органически единымъ собирательнымъ хозяйствомъ⁵⁾, нѣкоторые изъ органовъ котораго страдаютъ подъ гнетомъ исторически сложившихся обстоятельствъ и отношеній, стоящихъ въ противорѣчій съ идеальнымъ правомъ индивида.

Если бы экономическая наука не поддавалась этому въ корнѣ невѣрному методу, она навѣрно имѣла бы въ настоящее время другой видъ и ушла бы гораздо дальше въ своемъ развитіи. Я не могу не воспользоваться здѣсь случаемъ набросать систему этой науки, сообразную съ истиннымъ, подобающимъ ей методомъ, основаннымъ на принципѣ раздѣленія труда, и думаю, что этотъ набросокъ много поможетъ пониманію моихъ дальнѣйшихъ разсужденій.

Если бы наука народнаго хозяйства дѣйствовала правильнымъ методомъ, ей пришлось бы посвятить *первую* часть, соответствующую содержанію современной политической экономіи, какъ простаго фактическаго изученія⁶⁾ экономического оборота, — научному освѣщенію *совре-*

³⁾ Въ подл. ein Sociales. А. К.

⁴⁾ Въ подл. vergesellschaftet. А. К.

⁵⁾ Въ подл. Gesamtwirtschaft. А. К.

⁶⁾ Въ подл. Naturlehre. А. К.

меннаго хозяйственнаго строя во всѣхъ его, предоставленныхъ своему свободному теченію⁷⁾, проявленіяхъ.

Въ первомъ же отдѣлѣ этой части ей пришлось бы установить понятія *національнаго* (общественнаго) труда и *національнаго* имущества: національнаго труда—какъ взаимодействія единичныхъ силъ, связанныхъ раздѣленіемъ труда въ одно неразрывное цѣлое; національнаго имущества — какъ столь же неразрывно связанной національнымъ трудомъ совокупности всѣхъ матеріальныхъ богатствъ націи. Она должна была бы показать, какъ отношенія раздѣленія труда разбиваютъ социальный трудъ по отношенію къ каждому роду продуктовъ на виды⁸⁾—промышленность добывающая, обрабатывающая и перевозочная, а внутри каждаго вида—на производительныя группы, т. е. отдѣльныя предпріятія, соотвѣтственно чему разбивается на виды и группы и національное имущество. Она должна была бы, далѣе, установить въ составѣ національнаго имущества различіе между національною землею, какъ болѣе или менѣе богатымъ, но во многихъ отношеніяхъ замѣнимымъ при помощи человѣческаго искусства, хранилищемъ всякаго сырого матеріала и національнымъ капиталомъ, какъ совокупностью продуктовъ, размѣщенныхъ въ разныхъ предпріятіяхъ и предназначенныхъ для дальнѣйшаго производства, а національному капиталу противопоставить національный продуктъ—результатъ національнаго производства за какой-либо опредѣленный періодъ. Она должна была бы затѣмъ показать, какъ одна часть національнаго продукта постоянно уходитъ на возстановленіе затраченнаго въ производствѣ капитала, другая же часть, *національный доходъ*, служить къ удовлетворенію непосредственныхъ потребностей общества и его отдѣльныхъ членовъ. Она должна была бы, наконецъ, выяснить понятіе *производительности національнаго труда* и показать, какъ количество національнаго продукта, а слѣдовательно и дохода, разсчитанное на единицу населенія, другими словами, какъ *національное богатство* опредѣляется исключительно этою производительностью.

Послѣ такого выясненія основныхъ понятій науки о *народномъ* хозяйствѣ и ихъ взаимной связи слѣдовало бы показать, какимъ образомъ *завѣдываніе* національнымъ производствомъ и его *движеніе*, а также *распредѣленіе* національнаго продукта опредѣляются учрежденіями

7) Въ подл. sich selbst überlassen. А. К.

8) Въ подл. Produktionsabschnitte. А. К.

положительнаго права, и въ частности наиболѣе характернымъ и существеннымъ изъ нихъ — *правомъ частной собственности на землю и капиталъ*. Чтобы лучше выяснитъ эту зависимость, пришлось бы изслѣдовать, какъ сложилось бы производство и распредѣленіе, если бы земля и капиталъ находились не въ частной, а въ общественной собственности, а право *частной собственности существовало* только по отношенію къ достаемойся каждому *доль народнаго дохода*. При такомъ строѣ вовсе не было бы неизбѣжно, чтобы доходъ распредѣлялся соотвѣтственно коммунистическимъ идеямъ — безъ всякой опредѣленной правовой нормы, а напротивъ, доля каждаго могла бы опредѣляться на основаніи положительнаго общественнаго закона, по соразмѣрности съ его трудомъ: отдѣльныя трудовыя операціи, какъ онѣ ни различны въ смыслѣ силы и ловкости, все-таки вполне сравнимы между собой и могутъ быть приведены къ одному масштабу. При такомъ общественномъ устройствѣ право собственности, очевидно, не только не было бы отмѣнено, — напротивъ, только тогда оно было бы поставлено на свои дѣйствительныя и первоначальныя основанія. Нельзя также сомнѣваться, въ принципѣ, и въ осуществимости соотвѣтствующей такимъ правовымъ началамъ организациі національнаго производства и распредѣленія; все сводилось бы къ чисто практическому вопросу — достаточно ли велика нравственная сила народа для того, чтобы побудить его добровольно оставаться на пути національнаго *труда* и національнаго *прогресса* безъ того принужденія, какое дѣйствуетъ въ настоящее время, благодаря существованію права частной собственности на землю и капиталъ.

Такимъ образомъ, пришлось бы параллельно изобразить социальный строй съ общественною собственностью на землю и капиталъ и съ частной собственностью на одни только продукты, — такой строй, гдѣ руководство національнымъ производствомъ, соразмѣрно общественнымъ потребностямъ, лежало бы на особой *общественной власти*, и современный строй, гдѣ національное имущество, благодаря институту частной собственности, раздроблено между отдѣльными землевладѣльцами и капиталистами, гдѣ *интересъ собственниковъ исполняетъ функции упомянутой общественной власти*, и направляетъ принадлежащія имъ доли національнаго имущества къ производству продуктовъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ общества. Пришлось бы показать, какъ въ томъ идеальномъ строѣ достаточно было бы *распоряженія* народно-хозяйственной власти для того, чтобы направлять захваченную въ процессъ производства, но продолжающую находиться въ общественной

собственности полезность изъ одного мѣста и отъ одной отрасли производства въ другое мѣсто и къ другой отрасли и въ концѣ концовъ— къ мѣсту назначенія, т. е. въ мѣстожительство потребителя. Напротивъ, въ *современномъ* строѣ, гдѣ собственникъ земли и капитала является и собственникомъ продукта, на мѣсто такого распоряженія становится *сдѣлка мѣны или купли-продажи*, на сцену выступаетъ торговый оборотъ, а съ нимъ—деньги, такъ что все движеніе національнаго производства, съ перваго момента приложенія труда къ добыванію сырья и до окончательнаго завершенія продукта, происходитъ чрезъ посредство ряда совершающихся при помощи денегъ отчужденій и перенесеній права собственности. Пришлось бы изобразить, какъ въ *томъ* строѣ общественная власть наблюдала бы за тѣмъ, чтобы часть продукта возстановляла затраченный въ производство капиталъ, и только остальная часть создавалась бы въ видѣ дохода, т. е. продуктовъ, служащихъ къ удовлетворенію общественныхъ потребностей,—тогда какъ въ *современномъ* строѣ властвуетъ хозяйственный интересъ капиталистовъ и ихъ представителей - предпринимателей, которые считаютъ за свой „барышъ“, свой доходъ, только то, что сбытъ продуктовъ даетъ имъ *сверхъ* возстановленія капитала, и берутся только за такія производства, гдѣ получается такой излишекъ.

По выясненіи, такимъ образомъ, вліянія положительнаго права на *организацию и движеніе производства*, надлежало бы выяснить его вліяніе на *распределение* національнаго продукта. Надлежало бы изобразить, какъ въ *томъ* строѣ, гдѣ земли и капиталъ принадлежатъ обществу и только національный доходъ поступаетъ въ собственность отдѣльныхъ лицъ, соразмѣрно исполненному труду,—весь національный доходъ полностью поступалъ бы производителямъ, работникамъ, тогда какъ при существованіи частной собственности на землю и капиталъ національный доходъ дѣлится между работниками и собственниками и дѣлится такъ, что послѣднимъ поступаетъ наибольшая его часть. Тамъ, гдѣ доходъ распределялся бы соразмѣрно труду, распределеніе происходило бы такимъ образомъ, что цѣнность каждаго продукта опредѣлялась бы по количеству затраченнаго труда⁹⁾, а каждый участникъ національнаго произ-

⁹⁾ Конституированная цѣнность Прудона. Я позволяю себѣ замѣтить, впрочемъ, что идея конституированной цѣнности была выставлена мною до Прудона, и что разсужденія мои въ работѣ *Zur Erkenntniss unserer staatswirthschaftlichen Zustände* (1842) являются предварительными соображеніями для обоснованія этой идеи (*прим. Родбертуса*).

водства получили бы, въ формѣ удостовѣренія въ количествѣ исполненнаго имъ труда, ассигновку на право полученія въ предѣлахъ той же цѣнности любыхъ предметовъ потребленія¹⁰⁾, которые выдавались бы ему въ столь же полную собственность, какъ нынѣ выдается рабочему его заработная плата. Напротивъ, въ *современномъ* строѣ, гдѣ въ распредѣленіи участвуютъ, кромѣ работниковъ, собственники, распредѣленіе это принимаетъ совсѣмъ иной видъ: землевладѣльцы и капиталисты, или ихъ представители—предприниматели, нанимають работниковъ, при чемъ особый законъ, господствующій надъ заработной платой, заставляетъ послѣднюю опускаться далеко ниже цѣнности продукта; затѣмъ они обращаютъ изготовленные рабочими товары по цѣнѣ, устанавливаемой согласно законамъ рынка и конкуренціи, въ деньги и, возмѣстивъ изъ выручки заработную плату и затраченный капиталъ, дѣлятъ между собой остатокъ выручки, соотвѣтственно опять-таки основному закону, опредѣляемому цѣнностью соотвѣтственнаго продукта, на части, называемыя земельной рентой и прибылью; въ концѣ концовъ, какъ собственники на счетъ названныхъ видовъ дохода¹¹⁾, такъ и работники на счетъ заработной платы покупаютъ себѣ нужные имъ предметы потребленія изъ складовъ частныхъ предпринимателей.

Наконецъ, въ первомъ же отдѣлѣ той же части ученія о народномъ хозяйствѣ надлежало бы выяснитъ, какъ при данномъ относительномъ значеніи человѣческихъ потребностей распредѣленіе національнаго дохода, въ частности размѣръ долей отдѣльныхъ участниковъ, обуславливаетъ общее направленіе и разнообразныя развѣтвленія національнаго *производства*, такъ что и руководящая производствомъ власть въ одномъ общественномъ строѣ, и интересъ собственниковъ — въ другомъ не имѣютъ другого пути, какъ слѣдовать заключающимся въ распредѣленіи національнаго дохода указаніямъ.

Послѣ того, какъ въ *первомъ* отдѣлѣ было бы разъяснено теченіе національнаго хозяйства въ предположеніи *неизмѣнности* производительныхъ силъ, во *второмъ* отдѣлѣ надлежало бы изслѣдовать, какъ вліяетъ *измѣненіе* этихъ силъ, и въ частности—измѣненіе какъ ихъ *количества* такъ и ихъ *производительности*.

Здѣсь надлежало бы прежде всего разъяснитъ значеніе *прироста національнаго капитала* и роль въ этомъ дѣлѣ *сбереженія*, при чемъ

¹⁰⁾ Въ подл. Einkommensgüter. А. К.

¹¹⁾ Въ подл. Antheil am Nationaleinkommen. А. К.

выяснилось бы, что сбереженіе есть лишь форма умноженія капитала, обусловливаемая существованіемъ частной собственности на землю и капиталъ, и притомъ форма, въ значительной мѣрѣ замѣнимая кредитомъ. Затѣмъ надлежало бы показать, какъ увеличеніе суммы производительныхъ силъ, благодаря *увеличенія количества національнаго труда*, или, что то же самое, *приросту населенія*, хотя и увеличиваетъ національный капиталъ и національный продуктъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и общую сумму заработныхъ платъ и рентъ (въ широкомъ смыслѣ слова), но что дѣйствительное *повышеніе* происходитъ только по отношенію къ земельной рентѣ, такъ какъ возросшая сумма заработныхъ платъ распределяется на большее число работниковъ, возросшая сумма прибылей — на возросшій капиталъ и только возросшая земельная рента падаетъ на оставшееся безъ измѣненія количество земли; но это *повышеніе національнаго богатства*, т. е. увеличеніе продукта, могущее пойти *всѣмъ* на пользу, можетъ явиться результатомъ исключительно увеличенія *производительности труда*. Здѣсь слѣдовало бы показать, какъ ничтожно когда то было національное богатство и какъ даже ренты — земельная и на капиталъ — сдѣлались возможными лишь благодаря увеличенію этой производительности; какъ въ общественномъ строѣ безъ права частной собственности на землю и капиталъ результаты возросшей производительности всецѣло могли бы пойти на пользу работникамъ, доходъ которыхъ долженъ бы былъ расти параллельно росту производительности, тогда какъ нынѣ, при существованіи этого правового института и при дѣйствіи управляющихъ заработной платой законовъ, эти результаты идутъ на пользу не работниковъ, а землевладѣльцевъ и капиталистовъ.

Наконецъ, въ *третьемъ отдѣлѣ* пришлось бы выяснить, какимъ путемъ удовлетворяются потребности, вытекающія изъ существованія общества и правительства; другими словами, изложить основанія финансовой науки, т. е. основы обложенія и расходованія государственныхъ доходовъ, а также вліяніе финансоваго хозяйства на производство и распределеніе.

Такимъ образомъ, *первая часть* ученія о народномъ хозяйствѣ должна была бы выяснить основанія производства, распределенія и потребленія; затѣмъ естественно пришлось бы показать во *второй части* тѣ опасности, которыя при существующемъ правовомъ порядкѣ угрожаютъ обществу, предоставленному естественному ходу развитія экономическихъ отношеній, и, наконецъ, въ *третьей части* указать средства борьбы съ этими опасностями.

Такой методъ носить въ самомъ себѣ свое оправданіе, хотя, строго говоря, онъ также мало заслуживаетъ названія *систематическаго*, какъ и тотъ удивительный наборъ экономическаго матеріала, какой даютъ школа Сэ и нѣмецкіе экономисты. Но если метода этихъ послѣднихъ способствовала отвлеченію мысли отъ живого развитія народнаго хозяйства, то при *нашемъ* методѣ само собою выяснилось бы, что именно тотъ фазисъ живого и порывистаго развитія, въ которомъ находится нынѣшнее народное хозяйство, не позволяетъ привести матеріаль въ стройную систему, подобную, напр., системѣ юридическихъ наукъ; въ этой методѣ будетъ уже намекъ на то, что лишь по минованіи этого фазиса наука о народномъ хозяйствѣ выступитъ, какъ важнѣйшая и обширнѣйшая изъ социальныхъ наукъ, поглотитъ большую часть даже науку права и сдѣлается способною къ систематической классификаціи и изложенію.

Если бы въ наукѣ придерживались *этого* метода, переходя отъ общаго къ частному, а не наоборотъ, то изъ нея исчезли бы многіе предрассудки, и была бы подготовлена почва для пониманія того явленія, въ которомъ я вижу причину и пауперизма, и кризисовъ, а потому я могъ бы приступить для обоснованія моего взгляда непосредственно къ изложенію данныхъ, доказывающихъ ростъ производительности труда и неизмѣнность или даже пониженіе заработной платы, а затѣмъ показать, какимъ образомъ изъ пониженія заработной платы, *какъ доли участія въ продуктѣ*, необходимо вытекаютъ названныя бѣдствія. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ я долженъ предварительно представить достаточно полную, построенную соотвѣтственно изложенному методу *теорію распределенія національнаго продукта*.

Глава VI. Общія положенія, лежащія въ основѣ правильной теоріи ренты¹⁾.

Первое и главное положеніе, на которомъ только и можно построить правильную теорію ренты, заключается въ томъ, что *вся хозяйственная полезность есть продуктъ труда*, или, какъ другіе выражали эту мысль, что только трудъ производителенъ. Конечно, этого положенія нельзя понимать въ томъ смыслѣ, чтобы цѣнность продукта всег-

¹⁾ Изъ третьяго социального письма (Zur Beleuchtung der socialen Frage, ч. I, стр. 68—74). А. К.

да была равна трудовой стоимости²⁾, другими словами, чтобы труд уже въ настоящее время служилъ мѣриломъ цѣнностей³⁾, и еще менѣе — въ томъ, чтобы трудъ создавалъ самое вещество. Смыслъ этого положенія въ томъ, *во-первыхъ*, что только тѣ полезности принадлежатъ къ числу *хозяйственныхъ*, производство которыхъ потребовало какой-нибудь хотя бы ничтожной затраты труда; всѣ остальные полезности, какъ бы онѣ ни были необходимы для человѣка, остаются полезностями *естественными*, съ хозяйственной точки зрѣнія не представляющими интереса. Въдъ самое хозяйство существуетъ лишь потому, что большинство средствъ удовлетворенія все возобновляющихся и растущихъ потребностей человѣка отъ природы не поставлено къ этому послѣднему—въ смыслѣ мѣстонахожденія и пригодности для человѣческихъ цѣлей⁴⁾—въ такое непосредственное отношеніе, чтобы сдѣлать возможнымъ немедленное потребление; потому, что трудъ—единственное средство установить такое отношеніе; что трудъ ограниченъ въ смыслѣ времени и степени напряженности; что однажды затраченный онъ уже исчезаетъ безвозвратно, и что, работая, человѣкъ въ известной степени лишаетъ себя свободы; что поэтому человѣку приходится осторожно, *хозяйственно* расходовать⁵⁾ какъ самый свой трудъ — это свое первоначальное богатство, такъ и всѣ тѣ полезности, которыя только трудъ можетъ воспроизвести. *Во-вторыхъ*, это положеніе означаетъ, что всѣ хозяйственныя полезности—*исключительно* продуктъ труда; что съ хозяйственной точки зрѣнія онѣ должны разсматриваться, какъ продукты не природы или какой либо иной силы, а одного только труда. Что въ производствѣ хозяйственныхъ полезностей сдѣлала природа,—за это человѣкъ долженъ быть благодаренъ, такъ какъ природа сберегла ему нѣкоторое количество труда, но до хозяйства эта дѣятельность природы касается лишь постольку, поскольку на помощь этой послѣдней при-

²⁾ Я буду употреблять выраженіе „трудовая стоимость“ взамѣнъ болѣе длиннаго описанія: „трудъ, затраченный на производство продукта“. Конечно, „трудовая стоимость“ (Kostenarbeit) не то же, что „издержки на трудъ“ (Arbeitskosten). Подъ послѣднимъ выраженіемъ разумѣютъ сумму заработныхъ платъ, издержанныхъ предпринимателемъ ради производства даннаго продукта, подъ первымъ — количество самаго труда. Что эти два выраженія въ настоящее время не однозначущи—въ этомъ корень экономической неурядицы настоящаго времени (*прим. Родбертуса*).

³⁾ Нѣкоторыя соображенія по этому поводу см. ниже, въ главѣ XIII. А. К.

⁴⁾ Въ подл. qualitativ. А. К.

⁵⁾ Въ подл. haushalten. А. К.

шель трудъ; и какъ полезности становятся хозяйственными лишь потому, что въ созданіи ихъ участвовалъ трудъ, такъ онѣ становятся хозяйственными лишь въ долѣ, соотвѣтствующей участію этого послѣдняго. *Въ третьихъ*, это положеніе означаетъ, что полезности съ хозяйственной точки зрѣнія—*продуктъ только того труда, который исполнялъ необходимыя вещественныя работы*; подъ этимъ выраженіемъ разумѣется не только тотъ трудъ, который былъ направленъ непосредственно на созданіе предмета потребленія, но и тотъ, который былъ затраченъ на приготовленіе орудія, служащаго для производства этого предмета, и участіе въ продуктѣ того и другого вида труда доступно математическому выраженію. Если орудіе стоило n единицъ труда и во время срока своей службы можетъ участвовать въ производствѣ x готовыхъ полезностей, а на непосредственное изготовленіе каждой изъ послѣднихъ затрачивается m единицъ труда, то каждая данная полезность можетъ быть рассматриваема, какъ продуктъ $m + \frac{x}{n}$ единицъ труда. Но хозяйственныя полезности — продуктъ *только этого* труда, а не какого-либо другого. Такъ, судья, заботящійся о юридическомъ положеніи работниковъ, несомнѣнно, косвенно приноситъ большую пользу производству и вполне заслуживаетъ за это вознагражденія въ видѣ известнаго количества хозяйственныхъ полезностей. Но онъ создаетъ не хозяйственныя полезности, а право, и какъ о производителяхъ хозяйственныхъ полезностей, снабжающихъ судью средствами къ существованію, безъ которыхъ онъ не могъ бы и судить, нельзя сказать, что они участвуютъ въ судоговореніи, такъ нельзя сказать и о судьѣ, который, примѣняя законы, обезпечиваетъ работникамъ возможность производить хозяйственныя полезности, чтобы онъ былъ участникомъ производства этихъ послѣднихъ. Словомъ, *то великое и всеобщее содѣйствіе, которое оказываетъ общество* производительной дѣятельности своихъ членовъ, *есть понятіе гораздо болѣе широкое, чѣмъ раздѣленіе труда, которое имѣетъ дѣло исключительно съ производствомъ хозяйственныхъ полезностей*: раздѣленіе труда есть только одна изъ областей обширнаго царства общественнаго взаимодействія, сама по себѣ достаточно широкая для того, чтобы имѣть свою администрацію и свою науку.

Положеніе, что хозяйственныя полезности—продуктъ одного только труда, не утрачиваетъ своей вѣрности ни благодаря раздѣленію труда, ни благодаря существованію частной собственности на землю и капиталъ,

ни, наконецъ, благодаря тому, что человѣку современемъ удастся съ меньшею затратою труда создавать большее количество полезностей. Раздѣленіе труда ведетъ къ тому, что въ производствѣ полезности, а отсюда—и въ распредѣленіи продукта, участвуетъ не одно лицо, а разные лица; но оно не измѣняетъ того факта, что полезность есть продуктъ исключительно того матеріальнаго труда, который требовался для ея производства. Право частной собственности на землю и капиталъ ведетъ къ тому, что трудъ предпринимается по заказу собственниковъ, которымъ и принадлежитъ его продуктъ, тогда какъ рабочіе получаютъ заработную плату; но продуктъ не перестаетъ быть продуктомъ труда работниковъ и не дѣлается продуктомъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, какъ таковыхъ: случается, что и эти лица принимаютъ участіе въ работѣ, и потому продуктъ становится и ихъ продуктомъ, но и въ этомъ случаѣ онъ остается продуктомъ ихъ *труда*, а не ихъ земли или капитала. Въ этомъ согласны всѣ представители экономической науки, каковы-бы ни были ихъ мнѣнія относительно законности или незаконности рентныхъ доходовъ. Наконецъ, если людямъ удастся съ меньшею затратою труда изготовлять больше полезностей, то это значитъ только, что трудъ сталъ болѣе производителенъ. Если трудъ на плодородной почвѣ создаетъ больше хлѣба, нежели на неплодородной, то это значитъ, что на первой онъ болѣе производителенъ; если работникъ при помощи рубанка выстрагиваетъ болѣе досокъ и дѣлаетъ это лучше, чѣмъ помощью остраго камня или своихъ ногтей, то и это значитъ только, что трудъ сталъ болѣе производителенъ. Но ни въ какомъ случаѣ, съ хозяйственной точки зрѣнія, ни одна часть продукта болѣе плодородной пашни не можетъ разсматриваться, какъ продуктъ не труда, а земли или землевладѣльца, какъ такового; и отдѣлка досокъ рубанкомъ не можетъ разсматриваться, какъ продуктъ не труда, а дѣйствующей въ рубанкѣ природной силы или владѣльца рубанка, какъ такового. Съ хозяйственной точки зрѣнія каждая данная масса продукта есть продуктъ труда, только въ однихъ случаяхъ — меньшаго количества труда, нежели въ другихъ. Изъ такого болѣе благоприятнаго, количественно или качественно, отношенія труда къ продукту возникаетъ только новое понятіе — *производительности труда*, одно изъ важнѣйшихъ понятій нашей науки, но не вытекаетъ никакой модификаціи того принципа, что каждая хозяйственная полезность есть продуктъ одного только труда.

Второе основное положеніе заключается въ томъ, что земельная рента, прибыль на капиталъ и заработная плата суть отрасли *дохода*.

Надо остерегаться распространеннаго между экономистами заблужденія, влекущаго за собой въ ученіяхъ о прибыли и рентѣ сотни другихъ заблужденій: а именно, нельзя разсматривать земельную ренту, прибыль и заработную плату въ сельско-хозяйственныхъ предпріятіяхъ, какъ продуктъ *одного* только сельско-хозяйственнаго труда, а прибыль и заработную плату въ обрабатывающей промышленности, — какъ продуктъ *одного только* перерабатывающаго труда ⁶⁾. Земельная рента, прибыль и заработная плата, повторяю, суть виды дохода, на который землевладѣльцы, капиталисты и работники должны *жить*, т. е. удовлетворять свои непосредственныя потребности. Полезности, поступающія въ доходъ, должны, конечно, быть годны для этого. Но такихъ полезностей не создаетъ самъ по себѣ ни сельско-хозяйственный, ни перерабатывающій трудъ: первый доставляетъ только сырье, второй можетъ только наложить на сырье свойственный ему отпечатокъ; оба вида труда должны вступить въ союзъ, чтобы создать полезность, способную служить доходомъ, т. е. удовлетворять человѣческія потребности. Земельная рента, прибыль и заработная плата, конечно, суть части, на которыя, въ силу извѣстныхъ причинъ и по извѣстнымъ законамъ, распределяется общественный доходъ, и этотъ доходъ создается на почвѣ раздѣленія труда. Но это не измѣняетъ ни природы дохода, ни результата сельско-хозяйственнаго и перерабатывающаго труда: изъ того, что одни исполняютъ сельско-хозяйственныя, другіе — перерабатывающія операціи, не слѣдуетъ, что одни создаютъ *только* сырье, другіе — *только* свойственный имъ эффектъ, и еще менѣе слѣдуетъ, чтобы доходы землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ были по существу разнородны: сельско-хозяйственныя работы доставляютъ и землевладѣльцу, и капиталисту съ работникомъ только сырье, но еще не готовый доходъ. Какъ у изолированнаго хозяина перерабатывающій трудъ долженъ присоединиться къ сельско-хозяйственному и послѣдній долженъ предшествовать первому, чтобы создать его доходъ, — такъ и въ обществѣ, при раздѣленномъ трудѣ, оба вида послѣдняго должны соединиться, чтобы создать общественный доходъ. Если же земельная рента и прибыль суть лишь части общественнаго дохода; если, далѣе, этотъ послѣдній есть продуктъ, одинаково, и перерабатывающаго, и сельско-хозяйственнаго труда, то очевидно, что первый участвуетъ и въ производствѣ земельной ренты, а второй и въ производствѣ прибыли; что рента, прибыль и заработная плата не создаются каждая порознь какимъ-либо отдѣльнымъ видомъ труда, а

⁶⁾ Въ подл. *Fabrikationsarbeit*. А. К.

всѣ вмѣстѣ создаются совокупностью всѣхъ этихъ видовъ. *Раздѣленіе общественнаго дохода на земельную ренту, прибыль и заработную плату происходитъ, такимъ образомъ, не въ производствѣ* (какъ полагають экономисты, желающіе вывести ренту изъ одного сельскохозяйственнаго труда), *но лишь при распредѣленіи продукта, созданнаго совмѣстнымъ дѣйствіемъ разныхъ видовъ труда.* Сельско-хозяйственный трудъ даетъ только сырье, изъ *цѣнности* котораго получается рента, или прибыль, или то и другое вмѣстѣ; *котораго цѣнность опредѣляетъ долю* участія его владѣльца въ распредѣленіи дохода, созданнаго совокупнымъ дѣйствіемъ сельско-хозяйственнаго и перерабатывающаго труда. Равнымъ образомъ и перерабатывающій трудъ даетъ только долю пригодности готоваго продукта, — долю, которой *цѣнность* съ своей стороны опредѣляетъ *долю* владѣльца переработаннаго продукта въ распредѣленіи общаго продукта обоихъ видовъ труда. Такимъ образомъ, лишь посколькѣ сельско-хозяйственный трудъ опредѣляетъ цѣнность сырья, онъ опредѣляетъ величину доли созданнаго совокупнымъ дѣйствіемъ добывающей и обрабатывающей промышленности общественнаго дохода, которая можетъ стать земельной рентой; равнымъ образомъ, перерабатывающій трудъ опредѣляетъ только *размѣръ доли* этого дохода, которая, за вычетомъ заработной платы, можетъ стать прибылью на капиталъ. Но цѣнность результатовъ отдѣльныхъ видовъ труда еще не есть доходъ, а есть только мѣрило распредѣленія послѣдняго; доходъ и землевладѣльца, и капиталиста есть лишь часть общественнаго дохода, который создается совокупнымъ трудомъ сельскаго хозяйства и обрабатывающей промышленности, и котораго *части* также создаются лишь этимъ же совокупнымъ трудомъ. Понимая иначе отношеніе земельной ренты, прибыли и заработной платы къ общественному доходу, экономисты обнаружили лишь недостаточное пониманіе основнаго экономического закона раздѣленія труда.

Послѣ этихъ общихъ предварительныхъ соображеній я могу перейти къ даннымъ, на коихъ покоится *Рента* въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо происхожденіе земельной ренты не можетъ быть объяснено иначе, какъ въ связи съ происхожденіемъ прибыли на капиталъ; и то и другое—составныя части единой Ренты, какъ заработная плата и Рента въ широкомъ смыслѣ—части общественнаго дохода ¹⁾).

¹⁾ Родбертусъ уп. требуетъ слово Rente, въ отличіе отъ Grundrente, для обо-

Глава VII. Происхождение Ренты ¹⁾.

Рента, въ широкомъ смыслѣ этого слова, есть всякій доходъ, получаемый безъ труда, на основаніи одного только факта обладанія собственностью. Между тѣмъ, мы видѣли, что всякій доходъ есть продуктъ труда, и одного только труда; почему же, спрашивается, въ распредѣленіи его участвуютъ лица, которыя не участвуютъ въ трудѣ и вообще не оказываютъ производству никакихъ услугъ? Почему въ немъ участвуетъ землевладѣлецъ, вся роль котораго сводится къ тому, что онъ сдаетъ свою землю и получаетъ за это арендную плату? Почему такой же легкій доходъ получаетъ капиталистъ? Почему предприниматель, поручая дѣйствительное руководство дѣломъ наемному лицу, все же получаетъ доходъ, хотя бы и капиталъ былъ чужой, и за него приходится платитъ проценты? Что заставляетъ работниковъ, дѣйствительных-созидателей дохода, уступать этотъ доходъ другимъ лицамъ, не получая отъ нихъ за это никакихъ услугъ?

Отвѣтъ на эти вопросы, а слѣдовательно, и объясненіе происхожденія ренты, заключается въ двухъ обстоятельствахъ, неразрывно связанныхъ съ современнымъ раздѣленіемъ труда.

Первое изъ этихъ обстоятельствъ носить *чисто-экономическій* характеръ и заключается въ томъ, что раздѣленный трудъ даетъ больше продукта, нежели необходимо работникамъ для того, чтобы существовать и продолжать работать,—что, слѣдовательно, трудъ даетъ продуктъ, на который могутъ существовать, кромѣ работающихъ, и другія лица.

Безъ раздѣленія труда послѣдній можетъ прокормить, и то лишь самымъ жалкимъ образомъ, *только самого трудящагося*, такъ какъ онъ сводится въ это время къ простой *оккупации* веществъ, доставляемыхъ природой—къ собиранію плодовъ и, въ лучшемъ случаѣ, къ охотѣ. Съ раздѣленіемъ труда являются такіе виды послѣдняго, которые *помогаютъ* природѣ въ производствѣ веществъ,—земледѣліе и скотоводство, и только въ этой формѣ трудъ начинаетъ давать большій продуктъ, чѣмъ сколько нужно для поддержанія существованія работающаго. Бастиа прекрасно

значенія всей совокупности доходовъ, основанныхъ на правѣ собственности на землю и капиталъ и противопологаемыхъ заработной платѣ; мы будемъ употреблять то же слово и писать его въ этомъ случаѣ, для большей ясности, съ прописной буквы (*Рента*). А. К.

¹⁾ Изъ 3-го соціальнаго письма (*Zur Beleuchtung der socialen Frage*. Ч. I., стр. 74—94). А. К.

выражаетъ эту истину формулой: „въ изолированномъ состояніи (т. е. *до раздѣленія труда*) наши потребности превышаютъ наши силы; въ общественномъ состояніи (т. е. *при раздѣленіи труда*) наши силы превышаютъ наши потребности“.

Итакъ, только съ появленіемъ раздѣленія труда послѣдній начинаетъ давать продуктъ, достаточный, чтобы дать *возможность* существованія, кромѣ работниковъ, и другимъ лицамъ; подобнымъ же образомъ и всякое увеличеніе производительности труда, позволяющее жить, не работая, *большому числу* людей, пли тому же числу, но *лучше*,—всякое такое увеличеніе можетъ явиться лишь на почвѣ прогресса раздѣленія труда; если даже увеличеніе производительности труда является нерѣдко непосредственнымъ результатомъ улучшения орудій и способовъ производства, то необходимою предпосылкой изобрѣтенія такого улучшения является опять-таки раздѣленіе труда. Оно, несомнѣнно, открыло тѣ ворота, черезъ которыя человечество вступило на безпредѣльный путь экономического прогресса.

Но и при раздѣленіи труда, какъ и безъ него, всѣ хозяйственныя полезности остаются продуктами труда: хлѣбъ, произведенный раздѣленнымъ трудомъ,—такой же продуктъ труда, какъ дичь, застрѣленная помощью лука, или какъ плоды, сорванные дикаремъ безъ всякихъ орудій, и такимъ же продуктомъ труда остаются всѣ чудеса, создаваемые паровою машиной. Слѣдовательно, и тотъ излишекъ сверхъ необходимаго для существованія работниковъ минимума, который создается раздѣленнымъ трудомъ и на счетъ котораго могутъ существовать нетрудящіеся лица, и этотъ излишекъ остается продуктомъ труда, какъ бы онъ ни былъ великъ, и все равно, существуютъ ли на его счетъ нетрудящіеся лица, или нѣтъ.

Второе обстоятельство носить *правовой* характеръ; оно заключается въ томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ раздѣленіе труда даетъ большій продуктъ, нежели необходимо для существованія работниковъ, и тѣмъ открываетъ возможность существованія и нетрудящимся лицамъ, съ тѣхъ поръ, повторяю, *земля и капиталъ, а отсюда—и самый продуктъ труда, никогда не принадлежали рабочимъ, а всегда принадлежали другимъ лицамъ*. Это утвержденіе, на первый взглядъ, кажется совершенно неосновательнымъ: вѣдь большинство экономистовъ почти отождествляетъ понятіе собственности и понятіе продукта труда! Вѣдь написалъ же Тьеръ цѣлую книгу въ 400 страницъ, чтобы доказать, что собственность опирается исключительно на трудъ,—что собственности

законна въ силу законнаго права труженника на продуктъ его труда! И неужели этотъ знаменитый писатель строилъ правовое обоснованіе собственности на фактически невѣрной посылкѣ, неужели онъ во всей своей книгѣ въ сущности только опровергалъ самого себя! А между тѣмъ, какъ вѣрно то, что трудъ есть единственное законное основаніе собственности, и что, говоря словами самого Тьера, „трудъ долженъ быть не только основаніемъ собственности, но также его мѣриломъ и ея предѣломъ“, такъ же вѣрно и повсемѣстно то, что повсемѣстно, гдѣ только существуетъ раздѣленіе труда, земля, капиталъ и продуктъ нигдѣ не принадлежать работникамъ, а вездѣ принадлежать другимъ лицамъ. Только до появленія раздѣленія труда, слѣдовательно, до начала всякой цивилизаціи, изолированный работникъ есть собственникъ земли, капитала и продукта; ему принадлежитъ земля, на которой онъ охотится, лугъ, которымъ онъ стрѣляетъ, дичь, которую онъ убиваетъ; но тамъ, гдѣ существуетъ раздѣленіе труда, это непосредственное отношеніе работника къ землѣ, къ капиталу и къ продукту исчезаетъ: земля, которую онъ обрабатываетъ, принадлежитъ не ему, а землевладѣльцу, который, какъ таковой, не несетъ никакихъ производительныхъ функцій; плуги принадлежать не работнику, а капиталисту, роль,—въ которой выступать можетъ и арендаторъ и самъ землевладѣлецъ; хлѣбъ, который работникъ собираетъ и свозитъ въ абмаръ, принадлежитъ не ему, а землевладѣльцу или капиталисту, снявшему землю отъ землевладѣльца. Только тогда, когда работники закончили тѣ производительныя операціи, которыя были имъ поручены, они получаютъ, если, впрочемъ, они приобрѣли юридическую самостоятельность, свой доходъ,—получаютъ его въ видѣ *заработной платы*, которая по существу совершенно не то, что продуктъ труда. Такимъ образомъ повсемѣстно складывается отношеніе работника къ землѣ, къ капиталу и къ продукту, и притомъ складывается тѣмъ опредѣленнѣе, чѣмъ болѣе развилось раздѣленіе труда и чѣмъ большіе оно приноситъ плоды.

Экономисты могутъ возразить мнѣ, что если дѣло теперь дѣйствительно обстоитъ такъ, то вначалѣ оно во всякомъ случаѣ обстояло иначе; что земля, которая теперь не принадлежитъ работникамъ, при первоначальной ея разработкѣ явилась продуктомъ труда своего первого собственника и обратно—собственностью лица, впервые прилагавшаго къ ней трудъ, а къ нынѣшнимъ владѣльцамъ перешла путемъ законнаго правопреимства; что равнымъ образомъ и капиталъ, въ настоящее время не принадлежащій работнику, въ источникъ своемъ былъ про-

дуктомъ труда перваго капиталиста, отъ котораго чрезъ рядъ поколѣній перешелъ къ нынѣшнему собственнику. Но неужели это такъ? Въдѣ ежедневно земля расчищается вновь, ежедневно производятся новыя осушки и т. п., все это дѣлается руками работниковъ, которые, однако, не приобрѣтаютъ чрезъ это права собственности. Въдѣ ежедневно возникаютъ новыя капиталы, которые ужъ никакъ не составляютъ продукта труда тѣхъ, кому они принадлежатъ. Или, можетъ быть, первоначальный фактъ принадлежности производителей свѣже-раздѣланной земли и первыхъ созданныхъ, раздѣленнымъ трудомъ, капиталовъ навсегда уничтожилъ возможность повторенія этого самаго факта? Можетъ быть, правовой принципъ возникъ для того, чтобы уничтожить самого себя на будущее время?!... Но самое утвержденіе, будто первоначально дѣло обстояло иначе, *исторически невѣрно и экономически невозможно: съ самаго начала, пока существуетъ раздѣленіе труда, землю обрабатывали и капиталъ создавали не тѣ лица, кому то и другое принадлежало; мало того—собственники даже не могли бы одними своими усиліями обрабатывать землю и производить капиталъ.*

Если обратиться къ древнѣйшимъ народамъ, первымъ носителямъ нашей культуры, то вездѣ, куда только можетъ достигнуть нашъ взоръ и гдѣ онъ встрѣчаетъ раздѣленіе труда, мы найдемъ чрезвычайно развитую систему эксплуатаціи однихъ лицъ другими—эксплуатацію всего „дома“, жены, дѣтей, рабовъ „господиномъ“; одни служатъ и повинуются, другіе повелѣваютъ и пользуются благами жизни; одни работаютъ, другимъ принадлежатъ и земля, и капиталъ, и продуктъ труда. Эта эксплуатація стара, какъ само раздѣленіе труда, какъ право, безъ котораго послѣднее немыслимо; ея не было только до появленія раздѣленія труда: въ охотничьемъ племени всѣ свободны, и нѣтъ никакой зависимости и эксплуатаціи; побѣжденнаго врага не обращаютъ въ рабство, а убиваютъ, и это—опять результатъ экономической необходимости; если добыча каждаго достаточна лишь для того, чтобы содержать его самого съ женой и выкормить дѣтей до способнаго къ труду возраста, то никто *не можетъ* жить на счетъ чужого труда, то *не можетъ* быть хозяйственнаго подчиненія; побѣжденныхъ враговъ *необходимо* приходится либо убивать, либо отпускать на волю, а это послѣднее значило бы отказываться отъ плодовъ своей побѣды. Но съ появленіемъ раздѣленія труда, съ появленіемъ земледѣлія, когда трудъ становится достаточно производительнымъ, чтобы дать возможность существованія нетрудящимся, тотчасъ же появляется рабство; рядомъ съ первымъ экономи-

чески прогрессивнымъ шагомъ становится и первый *юридически-прогрессивный шагъ*—убійство побѣжденнаго врага замѣняется эксплуатаціей его труда. Исторія не можетъ назвать намъ ни одного народа, у котораго появленіе земледѣлія и раздѣленія труда не совпало бы съ появленіемъ такой эксплуатаціи,—у котораго бремя труда не доставалось бы одному, а плоды его—другому; такого народа, у котораго *раздѣленіе труда не возникло бы въ формѣ подчиненія однихъ людей другимъ*. Этой первичной системѣ эксплуатаціи предшествовали, правда, отдѣльные случаи мѣны, т. е. случайныя проявленія раздѣленія труда; но правильное раздѣленіе труда, при которомъ каждый получаетъ отдѣльное постоянное занятіе, и совокупность этихъ занятій создаетъ средства существованія всего общества,—*это раздѣленіе труда, создающее прочную связь современнаго общества, вездѣ возникало подъ покровомъ насилія, было продуктомъ насилія съ одной и подчиненія съ другой стороны*. Объ этомъ свидѣлствуютъ древнѣйшіе историческіе памятники, и даже греческая философія стояла еще подъ вліяніемъ возрѣвнѣй подобнаго первобытнаго строя. Вотъ почему Аристотель говоритъ въ своей политикѣ: „изъ этихъ двухъ общественныхъ отношеній—жены къ мужу и раба къ господину—*слагается первое хозяйство (οἶκος)*“.

Итакъ, утвержденіе экономистовъ, будто первоначально земля, капиталъ и продуктъ принадлежали работнику, совершенно не согласно съ историческою дѣйствительностью, гдѣ не только земля, капиталъ и продуктъ, но даже сами работники принадлежали постороннимъ лицамъ, и эта первичная система эксплуатаціи была настолько хуже нынѣшней, насколько рабство хуже собственности на землю и капиталъ.

Но этого мало: *экономически* совершенно *невозможно*, чтобы земельныя культуры и капиталы, на затратѣ которыхъ хотятъ обосновать земельную собственность, были продуктомъ труда лишь тѣхъ лицъ, кому они первоначально принадлежали. И здѣсь защитники современнаго строя слишкомъ облегчаютъ свою задачу: „я разработалъ кусокъ земли, восклицаетъ Тьеръ, преодолевъ разнообразныя трудности; я огородилъ, засадилъ растениями, снабдилъ орошеніемъ и постройками, или—что то же—я заплатилъ за все эти операціи продуктами своего труда“. Конечно, если при обоснованіи собственности на землю и капиталъ приступать къ „затратамъ труда“ съ плодами эксплуатаціи чужого труда въ рукахъ, т. е. имѣя возможность заставлять другихъ работать на себя, то можно расчищать, обрабатывать и застраивать большія площади земли; но тогда уже нѣтъ необходимости въ оправданіи права

собственности,—это оправданіе Тьеръ ввернулъ въ разсужденіе вмѣстѣ съ тѣмъ „продуктомъ своего труда“, съ которымъ его землевладѣлецъ приступаетъ къ работамъ!—Смотрите, восклицаетъ Тьеръ въ другомъ мѣстѣ, вѣдь въ Америкѣ землевладѣніе и въ наши дни возникаетъ тѣмъ же способомъ: „колонисты принимаютъ за расчистку дѣвственнаго лѣса, не имѣя ничего, кромѣ своихъ рукъ, двухъ—трехъ орудій и принесенныхъ съ собой средствъ, достаточныхъ для того, чтобы просуществовать два—три мѣсяца“. „Свои руки“ колонистовъ имѣютъ здѣсь, конечно, второстепенное значеніе: только тотъ капиталъ, который они привозятъ съ собой изъ Европы, открываетъ имъ возможность собственнымъ трудомъ произвести расчистку; но этотъ капиталъ самъ есть уже продуктъ строя, основаннаго на раздѣленіи труда, строя, который издавна былъ связанъ съ эксплуатаціей, при которомъ часть продукта издавна поступала въ распоряженіе неработающихъ. И тѣмъ не менѣе, когда закончена первоначальная разработка, тотъ же американскій колонистъ нанимаетъ работниковъ, чтобы имѣть возможность правильно культивировать землю, и отдаетъ имъ въ видѣ заработной платы часть *изъ собственного продукта*, хотя, впрочемъ, здѣсь землевладѣлецъ, участвуя въ работѣ, дѣйствительно можетъ быть разсматриваемъ хоть отчасти, какъ производитель продукта. Но пусть г. Тьеръ представитъ себѣ то патетическое я, отъ имени котораго онъ разсуждаетъ, безъ небольшого капитала американскаго колониста или безъ „трудового продукта“, достаточнаго для покупки уже разработаннаго помѣстья; много ли онъ, съ голыми руками, сдѣлаетъ въ смыслѣ расчистки почвы, орошенія и т. п.?! Я сошлюсь здѣсь на прекрасную во многихъ отношеніяхъ главу „объ обмѣнѣ“ въ „Экономическихъ Гармоніяхъ“ Бастіа, или еще проще—на слова Аристотеля: „человѣкъ, который можетъ обойтись безъ общества (а общество равнозначуще съ раздѣленіемъ труда) есть либо животное, либо божество“, а отъ себя прибавлю: такой человѣкъ во всякомъ случаѣ не капиталистъ, могущій разрабатывать землю и возвести на ней постройки. Изолированный человѣкъ едва могъ влачить свое жалкое существованіе, но никогда самъ по себѣ не могъ культивировать землю и сооружать зданія; такія чудеса дѣлаетъ только *соціальный* человѣкъ, живущій въ раздѣленіи труда. Земельныя культуры и капиталы, составляющіе субстратъ современной собственности, поэтому никогда, даже при самомъ возникновеніи своемъ, не могли быть продуктомъ индивидуальнаго труда, а всегда были продуктомъ труда раздѣленнаго. Но, можетъ быть, раздѣленіе труда—продуктъ сво-

боднаго соглашения, установившаго общность труда и собственности и распредѣлившаго между всѣми общій продуктъ? Такое предположеніе, конечно, было бы еще болѣе ложно, нежели мысль, будто собственность основывается на продуктѣ труда изолированнаго работника. Какъ государству не могъ предшествовать общественный договоръ, такъ и раздѣленіе труда не могло быть продуктомъ свободнаго соглашения. То раздѣленіе труда, которое выражается въ обмѣнѣ излишковъ, можетъ, правда, явиться результатомъ мѣновыхъ сдѣлокъ, основанныхъ на обоюдной потребности; но то раздѣленіе труда, которое осуществляется уже въ производствѣ и выражается въ *кооперации*, которое одно является источникомъ возрастанія производительности труда, можетъ основаться первоначально только на насиліи и принужденіи. Оно могло возникнуть только въ хозяйствѣ „господина“, въ составъ котораго входили и рабы, а потому и тѣ земельныя культуры и капиталы, которые лежатъ въ основѣ современной собственности, могли принадлежать только господину, а не работнику. Такимъ образомъ, идея, что собственность основывается исключительно на трудѣ, что она можетъ быть продуктомъ одного только труда, испытала судьбу, общую всѣмъ соціальнымъ идеямъ: *когда человечество начинаетъ додумываться до подобныхъ идей, то ихъ начинаютъ изображать, въ благородномъ порывѣ или изъ корыстныхъ побужденій, какъ лежащія въ основѣ всей прошедшей исторіи, тогда какъ они только въ будущемъ могутъ ожидать своего осуществленія.*

Но я иду еще дальше и утверждаю, что *земля, капиталъ и непосредственный продуктъ труда не должны были, да и впредь не должны принадлежать работнику*, если только желать, чтобы раздѣленіе труда существовало, развивалось и осыпало общество своими благодѣяніями. Мыслимо ли, въ самомъ дѣлѣ, общество, гдѣ при столь развитомъ раздѣленіи труда, какое мы видимъ въ настоящее время, каждому работнику непосредственно принадлежалъ бы вещественный продуктъ его труда? Достаточно взять знаменитый примѣръ производства булавокъ и при этомъ имѣть въ виду, что участниками его вѣдь были и работники, изготовлявшіе машины, и рудокопы, добывавшіе металлъ и топливо. Если всѣ участники производства должны непосредственно участвовать въ раздѣлѣ продукта труда, то какимъ образомъ въ дѣйствительности могло бы осуществиться подобное участіе? Мало того—если всѣ они самостоятельно владѣютъ орудіями производства, то какимъ образомъ достигнуть между ними соглашения, необходимаго для надлежащей организациі коллективнаго производства? Нѣтъ такого ума, который могъ бы разрѣшить эти затрудне-

нiя; раздѣленiе труда, а съ нимъ и все великолѣпное зданiе цивилизацiи, должны были бы разрушиться, если бы работнику дѣйствительно долженъ былъ принадлежать *вещественный* продуктъ его труда. Нѣтъ, земля, капиталъ и продуктъ никогда не должны принадлежать работнику, какъ они никогда съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ раздѣленiе труда, ему не принадлежали, и экономическое развитiе никогда не сведется къ простому раздѣлу національнаго имущества между работниками. Оно не можетъ стремиться къ тому, чтобы отнять землю и капиталъ у нынѣшнихъ собственниковъ и *раздать то и другое въ собственность работникамъ*, хотя оно и направляется къ тому, чтобы упразднить *непосредственность* частной собственности на землю и капиталъ и отдать труду то, что ему подобаешь. Потому что, если нельзя не признать правильнымъ и цѣлесообразнымъ, что земля, капиталъ и продуктъ *не принадлежатъ работникамъ*, то по отношенiю къ послѣднимъ существуетъ все же крайняя несправедливость, коренящаяся въ томъ, что *земля, капиталъ и продуктъ принадлежатъ другимъ отдѣльнымъ лицамъ*. Если первая, отрицательная сторона дѣла неизбѣжна, пока раздѣленiе труда является основой благополучiя общества, то вторая, положительная сторона требуетъ реформы, потому что въ ней коренится вся несправедливость современнаго строя, потому что, *благодаря ей, доходъ работника не равноцѣненъ продукту его труда*.

Изъ изложенныхъ двухъ обстоятельствъ, экономическаго и юридическаго, изъ того, что раздѣленный трудъ даетъ продуктъ, *достаточный* для существованiя не только работниковъ, но и другихъ лицъ, и изъ того, что земля, капиталъ и продуктъ принадлежатъ не работникамъ, а *другимъ лицамъ*, съ необходимостью вытекаетъ третье, именно, что эти другiя лица дѣйствительно существуютъ, не работая, на счетъ этого продукта, что продуктъ труда работника не равноцѣненъ его доходу, а значительная и притомъ растущая съ увеличенiемъ производительности труда часть этого продукта постукаетъ въ доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ. На изложенныхъ двухъ предпосылкахъ—*на достаточной производительности труда и на существованiи частной собственности на землю и капиталъ*, основывается всякая рента, въ томъ числѣ и *земельная рента и прибыль на капиталъ*.

Въ самомъ дѣлѣ: если раздѣленный трудъ производитъ все болѣшiй избытокъ сверхъ того, что необходимо для поддержанiя жизни тру-

дящихся; если притомъ земля и капиталъ принадлежать другимъ лицамъ, и имъ же принадлежить и продуктъ труда, то какія могутъ отсюда проистечь естественныя послѣдствія? Пока работники несвободны, отвѣтъ совершенно ясенъ: владѣлецъ земли и капитала, являющійся въ то же время и рабовладѣльцемъ, возьметъ себѣ весь продуктъ и отдастъ изъ него своимъ рабамъ лишь столько, сколько ему по экономическимъ или инымъ соображеніямъ заблагоразсудится. Но предположимъ далѣе, что работники лично свободны; тогда надо вспомнить, что работники, какъ таковые, не имѣютъ ничего, кромѣ рабочей силы; что и они хотятъ жить въ то время, когда весь вещественный міръ принадлежить другимъ лицамъ; что право настолько освятило собственность на землю и капиталъ, какъ могла бы быть освящена только собственность на продукты собственного труда; что наше общество возвело эгоизмъ на тронъ и сдѣлало изъ него почти добродѣтель. Не должно ли, спрашивается, вліяніе подобныхъ обстоятельствъ неизбѣжно привести къ тому, что собственники и теперь отдадутъ работникамъ лишь часть продукта ихъ труда, а остальное удержать себѣ? Правда, работники теперь—не рабы, а свободные; но и теперь они создатели всякаго продукта, а ихъ прежніе господа остались попрежнему господами общественной земли и капитала, и, слѣдовательно, если работники трудятся у нихъ по найму,—то и продукта. Если поэтому землевладѣльцы и капиталисты и не могутъ гнать работниковъ на работу бичами, то развѣ они не могутъ, экономически и юридически, предписать имъ слѣдующій краткій договоръ: „вы, работники, предоставляете намъ весь продуктъ вашего труда и получаете отъ насъ часть этого послѣдняго обратно въ вашъ доходъ.“ Они несомнѣнно *могутъ* это сдѣлать и экономически, и юридически, а работники несомнѣнно экономически и юридически *должны* будутъ согласиться на такія условія, потому что, когда трудъ настолько производителенъ, что работникъ *можетъ* обойтись безъ части своего продукта, а существованіе частной собственности на землю и капиталъ не позволяетъ ему работать иначе, какъ на землевладѣльца и капиталиста, тогда работникъ, чтобы имѣть возможность существовать, долженъ уступить этимъ послѣднимъ весь продуктъ своего труда и самъ удовольствоваться его частью, — остальная же часть продукта останется въ пользу собственниковъ. Здѣсь еще не мѣсто разяснять, какимъ путемъ при нынѣшнемъ денежномъ оборотѣ эта часть попадаетъ въ руки собственниковъ, а также, почему доля собственниковъ распадается на прибыль съ капитала и земельную ренту; здѣсь мы должны

были только выяснитъ основную причину возникновенія Ренты въ широкомъ смыслѣ этого слова, и мы это сдѣлали, показавъ, что если трудъ достаточно производителенъ, и если существуетъ частная собственность на землю и капиталъ, то въ доходъ работниковъ необходимо поступить только часть продукта ихъ труда, остатокъ же пойдетъ на долю землевладѣльцевъ и капиталистовъ.

Только тысячелѣтняя привычка затемнила ту простую истину, что доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ есть только часть продукта труда, которая достается имъ въ силу ихъ права собственности, а денежная форма, въ которой издавна реализуется всякій доходъ, еще болѣе способствовала этому затемненію. Въ теченіе всей жизни народовъ продуктъ труда принадлежалъ не работникамъ, а землевладѣльцамъ и капиталистамъ, и свободные работники не отдавали другимъ часть продукта своего труда, а наоборотъ—сами получали отъ другихъ лицъ долю этого продукта, и въ пользу этихъ лицъ поступалъ весь остатокъ. Наконецъ, благодаря отдѣленію землевладѣнія отъ собственности на капиталъ и развитому раздѣленію труда, этотъ остатокъ, въ свою очередь, распредѣлялся между землевладѣльцами и капиталистами, и въ каждой изъ этихъ своихъ долей долженъ былъ обмѣниваться на рынкѣ на деньги, и потому представлялся собственникамъ въ формѣ „заработка“. Можно ли при такихъ условіяхъ удивляться тому, что въ обычномъ представленіи *заработная плата* отождествляется съ *продуктомъ труда*, а доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ выводится изъ какихъ-либо иныхъ правовыхъ или экономическихъ основаній: изъ барыша на цѣнахъ, изъ присущей землѣ или капиталу производительной силы, или изъ собственного труда землевладѣльцевъ и капиталистовъ. Можно ли удивляться тому, что цѣлыя человѣческія жизни посвящаются критикѣ, направленной къ разсѣянію тумана, къ опроверженію теорій и къ выясненію простой истины. Простейшія и очевиднѣйшія истины были всегда особенно непонятны для человѣческаго рода, особенно когда онъ моральнаго, общественнаго порядка, когда дѣло шло о *моральной ошибкѣ*, и обществу приходилось убѣждаться въ неправотѣ того, что оно почитало за правое. Чѣмъ иначе можно было бы объяснить тотъ фактъ, что истины этого рода всегда доказывались революціями!...

Если однако представить себѣ рабочіе классы состоящими въ рабствѣ, а весь общественный строй—какъ и было въ теченіе тысячелѣтій—приспособленнымъ къ этому институту; если именно представить себѣ, что „господинъ“ въ своемъ хозяйствѣ заставляетъ одну часть

своихъ рабовъ перерабатывать въ готовые предметы потребленія сырой матеріалъ, добытый на его же землѣ другими его рабами; что, слѣдовательно, всѣ предметы потребленія, которые не идутъ на содержаніе рабовъ, сами собой, безъ посредства мѣны, поступаютъ въ распоряженіе господина; что при этомъ не происходитъ и раздѣленія этой части дохода на земельную ренту и прибыль, такъ какъ одно лицо владѣетъ и землей, и капиталомъ, потребнымъ какъ для добычи сырья, такъ и для его переработки; если представить себѣ такой порядокъ, то, не смотря на существованіе рабства, истина была бы все-таки доступнѣе для пониманія. Безъ затрудненія можно было бы признать весь продуктъ такого хозяйства, въ томъ числѣ доходъ „господина“ за продуктъ труда рабовъ, лишь въ силу правового института—рабства—принадлежащій господину: съ юридической точки зрѣнія послѣднему нечего было бы колебаться признать это, такъ какъ иначе и не могло быть, разъ ему принадлежали и сами работники; дѣло было бы ясно и съ экономической стороны, такъ какъ доходъ рабовладѣльца никакъ нельзя было бы представить себѣ въ видѣ „заработка“, будто бы вытекающаго изъ тщательнаго и труднаго наблюденія рынка и изученія цѣнъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ видѣ продукта его капитала.

Но когда рабство прекратилось, и частная собственность сохранилась только по отношенію къ землѣ и капиталу; когда земля принадлежитъ другимъ лицамъ, нежели капиталъ, а потому отнятая у работниковъ часть продукта дѣлится дальше, выступая у землевладѣльцевъ въ видѣ земельной ренты, у капиталистовъ—въ видѣ прибыли; когда и рента, и прибыль, и заработная плата достаются заинтересованнымъ лицамъ лишь чрезъ посредство объемлющаго всѣ продукты денежнаго оборота,—тогда эта истина внезапно становится менѣ понятною. Собственники не рѣшаются признаться какъ въ томъ, что свободные работники не получаютъ всего продукта своего труда, такъ и особенно въ томъ, что имъ, собственникамъ, въ силу одного только ихъ права собственности, достается часть чужого трудового продукта: если рабство, по самой своей идеѣ, прямо отбираетъ у работника часть его продукта и отдаетъ ее хозяину, то личная свобода, напротивъ, по самому своему принципу даетъ работникамъ право на *цѣнность* продукта ихъ труда, а потому если работники все-таки теряютъ часть своего продукта, то собственникамъ трудно и неловко сознаться въ такой великой и всеобщей неправдѣ; никому поэтому не хочется отказаться отъ старой привычки, не хочется перестать считать созданный свободными работни-

ками продуктъ за продуктъ земли и капитала. Еще большая неясность вносится въ вопросъ о происхожденіи ренты, благодаря расчлененію послѣдней на земельную ренту и прибыль, а также благодаря обмѣну всего продукта на деньги. Когда существовало рабство и не было мѣны, единый доходъ „господина“ представлялся непосредственно, какъ продуктъ труда рабовъ, оставшійся сверхъ ихъ прокормленія и принадлежащій „господину“ по самой сущности рабства. При современномъ строѣ, когда всякая собственность выступаетъ въ подвижной формѣ денежнаго капитала, когда продуктъ поступаетъ на рынокъ, и уже вырученные деньги распадаются на земельную ренту и прибыль, когда появляется особый родъ дѣятельности—капитализація и помѣщеніе капиталовъ²⁾, и самый доходъ собственниковъ выступаетъ, какъ плодъ капитализированнаго имущества, при такихъ обстоятельствахъ гораздо труднѣе узнать въ доходѣ—и притомъ не въ единомъ доходѣ античнаго хозяина, владѣвшаго и землей, и капиталомъ, и работниками, а въ раздѣлившемся доходѣ землевладѣльцевъ и капиталистовъ—часть продукта свободныхъ работниковъ, которую отнимаетъ у нихъ и передаетъ другимъ лицамъ институтъ частной собственности на землю и капиталъ.

Но могло ли освобожденіе рабовъ, раздѣленіе Ренты на земельную ренту и прибыль и участіе денегъ внести *существенныя* измѣненія въ очерченные нами первоначальныя отношенія? Если въ хозяйственномъ строѣ, основанномъ на рабствѣ, весь продуктъ былъ продуктомъ труда рабовъ, то почему въ новомъ строѣ, гдѣ на мѣсто рабовъ стали свободные работники, весь продуктъ, идетъ ли онъ на содержаніе, иначе сказать, на заработную плату рабочихъ, или въ доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, пересталъ бы быть продуктомъ работниковъ? Вѣдь измѣнилось только юридическое положеніе работниковъ, естественное же отношеніе ихъ къ продукту не могло измѣниться. Далѣе: если подъ влияніемъ права частной собственности на землю и капиталъ, продуктъ труда свободныхъ работниковъ,— правда, не *ipso jure*, какъ при рабствѣ, а на основаніи законнаго договора,—принадлежитъ не работникамъ, а землевладѣльцамъ и капиталистамъ, и послѣдніе, выдавая работникамъ часть этого продукта въ видѣ заработной платы, обращаютъ остатокъ въ деньги и изъ выручки получаютъ свой доходъ въ формѣ земельной ренты или прибыли, то развѣ не происходитъ этимъ путемъ, благодаря влиянію института собственности, такое же точно,

²⁾ Въ подл. Vermögensanlage. А. К.

какъ было при рабствѣ, отнятіе части продукта у работниковъ и обращеніе этой части въ доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ?... Мнѣ предстоитъ еще—и это будетъ сдѣлано вслѣдъ за симъ—установить *отдѣльные* принципы и законы земельной ренты и прибыли; но общій принципъ ренты, т. е. дохода, получаемого при „первоначальномъ распределеніи“³⁾, на основаніи одного только факта владѣнія собственностью, кажется мнѣ уже достаточно выясненнымъ; онъ можетъ заключаться только въ достаточной производительности земли и въ институтѣ собственности на землю и капиталъ, который отнимаетъ у работниковъ часть ихъ продукта и обращаетъ ее въ доходъ собственниковъ.

Кирхманъ возражаетъ противъ подобнаго обоснованія Ренты: „Историческое ограниченіе, говоритъ онъ, дохода работника минимумомъ, необходимымъ для существованія, должно было исчезнуть, когда въ Западной Европѣ получила должное развитіе свобода личности и занятій, и когда работникъ пересталъ быть обязаннымъ ограничивать свое потребление опредѣленнымъ количествомъ продуктовъ и отдавать остальное своему господину. И тѣмъ не менѣе, Рента продолжаетъ существовать; она возникла даже въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, заселеніе коихъ происходило при полной гражданской и политической свободѣ“. Это—въ сущности то же возраженіе противъ моей теоріи ренты, какое еще Германнъ выдвинулъ противъ теоріи Рикардо о равенствѣ стоимости продукта затраченному труду: „Со стороны работниковъ, говоритъ Германнъ, было бы нелѣпо отдавать за стоившій *n* единицъ труда продуктъ $\frac{3}{4}n$ своей работы, которою они могли бы создать въ $1\frac{1}{4}$ разъ больше продукта“; другими словами—нелѣпо исполнять за получаемую ими заработную плату больше труда, нежели воплощено въ полученной платѣ. Но я уже давно возражалъ на это слѣдующее: „Работникамъ не очень даютъ вдумываться въ дѣло и доходить до сознанія нелѣпости существующаго положенія дѣлъ и стараются внушить имъ болѣе удобный образъ мыслей: гдѣ не помогаютъ рассказы миссъ Мартино⁴⁾, тамъ

³⁾ Понятія «первоначальнаго» (ursprüngliche) распределенія впервые установлено Германномъ въ противоположность распределенію „производному“ (abgeleitetes); въ первомъ случаѣ получаютъ доходъ только лица, непосредственно участвующія въ производствѣ своимъ трудомъ, землею или капиталомъ; въ силу второго получаютъ доходъ и лица, не участвующія въ производствѣ, начиная съ большихъ, нищихъ и т. п. и кончая актерами, художниками и т. п. А. К.

⁴⁾ Авторъ извѣстныхъ въ свое время разсказовъ, популяризовавшихъ ученія Рикардо и имѣвшихъ тенденцію доказать нормальность существующаго строя. А. К.

помогаетъ *ultima ratio regis*; но и независимо отъ ихъ взглядовъ они *должны* соглашаться на нелѣпое, чтобы не умереть съ голоду⁴. И теперь я возражаю Кирхману: что могли бы подѣлать работники, если бы они, выйдя на волю, не захотѣли подчиниться условіямъ, которыя навязываютъ имъ собственники? Работники вышли на свободу, не имѣя ничего кромѣ своихъ рукъ; съ отмѣной рабства или крѣпостного права отпала обязанность господъ кормить ихъ и заботиться объ удовлетвореніи ихъ потребностей. Но самыя потребности рабочихъ остались, — они должны *жить*. Какимъ же способомъ они могли утилизировать свой трудъ, чтобы обезпечить свое существованіе?... Взять часть имѣющагося въ обществѣ капитала и при его содѣйствіи изготовлять все имъ необходимое? Но капиталъ уже принадлежитъ другимъ лицамъ, и законъ не дозволилъ бы къ нему прикоснуться. Извлечь изъ земли голыми руками необходимое сырье и изготовить изъ него собственный капиталъ? Но допуская даже, что это было бы физически возможно, — вѣдь земля тоже уже принадлежитъ другимъ лицамъ, и законъ не дозволилъ бы коснуться и ея. Оставалась только *одна* альтернатива: либо разрушить социальный строй, либо, несмотря на свое измѣнившееся юридическое положеніе, возвратиться въ прежнія экономическія отношенія къ своему бывшему господину, владѣльцу земли и капитала, и получать въ видѣ заработной платы то же, что прежде получалось въ видѣ пропитанія натурой⁵). И у нихъ хватило благоразумія пойти на ту „нелѣпость“, въ которой ихъ обвиняетъ Германнъ, и *не* разрушить нашей цивилизаціи.

Таково, повторяю, происхожденіе *Ренты вообще*; таковы причины, почему въ *первоначальномъ* распредѣленіи національнаго продукта участвуютъ кромѣ работниковъ и другія лица; почему доходъ получаютъ люди, которые не участвовали въ его производствѣ, и въ то же время не получаютъ его въ „производномъ“ распредѣленіи въ видѣ платы за какія-либо явныя необходимыя, полезныя или пріятныя услуги. Такія лица получаютъ доходъ только потому, съ одной стороны, что трудъ работниковъ даетъ продуктъ, достаточный, чтобы позволить существовать и другимъ лицамъ, а съ другой — что право частной собственности на землю и капиталъ заставляетъ работниковъ уступать собственникамъ не только непосредственное обладаніе продуктомъ, но и большую часть созданнаго въ формѣ послѣдняго дохода. Безъ первой экономической

5) Въ подл. Futter. А. К.

предпосылки нынѣшнимъ получателямъ ренты пришлось бы работать самимъ, и общество возвратилось бы въ состояніе, предшествующее раздѣленію труда; безъ второй юридической предпосылки весь доходъ поступалъ бы работникамъ, и съ этимъ либо, опять - таки, вернулось бы некультурное состояніе, либо установилась такая организація, при которой земля и капиталъ принадлежали бы обществу, и одни работники участвовали бы въ первоначальномъ распредѣленіи національнаго продукта.

Эти принципы лежатъ въ основѣ какъ земельной ренты, такъ и прибыли на капиталъ: и то, и другое—доходъ, поступающій лицамъ, не участвовавшимъ въ производствѣ продукта и не приобрѣтшимъ какими-либо услугами права на „производный“ доходъ въ силу простого факта владѣнія собственностью, и слѣдовательно, отнимаемый у единственныхъ создателей общественнаго дохода—работниковъ; другими словами: и прибыль на капиталъ, и земельная рента суть только виды единой Ренты.

Глава VIII. Расчлененіе Ренты на земельную ренту и прибыль¹⁾.

Почему же, спрашивается, единая Рента расчленяется на земельную ренту и прибыль? Если то и другое имѣетъ одинъ общій основной принципъ, является видомъ Ренты, то какіе особые принципы лежатъ въ основѣ земельной ренты, и какіе—прибыли? Я постараюсь извлечь эти принципы изъ изученія жизни и фактовъ.

При существованіи частной собственности на землю и капиталъ земледѣльческая и вообще добывающая промышленность можетъ стоять въ двойкой связи съ обрабатывающею и перевозочной, а, слѣдовательно, раздѣленіе труда можетъ принять двойкій видъ. Если представить себѣ, съ одной стороны, строй, основанный на рабствѣ, гдѣ работы того и другого рода предпринимаются въ хозяйствѣ одного и того же „господина“, а съ другой—такой строй, гдѣ работники свободны и два вида промышленности раздѣлены между различными предпринимателями, то раздѣленіе труда, *поскольку оно имѣетъ техническій характеръ и является раздѣленіемъ операций*, въ томъ и другомъ случаѣ можетъ быть доведено до одинаковаго развитія и можетъ въ одинаковой мѣрѣ усилить производительность труда, а потому та часть продукта, которая

¹⁾ Изъ 3 соц. письма Zur Beleuchtung der soc. Frage, ч. I, стр. 94—106).

отнимается у работниковъ и обращается въ Ренту, также можетъ достигнуть въ томъ и другомъ случаѣ одинаковой высоты. Но въ смыслѣ народохозяйственнаго раздѣленія труда, или раздѣленія продукта, между тѣмъ и другимъ строемъ наблюдаются крупныя и существенныя различія. Съ однимъ строемъ связано простѣйшее натуральное хозяйство; часть продукта, отнимаемая изъ дохода работниковъ—рабовъ и составляющая доходъ „господъ“, собственниковъ, достается, какъ единая Рента „господину“—обладателю земли, капитала, работниковъ, и самую продукта; земельная рента и прибыль не различаются даже въ идѣ. Съ другимъ строемъ связано сложное денежное хозяйство; часть дохода, отнимаемая у работниковъ и идущая на долю собственника, раздѣляется между владельцами сырья и владельцами переработаннаго продукта, и прежняя единая Рента распадается на земельную ренту и прибыль съ капитала.

Чтобы лучше выяснитъ вліяніе отдѣленія добывающей промышленности отъ обрабатывающей на расчлененіе Ренты, необходимо ближе освѣтить тотъ строй, въ которомъ операціи того и другого рода предпринимались однимъ господиномъ или собственникомъ. *Первая* характерная черта этого строя—въ томъ, что общественно-хозяйственный оборотъ почти цѣликомъ совершается въ *натуральной* формѣ. Такъ какъ добыча и переработка сырья происходитъ въ хозяйствѣ одного и того же господина и, такимъ образомъ, всѣ необходимыя въ хозяйственномъ оборотѣ полезности, въ томъ числѣ какъ орудія, такъ и предметы потребленія, создаются внутри того же хозяйства, то *мѣсовая цѣнность* общественного богатства вездѣ отступаетъ на задній планъ. Самое *имущество* не оцѣнивается на деньги. Такъ какъ продуктъ не продается на рынкѣ, то нѣтъ почвы для расчлененія его цѣнности на „возмѣщеніе затратъ“ и „прибыль“. Въ силу этого самый доходъ участниковъ производства не реализуется на рынкѣ въ формѣ мѣновой цѣнности, выраженной въ деньгахъ, а хозяйственное имущество оцѣнивается въ натурѣ ²⁾, по степени изобилія полезностей, пригодныхъ для удовлетворенія потребностей. Такъ какъ отъ „господина“ зависитъ обратитъ часть труда рабовъ на содержаніе въ исправности и улучшеніе полей, стадъ и орудій, то и такъ называемое погашеніе капитала происходитъ путемъ непосредственнаго пополненія израсходованнаго имущества безъ посредства мѣны и даже мѣновой цѣнности.

2) Въ подл. Naturalvermögen. А. К.

Непосредственно же, безъ участія мѣны, мѣновой цѣнности и денегъ, будетъ распредѣляться доходъ между лицами, входящими въ хозяйственную сферу: работники - рабы не получаютъ денежной платы, чтобы на эти деньги покупать на рынкѣ нужныя для ихъ потребленія полезности, а получаютъ, по распоряженію господина, предметы потребленія, изготовленные въ предѣлахъ даннаго же хозяйства, т. е. натуральную долю продукта совокупнаго труда; господину, само собой, достается вся та *натуральная же доля этого продукта*, которая остается за покрытіемъ содержанія рабовъ и за восстановленіемъ затраченнаго имущества, и размѣръ этой доли зависитъ отъ производительности труда. Только небольшой избытокъ готовыхъ полезностей или полуфабрикатовъ будетъ въ этомъ строѣ объектомъ мѣны между крупными частными хозяйствами и дастъ „господину“ нѣкоторый денежный доходъ. *Вторая* характерная черта рассматриваемаго строя въ томъ, что все хозяйственное имущество, во всѣхъ его частяхъ и значеніяхъ, принадлежитъ нераздѣльно одному господину—обладателю земли, капитала, рабовъ и продукта. Ему принадлежитъ *земля*, ему же—*капиталъ* какъ сельскохозяйственной, такъ и обрабатывающей промышленности, ему же принадлежитъ *весь продуктъ* какъ сырой, такъ и обработанный. Ему поэтому достается вся часть продукта, остающаяся за содержаніемъ рабовъ и за восстановленіемъ капитала, и эта часть составляетъ его *единный доходъ*, Ренту, не распредѣляясь между разными лицами и не расчленяясь на земельную ренту, прибыль или предпринимательскій доходъ. На эту Ренту онъ будетъ смотрѣть, какъ на *доходъ со своего имущества*, хотя оно ни что иное, какъ продуктъ труда его рабовъ; и онъ будетъ отчасти правъ въ своемъ взглядѣ, такъ какъ вѣдь и сами рабы входятъ въ составъ его „имущества“, являются живымъ, производительнымъ имуществомъ. *Въ третьемъ*, въ этой Рентѣ земельная рента и прибыль не различаются даже въ идеѣ; прежде всего Рента вовсе не распредѣляется между владѣльцами земли и капитала; затѣмъ, она ни цѣликомъ, ни по частямъ, не можетъ быть приведена въ опредѣленное отношеніе къ имуществу или къ его частямъ: въ рассматриваемомъ строѣ мѣновая цѣнность не имѣетъ еще всеобщаго значенія, нѣтъ поэтому *однороднаго* масштаба для оцѣнки какъ самой Ренты, такъ и имущества, и, слѣдовательно, нѣтъ возможности выразить и ихъ взаимное отношеніе; наконецъ, *въ этомъ строѣ не существуетъ современнаго понятія капитала*. Капиталъ самъ по себѣ, въ логическомъ или народохозяйственномъ смыслѣ, есть *продуктъ, служащій для дальнѣйшаго производства*. Въ современ-

номъ исторически сложившемся смыслѣ капиталъ охватываетъ цѣнность матеріаловъ, орудій и выплаченной заработной платы и разсматривается, какъ величина, на которую исчисляется прибыль, потому что выступаетъ въ качествѣ „затратъ изъ имущества“³⁾, а въ этой роли онъ является потому, что существуетъ частная собственность на землю и капиталъ⁴⁾. Но въ разсматриваемомъ строѣ, гдѣ мѣновая цѣнность вообще отстываетъ на задній планъ, гдѣ переработка производится распоряженіемъ того же владѣльца, что и добыча сырья, гдѣ поэтому сырье никогда не покупается и, слѣдовательно, не имѣетъ мѣновой цѣнности, цѣнность отдѣльныхъ частей капитала нельзя опредѣлить, а еще менѣе возможно разсматривать эту цѣнность, какъ „затраты изъ имущества“: тотъ, кто самъ предпринимаетъ переработку добытаго въ его хозяйствѣ сырья, не дѣлаетъ затратъ на матеріалъ, потому что послѣдній съ самаго начала состоитъ въ его собственности. То же можно сказать о содержаніи рабовъ, играющемъ здѣсь роль заработной платы: и содержаніе рабовъ такъ же мало можно считать въ числѣ затратъ изъ имущества или издержекъ производства, какъ нельзя считать за таковыя кормъ, скармливаемый скоту въ томъ же хозяйствѣ, гдѣ онъ вырощенъ; равнымъ образомъ, въ числѣ затратъ нельзя учитывать орудій, потому что и они—продуктъ собственного хозяйства. Владѣльцы такихъ хозяйствъ могутъ имѣть понятіе о затратахъ или издержкахъ, соображаясь съ затратой труда на изготовленіе продуктовъ, нужныхъ для содержанія рабовъ, или съ затратой его въ отдѣльныхъ операціяхъ по выдѣлкѣ готоваго продукта; но если бы даже, благодаря случайнымъ мѣновымъ сдѣлкамъ, которыя разъ за разомъ могутъ охватить всѣ разнообразныя роды полезностей, если не всѣ отдѣльныя полезности, и такимъ образомъ выяснитъ мѣновую цѣнность каждаго продукта; если бы, благодаря такимъ сдѣлкамъ, и выяснилась цѣнность отдѣльныхъ частей капитала, то эти послѣднія все же никогда не выступали бы въ роли затратъ, на которыя надлежало бы исчислять прибыль.

Итакъ, Рента въ разсматриваемомъ общественномъ строѣ вообще не распредѣляется между землевладѣльцами и капиталистами; далѣе, въ виду отсутствія однороднаго масштаба въ этомъ строѣ не можетъ быть точно выраженаго отношенія между Рентой и имуществомъ; въ немъ нѣтъ, далѣе, современнаго понятія капитала и нѣтъ нормы при-

³⁾ Въ подл. Vermögensanlage. А. К.

⁴⁾ О роли капитала см. подробнѣе во II части. А. К.

были, согласно которой можно было бы отнести опредѣленную часть Ренты на долю этого послѣдняго, а отсюда слѣдуетъ, что нельзя опредѣлить и ту часть, которую должно отнести на долю земельной ренты. Только денежный капиталъ и денежный ростъ—*sors* и *foenus*—мыслимы въ подобномъ строѣ, при сдѣлкахъ между отдѣльными хозяйствами; здѣсь возможна норма процента, потому что деньги являются однороднымъ мѣриломъ и ссуднаго капитала и роста, но эта норма будетъ ростовщическою, такъ какъ будетъ опредѣляться степенью нужды заемщика, а не какъ теперешній ходячій процентъ—величиною возможной прибыли, т. е. суммы, которую можно нажить, издержавъ опредѣленную сумму на матеріалъ, орудія и наемъ рабочихъ.

Очерченный нами экономическій строй, гдѣ сырье не переходитъ для дальнѣйшей переработки въ другія руки, не есть продуктъ воображенія экономиста: это—*историческій народно-хозяйственный типъ классической древности*. Я знаю, что очертилъ его слишкомъ рѣзкими чертами, и что въ дѣйствительности многія изъ этихъ чертъ были сильно смягчены; знаю, что многіе ремесленники были свободны, что въ частности афинская жизнь представляла уже картину денежнаго хозяйства съ оживленнымъ торговымъ оборотомъ. Но эти свободные ремесленники работали за поденную плату въ тѣхъ же крупныхъ хозяйствахъ, а экономическая жизнь афинянъ была въ ту эпоху исключительнымъ явленіемъ. И если взглянуть Аристотеля, порицающій болѣе или менѣе всякую наживу и одобряющій только то хозяйство, внутри котораго отъ начала до конца производится всѣ предметы потребленія, является съ нашей точки зрѣнія предразсудкомъ, то вѣдь и сами общественные предразсудки возникаютъ изъ правилъ общественной жизни. Въ этомъ складѣ хозяйства—причина, почему древніе не знали понятія капитала, а потому не имѣли и понятій земельной ренты и прибыли, а знали только денежную ссуду и ростъ; въ немъ—причина, почему для древнихъ была закрыта вся область народнаго хозяйства, почему въ экономическихъ сочиненіяхъ такихъ умовъ, какъ Ксенофонъ и Аристотель, нѣтъ ничего, кромѣ правилъ простой, частной экономіи.

Если теперь представить себѣ другой строй, въ которомъ сельскохозяйственныя работы отдѣлены отъ операций обрабатывающей промышленности, то та часть труда, которая въ силу права собственности снимается у работниковъ, и которая въ прежнемъ строѣ являлась въ видѣ единой Ренты, неизбежно распадается на части—земельную ренту и прибыль на капиталъ.

Первым характернымъ послѣдствіемъ этого раздѣленія явится неизбежное превращеніе простаго натурального хозяйства въ *денежное*. Когда переработка продукта начинается производиться другими собственниками, нежели добыча сырья, тогда каждый данный собственникъ не можетъ уже исполнить и всѣхъ *операций по переработкѣ*. Одно сельско-хозяйственное предпріятіе можетъ поставлять сырье для самыхъ разнообразныхъ продуктовъ: зерно для хлѣба, лѣсъ для орудій и мебели, кожу для обуви и пр., и пока землевладѣлецъ сливается въ одномъ лицѣ съ капиталистомъ, въ томъ же хозяйствѣ совершается и дальнѣйшая переработка всего этого сырья. Но когда обрабатывающая промышленность отдѣляется отъ добывающей, то хотя сырье для разнообразныхъ продуктовъ можетъ производиться попрежнему въ одномъ сельско-хозяйственномъ предпріятіи, но переработка его не можетъ уже производиться въ одномъ промышленномъ предпріятіи, подъ руководствомъ одного собственника: одинъ и тотъ же капиталовладѣлецъ не будетъ перемалывать и печь хлѣбъ, изготовлять мебель, шить обувь и т. п., но одинъ возьметъ на себя помолъ, другой—изготовленіе мебели и т. д. Мало того: между различными предпріятіями распредѣляются и различныя преественно слѣдующія другъ за другомъ операціи по изготовленію одного и того же переработаннаго продукта. Зерно земледѣльца перемалывается и печется не однимъ и тѣмъ же капиталовладѣльцемъ; не одинъ и тотъ же, равнымъ образомъ, дубить кожи и перерабатываетъ ихъ въ сапоги, и т. д.; производство полезности распредѣляется между столькими отдѣльными предпріятіями, на сколько отдѣльныхъ ступеней оно можетъ распасться технически, и столько же капиталистовъ, одинъ за другимъ, становятся собственниками перерабатываемаго продукта. Сама природа обрабатывающей промышленности способствуетъ такому дробленію ея предпріятій, *по вмѣстѣ съ тѣмъ* это дробленіе находило себѣ въ былое время поддержку и въ законодательныхъ постановленіяхъ ⁵⁾: не только *сельскій хозяинъ* не могъ вести предпріятій изъ области *обрабатывающей промышленности*, но портной не могъ быть въ то же время сапожникомъ, сапожникъ—ткачомъ, ткачъ—кожевникомъ.

Для насъ это дробленіе обрабатывающей промышленности важно въ томъ отношеніи, что при наличности этого дробленія ни одно хозяйственное предпріятіе уже не создаетъ всѣхъ предметовъ потребленія,

⁵⁾ При цеховомъ строѣ. А. К.

необходимыхъ для его участниковъ, будутъ ли это собственники или работники. Сельскіе хозяева, правда, владѣютъ разнороднымъ сырьемъ, но это—еще сырье, а не готовый для потребленія продуктъ; владѣльцы нѣкоторыхъ предпріятій въ области обрабатывающей промышленности изготовляютъ, правда, уже совершенно готовый продуктъ и, слѣдовательно, владѣютъ готовыми предметами потребленія, но это—предметы какого-нибудь одного вида, нерѣдко вовсе ненужные ихъ владѣльцамъ. Въ силу этого каждый создаваемый въ хозяйствѣ продуктъ долженъ поступать на рынокъ, гдѣ и попадаетъ въ круговоротъ мѣны; владѣлецъ продукта долженъ обратить его въ деньги, чтобы на эти послѣднія пріобрѣсти нужные ему предметы потребленія. Та форма хозяйства, которую Аристотель признавалъ единственно благородною, перестаетъ быть возможной, и на мѣсто *античнаго натурального хозяйства* должно стать *современное денежное хозяйство*.

При этомъ, конечно, на первый планъ выступаетъ *мѣновая цѣнность*: такъ какъ предметы потребленія пріобрѣтаются не путемъ непосредственнаго производства, а помощью обмѣна на созданные даннымъ хозяйствомъ продукты или части продуктовъ, то каждый такой продуктъ проходитъ чрезъ денежную форму, и при производствѣ думаютъ о созданіи не столько потребительной, сколько мѣновой цѣнности. Въ силу этого размѣръ имущества не оцѣнивается уже, какъ въ античномъ натуральномъ хозяйствѣ, по степени изобилія и пригодности наличныхъ предметовъ потребленія; далѣе, ни одна часть созданнаго продукта не можетъ быть употреблена въ натурѣ для возстановленія затраченнаго капитала, и наконецъ, доходъ участниковъ производства не можетъ непосредственно, въ натурѣ, получаться изъ продукта такимъ образомъ, чтобы часть послѣдняго шла на содержаніе работниковъ, а остатокъ натурою же поступалъ въ доходъ собственниковъ. Имущество каждаго даннаго хозяйства оцѣнивается въ деньгахъ и считается возстановленнымъ тогда, когда оно сохраняетъ прежнюю денежную цѣнность; продуктъ сперва обращается въ деньги и распределяется *долями цѣнности*, какъ въ древности онъ распределялся натуральными долями: одна *доля цѣнности* трудового продукта затрачивается и учитывается, какъ погашеніе капитала; другая такая же доля обращается, въ формѣ заработной платы, на содержаніе работниковъ, и, наконецъ, третья остается въ рукахъ собственниковъ, въ качествѣ ихъ дохода, или Ренты. Но если эти доли продукта принимаютъ теперь форму цѣнностей или денежную, то это не измѣняетъ ихъ существа: теперь, когда добывающая и обрабатываю-

щая промышленность раздѣлились по разнымъ рукамъ, право собственности на землю и капиталъ отражается такъ же точно на интересахъ работниковъ, какъ отражалось и прежде; попрежнему, благодаря его вліянію, работники получаютъ въ свой доходъ только часть продукта своего труда, а остатокъ достается землевладѣльцамъ и капиталистамъ, какъ собственникамъ продукта; нѣкоторая же часть продукта попрежнему затрачивается на восстановленіе капитала. Но такъ какъ теперь на первый планъ вездѣ выступаетъ *мѣновая цѣнность* продукта, то она же выступаетъ впередъ и при его *распредѣленіи*. То, что въ античномъ хозяйствѣ получало свое назначеніе въ видѣ натуральной доли, теперь получаетъ таковое въ видѣ доли цѣнности, по своему смыслу вполне тождественной съ натуральной долей прежняго строя. Нельзя поэтому думать,—какъ думаютъ не только въ обыденной жизни, но отчасти и въ наукѣ,—что теперь, когда на сцену повсюду является мѣновая цѣнность продукта, необходима *прибавка къ цѣнности*, чтобы возможно было получить каждую изъ тѣхъ долей, на которыя распадается продуктъ; нельзя думать, что послѣдній долженъ стать „дороже“, чтобы дать Ренту, или что онъ могъ бы стать „дешевле“, если бы не долженъ былъ давать прибыли. Правда, чтобы давать Ренту, продуктъ долженъ имѣть мѣновую цѣнность, какъ долженъ имѣть ее и для того, чтобы дать погашеніе капитала и заработную плату, ибо продуктъ вообще выступаетъ теперь въ формѣ мѣновой цѣнности; но чтобы выдѣлить изъ себя названныя три доли, мѣновая цѣнность вовсе не должна быть поднята выше своего *естественнаго уровня*, а должна быть только равна количеству труда, затраченнаго на производство. Если цѣнность достигаетъ этого уровня, если при этомъ производительность труда настолько велика, что работники могутъ существовать уже на счетъ части своего продукта, если при этомъ вліяніе права собственности на землю и капиталъ принуждаетъ ихъ довольствоваться такою частью,—то для возмѣщенія капитала и возникновенія Ренты достаточно, чтобы *заработная плата не была равна цѣнности продукта*. Такимъ образомъ тѣ доли, на которыя распадается продуктъ, являются результатомъ не *прибавки цѣнности*, а наоборотъ *скидки съ цѣнности*, которую претерпѣваетъ заработная плата, другими словами—результатомъ того обстоятельства, что заработная плата равна только части цѣнности продукта.

Вторая особенность современнаго строя заключается въ томъ, что хозяйственное имущество, въ разныхъ его частяхъ и значеніяхъ, распределяется между разными собственниками. То обстоятельство, что од-

ни лица завѣдуютъ теперь добываніемъ сырья, другія — его переработкою, ведетъ, *во-первыхъ*, къ соотвѣтственному распредѣленію между ними имущества: *однимъ* принадлежатъ земли и капиталъ, нужный для сельско-хозяйственнаго производства, *другимъ* — капиталъ, нужный для переработки; одни будутъ по преимуществу землевладѣльцами, другіе — исключительно капиталистами. *Во-вторыхъ*, оно ведетъ и къ раздѣлу между разными собственниками самаго продукта: сырой продуктъ принадлежитъ однимъ — сельско-хозяйственнымъ предпринимателямъ или, по преимуществу, землевладѣльцамъ, а обработанный продуктъ — другимъ, предпринимателямъ операций по переработкѣ, или чистымъ капиталистамъ. Послѣднимъ, правда, временно будетъ принадлежать и сырье, которое имъ придется покупать для переработки; но для нихъ сырье — только оборотный расходъ ⁶⁾, совершенно не вліяющей на размѣръ достигающей имъ доли Ренты: обладаніе сырьемъ для нихъ — обладаніе производное, за которое они полностью заплатили первоначальнымъ обладателямъ, тогда какъ ихъ первоначальнымъ владѣніемъ является только тотъ *фабрикатъ* ⁷⁾, который произведенъ работниками подъ ихъ непосредственнымъ руководствомъ. Наконецъ, *въ-третьихъ*, благодаря такому раздѣленію обладанія всѣмъ продуктомъ, *между обладателями сырья и фабриката подраздѣлится и та часть продукта, которая прежде, въ видѣ единой Ренты, поступала единому собственнику — обладателю земли, капитала, работниковъ и продукта*. Это естественное послѣдствіе раздѣленія продукта осуществляется чрезъ посредство обмѣна и сообразно цѣнности частей готоваго продукта, т. е. цѣнности сырья и фабриката. Дѣло въ томъ, что если только трудъ вообще достаточно производителенъ для того, чтобы оставлять часть продукта на долю Ренты; если въ прежнемъ строѣ эта послѣдняя только потому нераздѣльно принадлежала одному собственнику, что послѣднему нераздѣльно принадлежалъ весь продуктъ, то въ современномъ строѣ, гдѣ трудъ предполагается не менѣе производительнымъ, но продуктъ распредѣлился между разными лицами — владѣльцемъ сырья и владѣльцемъ фабриката — и Рента должна раздѣлиться на части. И если въ современномъ строѣ въ продуктѣ и его частяхъ на первый планъ вездѣ выступаетъ цѣнность,

⁶⁾ Въ подл. durchlaufender Posten. А. К.

⁷⁾ Въ подл. Fabrikationsprodukt; въ смыслѣ, употребляемомъ здѣсь и въ дальнѣйшемъ, это слово надо бы переводить описаніемъ: „цѣнность, прибавляемая къ цѣнности сырья въ результатъ его переработки въ готовый продуктъ“, другими словами — цѣнность продукта *минусъ* цѣнность сырья. А. К.

и такимъ образомъ цѣнность той его части, которая остается на долю Ренты, стоитъ въ опредѣленномъ соотношеніи къ цѣнности всего продукта, то часть продукта, идущая на долю Ренты, неизбѣжно должна подраздѣлиться между разными собственниками пропорціонально цѣнности отдѣльных частей продукта—сырья и фабриката. Если бы, напримѣръ и то, и другое,—и сырье, и фабрикатъ,—имѣли равную цѣнность, то и Рента раздѣлилась бы поровну между владѣльцами того и другого. Если, затѣмъ, владѣніе фабрикатомъ подраздѣляется дальше; если не только *весь* фабрикатъ принадлежит не тому лицу, кому принадлежало сырье, напр., шерсть, но если совершенно готовый продуктъ—одежда—принадлежитъ не тому, кому принадлежали пряжа, ткань и т. п.,—то, конечно, и часть Ренты, падающая на долю фабриката, раздѣлится между различными собственниками, чрезъ руки коихъ проходитъ продуктъ на разныхъ ступеняхъ его переработки. Словомъ, всякій, кто владѣетъ такимъ частичнымъ продуктомъ, такую долю готоваго продукта, изготовленную состоящими въ его распоряженіи работниками, будетъ участвовать, пропорціонально цѣнности этой доли, въ раздѣлѣ Ренты.

На такія рентныя доли, опять-таки, каждый владѣлецъ будетъ смотрѣть, какъ на продуктъ своего имущества, тогда какъ эти доли остались тѣмъ же, чѣмъ было цѣлое,—продуктомъ труда въ той его части, которая досталась на долю Ренты. Владѣлецъ сырья, т. е. по преимуществу землевладѣлецъ, усмотритъ въ части Ренты, падающей на долю его, какъ владѣльца сырья, продуктъ земли и нужнаго на ея обработку капитала; владѣльцы фабриката, или чистые капиталисты, увидятъ въ частяхъ ренты, падающихъ на долю ихъ фабрикатовъ, продуктъ своего капитала. Но теперь этотъ взглядъ будетъ имѣть за себя по существу еще менѣе основанія, нежели прежде, при нераздѣльной Рентѣ, потому что теперь работники не принадлежатъ уже къ составу имущества владѣльца,—они свободны, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ юридически и право собственности на продуктъ своего труда. Но виѣшность становится еще болѣе обманчивою, потому что работники по врежнему принуждены предоставлять другимъ лицамъ продуктъ своего труда за простую *долю* продукта — *заработную плату*; имущество же, которое само лишь продуктъ труда, и притомъ труда не тѣхъ лицъ, которыя имъ владѣютъ, все болѣе принимаетъ подвижной, денежный характеръ, при которомъ владѣльцу приходится заботиться о его „помѣщеніи“. Доля Ренты, падающая на продуктъ, созданный занятыми на счетъ этого капитала работниками, все болѣе принимаетъ мнимый образъ заработка или продукта

труда собственника, и это тѣмъ болѣе, что теперь, съ выступленіемъ на первый планъ мѣновой цѣнности, въ наличности оказывается однородное мѣрило, позволяющее опредѣленно выражать отношеніе „выручки“ къ имуществу, и такимъ образомъ и здѣсь дѣло получаетъ такой видъ, какъ будто, по выраженію Аристотеля, „равное происходитъ отъ равнаго“.

Прежде, нежели перейти къ *последнему* характерному измѣненію, къ вопросу о происхожденіи понятій земельной ренты и прибыли, я долженъ сдѣлать два предположенія: *во-первыхъ*, что владѣніе фабрикатомъ дальше не подраздѣляется, что, слѣдовательно, предприниматель, покупающій сырье, производитъ надъ послѣднимъ *весь* операціи, потребныя для созданія готоваго къ потребленію продукта; это предположеніе дѣлается исключительно для упрощенія вывода, не измѣняя существа дѣла, хотя послѣднее въ дѣйствительности обстоитъ и нѣсколько иначе. *Во-вторыхъ*, я предположу, что мѣновая цѣнность каждаго продукта и каждой ступени въ производствѣ продукта ⁸⁾ равна затраченному труду. Ниже, въ главѣ XIII, будетъ показано, что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ, а дѣйствительная мѣновая цѣнность бываетъ то выше, то ниже; но во всякомъ случаѣ она тяготеетъ къ затраченному труду, — этому и наиболѣе естественному, и наиболѣе справедливому мѣрилу цѣнности. Съ другой стороны, сдѣланное предположеніе не можетъ отразиться на вѣрности вывода тамъ, гдѣ рѣчь идетъ только объ общихъ законахъ распредѣленія Ренты: въ основу дальнѣйшихъ разсужденій я могъ бы съ такимъ же успѣхомъ положить и цѣнность, нѣсколько низшую или нѣсколько высшую, — все дѣло въ томъ только, чтобы положенная въ основу цѣнность измѣнялась постоянно сообразно одному и тому же закону.

Итакъ, я принимаю, что Рента распредѣляется пропорціонально цѣнности сырья и фабриката между владѣльцами того и другого (не подраздѣляясь далѣе), и что цѣнность какъ сырья, такъ и фабриката равна затраченному труду; а отсюда — прямой выводъ, что Рента распредѣляется обратно пропорціонально ⁹⁾ производительности сельско-хозяй-

⁸⁾ Въ подл. Produkttheil — часть продукта; но по смыслу ясно, что тутъ идетъ рѣчь о ступеняхъ, чрезъ которыя проходитъ продуктъ (сырье, полуфабрикатъ и пр.), и о томъ количествѣ цѣнности, которое прибавляется въ результатѣ переработки на каждой такой ступени. А. К.

⁹⁾ Въ подл. im Verhältniss; но по сопоставленію съ послѣдующимъ и особенно

ственного и перерабатывающаго труда. Если, такимъ образомъ, производительность сельско-хозяйственнаго труда незначительна, если, слѣдовательно, количество труда, затраченнаго на добычу сырья, а слѣдовательно и его цѣнность, велики, то относительно велика будетъ и та часть Ренты, которая достается землевладѣльцу. Я забвгаю, можетъ быть, впередъ, но это необходимо для полнаго выясненія предмета.

Итакъ, *третья* особенность современнаго строя заключается въ возникновеніи отдѣльныхъ понятій *земельной ренты* и *прибыли*.

Та часть Ренты, которая падаетъ на долю фабриката, начинаетъ разсматриваться, какъ прибыль на капиталъ: то имущество, выручкой съ котораго представляется эта часть Ренты, есть *исключительно* капиталъ въ народно-хозяйственномъ смыслѣ,—продуктъ, предназначенный для дальнѣйшаго производства, трудъ, предшествующій переработкѣ¹⁰⁾; въ немъ не участвуетъ земля, не участвуетъ ничего, кромѣ капитала; это имущество, кромѣ того, является во всѣхъ своихъ частяхъ въ роли издержекъ, потому что тотъ, кто предпринимаетъ переработку, долженъ купить какъ сырье въ качествѣ матеріала, такъ и орудія для обработки послѣдняго, а равно долженъ авансировать заработную плату впередъ до возмѣщенія ея изъ продажи продукта. Если поэтому достаемая на долю фабриката часть Ренты разсматривается вообще, какъ выручка съ затраченнаго въ производствѣ имущества, то ее съ полнымъ правомъ можно разсматривать, какъ выручку съ одного только капитала, какъ прибыль на капиталъ. *Вмѣстѣ съ этимъ являются опредѣленныя нормы прибыли на капиталъ, которыя ведутъ къ уравнию прибылей съ разныхъ капиталовъ и соответственно которымъ исчисляется и прибыль на капиталъ, затраченный въ сельско-хозяйственной промышленности, прибыль, отдѣляющаяся отъ той части Ренты, которая достается на долю сырья.* И въ самомъ дѣлѣ: если выступившая на первый планъ мѣновая цѣнность является однороднымъ мѣриломъ для выраженія отношенія выручки къ имуществу, то это же мѣрило служить и для выраженія *отношенія прибыли къ капиталу*, является возможность сказать, что прибыль въ данномъ производствѣ составляетъ x процентовъ съ капитала. Эта норма даетъ мѣрило для уравниенія прибылей: если въ какихъ-либо производствахъ при-

съ изложеннымъ ниже, въ главѣ XI, видно, что здѣсь идетъ рѣчь объ *обратной* пропорциональности. А. К.

¹⁰⁾ Въ подл. *vorgethane Arbeit für die Fabrikation*. А. К.

быль окажется выше, то конкуренція поведетъ къ усиленному помѣщенію туда капиталовъ, а, слѣдовательно, къ уравниванію прибылей. Наоборотъ, никто не пожелаетъ помѣстить капитала туда, гдѣ онъ не будетъ ожидать получить прибыли, соответствующей той же нормѣ, а такъ какъ капиталъ необходимъ и въ сельскомъ хозяйствѣ, то и землевладѣлецъ долженъ изъ достающейся на долю его сырья части Ренты исчислить себѣ соответственнo той же нормѣ прибыль на свой капиталъ; а если онъ сдаетъ землю въ пользованіе другому лицу, долженъ настолько уменьшить арендную плату, насколько необходимо, чтобы оставить арендатору надлежащую прибыль на внесенный имъ капиталъ. Норма прибыли, слагающаяся въ *обрабатывающей* промышленности, тѣмъ болѣе будетъ руководящею для сельскаго хозяйства, что въ первую вложена гораздо большая доля національнаго капитала, нежели во второе: въ обрабатывающей промышленности въ числѣ прочаго капитала участвуетъ и цѣнность *всего продукта сельскаго хозяйства*, какъ матеріала для переработки, тогда какъ въ сельскомъ хозяйствѣ нѣтъ соответственнаго элемента. Доходность большей доли національнаго капитала даетъ поэтому норму и для меньшей доли, которая потребуетъ себѣ прибыли соответственнo этой нормѣ. Вотъ почему въ политической экономіи всегда предполагается, что норма прибыли въ обрабатывающей промышленности является руководящею и для арендаторовъ въ сельскомъ хозяйствѣ.

Та часть достающейся владѣльцу сырья доли Ренты, которая остается свободною за исчисленіемъ прибыли на затраченный въ сельско-хозяйственномъ производствѣ капиталъ, разсматривается какъ земельная рента. Эту часть оставить въ свою пользу землевладѣлецъ, какъ таковой, хотя бы онъ уже отчислилъ себѣ вознагражденіе за свое личное участіе въ производствѣ и прибыль на вложенный въ послѣднее капиталъ,—оставить исключительно въ силу того, что онъ, какъ землевладѣлецъ, является владѣльцемъ сырья. Земельная рента поэтому принимаетъ видъ продукта почвы самой по себѣ, хотя и она въ сущности—не что иное, какъ продуктъ труда, какъ та часть причитающейся на сырье доли Ренты, которая остается въ пользу землевладѣльца, какъ такового, по отчисленіи прибыли на капиталъ, определенной согласно заимствованной изъ обрабатывающей промышленности нормѣ.

Глава IX. Особый принципъ земельной ренты ¹⁾.

Перехожу теперь къ дальнѣшему вопросу: *получается ли въ дѣйствительности, за отчисленіемъ прибыли на капиталъ изъ достоящейся на долю владѣльца сырья части Ренты, еще какой-либо остатокъ? При какихъ условіяхъ такой остатокъ получается и почему?*

На эти вопросы я, въ противоположность Рикардо, отвѣчаю: *при тѣхъ условіяхъ, изъ которыхъ я исходилъ въ предыдущемъ изложеніи, и которыя и самъ Рикардо принимаетъ за основаніе всѣхъ своихъ изслѣдованій, а именно, если и сырье, и фабрикатъ обмѣниваются соответственно количествамъ затраченнаго на производство ихъ труда, или, другими словами, если цѣнность сырья равна его трудовой стоимости, — за отчисленіемъ изъ части Ренты, достоящейся на долю владѣльца сырья, прибыли на капиталъ необходимо долженъ получить остатокъ, представляющій собою земельную ренту, — безразлично, будетъ ли цѣнность сырого продукта ничтожна, или велика. И вотъ по какимъ основаніямъ: я принялъ, что Рента расчленяется пропорціонально цѣностямъ сырья и фабриката, и что эти цѣнности опредѣляются *трудовою стоимостью*. Отсюда съ необходимостью вытекаетъ, что величина долей Ренты опредѣляется не величиной тѣхъ капиталовъ, на которые исчисляются эти доли, а исключительно количествомъ непосредственно затраченнаго *труда*, добывающаго или перерабатывающаго, *плюсъ* тотъ трудъ, который соотвѣтствуетъ погашенію орудій и машинъ. При такихъ условіяхъ на величину долей Ренты могутъ вліять, очевидно, только тѣ части капитала, которыя обращены въ орудія и въ заработную плату: погашеніе орудій соотвѣтствуетъ количеству труда, участвующаго въ производствѣ посредственно, сумма заработныхъ платъ, — по крайней мѣрѣ при равной высотѣ послѣднихъ, — пропорціональна количеству непосредственно затраченнаго труда, а сумма этихъ двухъ количествъ, по нашему предположенію, образуетъ цѣнность продукта. Напротивъ, на величину долей Ренты не можетъ вліять та доля капитала, которая соотвѣтствуетъ цѣнности перерабатываемыхъ матеріаловъ, потому что *эта* доля не можетъ вліять на трудовую стоимость эффекта, производимаго переработкой ²⁾ этихъ послѣднихъ; на-*

¹⁾ Изъ 3-го соп. письма (Zur Beleuchtung der soc. Frage, I, стр. 109—114). А. К.

²⁾ У Родбертуса—Zusatzprodukt der Fabrikation. А. К.

примѣръ, трудовая стоимость эффекта, производимаго пряденіемъ или тканьемъ, не можетъ опредѣляться стоимостью перерабатываемой шерсти. Напротивъ, въ качествѣ *операционнаго расхода*³⁾ и цѣнность перерабатываемаго матеріала или сырья является одною изъ составныхъ частей той суммы капитала, на которую капиталистъ ожидаетъ получить и исчисляетъ свою прибыль. Между тѣмъ въ сельско-хозяйственномъ капиталѣ этой составной части нѣтъ: сельское хозяйство⁴⁾ не нуждается въ продуктахъ какихъ-либо предшествующихъ производствъ, какъ въ матеріалѣ для переработки; оно является начальною ступенью производства; въ роли, аналогичной роли перерабатываемаго въ другихъ производствахъ сырья, пожалуй, является здѣсь почва съ содержащимися въ ней веществами⁵⁾; но почва во всѣхъ экономическихъ теоріяхъ признается не требующею издержекъ, безвозмезднымъ даромъ природы.

Такимъ образомъ, и въ сельскомъ хозяйствѣ, и въ обрабатывающей промышленности одинаково участвуютъ обѣ тѣ составныя части капитала, которыя вліяютъ на *абсолютную высоту*⁶⁾ *долей Ренты*; но въ сельскомъ хозяйствѣ не участвуетъ та составная часть его (перерабатываемый матеріалъ), которая, не вліяя на абсолютную высоту, также имѣетъ, однако, право на участіе въ создаваемой остальными двумя составными частями прибыли⁷⁾,—эта часть имѣется только въ обрабатывающей промышленности. Если, такимъ образомъ, согласно допущенному предположенію о соответствіи цѣнности сырья и фабриката съ ихъ трудовой стоимостью и о распредѣленіи Ренты между собственниками пропорціонально этой цѣнности; если, повторяю, получаемая въ сельскомъ хозяйствѣ и въ обрабатывающей промышленности доли Ренты стоятъ, по своей абсолютной величинѣ, въ прямомъ отношеніи къ количествамъ труда, вложеннымъ въ производство сырья и фабриката,—то *участвующие въ той и другой отрасли производства капиталы, на которые исчисляется прибыль* (въ обрабатывающей промышленности —

³⁾ Kapitalauslage. А. К.

⁴⁾ Буквальный переводъ употребляемаго Родбертусомъ термина Landwirthschaft, имѣющаго однако болѣе широкій смыслъ—добывающей промышленности вообще. А. К.

⁵⁾ У Родбертуса просто Boden; мы позволили себѣ распространенный переводъ въ виду того, что аналогію съ сырьемъ представляютъ именно заключающіяся въ почвѣ вещества, перерабатываемыя въ хлѣбъ, сѣно, овесъ и т. п. продукты. А. К.

⁶⁾ У Родбертуса Grösse. А. К.

⁷⁾ Буквально перевести это предложеніе намъ не удалось. А. К.

цѣликомъ, въ сельскомъ хозяйствѣ — въ части, соответствующей установленной въ обрабатывающей промышленности нормѣ прибыли), не пропорціональны сказаннымъ количествамъ труда, а слѣдовательно, и опредѣляемымъ этими количествами абсолютнымъ величинамъ долей Ренты: при равной абсолютной величинѣ доли Ренты, достающейся владѣльцу сырья, и доли, падающей на фабрикатъ, капиталъ, участвующій въ обрабатывающей промышленности, *превышаетъ* капиталъ сельскаго хозяйства на всю цѣнность перерабатываемаго въ первомъ сырья. Между тѣмъ эта послѣдняя величина *увеличиваетъ собою тотъ капиталъ, на который исчисляется, въ качествѣ прибыли, достающаяся на долю фабриката часть Ренты*, но не увеличиваетъ абсолютнаго размѣра самой этой части, и, слѣдовательно, служитъ еще и къ пониженію того уровня прибыли, который нормируетъ высоту послѣдней и въ сельскомъ хозяйствѣ. Ясно поэтому, что отъ той доли Ренты, которая получается въ этомъ послѣднемъ, неизбѣжно долженъ получиться остатокъ, не поглощаемый исчисленною согласно сказанной нормѣ прибылью, причитающеюся на сельско-хозяйственный капиталъ. Такой остатокъ *не* получился бы только въ томъ случаѣ, если бы въ капиталѣ обрабатывающей промышленности *не* участвовала цѣнность сырого матеріала, или если бы эта составная часть имѣлась и въ капиталѣ сельскаго хозяйства; другими словами, если бы капиталъ обрабатывающей промышленности слагался исключительно изъ орудій и заработныхъ платъ, или если бы въ капиталѣ сельскаго хозяйства участвовала и цѣнность почвы. При *такихъ* условіяхъ доли Ренты, получающіяся въ сельскомъ хозяйствѣ и въ обрабатывающей промышленности, стояли бы въ одинаковомъ отношеніи не только къ количествамъ труда, затраченнаго на ихъ производство, но и къ капиталамъ, на которые должна исчисляться прибыль, и, слѣдовательно, эта послѣдняя въ добывающей промышленности поглотила бы всю долю Ренты, падающую на сырой продуктъ ⁸⁾.

Если, такимъ образомъ, цѣнность сырья равна трудовой его стоимости (что вѣдь и Рикардо принимаетъ для продукта, созданнаго при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ), то при наличности предпосылокъ всякой вообще Ренты — достаточной производительности труда и права частной собственности на землю и капиталъ — неизбѣжно должна получиться земельная рента, какъ бы ничтожна ни была цѣнность сырья, и

⁸⁾ Это разсужденіе составляетъ основу и краеугольный камень моей теоріи поземельной ренты. *Примѣчаніе Родбертуса.*

какъ бы велика ни была производительность сельско-хозяйственнаго труда, т. е. другими словами—плодородіе почвы; и это потому, что—повторяю еще разъ—при существующемъ порядкѣ вещей предпринима-тель въ обрабатывающей промышленности *покупаетъ* матеріаль и по-тому включаетъ его цѣнность въ счетъ того капитала, на который онъ считаетъ себя въ правѣ получить прибыль; въ сельско-хозяйственномъ же капиталѣ цѣнность матеріала не участвуетъ, а элементы, опре-дѣляющіе абсолютную высоту соответственныхъ долей Ренты, и въ той и въ другой отрасли промышленности одинаковы. Лишь въ томъ случаѣ, когда цѣнность сырья опускается *ниже* трудовой стоимости, только тогда расчетъ прибыли въ сельско-хозяйственномъ мѣрпріятіи можетъ поглотить всю долю Ренты, падающую на сырье, потому что только въ этомъ случаѣ абсолютный размѣръ этой доли можетъ понизиться на-столько, чтобы отношеніе ея къ суммѣ сельско-хозяйственнаго капитала, въ которомъ отсутствуетъ цѣнность переработанныхъ матеріаловъ, было равно отношенію доли Ренты, падающей на фабрикатъ, къ суммѣ капита-ла обрабатывающей промышленности, который вѣдь больше, такъ какъ заключаетъ въ себѣ и цѣнность купленныхъ и переработанныхъ матеріа-ловъ; только въ этомъ случаѣ поэтому въ сельско-хозяйственномъ производствѣ не получится ничего, кромѣ прибыли на капиталъ. Но такъ какъ въ дѣйствительной жизни соответствіе цѣнности съ трудовой стоимостью составляетъ, по крайней мѣрѣ, общее правило; такъ какъ трудовая стоимость составляетъ, по меньшей мѣрѣ, тотъ центръ тяжести, къ которому тяготѣютъ колебанія цѣнности, то общимъ правиломъ яв-ляется и наличность земельной ренты, а тотъ случай, когда въ сель-скомъ хозяйствѣ таковой не получается, а получается одна прибыль, является лишь изъятіемъ изъ общаго правила, а не первоначальнымъ, нормальнымъ, какъ это думаетъ Рикардо, порядкомъ вещей⁹⁾.

⁹⁾ Въ виду нѣкоторой трудности изложеннаго въ этой главѣ разсужденія, со-ставляющаго, какъ признаетъ самъ Родбертусъ, краеугольный камень всей его теоріи земельной ренты, мнѣ кажется небезполезнымъ попытаться облечь это раз-сужденіе въ простѣйшую математическую формулу, способную значительно облегчить его пониманіе.

Сдѣлаемъ для этой цѣли слѣдующія обозначенія:

Глава X. Предпринимательская прибыль, ссудный процентъ и арендная плата ¹⁾.

Если производительная эксплуатация земли и капитала даетъ рен-ту или прибыль, то уже простое обладание землею и капиталомъ, неза-висимо отъ какой-либо производительной дѣятельности собственниковъ, можетъ явиться для нихъ дѣющимся источникомъ дохода. Это происхо-дитъ такимъ образомъ, что владѣльцы предоставляютъ свою землю или

	Въ обрабаты- вающей про- мышленности.	Въ сельскомъ хозяйствѣ.
Трудовая стоимость	L_1	L_2
Непосредственно затраченный трудъ и его эквива- лентъ—заработная плата	l_1	l_2
Погашеніе машинъ и орудій и эквивалентныя ему издержки изъ капитала	u_1	u_2
Капиталь	K_1	K_2
Стоимость переработанн. матеріаловъ	m_1	—
Доли Ренты	R_1	R_2

Распределеніе ренты между предпріятіями—сельско-хозяйственнымъ и пере-рабатывающимъ—изобразится, согласно изложенному въ текстѣ, слѣдующею пропор-ціей:

$$R_2 : R_1 = L_2 : L_1$$

$$\text{Но } L_2 = l_2 + u_2$$

$$L_1 = l_1 + u_1$$

$$\text{Слѣдовательно } R_2 : R_1 = l_2 + u_2 : l_1 + u_1$$

Откуда:

$$R_2 = \frac{R_1 (l_2 + u_2)}{(l_1 + u_1)} \dots \dots (1)$$

Далѣе норма прибыли въ обрабатывающей промышленности опредѣляется отношеніемъ достающейся на долю фабриката части ренты къ капиталу обрабаты-вающей промышленности, т. е. равна $\frac{R_1}{K_1}$; а такъ какъ $K_1 = l_1 + u_1 + m_1$, то нор-ма прибыли будетъ равна:

$$\frac{R_1}{l_1 + u_1 + m_1}$$

Согласно этой нормѣ опредѣлится и сумма прибыли, причитающаяся на долю занятого въ сельско-хозяйственномъ предпріятіи капитала; она будетъ равна:

¹⁾ Изъ третьяго соц. письма (Zur Beleuchtung der soc. Frage. 1, стр. 114—122).
А. К.

свой капитал другим лицам, намѣревающимся дать имъ производительное примѣненіе и, слѣдовательно, извлекать изъ нихъ прибыль или ренту, а эти лица обязуются впоследствии полностью возратить взятую землю или капиталъ, а впредь до возврата уплачивать въ правильные сроки какую-либо опредѣленную сумму. Такой періодическій платежъ не можетъ имѣть иного источника, кромѣ земельной ренты или прибыли на капиталъ, извлекаемыхъ изъ предоставленной въ пользованіе земли или капитала, откуда и вытекаетъ новое подраздѣленіе Ренты, т. е. той части созданнаго трудомъ продукта, которая, въ силу объясненныхъ выше обстоятельствъ, отнимается у трудящихся.

Отсюда является въ экономической наукѣ нѣсколько новыхъ понятій: владѣлецъ капитала, какъ таковой, именуется *капиталистомъ*, а лицо, дающее капиталу производительное примѣненіе, — *предпринимателемъ*. Періодическій платежъ, получаемый первымъ отъ послѣдняго за предоставленный ему капиталъ и имѣющій своимъ источникомъ прибыль съ капитала, называется *ростомъ* или *ссуднымъ процентомъ*, а та часть прибыли, которая остается предпринимателю, *предпринимательскимъ доходомъ*; періодическій платежъ сельско-хозяйственнаго предпринимателя за предоставленную ему землевладѣльцемъ землю именуется *арендною платою*, самъ предприниматель — *арендаторомъ*.

$$\frac{R_1}{l_1 + u_1 + m_1} = \frac{K_2 \cdot R_1}{l_1 + u_1 + m_1}$$

А такъ какъ $K_2 = l_2 + u_2$, то сумма прибыли изобразится формулой:

$$\frac{(l_2 + u_2) \cdot R_1}{l_1 + u_1 + m_1} \dots \dots \dots (2)$$

Такимъ образомъ, мы получили два выраженія: одно (1) для обозначенія доли ренты, достоящейся сельско-хозяйственному предпріятію, и другое (2) — для обозначенія суммы прибыли, причитающейся на занятый въ этомъ предпріятіи капиталъ. Сравнивая между собой эти выраженія, мы видимъ, что они имѣютъ одинаковые числители и различаются между собой только знаменателями: знаменатель дроби (2) *больше* знаменателя дроби (1) на отсутствующую въ этомъ послѣднемъ величину m_1 , а слѣдовательно, дробь (2), очевидно, *меньше* дроби, и мы имѣемъ право утверждать, что

$$\left(\frac{(l_2 + u_2) \cdot R_1}{l_1 + u_1} \right) - \left(\frac{(l_2 + u_2) \cdot R_1}{l_1 + u_1 + m_1} \right) = x,$$

гдѣ x непременно будетъ положительною величиною. Было бы нетрудно сдѣлать указанныя въ лѣвой части этого равенства дѣйствія и вывести формулу для x , но для насъ достаточно знать, что отъ вычисленія получится нѣкоторый положительный остатокъ, другими словами, что за покрытіемъ изъ ренты сельско-хозяйственнаго предпріятія прибыли, причитающейся на занятый въ немъ капиталъ, непременно останется нѣкоторый излишекъ, который и составитъ земельную ренту. А. К.

Совершенно ясно, что владѣльцы земли и капитала имѣютъ и *экономическую*, и *юридическую* возможность *требовать* отъ тѣхъ лицъ, кому они предоставляютъ для производительнаго примѣненія свою землю или свой капиталъ, возвращенія вполнѣдствіи взятыхъ земли и капитала, а впредь до такового возвращенія — періодическаго платежа арендной платы или роста, а эти лица имѣютъ юридическую и экономическую возможность *исполнить* подобнаго рода требованія. *Экономическая* возможность вытекаетъ изъ того, что земельная рента и прибыль исчисляются и получаютъ лишь по полномъ покрытіи затратъ на содержаніе въ исправности даннаго участка земли, или по полномъ возстановленіи капитала, и такимъ образомъ не только является возможность возвратити вполнѣдствіи взятый капиталъ или земельный участокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣется и правильно возобновляющійся источникъ, изъ котораго могутъ быть выплачиваемы ростъ и арендная плата. *Юридическая* возможность вытекаетъ изъ того, что предприниматели лишь при посредствѣ земли и капитала, принадлежащихъ собственникамъ, получаютъ возможность создавать земельную ренту и прибыль, а слѣдовательно пріобрѣтатъ въ свою пользу ту часть той и другой, которая остается за взносомъ арендной платы и роста. Такимъ образомъ, землевладѣльцы и капиталисты не совершаютъ никакой несправедливости по отношенію къ *предпринимателямъ*, когда требуютъ съ нихъ роста или арендной платы, и справедливость не даетъ предпринимателямъ основанія отказываться отъ платежа въ пользу собственниковъ. Другими словами: социальная неправда лежитъ *не въ дѣлѣжъ, не въ раздѣль* ренты и прибыли между собственниками и предпринимателями, *а въ самомъ фактѣ полученія земельной ренты и прибыли, изъ коихъ уже въ свою очередь выплачивается ростъ и арендная плата*. Если, такимъ образомъ, я говорю о *юридической* возможности для собственниковъ требовать и о юридической необходимости для предпринимателей платить ростъ или арендную плату; другими словами, если я утверждаю, что ростъ и арендная плата имѣютъ правовое основаніе, то я имѣю въ виду исключительно отношеніе между собственниками и предпринимателями, а не отношеніе тѣхъ и другихъ къ работникамъ; я имѣю въ виду только арендную плату и ссудный процентъ, а не ренту и прибыль; съ точки зрѣнія естественнаго права, по моему мнѣнію, такъ же мало можно сомнѣваться въ неправоумѣрности этихъ послѣднихъ, какъ мало, считая ихъ правоумѣрными, можно оспаривать законность роста и арендной платы.

Это упускаетъ изъ виду, напримѣръ, Бастіа, когда защищаетъ

правомѣрность ссуднаго процента. Бастіа, какъ извѣстно, обосновываетъ этотъ послѣдній на „равенствѣ взаимныхъ услугъ“. Если двое, разсуждаетъ онъ, при простой мѣнѣ обмѣниваются равными цѣнностями, то равенство взаимныхъ услугъ ясно само собою, и сдѣлка является справедливою, не нарушающею интересовъ ни одной изъ сторонъ. Если, напротивъ, одинъ изъ двоихъ, взамѣнъ получаемой въ данный моментъ цѣнности, собирается отдать равноцѣнность лишь по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ и въ продолженіе этого времени намѣренъ извлекать изъ получаемой цѣнности выгоды, то только въ томъ случаѣ сохранится равенство взаимныхъ услугъ, и сдѣлка останется справедливою и ненарушающею интересовъ ни одной стороны, если тотъ, кто получаетъ цѣнность немедленно, будетъ выплачивать тому, кто получитъ таковую лишь впоследствии, особое вознагражденіе, отдѣляя его отъ извлекаемыхъ изъ полученной цѣнности прибылей, другими словами—если онъ въ обмѣнъ за оказываемую ему другою стороною особую услугу *одолженія* окажетъ ему со своей стороны особую услугу *уплатою роста*.

Противъ этого разсужденія Бастіа дѣйствительно ничего нельзя возразить, кромѣ только того, что оно не имѣетъ никакого отношенія къ сущности нынѣшняго соціальнаго спора, и только затемняетъ эту сущность, а не уясняетъ ея, такъ какъ маскируетъ споръ между тѣми сторонами, между которыми онъ дѣйствительно существуетъ, и изображаетъ споръ между такими сторонами, которыя въ сущности ни въ какомъ антагонизмѣ не состоятъ. Бастіа разбираетъ въ сущности отношеніе между *капиталистомъ* и лицомъ, одалживающимъ у него капиталъ, т. е. *предпринимателемъ*; но между капиталистами и предпринимателями въ настоящее время нѣтъ борьбы,—борьба идетъ между тѣми и другими, съ одной стороны, и работниками—съ другой. Не предприниматели отказываются платить ростъ капиталистамъ, а работники утверждаютъ, что *и* прибыль предпринимателя *и* ростъ капиталиста уменьшаютъ ихъ законный заработокъ; и если изслѣдователи, чтобы объяснить или оправдать этотъ фактъ, представляютъ дѣло въ такомъ видѣ, какъ будто бы споръ происходилъ между капиталистомъ и предпринимателемъ и дѣло идетъ объ оправданіи получаемаго первымъ дохода противъ нападковъ второго; если они для этой цѣли смѣшиваютъ кредитора съ капиталовладѣльцемъ вообще, а должника-предпринимателя съ рабочимъ, то этотъ послѣдній легко можетъ подумать, что къ его нуждѣ добавляютъ глумленіе и обманъ, и что даже вовсе не думаютъ стремиться къ дѣйствительному разрѣшенію загадки.

Самое происхожденіе капитала школа Сэ-Бастіа объясняетъ первоначальнымъ сбереженіемъ, позволившимъ однимъ лицамъ накопить запасы продовольствія и посвятить свое время изготовленію орудій производства, нужда въ которыхъ заставляетъ другихъ лицъ уступать имъ часть продукта своего труда. Но прежде всего, если бы даже было и такъ, если бы дѣйствительно бережливость дала однимъ лицамъ возможность покупать у другихъ ихъ рабочую силу, а этихъ послѣднихъ къ продажѣ этой силы понуждалъ только голодъ, то все же можно было бы сомнѣваться въ томъ, чтобы сдѣлка между Исавомъ и Иаковомъ была честною сдѣлкой, а тѣмъ болѣе, чтобы она оставалась таковою и на всѣ будущія времена, даже когда первоначальное простое орудіе обратилось въ паровую машину. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, одна часть человѣческаго рода навсегда обречена страдать за недостаточную бережливость своихъ предковъ, а другая, въ награду за бережливость своихъ, навсегда сохранить право пользоваться все растущими плодами труда другихъ лицъ?.. И не слѣдовало ли бы создать, наконецъ, для ежедневно возобновляемаго договора между тою и другою стороною новыя, болѣе справедливыя условія?....

Но этого мало. Въ дѣйствительности тѣ условія, которыя создали почву для несправедливаго договора между работникомъ и капиталистомъ, имѣли своимъ первоначальнымъ источникомъ вовсе не бережливость однихъ и не нужду другихъ; первоначально даже и не было вовсе никакого договора, а просто одна сторона была сильнѣе другой и *принудила* ее на себя работать: собственникъ присвоилъ себѣ самого работника, какъ будто бы онъ былъ простымъ орудіемъ; онъ исключилъ его изъ числа людей, поставивъ его въ одно положеніе со своими быками и лошадьми, и кормилъ его, лишь сколько требовалось, чтобы онъ могъ изготовлять для него, собственника, все болѣе и болѣе совершенныя орудія. Затѣмъ, когда работникъ выучился изготовлять эти послѣднія, а у собственника трудами этого самаго работника образовались уже значительныя запасы хлѣба, тогда собственникъ отпустилъ работника на свободу, но отпустилъ его съ пустыми руками и милостиво согласился давать ему попрежнему кусокъ хлѣба, уже не въ видѣ рабьяго корма, а въ формѣ „заработной платы“, основанной на „свободномъ договорѣ“. Работникъ *вынужденъ* былъ согласиться на такой договоръ, потому что вся земля кругомъ,—какъ обширныя некультурныя пространства, такъ и тотъ клочокъ земли, на которомъ работникъ издавна производилъ хлѣбъ и для себя, и для собственника,—была объявлена при-

надлежащею этому послѣднему. Собственникъ могъ настаивать на своемъ исключительномъ правѣ, потому что былъ сильнѣе; работнику пришлось подчиниться силѣ „въ интересахъ порядка и общественнаго спокойствія“, а затѣмъ голодъ заставилъ его согласиться на рабочій договоръ, отдававшій въ руки собственника всѣ плоды его труда.

Такимъ, а не инымъ путемъ былъ заключенъ первоначальный договоръ между собственникомъ и работникомъ, и только *этотъ* договоръ составляетъ сущность современнаго социальнаго спора, а никакъ не договоръ между капиталистомъ-кредиторомъ и должникомъ-предпринимателемъ.

Послѣ этого отступленія я возвращаюсь къ главному предмету моихъ разсужденій.

При помощи денегъ, этого всеобщаго мѣрила цѣнностей, выясняется отношеніе прибыли къ употребленному въ производствѣ капиталу и роста—къ ссудному капиталу—получается *норма прибыли* и *норма ссуднаго процента*, и обѣ эти нормы косвенно ведутъ къ установленію нормы предпринимательскаго дохода. Ясно отсюда, какъ много можетъ дать простое обладаніе капиталомъ, ясно, почему всѣ исчисленія прибыли въ производительныхъ предпріятіяхъ даже въ тѣхъ, которыя ведутся не на занятый капиталъ, дѣлаются такъ, что сначала, примѣнительно къ установившейся нормѣ, изъ общей суммы полученныхъ прибылей отчисляются проценты на капиталъ, которые причисляются предпринимателемъ къ издержкамъ предпріятія, и только *остальная часть прибылей*—собственно предпринимательскій доходъ—разсматривается, какъ его „чистая прибыль“ или „барышъ“.

Если, такимъ образомъ, норма ходячаго процента даетъ мѣрило дохода, вытекающаго изъ простаго факта владѣнія капиталомъ, то та же норма является мѣриломъ и для цѣнности земельныхъ участковъ, дающихъ въ видѣ земельной ренты опредѣленный доходъ: какъ капиталъ въ 1,000 талеровъ, при ходячемъ процентѣ 5%, даетъ 50 талеровъ роста, такъ земельная рента въ 50 тал., капитализируясь изъ тѣхъ же 5%, даетъ цѣнность земельного участка, равную 1.000 талерамъ. Когда законъ допускаетъ отчужденіе земельныхъ владѣній, тогда капиталы начинаютъ помѣщаться въ покупку земельныхъ участковъ, и наоборотъ эти послѣдніе вымѣниваются на капиталы ²⁾. При такихъ условіяхъ лица,

²⁾ Въ подл. verwandelt sich Kapitalvermögen in Grundvermögen und Grundvermögen in Kapitalvermögen. А. К.

мало свѣдущія въ политической экономіи, начинаютъ считать земельную ренту за доходъ съ помѣщеннаго въ покупку земли капитала, упуская изъ виду, что въ одномъ случаѣ размѣръ капитала опредѣляетъ собою размѣръ получаемаго дохода, въ другомъ, наоборотъ, размѣръ ренты опредѣляетъ величину суммы, уплачиваемой за имѣніе. Если, даѣе, земельныя владѣнія отчуждаемы, то капиталы начинаютъ сужаться и для покупки такихъ владѣній; ростъ въ этомъ случаѣ выплачивается изъ земельной ренты, и такимъ образомъ всѣ *доходы со ссудныхъ капиталовъ* (если, конечно, не считать платежей расточителей или предпринимателей, потерпѣвшихъ убытки) выплачиваются, либо изъ прибылей съ производительныхъ капиталовъ, либо изъ земельной ренты. Проценты ипотечныхъ капиталовъ составляютъ часть этой послѣдней; ипотечная ссуда по существу является „покупкой рентнаго дохода“³⁾; проценты, выплачиваемые предпринимателемъ за занятый для помѣщенія въ предпріятіе капиталъ, суть часть доходовъ съ этого капитала, и напротивъ, *арендная плата* по существу своему всегда является частью *земельной ренты*.

Если поэтому не было надобности въ *возвышеніи цѣнности продукта* для того, чтобы могли получиться земельная рента и прибыль, то тѣмъ менѣе нужно такое возвышеніе для того, чтобы дать арендатору или должнику возможность выплачивать арендную плату или проценты, а предпринимателю—получать предпринимательскій доходъ. Земельная рента и прибыль получаютъ, какъ я показалъ, благодаря сокращенію размѣра заработной платы, сравнительно съ естественною цѣнностью продукта труда работника; а такъ какъ арендная плата и проценты выплачиваются либо изъ ренты, либо изъ прибылей, либо изъ того и другого, и такъ какъ изъ тѣхъ же источниковъ, за покрытіемъ процента и арендной платы, получается и предпринимательскій доходъ, то ясно, что и проценты, и предпринимательская прибыль имѣютъ источникомъ то же пониженіе дохода работниковъ и не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія на естественную цѣну продукта.

³⁾ Эта мысль, высказываемая здѣсь вскользь, является основой обстоятельно разработанной въ другихъ трудахъ Родбертуса теоріи поземельнаго кредита и сдѣланныхъ имъ въ этой области практическихъ предложеній (см. объ этомъ во введеніи). А. К.

Глава XI. Условія, вліяюція на высоту отдѣльных частей Ренты ¹⁾.

Установивъ понятія земельной ренты и прибыли на капиталъ, а также предпринимательскаго дохода, арендной платы и ссуднаго процента и, наконецъ, цѣнности земли, я перейду къ выясненію тѣхъ условій, которыя въ экономическомъ развитіи націи опредѣляютъ *высоту* всѣхъ этихъ величинъ.

Прежде всего, что въ этомъ случаѣ называется *высотой*?

Высота *прибыли* производительнаго капитала и *роста* ссуднаго капитала опредѣляется ихъ отношеніемъ къ самому капиталу: тѣмъ больше сумма прибыли или роста, падающая на опредѣленную сумму капитала, — у всѣхъ цивилизованныхъ націй за единицу послѣдняго принята цифра 100, — тѣмъ *выше* прибыль или ростъ. Высота *земельной ренты* или арендной *платы* опредѣляется ихъ отношеніемъ къ опредѣленной площади земли: тѣмъ больше сумма ренты или арендной платы, падающая на земельную площадь опредѣленной мѣры, тѣмъ *выше* рента или арендная плата. Высота *цѣнности земли* опредѣляется капитализаціей ренты, получаемой съ даннаго участка: тѣмъ больше сумма капитала, которая получается по капитализаціи ренты, даваемой земельной площадью опредѣленной мѣры, тѣмъ *выше* цѣнность земли.

Ростъ и арендная плата, какъ я показалъ, выплачиваются изъ прибыли и земельной ренты, а цѣнность земли есть не что иное, какъ капитализированная рента. Изслѣдованіе условій, вліяющихъ на *высоту* прибыли производительнаго капитала и земельной ренты, дастъ поэтому основанія и для изслѣдованія вопроса о высотѣ предпринимательскаго дохода, арендной платы, роста и цѣнности земли.

Что же, спрашивается, опредѣляетъ *высоту прибыли и земельной ренты*?

Я долженъ напомнить прежде всего, что во всѣхъ экономическихъ изслѣдованіяхъ общество предполагается живущимъ на опредѣленной площади, въ странѣ съ опредѣленной территоріей; что поэтому при выясненіи какого-либо вопроса, хотя бы вопроса о высотѣ прибыли и ренты, нельзя представлять себѣ то большую, то меньшую территорію,

¹⁾ Изъ 3-го социальнаго письма (Zur Beleuchtung socialen Frage. I, стр. 122—140). А. К.

а надо предполагать весь ход экономического развития происходящимъ въ однихъ и тѣхъ же пространственныхъ границахъ, будетъ ли этимъ пространствомъ одинъ моргенъ, тысяча кв. миль или вся земная поверхность. Послѣ этихъ оговорокъ я резюмирую отвѣтъ на поставленный мною вопросъ въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ, которыя затѣмъ попытаюсь доказать.

- I. При *данной* цѣнности продукта, другими словами—при наличности продукта *даннаго* количества труда или, что то же самое, при *данномъ* продуктѣ національнаго производства, высота Ренты въ широкомъ смыслѣ этого слова стоитъ въ обратномъ отношеніи къ высотѣ заработной платы и въ прямомъ отношеніи къ высотѣ производительности всякаго вообще труда: чѣмъ ниже заработная плата, тѣмъ выше Рента; чѣмъ выше производительность труда, тѣмъ ниже заработная плата и тѣмъ выше Рента.
- II. При *данной* цѣнности продукта и *данной* высотѣ Ренты въ широкомъ смыслѣ слова, высота составныхъ частей послѣдней—земельной ренты и прибыли—стоитъ въ обратномъ отношеніи какъ другъ къ другу, такъ и къ степени производительности труда въ соответственныхъ отрасляхъ производства—въ промышленности добывающей и обрабатывающей: чѣмъ выше или ниже земельная рента, тѣмъ, соответственно, ниже или выше прибыль; чѣмъ выше или ниже производительность труда въ добывающей или обрабатывающей промышленности, чѣмъ ниже или выше земельная рента или прибыль, и взаимно—тѣмъ выше или ниже прибыль или земельная рента.
- III. Высота прибыли на капиталъ опредѣляется только высотой цѣнности всего вообще продукта и отношеніемъ цѣнностей сырья и фабриката, или же степенью производительности труда вообще и относительною производительностью труда въ добывающей и обрабатывающей промышленности; высота земельной ренты зависитъ, кромѣ того, и отъ абсолютной величины цѣнности продукта, слѣд. отъ абсолютнаго количества труда или производительной силы, затрачиваемыхъ, при *данной* производительности труда, на производство.

Доказательство по I пункту. Совершенно очевидно, что чѣмъ большую или, наоборотъ, меньшую долю *данной* цѣнности продукта поглощаетъ заработная плата, тѣмъ, обратно, меньшая или большая доля

остается для образования Ренты въ обширномъ смыслѣ, т. е. поземельной ренты и прибыли, взятыхъ вмѣстѣ. Но отъ абсолютной величины Ренты зависитъ, очевидно, и *высота* послѣдней, потому что, во-1-хъ, отъ того, что продуктъ такъ или иначе распредѣляется между заработною платою и Рентой, не измѣняется площадь той территоріи, на которую разсчитывается одна изъ составныхъ частей послѣдней—земельная рента. А во-2-хъ, если даже заработная плата не выплачивается предпринимателемъ непосредственно изъ выручки отъ продажи продукта, а выдается имъ впередъ и, слѣдовательно, входитъ въ составъ того капитала, на который усчитывается прибыль, то общая сумма занятаго въ добывающей и обрабатывающей промышленности капитала, прибыль на который является другою составною частью Ренты, измѣняется такимъ образомъ, что когда заработная плата понижается и, слѣдовательно, поглощаетъ меньшую долю продукта, то вмѣстѣ съ тѣмъ сокращается и общая сумма того капитала, на который исчисляется прибыль. Между тѣмъ именно отношеніе той части цѣнности продукта, которая поступаетъ на долю земельной ренты или прибыли, къ площади земли или къ суммѣ капитала, и изображаетъ, какъ мы знаемъ, высоту ренты или прибыли; если поэтому заработная плата, понижаясь, оставляетъ больше на долю Ренты, то высота послѣдней опредѣляется отношеніемъ возросшей ея суммы къ той же площади земли и къ уменьшившейся суммѣ капитала,—получающееся относительное число, конечно, будетъ больше, а слѣдовательно, больше будетъ и высота земельной ренты *плюсъ* прибыль, или Ренты въ широкомъ смыслѣ слова ²⁾). Ко-

²⁾ Въ видахъ уясненія этого вывода я сдѣлаю, какъ уже дѣлалъ выше, нижеслѣдующіе буквенные расчеты:

Цѣнность продукта V разлагается на заработную плату l и Ренту R , т. е.

$$V = l + R$$

а такъ какъ R распредѣляется, въ свою очередь, на земельную ренту r и прибыль s , то

$$V = l + r + s.$$

Очевидно, что если понизится абсолютная величина заработной платы l , то, при неизмѣнной величинѣ суммы V , второе слагаемое R , или сумма $r + s$, возвысится на ту же величину. Между тѣмъ высота земельной ренты hr опредѣляется отношеніемъ абсолютной величины r къ площади территоріи t , высота прибыли hs —отношеніемъ величины s къ суммѣ капитала k , слагающейся изъ суммы заработныхъ платъ l , погашенія машинъ и орудій u и (въ обрабатывающей промышленности) стоимости матеріаловъ m , т. е.

нечно, при этомъ предполагается, что цѣнность продукта остается въ общемъ безъ измѣненія, другими словами, что продуктъ и послѣ паденія заработной платы продается по той же цѣнѣ,—предположеніе, соответствующее закону соответствія цѣнности продукта его трудовой стоимости, такъ какъ вѣдь пониженіе суммы заработной платы, издержанной на производство продукта, еще не обозначаетъ уменьшеніе количества затраченнаго на производство труда.

Чѣмъ же, спросимъ себя далѣе, опредѣляется при современномъ общественномъ строѣ, когда заработная плата не регулирована, а зависитъ отъ свободной конкуренціи, размѣръ той доли цѣнности продукта, которая приходится на заработную плату, а вмѣстѣ съ тѣмъ косвенно и высота Ренты? Несомнѣнно, что онъ опредѣляется цѣлымъ рядомъ историческихъ, политическихъ и экономическихъ условій, которыя, по единодушному признанію экономистовъ всѣхъ школъ, низводятъ заработную плату, говоря вообще, до уровня, достаточнаго лишь для *покрытія издержекъ существованія*, то есть до величины, соответствующей болѣе или менѣе *постоянному*, въ данной странѣ и въ данное время, *количеству продуктовъ*. А разъ это такъ, то уровень цѣнности продукта, или, другими словами, относительная цѣнность даннаго количества продукта, опредѣляетъ собою и величину той доли, которую заработная плата должна поглотить изъ данной цѣнности продукта или, что то же, изъ продукта даннаго количества труда. Въ самомъ дѣлѣ, если заработная плата, низведенная къ издержкамъ существованія, есть опредѣленное, реальное количество продукта, то цѣнность ея, этой платы, при высокой цѣнности продукта должна быть высока, при низкой—низка; а такъ какъ подлежащая распредѣленію сумма цѣнности созданнаго трудомъ продукта предполагается неизмѣняющеюся, то при высокой цѣнности продуктовъ заработная плата поглощаетъ большую, при низкой—меньшую часть этой цѣнности и, слѣдовательно, оставляетъ

$$hr = \frac{r}{t}$$

$$hs = \frac{s}{k} = \frac{s}{l + u + m}$$

Знаменатель t отъ пониженія заработной платы не измѣнится; знаменатель $l + u + m$, очевидно, уменьшится съ уменьшеніемъ его составной части l , и такимъ образомъ высота ренты и прибыли при пониженіи заработной платы опредѣлится дробями, которыхъ числители возросли, знаменатели же либо остались безъ измѣненій, либо уменьшились, т. е. опредѣлится, очевидно, меньшими величинами, нежели при прежней болѣе высокой заработной платѣ. А. К.

на долю Ренты соотвѣтственно меньшую или большую часть этой суммы.

Но если справедливо, что цѣнность продукта соотвѣтствует количеству труда, котораго стоило его производство, то уровень цѣнности продуктовъ зависитъ исключительно отъ производительности труда, т. е. отъ отношенія количества продукта къ количеству труда, затраченнаго на его производство: если данное количество труда даетъ больше продукта, другими словами, если возрастаетъ его производительность, то на каждое данное количество продукта, оказывается, затрачено меньше труда; и наоборотъ, если то же количество труда даетъ меньше продукта, т. е. если производительность труда падаетъ, то на данное количество продукта затрачивается больше труда; между тѣмъ количество труда опредѣляетъ цѣнность продукта, а относительная цѣнность даннаго количества продукта опредѣляетъ собой уровень цѣнности всего вообще продукта. Цѣнность послѣдняго поэтому тѣмъ выше, чѣмъ ниже производительность труда, и тѣмъ ниже, чѣмъ эта послѣдняя выше.

Итакъ, Рента тѣмъ выше, чѣмъ больше та часть цѣнности даннаго продукта, которую оставляетъ на ея долю заработная плата; далѣе, размѣръ самой этой доли опредѣляется *высотой* цѣнности продукта, а именно—онъ тѣмъ больше, чѣмъ ниже эта цѣнность; наконецъ, *высота* цѣнности продукта опредѣляется производительностью труда,—цѣнность продукта тѣмъ ниже, чѣмъ эта производительность выше. Ясно, что при такихъ условіяхъ Рента въ широкомъ смыслѣ, обнимающая земельную ренту и прибыль, стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ выше производительность всякаго вообще труда.

Доказательство по II пункту. Выше, въ главѣ VIII, было показано, что Рента расчленяется на земельную ренту и прибыль пропорціонально стоимостямъ сырья и фабриката ³⁾, и такимъ образомъ та часть цѣнности цѣлаго продукта, которая приходится на долю цѣнности сырья, опредѣляетъ и величину той части Ренты, которая достается на долю сырого продукта, а часть, приходящаяся на долю цѣнности переработки, опредѣляетъ величину той части Ренты, которая достается на долю фабриката. Если теперь предположить *неизмѣнными какъ цѣнность продукта, такъ и высоту всей Ренты*, то высота земельной ренты и прибыли, очевидно, должна опредѣляться величиною этихъ до-

³⁾ Rohprodukt и Fabrikationsprodukt, см. примѣч. 7 на стр. 129. А. К.

лей цѣнности: чѣмъ больше часть Ренты, достающаяся на долю сырья, т. е. другими словами, чѣмъ больше часть цѣнности всего продукта, которая приходится на долю цѣнности сырья, и чѣмъ меньше соответственныя доли для фабриката, тѣмъ выше должна быть земельная рента и тѣмъ ниже—прибыль на капиталъ; и подобнымъ же образомъ при обратномъ соотношеніи: тѣмъ ниже должна быть первая и тѣмъ выше вторая. Потому что *та часть ренты, которая достается на долю фабриката и устанавливаетъ норму прибыли на капиталъ, распределяется въ качествѣ прибыли не только на тотъ капиталъ, который дѣйствительно затраченъ на производство этого самаго фабриката, но и на всю сумму, въ которую обошлось сырье и которая участвуетъ, въ видѣ затратъ на матеріалы, въ капиталъ предпріятія; напротивъ, въ распредѣленіи той части Ренты, которая достается на долю сырья и изъ которой отчисляется, согласно установившейся въ обрабатывающей промышленности нормѣ, прибыль на занятый въ производствѣ сырья капиталъ, послѣ чего остатокъ поступаетъ въ земельную ренту, затраты на матеріалы не участвуютъ.* Отсюда ясно, что чѣмъ больше цѣнность сырья или перерабатываемыхъ матеріаловъ, на которую наравнѣ съ остальнымъ капиталомъ исчисляется прибыль, тѣмъ ниже долженъ быть уровень этой послѣдней, и чѣмъ меньше эта цѣнность, тѣмъ прибыль должна быть выше. И въ самомъ дѣлѣ, пропорціонально увеличенію входящей въ составъ капитала цѣнности сырья или матеріаловъ не только понижается процентное отношеніе къ капиталу каждой данной суммы прибыли, но кромѣ того, чѣмъ больше стоимость сырья, тѣмъ меньше и абсолютная величина части Ренты, достающейся на долю фабриката. Рѣчь идетъ вѣдь о распредѣленіи всей данной цѣнности готоваго продукта между цѣнностью сырья и цѣнностью, прибавляемою переработкой; поэтому съ увеличеніемъ цѣнности сырья, при данной цѣнности готоваго продукта, должна понизиться цѣнность фабриката, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и величина опредѣляемой этою цѣнностью части Ренты, достающейся на его долю. Между тѣмъ норма прибыли, устанавливаемая частью Ренты, достающеюся на долю фабриката, опредѣляетъ и ту прибыль, которая изъ части Ренты, доставшейся на долю сырья, должна быть отчислена на занятый въ производствѣ послѣдняго капиталъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны, абсолютная величина достающейся на долю сырья части Ренты опредѣляется цѣнностью этого сырья и потому повышается съ возрастаніемъ этой цѣнности; съ другой,—чѣмъ она выше и чѣмъ, слѣдовательно, больше достающаяся на

долю сырья часть Ренты, тѣмъ ниже, по изъясненнымъ выше основаніямъ, уровень прибыли на занятый въ производствѣ его капиталъ. Въ результатъ неизбежно на долю земельной ренты останется большая величина, и эта большая величина будетъ обозначать и большую *высоту* земельной ренты, такъ какъ размѣръ земельной площади, на которую исчисляется рента, остается безъ измѣненія, и слѣдовательно на каждую единицу этой площади достанется большая цѣнность. Обратныя послѣдствія наступаютъ при низкой цѣнности сырья и высокой цѣнности фабриката: въ этомъ случаѣ затраты на матеріалы въ обрабатывающей промышленности незначительны; достающаяся на долю фабриката часть Ренты, абсолютно *большая* благодаря высокой цѣнности фабриката, даетъ и *высокую* прибыль, такъ какъ исчисляется на меньшій, въ виду сокращенія затратъ на сырье, капиталъ. А такъ какъ по той же высокой нормѣ изъ доставшейся на долю сырья части Ренты должна быть отчислена прибыль на занятый въ производствѣ его капиталъ, то на долю земельной ренты получается тѣмъ меньшій остатокъ, что вѣдь и вся часть Ренты, доставшаяся на долю сырья, и безъ того, благодаря низкой цѣнности послѣдняго, не велика. Между тѣмъ мы знаемъ, что относительная высота цѣнности сырья и цѣнности, прибавляемой переработкою послѣдняго, или, другими словами, распредѣленіе между этими двумя элементами цѣнности готоваго продукта, опредѣляется сравнительною производительностью труда въ производствѣ сырья и въ переработкѣ: цѣнность сырья будетъ тѣмъ выше, чѣмъ ниже въ добычѣ его производительность труда, и наоборотъ; то же самое справедливо относительно цѣнности фабриката. А если высокая цѣнность сырья создаетъ высокую земельную ренту и низкую прибыль, а высокая цѣнность продукта переработки—высокую прибыль и низкую ренту, то ясно, что при данной высотѣ Ренты въ обширномъ смыслѣ слова высота земельной ренты и высота прибыли стоятъ въ обратномъ отношеніи не только другъ къ другу, но и къ производительности труда въ соответствующихъ отрасляхъ его—въ добычѣ сырья и въ переработкѣ.

Доказательство по III пункту. Я указывалъ уже, что *высота прибыли на капиталъ* измѣняется отношеніемъ части Ренты, достающейся на долю фабриката, ко всей суммѣ капитала, прибылью на который является данная часть Ренты, а *высота земельной ренты* опредѣляется отношеніемъ остатка, получающагося за отчисленіемъ изъ достающейся на долю сырья части Ренты нормальной прибыли на занятый въ производствѣ этого сырья капиталъ, къ числу единицъ про-

странства той земельной площади, на которую долженъ быть исчисленъ въ качествѣ ренты этотъ остатокъ. Далѣе, я доказалъ, что высота прибыли и земельной ренты зависитъ отъ производительности какъ всякаго вообще труда, такъ и въ частности труда, занятаго добываніемъ сырья, и труда, занятаго переработкой. Предположимъ теперь нѣкоторую данную степень производительности труда вообще и каждаго изъ двухъ видовъ его въ частности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и соотвѣтствующія этой степени производительности высоты Ренты вообще и прибыли и земельной ренты въ частности, и зададимъ себѣ вопросъ: можетъ ли, при такихъ неизмѣнныхъ производственныхъ отношеніяхъ, простое измѣненіе въ абсолютной величинѣ подлежащей распредѣленію суммы цѣнности продуктовъ, другими словами, въ количествѣ труда или производительной силы, затраченной въ производство, вызвать измѣненіе въ высотѣ земельной ренты и прибыли на капиталъ? Начнемъ съ прибыли.

Если при данномъ уровнѣ цѣнности продукта или, другими словами, при неизмѣнной производительности труда, а слѣдовательно, при неизмѣнной пропорціи распредѣленія цѣнности продукта на заработную плату и Ренту, а этой послѣдней—на земельную ренту и прибыль, подлежащая распредѣленію сумма цѣнности продуктовъ *возрастаетъ* въ силу увеличенія количества труда, обращаемого къ производству, а отсюда и массы продукта этого послѣдняго, то ясно, что должна получиться и абсолютно *большая сумма* прибыли на капиталъ; потому что, при предположенной неизмѣнности данной пропорціи распредѣленія, и вновь созданная масса продукта распредѣлится въ той же пропорціи, какъ и производившаяся прежде, и если эта послѣдняя давала прибыль на капиталъ въ какомъ-либо опредѣленномъ размѣрѣ, то и вновь добавленная будетъ давать такую же. Но спрашивается: способно ли это увеличеніе абсолютной суммы прибыли *возвыситъ уровень* этой послѣдней? Это могло бы случиться лишь въ томъ случаѣ, если бы увеличеніе абсолютной суммы прибылей сопровождалось измѣненіемъ отношенія между прибылью и капиталомъ. Но ясно, что такого измѣненія въ разсматриваемомъ случаѣ не произойдетъ: вновь добавленный продуктъ возникъ, по нашему предположенію, при тѣхъ же условіяхъ производительности труда, что и прежде производившійся, а слѣдовательно, и отношеніе между цѣнностью сырья и цѣнностью, добавленною при переработкѣ, осталось неизмѣннымъ, а потому увеличившаяся сумма прибыли должна быть расчислена на соотвѣтственно возросшую сумму капитала; *въ той же пропорціи, въ какой, благодаря возрастанію массы*

продукта, увеличивается абсолютная сумма прибыли, возрастает и сумма капитала, на которую должна быть разсчитана прибыль, и существовавшее отношеніе прибыли къ капиталу остается, несмотря на измѣненіе суммы прибыли, неизмѣннымъ.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ земельною рентой. И здѣсь, прежде всего, ясно, что вслѣдствіе увеличенія массы продукта при неизмѣнной высотѣ какъ уровня цѣнности послѣдняго вообще, такъ и въ частности цѣнности сырья и цѣнности фабриката, другими словами, при неизмѣнной пропорціи распредѣленія цѣнности готоваго продукта, возрастаетъ и абсолютная сумма земельной ренты. Спрашивается теперь: повлияетъ ли это возрастаніе на измѣненіе *высоты* этой послѣдней? И по отношенію къ земельной рентѣ это возможно, разумѣется, только въ томъ случаѣ, если измѣнится отношеніе между суммой ренты и площадью земли, на которую она распредѣляется. Но ясно, что по отношенію къ земельной рентѣ такое измѣненіе, дѣйствительно, возможно: съ возрастаніемъ суммы земельной ренты не происходитъ возрастанія земельной площади, на которую распредѣляется рента, подобно тому, какъ съ увеличеніемъ суммы прибыли неизбѣжно происходитъ возрастаніе суммы капитала; мы предположили вѣдь неизмѣнную площадь земли, неизмѣнную территорію, внутри которой происходитъ процессъ экономическаго развитія, а, слѣдовательно, *возросшая* масса труда, которая произвела увеличенную массу продукта, затрачена на *ту же* площадь, на территорію того же размѣра. Ясно, что увеличеніе абсолютной суммы ренты сопровождается измѣненіемъ отношенія между этой суммой и тою площадью земли, на которую она должна быть распредѣлена, такъ какъ на единицу площади падаетъ большая, нежели раньше, сумма ренты.

Въ формулированныхъ нами трехъ положеніяхъ—весь законъ высоты земельной ренты и прибыли. Прибыль возвышается какъ при неизмѣнной пропорціи распредѣленія Ренты вообще на ея составныя части, вслѣдствіе возрастанія той части продукта, которая, за покрытіемъ заработной платы, остается на долю Ренты, другими словами—вслѣдствіе повышенія вообще производительности труда, такъ и при неизмѣнной высотѣ всей вообще Ренты, вслѣдствіе увеличенія доли послѣдней, образующей прибыль, другими словами—вслѣдствіе пониженія производительности переработочнаго труда. Что касается до земельной ренты, то она можетъ возрастать не только вслѣдствіе аналогичныхъ двухъ причинъ, но также и при возрастаніи всей *массы* продукта, который, при данной пропорціи распредѣленія продукта между заработной платой и

Рентой и распредѣленія этой послѣдней на прибыль и земельную ренту, подлежатъ такому распредѣленію. Земельная рента можетъ поэтому возрастать подъ вліяніемъ причины, вездѣ и всегда вліяющей на экономическое развитіе общества,—подъ вліяніемъ увеличенія массы затрачиваемаго на производство труда, другими словами, подъ вліяніемъ *прироста населенія*, и безъ повышенія цѣнности сырого продукта: повышение ренты можетъ быть результатомъ простаго *увеличенія массы* этого послѣдняго.

Эти разнообразныя условія, опредѣляющія высоту земельной ренты и прибыли, могутъ дѣйствовать какъ въ одинаковомъ, такъ и въ противоположномъ направленіи. Вся Рента можетъ возрастать, а прибыль въ то же время падать, потому что доля Ренты, поступающая въ прибыль на капиталъ, можетъ понижаться быстрѣе, нежели растетъ вся Рента, и, слѣдовательно, весь приростъ послѣдней можетъ поглощаться другою составною частью—земельной рентой. Равнымъ образомъ мыслимо, что условія распредѣленія всего продукта вообще и Ренты въ частности будутъ вести къ пониженію земельной ренты, а прибыль въ силу тѣхъ же условій будетъ возрастать, и все-таки будетъ возрастать и земельная рента въ силу того, что повышающее вліяніе третьяго условія—прироста населенія—перевѣситъ понижающее вліяніе условій, дѣйствующихъ собственно на распредѣленіе.

Изъ этихъ законовъ можно вывести еще нѣкоторыя интересныя слѣдствія. Прибыль на капиталъ никогда не можетъ возрастать до безконечности, потому что она вытекаетъ исключительно изъ пропорціи распредѣленія цѣнности продукта и можетъ поэтому составлять лишь часть этой послѣдней величины: если даже представить себѣ земельную ренту исчезнушею,—что возможно, если цѣнность сырья падаетъ ниже трудовой стоимости,—то эта величина, за покрытіемъ погашенія капитала, должна распредѣлиться между работниками и капиталистами; уже въ силу этого прибыль не можетъ никогда достигнуть 100% (я не говорю, конечно, о ростовщическомъ кредитѣ и о случаяхъ, когда цѣнность товара поднимается значительно выше нормы), а всегда, какъ бы она ни поднималась, должна стоять значительно ниже. Напротивъ, земельная рента дѣйствительно можетъ возрастать безконечно: ея высота не только опредѣляется пропорціею распредѣленія продукта, но и простое *увеличеніе массы* послѣдняго, подлежащей распредѣленію, также ведетъ къ ея повышенію. Земельная рента поэтому можетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока можетъ быть увеличиваема масса труда, затрачиваемаго въ

цѣляхъ добычи сырья на данную площадь земли, а для такого увеличенія нельзя пока предусмотрѣть границы ⁴⁾.

4) Всѣ эти разсужденія, какъ выше сказано, изложены Родбертусомъ въ III социальномъ письмѣ. Тѣми же вопросами авторъ занимается и во II письмѣ (§§ 1—22), гдѣ онъ останавливается и на нѣкоторыхъ такихъ сторонахъ дѣла, которыя въ III письмѣ остались незатронутыми. Чтобы дать читателю возможность болѣе полнаго знакомства съ созданною Родбертусомъ теоріею распредѣленія, мнѣ кажется полезнымъ привести здѣсь, въ краткомъ извлеченіи, содержаніе тѣхъ параграфовъ II-го письма, которые не повторяются въ болѣе мотивированномъ видѣ въ III письмѣ.

1) Такъ какъ прибыль на капиталъ стоитъ тѣмъ выше, чѣмъ болѣе процентовъ получается по расчету суммы прибыли на сумму капитала, то прибыль эта должна возвышаться или падать по мѣрѣ того, какъ падаетъ или возвышается цѣнность сырья сравнительно съ цѣнностью фабриката: потому что въ томъ капиталѣ, на который производится расчетъ прибыли, участвуетъ и цѣнность сырья, приобретаемаго предпринимателемъ на счетъ его капитала.

2) Если прибыль на капиталъ высока, то поземельная рента — поскольку рѣчь идетъ о распредѣленіи Ренты въ широкомъ смыслѣ—должна быть низка; потому что, во 1-хъ, сокращается вся та часть Ренты, которая достается на долю землевладѣльца, и во 2-хъ, изъ этой уменьшившейся части большая доля обратится въ прибыль на его капиталъ.

3) Измѣненіе цѣнностей сырья и фабриката можетъ повести только къ измѣненію отношенія между земельною рентою и прибылью, къ увеличенію одной изъ этихъ двухъ составныхъ частей Ренты на счетъ другой, и совершенно не вліяетъ на распредѣленіе цѣнности всего продукта между Рентою и заработной платой.

4) Напротивъ, измѣненіе одной изъ двухъ составныхъ частей Ренты, не сопровождаемое измѣненіемъ въ обратную сторону другой, или измѣненіе обѣихъ въ одномъ направленіи, можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, если измѣнится пропорція распредѣленія между всею Рентою и заработной платой: если одновременно повышаются и прибыль, и земельная рента, или если одна изъ нихъ повышается при неизмѣнномъ уровнѣ другой, то на долю заработной платы останется меньшая, нежели прежде, доля продукта.

5) Будетъ ли такое измѣненіе *относительной* величины заработной платы сопровождаться измѣненіемъ ея *абсолютной* величины, это зависитъ всецѣло отъ того, произошло ли соответственное измѣненіе въ производительности труда, или нѣтъ: если, наприимѣръ, повышение обѣихъ составныхъ частей Ренты или одной изъ нихъ не сопровождалось повышеніемъ производительности труда, то заработная плата должна упасть не только относительно, но и абсолютно, въ смыслѣ количества продуктовъ, могущихъ служить для удовлетворенія потребностей работника.

6) Измѣненіе величины заработной платы, не сопровождаемое измѣненіемъ производительности труда, ведетъ къ измѣненію въ обратномъ направленіи обѣихъ составныхъ частей Ренты; если же такое измѣненіе сопровождается измѣненіемъ въ степени производительности труда, то оно отразится исключительно или преимущественно на той составной части Ренты, которая соответствуетъ виду производства, менѣ затронутому измѣненіемъ въ производительности труда: если, напри-

Переходимъ теперь къ условіямъ, опредѣляющимъ высоту *суднаго процента* и *предпринимательскаго дохода*, *арендной платы* и *капитальной цѣнности земли*.

Высота суднаго процента и предпринимательскаго дохода опредѣляется высотой прибыли на производительный капиталъ. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что если путемъ помѣщенія капитала въ производство можно получить большую прибыль, то обладатели капиталовъ смогутъ требовать, а предприниматели—платить болѣе высокій процентъ, и въ то же время большая доля прибыли сможетъ остаться въ пользу предпринимателя. Самая пропорція, въ какой прибыль, приносимая производительнымъ капиталомъ, при данной высотѣ ея распредѣлится между суднымъ процентомъ и предпринимательскимъ доходомъ, будетъ зависѣть, по крайней мѣрѣ отчасти, отъ того, въ какой мѣрѣ наличные капиталы раздаются взаймы или же помѣщаются въ производительныя предпріятія самими ихъ обладателями. Если большинство богатыхъ людей націи не станетъ самолично обращать свои капиталы въ производство, а будетъ раздавать ихъ взаймы и такимъ образомъ предоставитъ другимъ лицамъ извлекать изъ капиталовъ прибыль, изъ которой выплачиваются проценты, то судный процентъ неизбѣжно понизится къ выгодѣ заемщиковъ и въ ущербъ кредиторамъ: первые получаютъ въ видѣ роста меньшую, вторые въ видѣ предпринимательскаго дохода большую часть прибыли. Съ другой стороны, трудно предполагать, чтобы богатые, изъ лѣни и нежеланія лично заниматься извлеченіемъ прибыли изъ своихъ капиталовъ,

мѣрѣ, заработная плата падаетъ, а производительность труда растетъ только въ сельскомъ хозяйствѣ, то выгоды изъ пониженія заработной платы извлечетъ исключительно или преимущественно прибыль.

7) Увеличеніе количества производительныхъ силъ, всегда сводящееся къ приросту населенія, само по себѣ не вліяетъ на распредѣленіе: продуктъ распредѣляется между заработной платой, рентой и прибылью въ прежней пропорціи; количества продукта, достигающія на долю каждой изъ отраслей дохода, конечно, возрастаютъ; но такъ какъ возрастаніе суммъ заработныхъ платъ сопровождается возрастаніемъ числа работниковъ, то индивидуальная заработная плата остается безъ измѣненія.

8) Безъ измѣненія остается въ этомъ случаѣ и высота прибыли, такъ какъ увеличившаяся сумма ея исчисляется на болѣеій капиталъ; возрастаетъ же только высота земельной ренты, сумма которой исчисляется на неизмѣнную площадь земли. Такимъ образомъ, высота земельной ренты можетъ возрастать не только въ ущербъ другимъ отраслямъ дохода, какъ высота прибыли и заработной платы, но и безъ всякаго ущерба для послѣднихъ, вслѣдствіе простаго увеличенія абсолютной величины поглощаемой ею части народнаго дохода. А. К.

стали довольствоваться, при высокихъ прибыляхъ, низкими процентами: и въ самомъ дѣлѣ, опытъ показываетъ, что тамъ, гдѣ высоки прибыли съ производительныхъ капиталовъ, высоко стоитъ и ссудный процентъ.

Напротивъ, высота земельной ренты не вліяетъ на ссудный процентъ, потому что рента неразрывно связана съ обладаніемъ землею, и тотъ, кто желаетъ приобрести посредствомъ покупки земельного владѣнія право на полученіе ренты, не сможетъ сдѣлать этого въ той пропорціи, въ какой онъ затратилъ капиталъ, а напротивъ—долженъ будетъ затратить количество капитала, пропорціональное падающей на долю даннаго владѣнія рентѣ.

Высота арендной платы опредѣляется, очевидно, высотой земельной ренты. Арендаторъ долженъ быть разсматриваемъ, какъ сельско-хозяйственный предприниматель, который одалживаетъ земельный участокъ у его владѣльца и поэтому долженъ платить послѣднему сумму пропорціональную высотѣ земельной ренты; безъ соответствующей этой высотѣ арендной платы владѣлецъ не сдастъ земли въ аренду, а будетъ хозяйствовать самъ. Но здѣсь оказывается разница между положеніемъ арендатора и положеніемъ предпринимателя въ обрабатывающей промышленности: послѣдній не можетъ и не будетъ выплачивать въ видѣ процентовъ *всю* прибыль на капиталъ, потому что въ такомъ случаѣ на его долю достались бы только трудъ и рискъ, а вся выгода досталась бы капиталисту; напротивъ, арендаторъ можетъ отдавать въ видѣ арендной платы *всю* ренту, потому что можетъ смотрѣть на свою аренду просто, какъ на способъ помѣщенія своего капитала, какъ на случай извлекать изъ этого послѣдняго прибыль. Впрочемъ, тамъ, гдѣ въ силу своеобразныхъ условій не образовалось, какъ въ Англіи и Ирландіи, многочисленнаго класса арендаторовъ, соревнованіе которыхъ гонитъ арендную плату вверхъ, арендаторы, въ видѣ общаго правила, удерживаютъ довольно значительную часть ренты въ свою пользу.

Цѣнность земли зависитъ главнымъ образомъ отъ высоты земельной ренты, такъ какъ эта цѣнность—не что иное, какъ капитализированная изъ ходячаго процента рента; но именно въ виду этого цѣнность зависитъ и отъ процента капитализаціи: измѣненіе этого послѣдняго, напримѣръ, съ 4 до 5, вызываетъ значительное измѣненіе (на 25%) цѣнности земли. Независимо отъ этого, земельная рента, а съ нею и цѣнность земли, измѣняется еще и въ зависимости отъ измѣненій въ цѣнности денегъ. На размѣръ прибыли измѣненія послѣдняго рода совершенно не вліяютъ: при паденіи цѣнности денегъ цѣнность капитала,

выраженная въ деньгахъ, возвысится въ той же пропорціи, что и выручка отъ продажи продукта, и, слѣдовательно, отношеніе между суммой прибыли и капиталомъ остается безъ измѣненія. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ земельною рентой и цѣнностью земли: въ силу паденія цѣнности денегъ возрастаетъ, между прочимъ, и выраженная въ деньгахъ цѣнность той части продукта, которая поступаетъ на долю ренты, и эта увеличенная цѣнность распределяется не на соотвѣтственно возросшую величину (какъ возросшая сумма прибыли распределяется на возросшую сумму капитала), а на оставшуюся безъ измѣненія площадь земельного владѣнія. Въ силу этого земельная рента въ ея денежномъ выраженіи возрастаетъ и вслѣдствіе пониженія цѣнности денегъ, а такъ какъ для полученія цѣнности земли возросшая рента должна капитализироваться изъ оставшагося безъ измѣненія процента, то и эта цѣнность возрастаетъ въ той же пропорціи.

Разнообразныя условія, опредѣляющія высоту составныхъ частей ренты, сказываются и въ экономическомъ развитіи каждаго даннаго народа, живущаго въ опредѣленныхъ территоріальныхъ границахъ, а, слѣдовательно, на неизмѣнномъ пространствѣ, переплетаясь между собой, и своимъ вліяніемъ то усиливая, то парализуя другъ друга; въ частности, вліяніе этихъ условій можно хорошо прослѣдить на хозяйственной исторіи европейскихъ народовъ. Прежде всего, у этихъ народовъ возросла производительность всякаго вообще труда какъ въ добывающей, такъ и въ обрабатывающей промышленности; вслѣдствіе этого та доля національнаго продукта, которая поглощается заработной платою, относительно понизилась, а доля, поступающая въ Ренту, возросла, и, такимъ образомъ, *Рента въ широкомъ смыслѣ слова увеличилась*. Далѣе, производительность труда въ обрабатывающей промышленности возросла сильнѣе, нежели въ добывающей; въ силу этого, при данной массѣ національнаго продукта, та часть Ренты, которая достается на долю сырья, возросла больше, нежели достаемая на долю фабриката, а потому, при общемъ повышеніи Ренты, взятой въ широкомъ смыслѣ слова, вмѣстѣ съ нею *возвысилась только земельная рента, прибыль же на капиталъ, напротивъ, понизилась*. И наконецъ, благодаря приросту населенія, чрезвычайно сильно возросла масса національнаго продукта; въ силу этого нація получаетъ *большую сумму* заработныхъ платъ, *большую сумму* прибылей, *большую сумму* земельныхъ рентъ, и увеличеніе послѣдней суммы повело и къ повышенію уровня ренты, тогда какъ уве-

личеніе суммы заработныхъ платъ и прибылей, согласно изложенному, не могло вызвать повышенія ихъ уровня.

Если бы въ Европѣ, въ теченіе послѣднихъ трехъ столѣтій, не происходило никакихъ измѣненій въ самомъ мѣрилѣ цѣнности, если бы именно не наступило повиженія цѣнности денегъ, то намѣченный только что процессъ развитія выразился бы *въ деньгахъ* слѣдующимъ образомъ: благодаря общему повышенію производительности труда, упала бы выраженная въ деньгахъ цѣнность всякаго продукта—хлѣба, одежды, желѣзныхъ издѣлій и пр.; вслѣдствіе этого заработная плата упала бы не только относительно, но и абсолютно, въ ея денежномъ выраженіи; напротивъ, количество Ренты, извлекаемой изъ продукта данного количества труда, выраженное въ деньгахъ, возросло бы. Далѣе, въ виду далеко большаго возрастанія производительности труда въ переработкѣ, нежели въ добычѣ сырья, выраженная въ деньгахъ цѣнность немолодаго хлѣба, непряденой шерсти, необработаннаго желѣза и т. п. упала бы далеко не въ той мѣрѣ, какъ цѣнность черемола и печенія хлѣба, пряденія и тканья шерсти, переработки желѣза и т. п., и потому денежная цѣнность сырья составила бы большую долю, цѣнности переработки—меньшую долю цѣнности данного національнаго продукта, нежели прежде. И, наконецъ, благодаря размноженію рабочаго населенія возросла бы, несмотря на пониженіе цѣнности данной массы продукта, *сумма* цѣнности національнаго продукта, выраженная въ деньгахъ, а слѣдовательно, и денежная сумма заработныхъ платъ, прибылей и земельныхъ рентъ, и это возрастаніе, не отражаясь на *высотѣ* прибыли и заработной платы, повело бы къ новому повышенію уровня земельной ренты.

Въ дѣйствительности, однако, мѣрило цѣнностей претерпѣло весьма значительныя измѣненія: многіе экономисты принимаютъ, что цѣнность денегъ повзвилась въ шесть разъ, и въ силу этого измѣненія цѣнности денегъ измѣненія, происходящія въ распредѣленіи продукта, выражаются въ деньгахъ невѣрно или неравномѣрно. Въ обрабатывающей промышленности производительность труда возросла гораздо сильнѣе, нежели въ добывающей и въ частности—нежели въ добычѣ драгоценнаго металла; въ добычѣ отдѣльныхъ видовъ сырья она возросла болѣе, нежели въ другихъ, но въ общемъ—менѣе, нежели въ добычѣ драгоценнаго металла. Въ силу этого денежная цѣнность продуктовъ обрабатывающей промышленности въ общемъ, несмотря на паденіе цѣнности самыхъ денегъ, упала; напротивъ, выраженная въ деньгахъ цѣнность

сырья въ общемъ, несмотря на пониженіе ея дѣйствительной цѣнности, возросла, а потому цѣнность однихъ готовыхъ продуктовъ, выраженная въ деньгахъ, повысилась, цѣнность другихъ понизилась, смотря по тому, преобладаетъ ли въ данномъ продуктѣ цѣнность сырья или цѣнность переработки. При этомъ больше всего возросла денежная цѣнность пищевыхъ продуктовъ. А такъ какъ заработная плата, низведенная къ уровню средствъ существованія, состоитъ большею частью именно изъ пищевыхъ продуктовъ, то и она въ своемъ денежномъ выраженіи возросла, хотя она и понизилась, разсматриваемая, какъ доля продукта или какъ совокупность потребительныхъ полезностей. Это всеобщее повышение цѣнностей, выраженныхъ въ деньгахъ, не могло имѣть вліянія, какъ было разъяснено выше, на уровень прибыли, а слѣдовательно, и роста; напротивъ, земельная рента, а отсюда и цѣнность земли должны были возрасти и въ своемъ денежномъ выраженіи.

Итакъ, земельная рента поглощаетъ въ настоящее время большую долю подлежащей распредѣленію массы продукта; доля эта отчисляется отъ значительно возросшей массы этого послѣдняго; въ виду сильнаго пониженія цѣнности денегъ она изображается въ настоящее время значительно большею денежною цѣнностью, и, наконецъ, понизившійся ссудный процентъ даетъ болѣе высокую капитализацію. Всѣ эти причины достаточно объясняютъ чрезвычайное возвышеніе цѣны на землю, которая вѣдь выражается въ деньгахъ и разсматривается сравнительно съ прежними цѣнами, такъ что для объясненія этого поднятія цѣны нѣтъ никакой необходимости ссылаться на якобы возрастающую непродуцительность селско-хозяйственнаго труда.

Во всемъ предыдущемъ изложеніи рѣчь шла только о *принципахъ* распредѣленія продукта и Ренты, а также объ основныхъ законахъ, опредѣляющихъ высоту составныхъ частей этой послѣдней. При изслѣдованіи такихъ основныхъ принциповъ и законовъ необходимо оставлять безъ вниманія вліяніе случайностей и второстепенныхъ обстоятельствъ, такъ какъ иначе легко принять за основные принципы такія побочныя обстоятельства, которыя хотя и могутъ *модифицировать* данное явленіе, но не составляютъ его основы. Въ виду этого я въ своемъ изслѣдованіи предполагалъ дѣйствительныя отношенія болѣе простыми, нежели они есть на самомъ дѣлѣ: я оставлялъ безъ вниманія одновременно существующія различія въ производительности труда какъ въ добычѣ сырья, такъ и въ обрабатывающей промышленности; въ частности, изслѣдуя земельную ренту, я не принималъ въ соображеніе су-

ществованія болѣе плодородныхъ и менѣе плодородныхъ земель, а предполагалъ всю почву одинаково плодородною, и исходя изъ этого предположенія, я доказалъ необходимость существованія земельной ренты и вывелъ законы распредѣленія Ренты, понимаемой въ широкомъ смыслѣ слова. Въ дѣйствительности воздѣлываются почвы различнаго плодородія, что необходимо должно вліять на цѣнность продукта и, слѣдовательно, модифицировать дѣйствіе упомянутыхъ законовъ. Если въ производствѣ необходимой для покрытія общественной потребности массы продукта участвуютъ предприятия съ различною производительностью, и если продуктъ наименѣе производительнаго предприятия опредѣляетъ собою цѣнность, то цѣнность продукта всѣхъ поставленныхъ въ болѣе благоприятныя условія предприятий поднимается выше трудовой стоимости; напротивъ, если цѣнность регулируется лучше поставленными предприятиями, то цѣнность продукта наименѣе производительныхъ предприятий упадетъ ниже его трудовой стоимости. Школа Рикардо полагаетъ, что послѣднее вовсе не можетъ имѣть мѣста, и думаетъ, что цѣнность однороднаго продукта всегда опредѣляется трудовой его стоимостью въ наименѣе производительномъ предприятии. Я оставляю это утвержденіе безъ ближайшаго разбора (хотя противъ доказательствъ школы Рикардо можно бы возразить многое) и буду предполагать его соответствующимъ дѣйствительности. При такихъ условіяхъ несомнѣнно, что выведенный мною законъ земельной ренты претерпитъ нѣкоторую модификацію. Рента съ болѣе плодородной почвы, продуктъ которой пріобрѣтаетъ цѣнность выше нормальной, поднимется выше, нежели это случилось бы при другихъ обстоятельствахъ, и, слѣдовательно, ренты, которыя при одинаковомъ плодородіи стояли бы въ каждое данное время на одинаковомъ уровнѣ, будутъ стоять на разнообразной высотѣ. Это обстоятельство, очевидно, сильно модифицируетъ общій законъ и имѣетъ въ дѣйствительности еще гораздо болѣе важныя послѣдствія, нежели думаетъ школа Рикардо, но она модифицируетъ его лишь постольку, поскольку земельныя ренты разныхъ участковъ земли становятся не одинаково высокими,—оно создаетъ *разнообразіе размѣровъ* земельной ренты, а не *самую ренту*. Послѣднее случилось бы только тогда, и слѣдовательно только тогда Рикардо былъ бы правъ, если бы земля, воздѣланная послѣ всѣхъ другихъ, при цѣнности ея продукта, соответствующей трудовой стоимости, давала только прибыль на капиталъ и не давала ренты. Но выше я доказалъ, что если только трудъ даетъ излишекъ сверхъ необходимаго для содержанія работающихъ количества продукта, и если

цѣнность послѣдняго равна его трудовой стоимости, то земельная рента необходимо должна получиться, а потому вовсе не можетъ быть, чтобы цѣнность продукта опредѣлялась его трудовой стоимостью и въ то же время давала одну только прибыль на капиталъ.

Но если выведенные мною законы и модифицируются въ томъ смыслѣ, что участки земли равнаго размѣра могутъ давать неравныя ренты, то это не измѣняетъ самаго существа этихъ законовъ. Разнообразіе производительности земли и различія въ размѣрахъ земельной ренты не уничтожаютъ справедливости того положенія, что измѣненіе въ производительности труда вообще или измѣненіе въ производительности труда, отдѣльно, въ добывающей и обрабатывающей промышленности, или измѣненіе этой производительности въ неодинаковой для отдѣльныхъ отраслей труда степени, окажутъ на земельную ренту страны именно то вліяніе, какое я выяснилъ выше. Земельная рента страны *въ общемъ* будетъ повышаться или падать подъ вліяніемъ описанныхъ мною причинъ, каково бы ни было разнообразіе въ высотѣ этой ренты: низкая рента одного земельного участка возрастетъ такъ же, какъ и высокая рента другого, если земельная рента въ странѣ поднимается, и упадетъ, если она понижается.

Глава XII. Общее резюме теоріи Ренты¹⁾.

Теорія Ренты, развитая мною на предыдущихъ страницахъ, существенно отличается отъ теорій остальныхъ экономистовъ и въ частности отъ теоріи Рикардо. Исходя изъ распредѣленія продукта труда, которое съ необходимостью наступать при наличности двухъ условій—достаточной производительности труда и права собственности на землю и капиталъ, она объясняетъ всѣ явленія заработной платы и Ренты, всѣ явленія роста, арендной платы, цѣнности земли, существованіе въ обществѣ различныхъ классовъ, наконецъ бѣдность однихъ на-ряду съ богатствомъ другихъ, далеко превышающимъ производительную способность индивида. Она показываетъ, что только достаточная производительность труда создаетъ *экономическую возможность* такого распредѣ-

¹⁾ Изъ 3-го соціального письма (Zur Beleuchtung der socialen Frage. I. стр. 140—150). А. К.

ленія, такъ какъ эта производительность сообщаетъ цѣнности продукта такое реальное содержаніе, на счетъ котораго могутъ существовать, кромѣ самихъ работниковъ, и другія не работающія лица ²⁾, и что только право собственности на землю и капиталъ обращаетъ эту возможность въ *правовую дѣйствительность*, принуждая работниковъ дѣлиться продуктомъ своего труда съ неработающими землевладѣльцами и капиталистами, и притомъ дѣлиться въ такой пропорціи, что именно имъ, работникамъ, хватаетъ лишь на самыя необходимыя издержки существованія.

Чтобы имѣть возможность выяснить эти явленія, которыя въ дѣйствительномъ хозяйственномъ оборотѣ облекаются въ форму распределенія *цѣнностей*, моя теорія исходитъ изъ *предположенія*, что *цѣнность продукта равна труду, затраченному на его производство*, — предположеніе, которое въ дѣйствительной жизни оправдывается не всегда, не вездѣ и не въ единичныхъ случаяхъ: дѣйствительная рыночная цѣнность бываетъ то выше, то ниже нормы, соответствующей трудовой стоимости, потому что въ нынѣшнемъ неорганизованномъ хозяйствѣ нѣтъ верховнаго регулятора, въ роли котораго могъ бы выступить только социальный законъ и его исполнительные органы. Но во всякомъ случаѣ, рыночная цѣнность постоянно тяготеетъ именно къ этому среднему уровню; случайныя же колебанія необходимо оставить безъ вниманія, потому что для того, чтобы имѣть возможность вывести изслѣдуемая явленія изъ законовъ распределенія продукта, необходимо исходить изъ цѣнности, хотя и измѣняющейся, но измѣняющейся согласно одному неизмѣнному закону: безъ этого изслѣдованіе будетъ лишено единаго твердаго основанія. Теорія поэтому имѣетъ полное право, несмотря на безпрестанныя отклоненія рыночной цѣнности отъ ея центра тяжести, исходить изъ той нормальной цѣнности, которая имѣетъ наиболѣе рѣшающее вліяніе на высоту рыночной цѣнности. Теорія

²⁾ Въ IV письмѣ Родбертусъ категорически высказываетъ, что объективная причина Ренты—не въ *цѣнности*, а только въ *производительности* труда: самая высокая цѣнность можетъ не дать Ренты, если трудъ по своей ничтожной производительности даетъ продуктъ, достаточный лишь для пропитанія рабочихъ, и наоборотъ—ничтожнѣйшая цѣнность можетъ дать высокую Ренту, если производительность труда настолько высока, что небольшая часть продукта достаточна для существованія работниковъ. Рента можетъ возникнуть лишь при достаточной производительности, а цѣнность является лишь мѣриломъ распределенія продукта. А. К.

только тогда не могла бы исходить из этой нормальной цѣнности, если бы изслѣдуемая явленія необходимо предполагали какую-либо иную цѣнность, если бы, напримѣръ, земельная рента или прибыль, на томъ или другомъ ихъ уровнѣ, не могли быть объяснены при предположеніи нормальной цѣнности.

Показавъ, какимъ образомъ при достаточной производительности труда, та часть продукта, которая за погашеніемъ капитала поступаетъ въ общественный доходъ, подъ влияніемъ права собственности на землю и капиталъ распредѣляется между собственниками и работниками и распадается на Ренту и заработную плату, моя теорія объясняетъ далѣе, какимъ образомъ путемъ дальнѣйшаго подраздѣленія той части продукта, которая отошла въ Ренту, возникаютъ земельная рента и прибыль. Она показываетъ именно, что если два отдѣльныхъ собственника или разряда собственниковъ завѣдуетъ производствомъ работъ: одинъ—по добычѣ сырья, другой—по его переработкѣ, и если такимъ образомъ между этими двумя лицами или разрядами лицъ распредѣляется и обладаніе продуктомъ, то между ними должна распредѣлиться пропорціонально цѣнности сырья и цѣнности, создаваемой его переработкою, и та часть цѣнности продукта, которая досталась на долю Ренты въ широкомъ смыслѣ этого слова. Она выясняетъ далѣе, какъ та часть Ренты, которая досталась на долю фабриката, исчисляется въ качествѣ прибыли на капиталъ обрабатывающей промышленности, и какъ, согласно получающейся отсюда процентной нормѣ, изъ части Ренты, доставшейся на долю сырья, должна быть отчислена прибыль на занятый въ производствѣ послѣдняго капиталъ. А такъ какъ въ составъ капитала обрабатывающей промышленности входитъ въ роли затратъ на матеріалы и вся цѣнность перерабатываемаго сырья, въ капиталѣ же добывающей промышленности аналогичная составная часть отсутствуетъ, то изъ этого моя теорія заключаетъ, что, за исчисленіемъ прибыли на занятый въ этой отрасли производства капиталъ отъ падающей на сырье доли Ренты необходимо долженъ получиться остатокъ, который называется земельной рентой и который не можетъ достаться никому иному, какъ землевладѣльцу.

Теорія моя объясняетъ далѣе, что арендная плата, ростъ и предпринимательскій доходъ — лишь результаты дальнѣйшаго подраздѣленія земельной ренты и прибыли, которое происходитъ изъ того, что лица, обладающія землей и капиталомъ, переуступаютъ пользованіе ими для утилизаціи въ производительныхъ цѣляхъ другимъ лицамъ—предприни-

мателямъ и дѣлять съ этими послѣдними земельную ренту или прибыль. Поэтому она не подвергаетъ ни малѣйшему сомнѣнiю законности доходовъ, получаемыхъ землевладѣльцами и капиталистами въ видѣ арендной платы и роста отъ предпринимателей, но зато тѣмъ сильнѣе подчеркиваетъ незаконность *всего* дохода, получаемого какъ собственниками, такъ и предпринимателями въ видѣ ренты и прибыли по отношенiю къ работникамъ.

Моя теорiя затѣмъ способна объяснить влiянiе на народный доходъ, и въ частности на составныя части Ренты, измѣненiй какъ въ производительности, такъ и въ массѣ національнаго труда, другими словами — въ густотѣ населенiя. Она показываетъ, что если заработная плата зависитъ отъ нерегулированнаго хозяйственнаго оборота и въ силу этого остается низведенною до уровня „необходимыхъ издержекъ“, то всякое возрастанiе производительности національнаго труда должно имѣть слѣдствiемъ пониженiе заработной платы и повышенiе Ренты вообще, и что въ этомъ повышенiи составныя *части* Ренты, земельная рента и прибыль, участвуютъ въ обратномъ отношенiи къ измѣненiямъ производительности труда въ соответствующихъ отрасляхъ производства. Она показываетъ далѣе, что измѣненiя въ высотѣ заработной платы и прибыли опредѣляются исключительно указанными только что измѣненiями въ производительности какъ труда вообще, такъ и въ отдѣльности — труда добывающаго и труда перерабатывающаго, или, другими словами, въ пропорцiи распределенiя *цѣнности* продукта; и что, напротивъ, высота земельной ренты опредѣляется, кромѣ того, и измѣненiями въ количествѣ національнаго труда или въ *массѣ* распределяемаго продукта, другими словами — измѣненiями въ густотѣ населенiя. Простекающее изъ возрастанiя массы національнаго продукта возрастанiе общей суммы заработныхъ платъ, прибылей и рентъ не можетъ возвысить уровня ни заработной платы, ни прибыли, такъ какъ большая сумма заработныхъ платъ распределяется на большее число работниковъ, а большая сумма прибылей — на большiй капиталъ, земельная же рента *возвышается*, такъ какъ сумма рентъ распределяется все на ту же площадь земли. Такимъ образомъ, моя теорiя объясняетъ возвышенiе цѣнности земли, которая вѣдь есть не что иное, какъ капитализированная изъ ходячаго процента земельная рента, не прибѣгая къ гипотезѣ возрастающей непроизводительности селско-хозяйственнаго труда, столь противорѣчащей какъ идеѣ совершенствованiя человѣче-

скаго общества, такъ и всѣмъ агрономическимъ и статистическимъ фактамъ.

Въ концѣ-концовъ вся эта теорія во всѣхъ ея частностяхъ представляется сплошнымъ доказательствомъ того, что тѣ защитники современной собственности, которые не могутъ обойтись безъ того, чтобы не обосновывать послѣднюю на трудѣ, впадаютъ въ рѣзкое противорѣчье со своимъ собственнымъ основнымъ принципомъ: эта теорія доказываетъ, что современная организація собственности покоится на сплошномъ нарушеніи этого принципа, и что тѣ большія частныя богатства, которыя накаплиются въ современномъ обществѣ, не проистекають, какъ думаетъ г. Тьеръ, изъ различій въ трудовыхъ способностяхъ индивидовъ, которымъ по всей справедливости должны были бы соотвѣтствовать различныя доли имущества, или изъ наслѣдственного права, которое не менѣе священно, нежели сама собственность. Богатства эти имѣютъ источникомъ историческіе факты, которые непрерывно и въ тѣмъ большей мѣрѣ, чѣмъ болѣе растетъ производительность труда, отнимаютъ у послѣдняго часть его продукта, и такимъ образомъ съ каждымъ вновь нарождающимся работникомъ увеличиваютъ сумму издавна накапливающейся въ обществѣ неправды. И такимъ образомъ, кажется мнѣ, эта теорія избѣгаетъ запутанности и заблужденій французскаго социализма и замѣняетъ его девизъ: „собственность есть грабежъ“, болѣе справедливымъ девизомъ: „собственность должна быть охраняема отъ грабежа“.

И въ самомъ дѣлѣ, если утвержденіе, что Рента, т. е. всякій доходъ, получаемый въ современномъ обществѣ въ силу простого факта обладанія собственностью, есть не что иное, какъ продуктъ труда, отнимаемый у работниковъ въ силу правового института собственности; если это утвержденіе сначала могло показаться парадоксальнымъ, то теперь, когда я объяснилъ происхожденіе всѣхъ явленій земельной ренты, прибыли, арендной платы, роста, предпринимательскаго дохода и цѣнности земли изъ распредѣленія трудового продукта, оно, надо полагать, стало болѣе яснымъ и понятнымъ. Понятно стало, что доходы столькихъ людей, участвующихъ въ „первоначальномъ распредѣленіи“, что самое землевладѣніе и капиталы и въ частности крупныя богатства, накапливающіяся въ современномъ обществѣ, *никоимъ образомъ не могутъ быть принимаемы за продуктъ труда собственниковъ: они*

продуктъ труда другихъ лицъ, работниковъ, отбираемый у нихъ въ силу существующихъ правовыхъ отношеній.

Взгляните на землевладѣльца, сдавшего землю въ аренду! Что такое арендная плата? Она есть часть сельско-хозяйственного продукта, который созданъ въ арендованномъ имѣнїи, по распоряженію арендатора, руками наемныхъ работниковъ: заработная плата послѣднихъ поглощаетъ далеко не всю цѣнность ихъ продукта, и потому въ рукахъ арендатора — предпринимателя, которому принадлежитъ весь продуктъ, остается нѣкоторый излишекъ; работники же получаютъ не весь продуктъ своего труда, потому что вся почва и весь капиталъ націи принадлежатъ частнымъ лицамъ; работники поэтому вовсе не смогутъ производительно работать, если не будутъ работать по найму у обладателей земли и капитала, а эти послѣдніе не допустятъ ихъ работать, если они не удовольствуются въ видѣ платы частью цѣнности продукта.

Взгляните на капиталиста, получающаго свои проценты. Ему выплачиваетъ ихъ предприниматель, который занялъ у него денежный капиталъ, возводящій его въ достоинство совладѣльца національнаго капитала: въ силу этого совладѣнія предприниматель имѣетъ власть распоряжаться организаціей производства того или другого продукта. Заработная плата работниковъ далеко не поглощаетъ цѣнности этого продукта: они должны согласиться работать за меньшую плату, чтобы вообще имѣть возможность работать, и избытокъ цѣнности продукта надъ заработной платой составляетъ ту прибыль, изъ которой предприниматель уплачиваетъ часть въ видѣ роста своему кредитору, остатокъ же беретъ себѣ въ качествѣ предпринимательскаго дохода.

Ясно равнымъ образомъ, что земельныя владѣнія и капиталы, владѣемые отдѣльными лицами³⁾, никоимъ образомъ не суть продуктъ труда ихъ обладателей. *Землевладѣніе*, поскольку оно есть обладаніе цѣнностью земли, есть не что иное, какъ капитализированная земельная рента. Я, кажется, доказалъ, что эта послѣдняя—не что иное, какъ часть продукта труда, которая, въ силу института частной собственности на землю и капиталъ, отнимается у работниковъ и присваивается землевладѣльцу; едва ли можно допустить поэтому, чтобы капитализація, простая арифметическая выкладка, которая при отчуждаемости земельныхъ владѣній обращаетъ ренту въ частный капиталъ, могла внезапно превратить этотъ послѣдній въ продуктъ труда землевладѣльца. Если

³⁾ Kapitalvermögen. А. К.

взять длинный рядъ смѣнявшихъ другъ друга, по праву наслѣдованія, обладателей земельного владѣнія, съ самыхъ феодальныхъ временъ только сдававшихъ въ аренду захваченную по праву завоеванія землю, то цѣнность ихъ землевладѣнія могла возрасти съ совершенно ничтожной величины до весьма большой суммы. Между тѣмъ происхождение этого достигающаго нынѣ крупныхъ по своей цѣнности размѣровъ землевладѣнія, безъ всякаго труда со стороны его владѣльцевъ, изъ продукта труда другихъ лицъ представляется совершенно понятнымъ: трудъ въ странѣ, гдѣ находится данное имѣніе, становится все производительнѣе, а потому заработная плата поглощала все меньшую часть продукта; производительность сельско-хозяйственнаго труда возрастала въ меньшей мѣрѣ, нежели производительность труда перерабатывающаго, а потому на долю земельной ренты доставалась все большая доля всей національной Ренты. Въ общемъ итогѣ продуктъ затрачиваемаго на обработку земли труда будетъ распредѣляться такъ, что заработной платѣ будетъ доставаться сравнительно уменьшающаяся доля; другая тоже уменьшающаяся доля будетъ достаточна для покрытія прибыли на капиталъ, въ земельную же ренту будетъ обращаться доля все большая и большая. И кромѣ всего этого, можетъ быть, шестеро возросла съ приростомъ населенія самая масса труда, который затрачивается на обработку даннаго имѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ шестеро возросла и та масса продукта, которая подлежитъ распредѣленію; слѣдовательно, земельная рента выигрываетъ вдвойнѣ—и отъ увеличенія массы распредѣляемаго продукта, и отъ увеличенія своей доли въ его распредѣленіи. Можно ли, при такихъ условіяхъ, утверждать, какъ утверждаютъ Тьеръ и Бастиа, что непрерывно растущее богатство землевладѣльцевъ есть продуктъ труда самихъ землевладѣльцевъ?

Возьмите, подобнымъ же образомъ *частный движимый капиталъ*. Я не буду разсматривать даже того простѣйшаго случая, когда такой капиталъ пріобрѣтенъ путемъ продажи недвижимаго имущества, а останюсь на случаяхъ, когда онъ „заработанъ“ былъ въ промышленности или торговлѣ. И въ этихъ случаяхъ накопленіе капитала возможно лишь потому, что правовыя отношенія заставляютъ работниковъ уступать продуктъ своего труда капиталисту и довольствоваться въ вознагражденіе за свой трудъ лишь частью цѣнности этого продукта; что у работниковъ отнимаются все новыя и новыя части ихъ продукта и переходятъ въ собственность другихъ лицъ, которыя благодаря этому пріобрѣтаютъ власть принуждать все новыхъ и новыхъ работниковъ предоставлять въ

ихъ пользу часть своего продукта. Такимъ образомъ, неправда растеть, какъ лавина: съ того момента, когда работники принуждены были уступить часть своего продукта собственникамъ, они утратили свое право первородства и лишились возможности сопротивляться „львиному дѣлежу“. При этомъ безразлично, былъ ли или не былъ *первый* капиталистъ обладателемъ продукта только собственного труда: не подлежитъ сомнѣнiю, что ни одинъ частный капиталъ не могъ бы достигнуть серьезныхъ размѣровъ, если бы капиталистъ остался и далѣе владѣльцемъ только *собственного* продукта. Насколько возросла вѣдь въ настоящее время производительность труда! И тѣмъ не менѣе даже и теперь человекъ, обладающій капиталомъ въ размѣрѣ, могущемъ дать работу лишь ему одному, никогда не приобрѣлъ бы большого состоянiя, какъ равнымъ образомъ не могъ бы увеличить своего состоянiя владѣлецъ большого капитала, который съ помощью послѣдняго сталъ бы работать своими руками, безъ содѣйствiя наемныхъ рабочихъ.

Вотъ почему я утверждаю, что никакiя различiя въ индивидуальной трудоспособности, даже при наличности счастливѣйшихъ случайностей, создаваемыхъ наслѣдственнымъ правомъ, не могли бы создать нынѣшнихъ большихъ богатствъ. Я показалъ, что послѣднiя *должны* возникать, разъ существуютъ условiя, безпрерывно передающiя часть продукта труда однихъ лицъ другимъ; ясно вмѣстѣ съ тѣмъ, что такiя богатства должны возрастать какъ по мѣрѣ возрастания производительности труда, сводящаго заработную плату все къ меньшей долѣ продукта, такъ и по мѣрѣ прироста рабочихъ силъ, т. е. населенiя. Но какъ мудро и удивительно: когда накопленiе богатствъ достигаетъ наивысшей степени, численность работниковъ становится столь значительной, что они не желаютъ болѣе терпѣть подобнаго распредѣленiя!...

Я хотѣлъ бы устранить возможность со стороны моихъ читателей одного недоразумѣнiя: утверждая, что Рента и ея подраздѣленiя суть продуктъ труда не тѣхъ лицъ, кто ихъ получаетъ; что, слѣдовательно, институтъ частной собственности на землю и капиталъ является средствомъ отобранiя у работниковъ части ихъ продукта, я вовсе не думаю утверждать, чтобы лица, занимающiя своимъ капиталомъ массу работниковъ, не заслуживали вознагражденiя за услуги, оказываемыя ими обществу: чтобы съ успѣхомъ руководить въ опредѣленномъ производствѣ раздѣленнымъ трудомъ массы работниковъ, нужны не только познанiя, но и нравственная сила и дѣятельность; тѣ же свойства нужны, чтобы слѣдить за рыночнымъ спросомъ, соотвѣтственно его ко-

лебаніямъ направлять производство и быстро удовлетворять общественную потребность; съ другой стороны, рѣдко случается, чтобы капиталистъ или предприниматель ужь совершенно ничего не дѣлали. Поэтому, пока какая-либо общественная заслуга имѣетъ вообще право на вознагражденіе, никто не усомнится въ томъ, что землевладѣльцы, капиталисты, предприниматели и завѣдующіе предпріятіями съ такимъ же правомъ могутъ требовать вознагражденія за оказываемыя ими обществу полезныя и необходимыя услуги, какъ можетъ требовать его всякій другой за услуги другого рода, напрімѣръ, министр торговли и общественныхъ работъ, честно дѣлающій свое дѣло. Несомнѣнно далѣе, что и *эти* услуги, какъ услуги судей, учителей, врачей и т. п., могутъ получить вознагражденіе лишь изъ продукта труда работниковъ, потому что матеріальное богатство не можетъ имѣть другого источника. Но если капиталисты, землевладѣльцы и предприниматели и оказываютъ услуги въ указанномъ выше смыслѣ и имѣютъ за это право на вознагражденіе, то все же свой нынѣшній доходъ они получаютъ вовсе не въ видѣ такого вознагражденія: они получаютъ его непосредственно, какъ съ начала принадлежащій имъ трудовой продуктъ, тогда какъ въ дѣйствительности доходъ этотъ отнять у работниковъ въ силу права собственности на землю и капиталъ, и отнять по принципамъ, стоящимъ въ полномъ противорѣчій со всѣми правилами справедливости, все равно—разсматривать ли взаимныя отношенія различныхъ категорій разсматриваемыхъ услугъ, или отношенія всѣхъ ихъ къ рабочимъ. Я напому только, что землевладѣлецъ можетъ постоянно сдавать свою землю въ аренду, и такимъ образомъ его богатство безъ всякаго труда съ его стороны можетъ, благодаря общему развитію національнаго хозяйства, непрерывно возрастать, и противопоставлю такого землевладѣльца длинному ряду арендаторовъ, заботами которыхъ его имѣніе только и достигло современнаго культурнаго состоянія; напому, съ другой стороны, что достающаяся работникамъ доля продукта сокращается въ той же мѣрѣ, въ какой растетъ производительность ихъ труда. Здѣсь я не задаюсь еще вопросомъ, можно ли внести существенныя измѣненія въ существующее отношеніе обладателей приносящей Ренту собственности къ работникамъ, мнѣ достаточно установить здѣсь и констатировать факты.

Глава XIII. Нормальная и рыночная цѣнность. Происхождение кризисов¹⁾.

Всѣ предыдущія разсужденія исходили изъ того положенія, что цѣнность продукта опредѣляется его трудовой стоимостью. Этого положенія, однако, нельзя понимать ни въ томъ смыслѣ, чтобы при условіяхъ современнаго нерегулированнаго экономическаго оборота рыночная цѣнность всякаго даннаго готоваго товара всегда совпадала съ его нормальной цѣнностью, измѣряемую трудомъ, ни въ томъ, чтобы эта послѣдняя величина была достаточна для покрытія обычной прибыли на затраченный капиталъ для каждой изъ ступеней, на которыя обыкновенно распадается производство готовой къ потребленію полезности; другими словами: чтобы соотвѣтствіе цѣнности съ трудовой стоимостью могло быть строго проведено на каждой такой ступени. При выдѣленіи отдѣльных моментовъ производства въ самостоятельныя предпріятія и при существованіи закона равенства прибылей такое соотвѣтствіе было бы даже невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что производство нѣкотораго товара распадается на четыре момента²⁾, изъ которыхъ каждый выдѣляется въ самостоятельное предпріятіе и требуетъ затраты равнаго количества труда. Если бы цѣнность для каждаго изъ этихъ моментовъ совпадала съ количествомъ затраченнаго труда, то, очевидно, цѣнность спеціальнаго продукта, изготовленнаго въ каждомъ изъ этихъ моментовъ, должна была бы быть равна цѣнности продукта каждаго другаго³⁾. Но вѣдь послѣдній предприниматель, хотя бы онъ и занималъ не большее число работниковъ, нежели первый или второй, имѣетъ право на большую прибыль. Дѣло въ томъ, что на послѣдней ступени производства или въ послѣднемъ предпріятіи перерабатывается матеріалъ, который является продуктомъ большаго количества труда, нежели мате-

1) Начало главы—изъ IV соц. письма (Das Kapital, стр. 6—12); остальное—изъ II письма (Zur Beleuchtung der soc. Frage, I, стр. 41—53). А. Е.

2) Напримѣръ, изготовленіе машиннаго котла распадается на: 1) добычу желѣзной руды, 2) выплавку изъ нея металла, 3) прокатку послѣдняго въ листы и 4) сборку котла. А. К.

3) Въ приведенномъ примѣрѣ на добычу сырья, изготовленіе металла, прокатку и сборку котла затрачено по n единицъ труда; если бы цѣнность на каждой ступени опредѣлялась затратой труда, то, принимая цѣнность руды равною величиной v , та же цѣнность v была бы добавлена выплавкою, та же цѣнность—прокаткою, та же сборкою, и слѣд. цѣнность выплавленнаго металла была бы $2v$, а готоваго котла— $4v$. А. К.

риаль, перерабатываемый, допустимъ, на второй ступени или во второмъ предпріятіи, и который имѣетъ, соотвѣтственно, и большую цѣнность ⁴⁾). Если бы поэтому специальный продуктъ каждаго изъ этихъ двухъ предпріятій оцѣнивался строго пропорціонально количеству труда, которое мы въдь предположили одинаковымъ на каждой ступени производства, то остатокъ цѣнности, поступающій въ прибыль на капиталъ, далъ бы въ послѣднемъ предпріятіи слишкомъ низкій, во второмъ—слишкомъ высокій процентъ прибыли. Между тѣмъ, конкуренція требуетъ равенства прибылей, и потому то положеніе, что цѣнность продукта, равная трудовой стоимости, достаточна, чтобы дать прибыль на капиталъ, въ силу закона равенства прибылей должно претерѣть извѣстныя модификаціи въ примѣненіи къ отдѣльнымъ предпріятіямъ, на которыя въ настоящее время распадается производство одной и той же данной полезности. Напротивъ, рассматриваемое вообще наше положеніе остается справедливымъ, и измѣряемая трудомъ цѣнность, хотя и не покрывающая съ точностью прибылей, получаемыхъ на отдѣльныхъ ступеняхъ производства, въ общемъ достаточна для того, чтобы дать всю сумму Ренты—считая въ томъ числѣ и земельную ренту, и прибыль на капиталъ,—получаемой на всѣхъ взятыхъ вмѣстѣ ступеняхъ производства каждаго даннаго продукта.

Переходимъ теперь къ вопросу о рыночной стоимости и объ отношеніи ея къ нормальной.

Разъ въ обществѣ существуетъ право частной собственности на землю и капиталъ, и разъ при этомъ раздѣленіе труда не организовано, а предоставлено самому себѣ, то распределеніе національнаго продукта сообразно законамъ, изложеннымъ въ предыдущихъ главахъ, происходитъ въ формѣ мнѣного оборота. Единичный случай мѣны происходитъ такимъ образомъ, что лицо *A*, владѣющее продуктомъ, имѣющимъ для него, *A*, меньшую цѣнность (конечно, здѣсь имѣется въ виду цѣнность *потребительная*), отдаетъ этотъ продуктъ другому лицу, *B*, въ обмѣнъ на другой продуктъ, имѣющій для него, *A*, большую потребительную цѣнность. Аналогичные мотивы вліяютъ и на лицо *B*,—

⁴⁾ Въ приведенномъ примѣрѣ заводъ, выплавляющій руду, затрачивая непосредственно *n* единицъ труда, перерабатываетъ матеріалъ, стоившій тоже *n* такихъ единицъ (одна добыча руды), тогда какъ мастерская, собирающая котлы изъ готовыхъ листовъ, затрачивая непосредственно тѣ же *n* единицъ труда, перерабатываетъ матеріалъ, стоившій *3n* единицъ труда (добыча руды+выплавка+прокатка). *A. К.*

въ результатѣ происходитъ обмѣнъ одного на другое двухъ *количествъ* данныхъ продуктовъ. Отношеніе одного продукта къ другому, выясняющееся изъ такой сдѣлки и измѣряемое по отношенію къ каждому изъ двухъ продуктовъ вымѣненнымъ количествомъ другого, также именуется цѣнностью, — на этотъ разъ уже *мѣнною цѣнностью*. Мѣна представляется, такимъ образомъ, только комбинаціей, гдѣ каждый изготовилъ потребительныя цѣнности для другого лица и за это получаетъ вознагражденіе отъ этого другого, а мѣновая цѣнность есть не что иное, какъ именно такая изготовленная для другихъ потребительная цѣнность, получающая соотвѣтственное вознагражденіе. Мѣновую цѣнность можно назвать поэтому *общественною потребительною цѣнностью*: разъ продуктъ имѣетъ первую, онъ необходимо имѣетъ и вторую.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, мѣновая цѣнность выражаетъ *мѣру вознагражденія*, которое получаетъ каждая изъ обмѣнивающихся сторонъ. *Если предположить, что каждый изъ обмѣнивающихся всегда производитъ именно ту самую потребительную цѣнность, въ которой другая сторона, соотвѣтственно градаціи своихъ потребностей, нуждается болѣе всего, то получаемое имъ вознагражденіе только тогда можно было бы признать справедливымъ, если бы оно соотвѣтствовало принесеннымъ жертвамъ или издержкамъ; другими словами: тому количеству производительной силы, которое каждый изъ мѣняющихся затратилъ на производство нужной другой потребительной цѣнности.* А это имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы получаемый въ обмѣнъ продуктъ стоилъ *столькихъ же жертвъ, такихъ же издержекъ, такой же* затраты производительной силы; другими словами: если бы мѣновая цѣнность совпадала съ издержками производства, если бы въ обмѣниваемыхъ продуктахъ вымѣнивались другъ на друга равныя суммы издержекъ. Между тѣмъ мы знаемъ, что трудъ есть первоначальная жертва; къ нему сводятся, въ послѣднемъ счетѣ, издержки, онъ есть та первая и послѣдняя производительная сила, которая затрачивается на производство всѣхъ продуктовъ. *При наличности указаннаго предположенія* поэтому мѣновая цѣнность продуктовъ въ правильномъ обмѣнѣ должна была бы быть равна количеству труда, затраченнаго на ихъ производство, и въ видѣ продуктовъ всегда должны были бы вымѣниваться другъ на друга равныя количества труда, при чемъ трудъ, какъ бы различенъ онъ ни былъ или ни казался въ различныхъ отрасляхъ производства, вполне можетъ быть приводимъ къ одному знаменателю и соизмѣряемъ какъ по количеству исполненной работы, такъ и по вре-

мени—по рабочимъ днямъ, часамъ и т. п. Но ясно, съ другой стороны, что если бы сдѣланное нами предположеніе оказалось не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, то справедливость не могла бы уже требовать, при обмѣнѣ, такого вознагражденія за исполненный трудъ: какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, *A* можетъ ожидать получить отъ *B* то вознагражденіе, на какое онъ могъ бы разсчитывать при наличности сказаннаго предположенія, если онъ создалъ *не* ту потребительную цѣнность, которая нужна *B*, если онъ, такимъ образомъ, нѣкоторое количество производительной силы растратилъ бесполезно? Между тѣмъ въ отдѣльныхъ случаяхъ обмѣна наше предположеніе вовсе не всегда будетъ оправдываться, а потому въ такихъ случаяхъ мѣра вознагражденія, т. е., другими словами, мѣновая цѣнность, будетъ зависѣть отъ настоятельности потребности и отъ размѣра запасовъ продукта у каждаго изъ мѣняющихся, т. е. отъ *индивидуальнаго спроса и предложенія*. Но если бы даже оказалось, что наше предположеніе соотвѣтствуетъ дѣйствительности, все же, разъ на сцену выступаетъ человѣческое сознаніе и человѣческая воля, мѣновой сдѣлкѣ должно было бы предшествовать правильное вычисленіе, сравненіе и установленіе количествъ труда, содержащихся въ подлежащихъ обмѣну продуктахъ, долженъ былъ бы существовать законъ, которому подчинялись бы мѣняющіеся.

Гдѣ каждый членъ общественнаго союза производитъ только потребительныя цѣнности для другихъ, т. е. общественныя потребительныя цѣнности, другими словами—цѣнности мѣновыя; гдѣ существуетъ раздѣленіе труда, крѣпко связывающее общество въ одно хозяйственное цѣлое, въ которомъ одинъ работаетъ на всѣхъ и всѣ—на одного; гдѣ поэтому обмѣнъ становится общимъ правиломъ, тамъ мѣновая цѣнность становится *рыночною цѣнностью*. При изолированныхъ случайныхъ мѣнахъ рѣчь можетъ идти лишь о цѣнности одного обмѣниваемаго продукта относительно другаго обмѣниваемаго продукта, и эта цѣнность опредѣляется *индивидуальнымъ спросомъ и предложеніемъ*. Рыночная цѣнность есть мѣновая цѣнность одного продукта относительно *всѣхъ* продуктовъ, обмѣниваемыхъ на рынкѣ, и эта цѣнность опредѣляется *общимъ спросомъ и предложеніемъ являющихся на рынокъ конкурентовъ*. Существованіе рыночной цѣнности облегчается посредничествомъ особаго *продукта, предназначеннаго спеціально для обмѣниванія, — рыночнаго товара* по преимуществу, выражающаго въ силу этого рыночную цѣнность всѣхъ другихъ товаровъ, именно драгоцѣннаго металла. Каждый обмѣниваетъ свой продуктъ сначала на этотъ рыночный по преимуще-

ству товаръ, на золото и серебро, и затѣмъ уже въ обмѣнъ на этотъ рыночный товаръ получаетъ нужную ему потребительную цѣнность. Въ обыденной жизни о мѣняющемъ говорятъ, что онъ *продаетъ* и *покупаетъ*, — мѣна распадается на два отдѣльныхъ акта. Такимъ образомъ, золото и серебро исполняютъ роль *денегъ*, которыя однако по идеѣ своей вовсе не суть *рыночный товаръ*: по существу своему деньги — лишь *удостовереніе* о рыночной цѣнности, которую каждый отдаетъ въ изготовленномъ имъ продуктѣ, и удостовѣреніе это можетъ быть реализовано, какъ *ассигновка* на право полученія рыночной цѣнности равнаго размѣра. Если бы поэтому было возможно удержатъ рыночную цѣнность на уровнѣ количества труда, затраченныхъ на производство продуктовъ, то можно было бы ввести въ употребленіе деньги, которыя вполне соотвѣтствовали бы своей идеѣ и состояли бы изъ лоскутковъ бумаги, на которыхъ точно было бы обозначено то количество труда, которое данное лицо выпустило въ видѣ продуктовъ на рынокъ, и которое оно въ видѣ другихъ продуктовъ можетъ взять съ рынка. То обстоятельство, что деньги въ настоящее время суть *товаръ*, т. е. такая квитанція и такая ассигновка, которая изображаетъ выпущенную въ оборотъ и могущую быть полученною цѣнность *своею собственною цѣнностью*, — это обстоятельство есть лишь результатъ *историческихъ* условій, слѣдовательно — *случайность*. Такъ какъ деньги въ настоящее время суть товаръ, цѣнность котораго, какъ и всякаго другого продукта, сама по себѣ подвержена колебаніямъ, то данное количество этого денежнаго товара, другими словами, *данная сумма денегъ, выраженная въ определенномъ количествѣ отчеканенной по данной системѣ монеты*, съ теченіемъ времени перестаетъ изображать ту же цѣнность, какую изображала прежде; въ силу этого можно говорить, на примѣръ, о *повышеніи заработной платы и земельной ренты, вызванномъ именно этимъ обстоятельствомъ* ⁵⁾, хотя и нельзя говорить въ этомъ смыслѣ о *повышеніи* прибыли: возросшая въ своемъ денежномъ выраженіи сумма прибыли исчисляется на возросшій въ той же мѣрѣ капиталъ, а потому *отношеніе* первой ко второму, которое вѣдь и опредѣляетъ высоту прибыли, остается безъ измѣненія. Наконецъ, такъ какъ опредѣленные количества играющаго роль денегъ металла чеканятся въ видѣ *монеты известнаго названія*, то подъ данное названіе монеты могутъ быть под-

⁵⁾ Повышеніе номинальной заработной платы при неизмѣнномъ уровнѣ *реальной* платы. А. К.

ставляемы меньшія количества металла, и это обстоятельство, въ свою очередь, можетъ имѣть послѣдствіемъ повышеніе заработной платы и ренты, хотя опять-таки не можетъ вліять на повышеніе прибыли. Такое уменьшеніе вѣса монеты, конечно, является обманомъ со стороны обладателей монетной регалии, но такой обманъ, какъ извѣстно, практиковался весьма часто ⁶⁾.

Если, однако, рыночная цѣнность въ нерегулированномъ экономическомъ оборотѣ подчиняется измѣнчивому вліянію спроса и предложенія, то во всякомъ случаѣ она и здѣсь *тяготеетъ* къ сдѣланной для изготовленія продукта затратѣ производительной силы, т. е. къ издержкамъ производства,—она постоянно стремится дать каждому справедливое вознагражденіе за его трудъ. Эгоизмъ, при дѣйствіи конкуренціи, приводитъ къ тому, что никому не удастся въ теченіе долгаго времени получать въ обмѣнъ на меньшее количество затраченной производительной силы продуктъ, стоившій большей затраты такой силы, потому что всѣ до тѣхъ поръ будутъ стремиться къ болѣе выгоднымъ производствамъ, пока не возстановится равновѣсіе, и пока при обмѣнѣ продуктовъ не будутъ опять вымѣниваться другъ на друга равныя количества производительной силы, равныя издержки, равныя затраты труда. Но все-таки дѣйствительное движеніе рыночной цѣнности будетъ подобно движенію маятника, и цѣнность эта будетъ отклоняться то въ одну, то въ другую сторону отъ нормальнаго уровня трудовой стоимости. Школа, ближе всего послѣдовавшая по стопамъ А. Смита,—школа Рикардо приняла это *стремленіе* рыночной цѣнности къ нормальному уровню за *достиженіе* этого уровня, и всѣ ея дальнѣйшія дедукціи, такимъ образомъ, основываются на предположеніи, не оправдываемомъ дѣйствительностью ⁷⁾. То, что Рикардо считаетъ дѣйствительно осуществляющимся,

⁶⁾ Пониженіе вѣса монеты, съ сохраненіемъ того же названія, практиковалось въ самыхъ широкихъ размѣрахъ во всѣ времена и у самыхъ разнообразныхъ народовъ; такъ, вѣсъ римскаго асса ко времени 1-й пунич. войны упалъ уже до $\frac{1}{3}$ его первоначальнаго вѣса; во Франціи названіе ливра (фунта) удержалось до революціи, но вѣсъ этой монеты упалъ до $\frac{1}{83}$ части первоначальнаго вѣса; въ Германіи изъ марки золота въ 1550 г. чеканилось $10\frac{14}{87}$ гульдена, по конвенціи 1837 г.— $24\frac{1}{2}$ гульдена, и т. д. А. К.

⁷⁾ Здѣсь Родбертусъ вводитъ на Рикардо незаслуженное обвиненіе: въ началѣ V главы своихъ „Началъ“ Рикардо говоритъ: „Мы рассматривали трудъ, какъ основаніе мѣновой цѣнности предметовъ, а сравнительное количество труда, необходимаго для ихъ производства, какъ законъ, опредѣляющій соответствующія количества товаровъ, которыя должны даваться въ обмѣнъ на другіе товары. Но мы не

только должно было бы имѣть мѣсто, только является одною изъ величайшихъ, практически важнѣйшихъ экономическихъ идей. Какъ въ наукѣ естественнаго публичнаго права общественный договоръ когда-то считался за происшедшій въ прошломъ историческій фактъ, пока болѣе правильный взглядъ не усмотрѣлъ въ немъ только *идею*, согласно которой желательно было бы урегулировать права и обязанности индивидовъ, не усмотрѣлъ, слѣдовательно, чего-то, подлежащаго осуществленію лишь въ будущемъ; такъ и соотвѣтствіе мѣнновой цѣнности продуктовъ ихъ трудовой стоимости есть не фактъ, а величайшая народохозяйственная идея, которая когда-либо стремилась къ своему осуществленію. И тѣмъ не менѣе, даже оставаясь лишь *закономъ тяготѣнія*, законъ соотвѣтствія цѣнности съ трудовой стоимостью все же вліяетъ такъ сильно, что рыночная цѣнность продуктовъ въ общемъ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ производительности труда, и если съ тою же затратою послѣдняго создается вдвое большее количество продукта, то цѣнность даннаго количества продукта падаетъ тоже вдвое.

Каждый человѣкъ въ той мѣрѣ обладаетъ *покупательною способностью*, въ какой онъ владѣетъ рыночными цѣнностями, и въ той же самой мѣрѣ, предъявляя спросъ на продукты, имѣющіе потребительную цѣнность, онъ можетъ въ мѣнновомъ оборотѣ возводить ихъ на степеню мѣнновыхъ цѣнностей. Въ мѣнновомъ оборотѣ поэтому всякой потребительной цѣнности, производимой кѣмъ бы то ни было для надобностей общества, должна противостоять чья-либо покупательная способность; въ противномъ случаѣ изготовленная цѣнность не обратится въ рукахъ изготовившаго въ рыночную цѣнность, вообще не пойдетъ никому на пользу, такъ какъ не встрѣтитъ на мѣнновомъ рынкѣ своего эквивалента. Въ силу этого обстоятельства производители въ мѣнновомъ оборотѣ могутъ изготовлять потребительныя цѣнности лишь въ количествѣ, соотвѣтствующемъ имѣющейся въ обществѣ покупательной силѣ. Если существуетъ право собственности на землю и капиталъ, то настоящіе производители, работники, не участвуютъ въ рѣшеніи вопросовъ о на-

думали отрицать, что бывають случайныя и временныя отклоненія дѣйствительной или рыночной цѣны товаровъ отъ этой первоначальной и естественной цѣны ихъ". „При обыкновенномъ ходѣ вещей, продолжаетъ Рикардо, нѣтъ продуктовъ..., цѣны которыхъ не подвергались бы случайнымъ и кратковременнымъ измѣненіямъ“, которыми Рикардо, какъ и Родбертусъ, находятъ возможнымъ пренебречь, какъ случайными обстоятельствами, не вліяющими на естественную задѣльную плату и прибыль. А. К.

правленіи и размѣрахъ производства; вопросы эти разрѣшаются одними лишь quasi-производителями, т. е. обладателями земли и капитала, а потому эти лица при существующей организаціи общества лишь въ такой мѣрѣ могутъ пускать въ дѣйствіе принадлежащіе имъ капиталъ и землю, въ какой покупательная сила общества оплачиваетъ ихъ продукты.

Если бы раздѣленіе труда было такимъ простымъ явленіемъ, какъ его часто изображаютъ экономисты; если бы именно оно существовало лишь въ той формѣ, гдѣ каждый участникъ цѣликомъ изготовляетъ извѣстный продуктъ и одинъ участвуетъ въ обладаніи этимъ продуктомъ; если бы, напримѣръ, А изготовлялъ хлѣбъ, В—одежду, В—башмаки, Г—мебель и т. п., и каждый изъ нихъ присваивалъ себѣ всю цѣнность этихъ продуктовъ, то покупательная способность каждаго была бы всегда равна рыночной цѣности всего его продукта. Но въ дѣйствительности раздѣленіе труда не такъ просто; трудъ раздѣленъ не только такъ, какъ предполагаютъ экономисты, но кромѣ того еще и такъ, что каждый отдѣльный продуктъ распределяется между собственниками, владельцами земли и капитала, съ одной стороны, и истинными производителями—работниками съ другой. Положительное право признаетъ землю и капиталъ въ такой же степени принадлежащими отдѣльнымъ лицамъ, въ какой рабочимъ принадлежитъ ихъ рабочая сила; въ силу этого работникъ, чтобы вообще имѣть возможность трудиться, должны вступать въ соглашеніе съ обладателями земли и капитала и совместно съ ними распределять между собой продуктъ своего труда. Въ силу сказаннаго, хотя и при этой формѣ раздѣленія труда происходитъ обмѣнъ „продуктовъ на продукты“, но *покупательная сила каждаго участника въ обмѣнѣ определяется не цѣнностью его продукта, какъ предполагали же экономисты, а цѣнностью его доли въ распределеніи продукта.* Я прошу читателя обратить особенное вниманіе на то, что покупательная сила, при настоящихъ условіяхъ, есть только *доля въ распределеніи продукта*, потому что именно непониманіе этого обстоятельства составляетъ школу Сэ и Бастіа такъ упорно возставать противъ неизбежнаго дальнѣйшаго развитія экономическихъ взглядовъ.

Въ общественномъ строѣ, какой имется въ виду на предыдущихъ страницахъ и какой въ настоящее время существуетъ и въ дѣйствительности, доли распределенія продукта, достигающіяся работникамъ, землевладельцамъ и капиталистамъ, не регулируются какимъ-либо социальнымъ разумомъ, какимъ-либо разумно установленнымъ об-

естественнымъ законамъ; установленіе размѣра ихъ поставлено въ зависимость отъ вліянія переустроеннаго предоставленнаго самому себѣ мѣнового оборота, дѣйствію такъ называемыхъ „естественныхъ законовъ“. Отъ случайностей рынка зависитъ, каковъ долженъ быть размѣръ доли каждаго изъ трехъ классовъ, участвующихъ въ распредѣленіи національнаго продукта. Относительныя доли землевладѣльцевъ и капиталистовъ при этомъ регулируются относительною цѣнностью сырья и фабриката, а эта послѣдняя, какъ мы показали, тяготеетъ къ издержкамъ производства соответственнаго продукта, т. е. опредѣляется закономъ производительности соответствующихъ видовъ труда. Но такъ какъ и высшее изъ хозяйственныхъ благъ, начало всякаго продукта,—трудъ,—также стало объектомъ мѣнового оборота, то распредѣленіе между работниками и получателями Рентъ, важнѣйшее изъ всѣхъ, поставлено въ зависимость отъ произвола мѣнового оборота: работникъ уступаетъ свой трудъ, по правиламъ спроса и предложенія, предпринимателю и получаетъ, по тѣмъ же правиламъ, его равноцѣнность, и такимъ образомъ его доля въ продуктѣ опредѣляется мѣновымъ оборотомъ. Постыдная теорія,—не менѣе постыдная, нежели та, которая цѣнила работника по необходимымъ издержкамъ или наравнѣ съ ремонтомъ машины,—говорила о „естественной цѣнѣ“ или объ „издержкахъ производства“, низведеннаго на степень товара труда, этого источника всѣхъ полезностей, какъ говорила о цѣнѣ и издержкахъ производства его продуктовъ, и усматривала эту естественную цѣну, эти издержки производства въ той совокупности полезностей, которая необходима, чтобы постоянно снабжать рынокъ достаточнымъ предложеніемъ труда, т. е. чтобы дать работникамъ возможность размножаться. Что за нелѣпное и непонятное противорѣчіе въ воззрѣніяхъ тѣхъ экономистовъ, которые въ правовой области допускаютъ работниковъ къ участию въ рѣшеніи судебъ общества и государства, а въ экономической области не соглашаются смотрѣть на работника иначе, какъ на товаръ!..

Распредѣленіе національнаго продукта по „естественнымъ“ законамъ мѣнового оборота приводитъ къ тому, что при возрастающей производительности труда заработная плата поглощаетъ все меньшую долю продукта: если бы работники могли даже услѣдить за тѣмъ, какъ въ силу измѣняющихся комбинацій однѣхъ и тѣхъ же простыхъ операцій ихъ трудъ становится все болѣе и болѣе производительнымъ, то они все же не имѣютъ экономической возможности настоять на томъ, чтобы ихъ трудъ оплачивался сообразно его производительности и со-

размѣрно росту этой послѣдней. Напротивъ, мотивы, дѣйствующіе на нихъ и побуждающіе ихъ сбывать свой товаръ—трудъ, настоятельныѣ мотивовъ, дѣйствующихъ на ихъ противниковъ въ борьбѣ за заработную плату, и потому высшая хозяйственная полезность, источникъ всѣхъ другихъ, низводится на степень зауряднаго и малоцѣннаго товара: рабочіе имѣютъ въ своемъ распоряженіи много часовъ своего труда, но больше—ничего, а потому ихъ важнѣйшими противниками въ борьбѣ за цѣну труда являются ихъ собственный голодь и страданія ихъ семей. Въ силу этого они легко уступаютъ свой трудъ, если только получаемая плата даетъ имъ возможность утолить самыя вопіющія потребности, если она только даетъ имъ силу для продолженія работы, т. е. для того, чтобы и дальше утолять своимъ трудомъ все тѣ же вопіющія потребности; только если заработная плата падаетъ еще ниже, если она такъ ничтожна, что, продолжая работу, работникамъ приходилось бы утрачивать постепенно свои физическія силы,—только тогда, какъ показываетъ опытъ, работники перестаютъ работать и охотнѣе идутъ красть, какъ бы чувствуя, что при такихъ условіяхъ все равно для нихъ исчезаютъ условія человѣческаго существованія. Но для удовлетворенія того минимума потребностей, о которомъ идетъ рѣчь, нужна не кака-либо доля, а опредѣленное количество продуктовъ, и притомъ количество, въ продолженіе жизни поколѣнія работниковъ, въ данной странѣ и среднемъ выводѣ за всѣ времена года, *больше или меньше неизмѣнное*. Если, такимъ образомъ, трудъ становится производительнѣе, если данное количество труда производитъ большее количество продукта, если, слѣдовательно, данное количество продукта представляетъ собой меньшее количество труда и такимъ образомъ составляетъ меньшую долю всего продукта,—то очевидно, что пока господствуютъ тѣ же вліяющіе на работниковъ мотивы, заработная плата при растущей производительности труда должна составлять все меньшую долю продукта.

По мѣрѣ развитія общества являются еще новые мотивы, заставляющіе работниковъ отдавать свой трудъ за плату, достаточную лишь для удовлетворенія минимальныхъ потребностей; чѣмъ населеннѣе страна, чѣмъ производительнѣе трудъ, чѣмъ больше при томъ индивидуальная свобода,—тѣмъ дешевле оказываются вынужденными въ нерегулированномъ мѣновомъ оборотѣ продавать свой трудъ работники, потому что тѣмъ въ большей мѣрѣ трудъ низводится на степень товара и является объектомъ невыгодной для него конкуренціи, тѣмъ легче предпринимателямъ „давать работу“ тому, кто беретъ дешевле всѣхъ. Давать ра-

боту! Какъ будто предприниматели *даютъ* работу, а не *берутъ* ее!.. Но, благодаря нынѣшнему общественному строю, и обыденнѣйшія представленія стали настолько превратными, что, разъ работникъ не можетъ работать безъ дозволенія собственника, этому дозволенію присваиваютъ названіе „труда“. Въ новыхъ колоніяхъ, гдѣ искусство и капиталъ старой цивилизаціи комбинируются съ полною свободой, рѣдкимъ населеніемъ и избыткомъ плодородной земли, дѣйствіе законовъ, принижающихъ заработную плату, видоизмѣняется; но и здѣсь это измѣненіе только временное, объясняемое тѣмъ, что условія конкуренціи *пока* слагаются въ пользу работниковъ. Но въ метрополіяхъ, гдѣ отсутствуетъ важнѣйшій изъ перечисленныхъ факторовъ—избытокъ плодородной земли; гдѣ рабочіе классы никогда не занимали такого положенія, какое они сразу заняли въ колоніяхъ; гдѣ, кромѣ того, недавно освободившіеся изъ вѣковой личной зависимости, эти классы вынесли изъ нея склонность къ подчиненію и привычку къ жалкому существованію; гдѣ въ эпоху ихъ освобожденія условія населенности и производительности труда сложились для нихъ неблагоприятно, — въ метрополіяхъ, говорю я, имъ невозможно путемъ мирной борьбы достигнуть такого положенія, въ которомъ они успѣшно могли бы бороться противъ дѣйствія „естественныхъ“ законовъ. Нужда не позволяетъ свободѣ укрѣпить нравственную силу рабочихъ классовъ и внушить имъ рѣшимость не работать иначе, какъ за плату, достойную свободнаго гражданина, и самая полная свобода работниковъ вліяетъ на заработную плату лишь въ томъ же смыслѣ, въ какомъ улучшенные пути сообщенія вліяютъ на цѣну товара, и безъ того страдающаго отъ конкуренціи: она усиливаетъ *предложеніе* труда и заставляетъ его цѣну опускаться еще ниже.

Если бы каждый участникъ мнлого оборота всегда получалъ весь продуктъ своего труда; если бы, такимъ образомъ, его покупательная сила равнялась рыночной цѣнности всего его продукта, какъ ошибочно думаютъ эконоmistы какъ школы Рикардо, такъ и школы Сэ-Бастіа, то никакое возрастаніе производительности труда ни по отношенію къ одной полезности, ни по отношенію ко всемъ родамъ полезностей, не могло бы причинить переполненія рынка ⁸⁾ раньше, нежели по удовлетворенію потребностей всехъ участниковъ мнлого оборота, нежели когда производство достигло бы размѣра, превышающаго всю потребность общества. Рыночная цѣнность продукта стоитъ

8) У Родбепрыса Absatzstockung. А. К.

въ обратномъ отношеніи къ производительности труда, а потому въ разсматриваемомъ случаѣ рыночная цѣнность продукта каждаго участника общественнаго союза, а слѣдовательно, и его покупательная сила, оставалась бы неизмѣнною какъ у тѣхъ, производительность труда которыхъ возросла, такъ и у тѣхъ, съ кѣмъ этого не случилось. Каждый участникъ мѣноваго оборота могъ бы пріобрѣтать большее количество продукта, въ производствѣ котораго производительность труда возросла, и остающаяся неизмѣнною покупательная сила всѣхъ и каждаго до тѣхъ поръ оставалась бы способною справиться съ растущею, благодаря росту производительности труда, массою продукта, пока не пресытилась бы *потребность* въ данномъ продуктѣ, такъ что покупать послѣдняго не *захотѣли бы* даже при полной *возможности* это сдѣлать. Въ этомъ случаѣ, очевидно, покупательная сила въ обществѣ всегда оставалась бы равною производительности труда, общество обладало бы такою рыночною цѣнностью и такою покупательною силою, которая соотвѣтствовала бы количеству производимыхъ потребительныхъ цѣнностей, и это продолжалось бы до тѣхъ поръ, пока не было бы достигнуто полное удовлетвореніе потребностей всѣхъ участниковъ производства, и только при дальнѣйшемъ ростѣ послѣдняго потребительная цѣнность перестала бы быть рыночною цѣнностью и покупательною силою, потому что перестала бы быть для кого-либо потребительною цѣнностью. Извѣстно, что аналогичнымъ разсужденіемъ экономисты школы Рикардо и Сэ, среди бѣдствій „перепроизводства“, стараются доказать, что перепроизводства вовсе не можетъ быть, тогда какъ это разсужденіе примѣнимо лишь при наиболѣе счастливомъ стеченіи обстоятельствъ, какое только мыслимо: оно изображаетъ перепроизводство, наступающее лишь *послѣ* полного удовлетворенія потребностей всѣхъ членовъ общественнаго союза, тогда какъ сущность современныхъ промышленныхъ кризисовъ именно въ томъ, что избытокъ и застой сбыта товаровъ совмѣщаются съ нуждою въ нихъ, испытываемою четырьмя пятими или пятью шестыми населенія.

Тотъ же результатъ, какой мы выясняли въ предыдущихъ строкахъ, имѣло бы *возрастаніе производительности и въ томъ случаѣ*, если бы продуктъ распределялся, какъ въ современномъ обществѣ, между тремя разрядами участниковъ, но если бы при этомъ относительная доля каждаго изъ нихъ оставалась постоянной и неизмѣнною. И въ этомъ случаѣ⁹⁾, какъ бы ни росла производительность труда, по-

⁹⁾ Эта гипотеза лежитъ въ основѣ теоріи ф. Кирхмана, полемикою съ которымъ вызвало появленіе на свѣтъ „Писемъ“ Родбертуса. А. Б.

покупательная сила каждаго участника мѣноваго оборота оставалась бы неизмѣнною, и перепроизводство могло бы наступить по отношенію къ одной или ко всѣмъ полезностямъ лишь тогда, когда были бы удовлетворены *всѣ* соотвѣтственныя потребности, хотя, чтобы достигнуть этого, производительности труда при разсматриваемомъ видѣ распредѣленія продукта пришлось бы подняться еще выше, нежели въ предположенномъ Рикардо и Сэ случаѣ, гдѣ каждый располагалъ бы цѣнностью всего своего продукта.

Но если не имѣетъ мѣста ни одинъ изъ разсмотрѣнныхъ случаевъ, если продуктъ не только распределяется между землевладѣльцами, капиталистами и работниками, но кромѣ того, въ силу „естественныхъ“ законовъ предоставленнаго самому себѣ мѣноваго оборота, доля рабочихъ классовъ, т. е. наиболее многочисленной группы въ обществѣ, не остается неизмѣнною относительно цѣлаго продукта величиною, а наоборотъ становится тѣмъ меньшею дробью послѣдняго, тѣмъ болѣе растетъ производительность труда, — въ этомъ случаѣ возрастаніе производительности труда не можетъ имѣть такихъ благополучныхъ послѣдствій. Въ этомъ третьемъ случаѣ покупательная сила и производительность общественнаго труда не остаются пропорціональными другъ къ другу; напротивъ, покупательная сила наиболѣе многочисленнаго общественнаго класса падаетъ по мѣрѣ того, какъ производительность труда повышается, и наступаетъ то парадоксальное явленіе, что общество производитъ потребительныя цѣнности, не имѣющія рыночной цѣнности и не представляющія собой покупательной силы, въ то время, какъ потребность большинства въ соотвѣтственныхъ продуктахъ остается неудовлетворенною.

Ясно, что если „естественные“ законы экономическаго оборота ведутъ за собой такія слѣдствія, и если нѣтъ *разумно-установленныхъ* законовъ, которые поставили бы преграду дѣйствию первыхъ, то необходимо должны произойти явленія, похожія на то, что называютъ пауперизмомъ и промышленными кризисами: необходимо *должно* наступить то противорѣчащее всякому смыслу явленіе, что, какъ бы ни росла производительность общественнаго труда, хотя бы она поднялась достаточно, чтобы дать *возможность* *всѣмъ* членамъ общественнаго союза жить на счетъ ея продукта въ изобиліи и довольствѣ, тѣмъ не менѣе, и именно въ силу этого роста производительности, большинство прозябаетъ въ бѣдности, а меньшинство періодически терпитъ большіе убытки. При тѣсной связи экономическаго развитія съ правовымъ и поли-

тическимъ, ведущимъ за собой все большее юридическое равенство и политическую свободу, необходимо *должно* возникнуть то роковое общественное противорѣчіе, что чѣмъ болѣе равны и свободны въ юридическомъ и политическомъ смыслѣ становятся *все* члены общественного союза, въ тѣмъ болѣе неравное и зависимое положеніе становится *экономически* большинство, т. е. рабочіе классы. При такихъ условіяхъ *должны* наступать явленія пауперизма и промышленныхъ кризисовъ. Что касается *кризисовъ*, то ясно, что разъ покупательная сила рабочихъ классовъ, т. е. большинства, понижается съ повышеніемъ производительности труда, то перепроизводство должно наступить раньше, нежели будутъ удовлетворены все общественныя потребности. Что же касается до *пауперизма*, то понятно, что разъ потребности рабочихъ классовъ постоянно возрастаютъ, желанія ихъ распалются уже въ силу возрастанія богатства меньшинства, а доходы ихъ абсолютно остаются на одномъ уровнѣ и, слѣдовательно, относительно падаютъ, — то экономическое положеніе этихъ классовъ должно ухудшаться. Словомъ, должна наступить та вопіющая несообразность, что большинство членовъ общественного союза пребываетъ въ бѣдности и въ то же время не можетъ дать полного размаха дѣйствию своихъ производительныхъ силъ, чтобы не повергнуть въ бѣдность еще и состоятельнаго меньшинства.

Въ этихъ *естественныхъ* законахъ предоставленнаго самому себѣ мѣноваго оборота лежитъ ключъ къ разрѣшенію экономическихъ проблемъ современности. *Тѣ данныя, изъ которыхъ мы выводили, какъ необходимое слѣдствіе, наступленіе такихъ явленій, какъ пауперизмъ и промышленные кризисы, имѣютъ мѣсто въ современной дѣйствительности, и общество не установило еще никакихъ разумныхъ законовъ, чтобы бороться съ послѣдствіями этихъ обстоятельствъ.* Производительность труда дѣйствительно сильно возросла, — возросла и въ добычѣ сырья, хотя и въ меньшей степени, чѣмъ въ обрабатывающей и перевозочной промышленности; независимо отъ этого, возрастаніе національнаго продукта вызывалось и возрастаніемъ самой производительной *силы*, обусловленнымъ приростомъ народонаселенія. Напротивъ, заработная плата, которой въ Европѣ никогда не благоприятствовали такія условія, какія повышали заработную плату въ Америкѣ или Австраліи, и которая здѣсь, напротивъ, развилась изъ платы, получавшейся крѣпостными при значительной густотѣ населенія и отсутствіи свободныхъ земель, — эта плата, говоря вообще, никогда не поднималась на много или надолго выше уровня, соотвѣтствующаго минимальнымъ потребностямъ су-

ществованія; равнымъ образомъ и другія условія общественной жизни слагались такъ, что постоянно оказывали на заработную плату понижающее вліяніе. При такихъ обстоятельствахъ и распредѣленіе національнаго продукта не могло принять иного вида, нежели тотъ, какой оно имѣетъ въ настоящее время: заработная плата дѣйствительно становится все меньшею частью національнаго продукта; слѣдствіемъ этого было возрастаніе Ренты, а такъ какъ производительность труда не такъ сильно возросла въ производствѣ сырья, какъ въ переработкѣ и транспортѣ, то это возрастаніе болѣе всего отразилось на земельной рентѣ, на прибыли же оно отразилось лишь постольку, постольку эта послѣдняя, безъ увеличенія общей суммы Ренты, упала бы еще ниже; и наконецъ земельная рента значительно возвысилась, благодаря *увеличенію массы всей Ренты*, вызванному увеличеніемъ количества производительныхъ силъ, каковому обстоятельству едва ли не болѣе всѣхъ другихъ она обязана своимъ нынѣшнимъ высокимъ уровнемъ. А необходимымъ послѣдствіемъ такого склада распредѣленія были науперизмъ и промышленные кризисы; то и другое—такъ же реальные факты, какъ очерченный нами складъ распредѣленія и его предпосылки: никакой оптимизмъ не достаточно слѣшь, никакой эгоизмъ не на столько ограниченъ, чтобы не видѣть этихъ явленій въ виду натиска, съ которымъ они вторгаются въ жизнь и пробуждаютъ общественное вниманіе. Споръ идетъ теперь не о томъ, *дѣйствительно ли эти явленія существуютъ*, а о томъ, *какъ устранить ихъ*, и только та же небольшая кучка людей, которая принимаетъ дурные общественные распорядки за „волю Божию“, еще выступаетъ съ утверженіями ихъ безусловной необходимости.

Указанныя мною условія будутъ дѣйствовать и дальше. Съ тѣхъ поръ, какъ промышленность привлекла къ себѣ въ союзники естественныя науки, прогрессу производительности не видны границы; химія и механика мало-по-малу даютъ человѣку возможность творить, дополнять природу тамъ, гдѣ она сама по себѣ недостаточна. При несомнѣнномъ поэтому будущемъ ростѣ производительности можно съ увѣренностью предвидѣть только одно, именно, что ростъ производительности въ добычѣ сырья и въ частности пищевыхъ продуктовъ не будетъ болѣе отставать отъ роста производительности въ переработкѣ и перевозкѣ. До сихъ поръ сельское хозяйство еще мало воспользовалось успѣхами химіи и механики. До сихъ поръ оно стоитъ почти на томъ же уровнѣ, на какомъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стояла технологія,—на уровнѣ грубо эмпирическаго искусства; только въ наши дни земледѣльческая

химія начинаетъ открывать сельскому хозяйству такія перспективы, которыя, конечно, послѣ еще многихъ заблужденій въ концѣ-концовъ въ той же мѣрѣ подчинять власти общества производство пищевыхъ продуктовъ, въ какой нынѣ отъ этой власти зависитъ заготовлять любяя количества суконъ, если только есть въ наличности достаточные запасы шерсти. И тѣмъ не менѣе, если сознательно установленные обществомъ законы не вступаютъ въ борьбу съ „естественными“ законами, то пауперизмъ и кризисы и въ будущемъ останутся спутниками дѣйствительной экономической жизни, и общество непрежнему останется обладателемъ производительныхъ силъ, при полномъ дѣйствіи которыхъ могли бы быть удовлетворены *всѣ* потребности, но которымъ нельзя дать свободно дѣйствовать, такъ какъ иначе онѣ причинятъ *всѣмъ* вредъ. Будетъ ли общество и дальше терпѣть это? Удастся ли пылающей любовью къ свободѣ школы экономистовъ и на будущее время заставить общество смѣшивать „твореніе“ съ исторіей, *природу съ обществомъ*? Я сомнѣваюсь въ этомъ: *только въ природѣ вещи и отношенія носятъ въ себѣ свой разумный законъ, въ общественной жизни онѣ требуютъ такого закона отъ людей*, и люди *вынуждены* будутъ, рано или поздно, постигнуть эту истину, если бы даже теорія сама по себѣ и не сумѣла ее внушить имъ.

Резюмирую вкратцѣ существенныя черты моей теоріи.

Я исхожу изъ производительности общественнаго труда, въ высокой степени возросшей во всѣхъ отрасляхъ промышленности и въ частности во всѣхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и имѣющей впереди себя еще неограниченный приростъ. Но *естественные* законы, управляющіе въ предоставленномъ самому себѣ общественномъ строѣ, при существованіи права частной собственности на землю и капиталъ, *распредѣленіемъ общественнаго продукта*, не позволяютъ этому возрастанію производительности приносить всѣ свои благіе плоды: они ведутъ, съ одной стороны, къ тому, что это распредѣленіе принимаетъ форму *многого оборота*, въ которомъ владѣльцы общественнаго достоянія—земли и капитала—могутъ вновь предпринимать или увеличивать производство лишь постольку, поскольку ихъ продукты встрѣчаютъ въ обществѣ соотвѣтственную *покупательную силу*; а съ другой стороны, они не только заставляютъ продуктъ распредѣляться между собственниками и рабочими классами, но ведутъ къ тому, что *доля послѣднихъ въ продуктѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ покупательная сила большинства членовъ общественнаго союза становится относительно все меньше*. Этотъ по-

слѣдній результатъ вытекаетъ изъ того, что трудъ, этотъ творецъ всѣхъ продуктовъ, самъ низводится на степень товара, оплачиваемого соотвѣтственно правиламъ спроса и предложенія, и что въ процессѣ развитія общества, при возрастаніи производительности труда, условія спроса и предложенія слагаются все болѣе неблагоприятно для обладателей „товара“, т. е. для рабочихъ классовъ.

Такимъ образомъ, въ результатѣ дѣйствія „естественныхъ“ законовъ производительная сила общественнаго труда можетъ проявляться лишь постольку, поскольку ей противостоитъ *покупательная сила*; съ другой же стороны покупательная сила большинства, при растущей производительности, понижается, а потому тотъ ростъ національнаго достоянія, который по существу дѣла могъ бы служить только къ повышенію общественнаго благосостоянія и благополучія, приводитъ къ противоположнымъ результатамъ. Возрастаніе производительности труда, которое должно было бы обогащать всѣхъ,—это возрастаніе, дѣйствуя согласно „естественнымъ“ законамъ, еще увеличиваетъ нужду однихъ и потрясаетъ благосостояніе даже тѣхъ, для ка. обстоятельства сложились сравнительно наиболѣе благоприятно.

Итакъ, производительность, благодаря дѣйствію тѣхъ же „естественныхъ“ законовъ, никогда не можетъ проявиться во всей своей силѣ; когда она начинаетъ достигать своего полного размаха, она задерживается кризисами и должна бездѣйствовать въ то время, какъ она могла бы удовлетворять потребностямъ всѣхъ пребывающихъ въ бѣдности членовъ общественнаго союза. Это обстоятельство важно, между прочимъ, потому, что доказываетъ невѣрность извѣстнаго возраженія противъ социалистическихъ теорій, будто бы современный національный доходъ, даже распределенный поровну между всѣми, далъ бы лишь по небольшой суммѣ на каждаго: чтобы получить *вѣрный* результатъ, надо было бы принять въ соображеніе и тотъ доходъ, который нынѣ не получается, но могъ бы получаться, если бы болѣе правильное распределеніе дало общественнымъ производительнымъ силамъ возможность развернуться въ свой полный размахъ.

Такимъ образомъ, благодаря дѣйствію „естественныхъ“ законовъ, общество какъ-бы заключено въ заколдованный кругъ: при той формѣ, которую приняло раздѣленіе труда и распределеніе общественнаго продукта, производство лишь въ томъ случаѣ можетъ расти соразмѣрно росту производительности, если пропорція распределенія продукта между собственниками и работниками остается неизмѣнною или измѣняется

въ пользу послѣднихъ, а „естественные“ законы той же формы заставляють эту пропорцію измѣняться какъ разъ въ ущербъ рабочимъ классамъ. *Производство* въ нерегулированномъ мѣновомъ оборотѣ только тогда можетъ служить на пользу обществу, когда *распределение* слагается благоприятно, а законы того же оборота заставляютъ это распределение слагаться самымъ неблагоприятнымъ образомъ.

Что же дѣлать, спрашивается, обществу? Оно должно выйти изъ роковаго круга, въ которомъ оно удерживается лишь предразсудками, замѣнивъ „естественные“ законы, поскольку они вредны, своими разумными нормами! Для этого нужны нравственное пониманіе вещей и нравственная сила. Первое должны внушить обществу экономисты; если же у него не хватитъ второй, то исторіи опять придется взмахнуть надъ нимъ бичемъ насильственнаго переворота.

Необходимо ли и возможно ли для этого отмѣнить частную собственность на землю и капиталъ и поручить ея функціи особому общественному органу?... Я думаю, что въ экономическомъ отношеніи мыслима такая организація, которая сдѣлала бы частную собственность на землю и капиталъ излишнею и въ то же время сохранила и укрѣпила бы собственность, сведенную къ ея истинному принципу. *Но я далека отъ того, чтобы уже въ настоящее время предлагать такую организацію*: я не вѣрю, правда, къ безусловную необходимость права собственности на землю и капиталъ, но вѣрю въ его относительную необходимость, въ его необходимость для нашей эпохи. Я думаю, что наука сумѣла бы иначе организовать народохозяйственныя функціи получающей ренту собственности, но не вѣрю въ то, чтобы нравственная сила общества уже была достаточна для того, чтобы упразднить необходимость въ томъ понужденіи къ труду, которое выполняетъ этотъ институтъ, а трудъ есть начало общественнаго прогресса, исходная точка богатства и цивилизаціи. Выражаясь кратко, я не вѣрю, чтобы общество уже окончило свой переходъ чрезъ пустыню, чтобы его нравственная сила уже могла дать ему возможность свободнымъ трудомъ завоевать и удержать за собой обѣтованную землю свободы отъ частной собственности на землю и капиталъ.

И если бы даже возможно было чрезъ мракъ многихъ столѣтій прозрѣвать грядущій правовой строй, то что пользы идти противъ основной правовой идеи своего времени? Философъ, конечно, можетъ настаивать на прогрессивномъ развитіи этой идеи, но практической эконо-

номистъ строилъ бы всё свои предложенія на песокѣ, и волны перваго народнаго движенія изгладили бы объ нихъ даже самую память.

Мои предложенія будутъ поэтому менѣ радикальны: я ограничусь такими предложеніями, которыя, не затрогивая принципа собственности на землю и капиталъ, имѣютъ въ виду лишь болѣе справедливую оплату первой и важнѣйшей общественной службы — производительнаго труда; предложеніями, которыя имѣютъ цѣлью превратить жестокой законъ предоставленнаго самому себѣ экономическаго оборота, законъ *пониженія относительной доли труда въ продуктъ, соразмернаго повышенію его производительности*, въ законъ прямо противоположнаго содержанія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Исслѣдованіе о капиталѣ.

Глава I. Народное хозяйство, какъ продуктъ раздѣленія труда.

Я имѣю въ виду отвѣтить на четыре вопроса:

I. Въ чемъ сущность капитала?

II. Какъ возникаетъ и растетъ капиталъ?

III. Какъ воспроизводится капиталъ?

IV. Въ какомъ отношеніи стоитъ капиталъ къ доходу?

Бастіа говоритъ въ своихъ „Экономическихъ Гармоніяхъ“: „Экономическіе законы по существу своему дѣйствуютъ вездѣ одинаково, все равно, касается ли дѣло массы людей, до двухъ или даже до одного человѣка, вынужденнаго обстоятельствами жить изолированно. Если бы такое изолированное существованіе было возможно, то этотъ человѣкъ въ одномъ лицѣ былъ бы капиталистомъ, предпринимателемъ, работникомъ, производителемъ и потребителемъ; на немъ одномъ происходилъ бы весь процессъ хозяйственнаго развитія, и онъ, тщательно наблюдая каждый элементъ этого развитія, могъ бы составить себѣ правильное представленіе о всемъ хозяйственномъ механизмѣ, сведенномъ къ его простѣйшему выраженію“.

Это совершенно невѣрно. Прежде всего, въ уединенномъ хозяйствѣ возможны *хозяйственныя* понятія и хозяйственное развитіе, но не *народнохозяйственныя*, которыя Бастіа имѣетъ въ виду. *Народное* хозяйство возникаетъ съ раздѣленіемъ труда, которое несовмѣстимо съ уединеннымъ хозяйствомъ. Далѣе, складъ и развитіе народнаго хозяй-

ства ¹⁾, въ которомъ трудъ и обладаніе капиталомъ не раздѣлены, т. е. въ которомъ существуетъ общее владѣніе ²⁾ землею и капиталомъ и каждому достается цѣнность продукта его труда, совершенно не таковы, какъ при отдѣленіи одного отъ другого, т. е. при существованіи частной собственности на землю и капиталъ въ ея нынѣшнемъ видѣ. Наконецъ, и самая роль *капитала* во всѣхъ отношеніяхъ различна въ зависимости отъ того, совмѣщаются ли въ однихъ лицахъ или отдѣляются другъ отъ друга трудъ и обладаніе капиталомъ.

Я покажу поэтому, прежде всего, какъ само *народное хозяйство* возникаетъ исключительно изъ *раздѣленія труда*; затѣмъ выясню въ его существеннѣйшихъ чертахъ различіе между народнымъ хозяйствомъ съ *частною собственностью* на землю и капиталъ и хозяйствомъ безъ такой собственности, и затѣмъ дамъ въ примѣненіи къ тому и другому строю хозяйства отвѣтъ на четыре поставленныхъ мною вопроса.

Если, прежде всего, представить себѣ *изолированное хозяйство*, то окажется, что оно совершенно лишено характерныхъ чертъ *народнаго* хозяйства.

Подъ изолированнымъ хозяйствомъ разумѣется такое хозяйство, которое отдѣльное лицо вело бы внѣ всякихъ хозяйственныхъ сношеній съ другими, производя своимъ личнымъ трудомъ все нужное для удовлетворенія своихъ потребностей. Такое хозяйство является чистымъ отрицаніемъ раздѣленія труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обмѣна, который вѣдь есть не что иное, какъ форма *распределенія* продукта, предполагающая, въ свою очередь, *раздѣленіе труда*: въ основѣ обмѣна, въ самомъ дѣлѣ, лежитъ такое положеніе дѣлъ, при которомъ отдѣльныя лица производятъ уже не исключительно для самихъ себя, но одни для другихъ, такое положеніе, которое, очевидно, упраздняетъ самое понятіе изолированнаго хозяйства; это послѣднее является, другими словами, состояніемъ *абсолютнаго индивидуализма*.

Конечно, и въ этомъ состояніи должны существовать нѣкоторыя *хозяйственныя понятія*, напр., понятія потребности, производства, продукта, капитала, въ извѣстномъ смыслѣ—дохода, потребления, трудовой стоимости продукта и оцѣнки послѣдняго по его пригодности для потребления; должны также существовать нѣкоторые виды *хозяйственной дѣятельности*: должна существовать дѣятельность, относящаяся къ

¹⁾ Nationalökonomie. А. К.

²⁾ Kommunismus. А. К.

производству и имѣющая высшимъ правиломъ—создать наибольшій продуктъ съ наименьшею затратой труда; и дѣятельность, относящаяся къ *потребленію* и имѣющая высшимъ принципомъ—удовлетворять возможно большую потребность съ наименьшею затратой продукта. Должны, слѣдовательно, существовать *хозяйственность въ производствѣ* и *хозяйственность въ потребленіи*, составляющія въ совокупности своей *хозяйственность въ распоряженіи трудовыми продуктами* ³⁾.

Но другія хозяйственные понятія и виды хозяйственной дѣятельности въ изолированномъ хозяйствѣ немислимы. Таковы, прежде всего, понятія *національной* потребности, *національнаго* производства и продукта, *національнаго* капитала и дохода, равно какъ понятія *распределенія* и *обращенія* хозяйственныхъ благъ, *мѣновой цѣнности* и *денегъ*, понятія невозможныя и ненужныя при уединенности и законченности въ самомъ себѣ каждого изолированнаго хозяйства, а потому по самому существу своему выходящія изъ области индивидуальнаго производительнаго и потребительнаго хозяйства. Равнымъ образомъ, для достиженія конечной цѣли хозяйственной дѣятельности нѣтъ нужды въ особомъ видѣ дѣятельности, направленномъ къ *опредѣленію потребности* и къ *сообразованію съ нею размѣровъ производства*; въ особой дѣятельности, направленной къ *расширенію производства до уровня, допускаемаго существующими средствами производства*; въ особой дѣятельности, направленной къ *распределенію продукта между производителями*, или къ тому, чтобы *каждый индивидъ дѣйствительно получалъ продуктъ своего труда*. Конечно, все это—необходимыя условія для достиженія конечной хозяйственной цѣли. Но при уединенности и самоцѣльности изолированнаго хозяйства всѣ эти условія осуществляются сами собой, простымъ волевымъ актомъ хозяйствующаго лица или непосредственно самыми обстоятельствами: изолированный хозяинъ, работающій только на самого себя, непосредственно знаетъ свои потребности; онъ непосредственно господствуетъ надъ всеми своими наличными производительными средствами, и, наконецъ, онъ остается безраздѣльнымъ обладателемъ всего своего продукта. Размѣры его производства поэтому естественнымъ образомъ будутъ соответствовать его потребностямъ и его производительнымъ средствамъ; доходъ его естественно будетъ равенъ его продукту, а потому въ особыхъ ви-

³⁾ Haushalten mit Arbeitsprodukten. А. К.

дахъ дѣятельности, направленныхъ къ достиженію этихъ цѣлей, нѣтъ надобности.

Такимъ образомъ, все содержаніе изолированнаго хозяйства сводится къ двумъ моментамъ—производства и потребленія: если хозяинъ цѣлесообразно дѣйствуетъ въ каждомъ изъ этихъ моментовъ, то его хозяйство вполнѣ достигаетъ конечной цѣли, и онъ получаетъ хозяйственное удовлетвореніе въ наивысшемъ возможномъ размѣрѣ; область производства еще непосредственно соприкасается съ областью потребленія; между этими областями нѣтъ никакого промежутка, чрезъ который должны были бы проходить продукты, и который должна была бы заполнить какая-либо третья отрасль хозяйства.

Съ появленіемъ раздѣленія труда все это рѣзко измѣняется: между индивидами возникаетъ общеніе, которое сообщаетъ всемъ понятіямъ, существовавшимъ въ изолированномъ хозяйствѣ, новый характеръ, чуждый обособленному производственному и потребительному хозяйству, которое создаетъ новыя хозяйственныя понятія, не имѣющія въ изолированномъ хозяйствѣ никакой аналогіи; которое, наконецъ, должно быть регулируемо помощью новыхъ видовъ хозяйственной дѣятельности, складывающихся съ упомянутыми новыми понятіями въ новое и своеобразное цѣлое, въ третью хозяйственную систему, въ общественное хозяйство. Эта третья хозяйственная система, которая обуславливается только хозяйственною связью, создаваемая раздѣленіемъ труда, и потому ни въ какомъ отношеніи не можетъ отречься отъ своего общественного характера, есть народное или государственное хозяйство.

Приступая къ доказательству этихъ положеній, я долженъ прежде всего замѣтить, что я понимаю раздѣленіе труда въ иномъ смыслѣ, нежели А. Смитъ въ началѣ его знаменитой книги. Всѣ экономисты, начиная съ ихъ великаго учителя, не только всегда выдвигали на первый планъ индивидуалистическую сторону этого явленія, не только рассматривали его съ чисто технологической точки зрѣнія, но всегда обращали вниманіе только на *вліяніе его на производство*. Въ первомъ смыслѣ они опредѣляли раздѣленіе труда, какъ такое отношеніе, при которомъ каждый постоянно беретъ на себя только одно производство или одинъ актъ въ данномъ производствѣ. Во второмъ смыслѣ они имѣли въ виду только фабричное раздѣленіе труда. Въ третьемъ они указывали, какъ на плодъ раздѣленія труда, только на огромный ростъ производства. Въ знаменитомъ примѣрѣ производства булавокъ этотъ взглядъ

находить себѣ отчетливое выраженіе: раздѣленіе труда выражается въ томъ, что *отдѣльные индивиды, работая вмѣстѣ, создали увеличенное число булавокъ.*

Такое не идущее вглубь вопроса ограниченное и лишенное народно-хозяйственного характера пониманіе усвоено экономистами отчасти потому, что возникновеніе нашей науки относится къ такой индивидуалистической эпохѣ, какъ прошлое столѣтіе, сообщившее свой отпечатокъ всѣмъ социальнымъ понятіямъ, какъ они понимались въ то время; отчасти же и потому, что понятіе общественнаго единства на хозяйственной почвѣ сводилось къ общему понятію народнаго богатства, безъ вниманія къ его *распредѣленію*.... И экономическая наука, какъ все въ жизни, явилась на свѣтъ въ извращенномъ видѣ; она была индивидуалистична, гдѣ ей слѣдовало исходить изъ понятія общности, и наоборотъ.

Но *сущность* раздѣленія труда—не въ индивидуализмѣ, а въ общности. Раздѣленію труда вѣрнѣе было бы называться, если можно такъ выразиться, *обобществленіемъ* труда. Это обобществленіе труда не ограничивается стѣнами и технической организаціей фабрики, но охватываетъ всю поверхность земного шара, *гдѣ только люди находятся во взаимныхъ экономическихъ отношеніяхъ.* Полный смыслъ раздѣленія труда—въ „мировомъ раздѣленіи труда“,—понятіе, которое впервые установилъ Джюйа. Наконецъ, наиболѣе существеннымъ элементомъ понятія раздѣленія труда въ народномъ хозяйствѣ является *не увеличеніе производства, не ростъ народнаго богатства, а распредѣленіе созданнаго общественнымъ трудомъ продукта.* Раздѣленіе труда могло бы отлично именоваться *раздѣленіемъ продукта,* потому что это послѣднее понятіе есть необходимое дополненіе перваго.

Понимаемое въ такомъ смыслѣ раздѣленіе труда есть нѣчто высшее, нежели въ примѣрѣ производства булавокъ; оно является тою *вещественною связью,* которая изъ *агрегата индивидовъ* создаетъ общество, какъ нравственность и право даютъ обществу нравственное, языкъ и народное сознаніе — духовное единство; оно есть основное отношеніе общественной жизни, въ которой въ существѣ дѣла *все работаютъ для одного, и одинъ—для всехъ.*

Обыкновенно дѣло изображается такимъ образомъ, будто каждый производитъ какой-либо особый продуктъ съ начала до конца и затѣмъ обмѣниваетъ его на нужныя ему полезности; но такое представленіе не только неполно, но и невѣрно, такъ какъ изображаетъ раздѣленіе труда

только съ его индивидуалистической стороны. Чтобы составить себѣ полное и вѣрное понятіе о раздѣленіи труда, надо разсматривать его независимо отъ такого несущественнаго придатка, какимъ въ данномъ случаѣ является различіе между работниками и собственниками: какъ ни огромно историческое и практическое значеніе этого различія, съ точки зрѣнія логическаго понятія идеи раздѣленія труда оно является лишь простою случайностью. Съ этой точки зрѣнія собственники—лишь руководители отдѣльныхъ производительныхъ предпріятій, какими они дѣйствительно и были, пока ростъ земельной ренты и накопленіе капиталовъ не позволили имъ нанимать на счетъ своихъ доходовъ особыхъ руководителей и довольствоваться чистыми остатками этихъ доходовъ. Далѣе, основнымъ подраздѣленіемъ совокупнаго общественнаго производства является не столько раздѣленіе на производства, гдѣ отдѣльными предпринимателями изготовляются отдѣльныя полезности, сколько дѣленіе на *ступени производства* ⁴⁾ каждаго даннаго продукта, каждая изъ которыхъ является дѣломъ особаго разряда производителей: разрядъ „производителей сырья“ доводитъ производство до извѣстной ступени, разрядъ „производителей полуфабриката“—до слѣдующей, и т. д. Безразлично, *каково число* этихъ ступеней, и *одинаково ли* оно въ разныхъ производствахъ, но во всякомъ случаѣ именно это распаденіе производства на отдѣльныя ступени, являющіяся дѣломъ особыхъ работниковъ, есть первая основа раздѣленія труда.

Хотя эти ступени по отношенію къ каждой данной единицѣ продукта должны неизбѣжно слѣдовать другъ за другомъ, тѣмъ не менѣе—и въ этомъ другая существенная черта раздѣленія труда—производство ведется непрерывно и одновременно на *всѣхъ* ступеняхъ. Это значить, во 1-хъ, что въ каждой данной ступени работа, законченная по отношенію къ одному количеству продукта, тотчасъ же возобновляется по отношенію къ другому, и во 2-хъ, что въ то время, когда производители сырья дѣлаютъ свое дѣло, производители полуфабриката работаютъ на своей ступени производства, и т. д. Конечно, это возможно лишь такимъ образомъ, что производители послѣдующей ступени перерабатываютъ тотъ продуктъ, который созданъ производителями предыдущей ступени въ предшествующій моментъ времени. Такимъ образомъ, продуктъ національнаго производства не только весь непрерывно движется и поднимается со ступени на ступень, пока не перейдетъ въ потребленіе, но

⁴⁾ Produktionsabschnitte. А. К.

вмѣстѣ съ тѣмъ продуктъ каждой позднѣйшей ступени заключаетъ въ себѣ и продуктъ всѣхъ предыдущихъ, и слѣдовательно продуктъ, окончательно изготовленный на послѣдней ступени къ потребленію, соединяетъ въ себѣ и совокупность работъ, одновременно производимыхъ на всѣхъ другихъ ступеняхъ, съ начала до конца.

Это дѣленіе производства по ступенямъ перекрещивается еще съ другимъ дѣленіемъ: различные *разряды* производителей, или, что то же, операциі каждой *ступени* (производство сырья, полуфабриката и пр.), распадаются, въ свою очередь, на разныя *отрасли*: производство сырья — на земледѣліе, горное дѣло и пр.; внутри каждой *ступени производства* являются, такимъ образомъ, разныя *отрасли* его. Но и этого мало: каждая отрасль производства на каждой его ступени распадается на отдѣльныя производительныя *группы* — *предпріятія*, какъ нынѣ выражаются, въ которыхъ трудъ, въ свою очередь, раздѣляется между отдѣльными участниками, и каждый отдѣльный работникъ трудится надъ какою-либо долей производства даннаго спеціального продукта; такъ, сельское хозяйство, эта особая отрасль добывающей промышленности, распадается на массу отдѣльныхъ сельскихъ хозяйствъ, — „имѣній“, въ каждомъ изъ которыхъ трудъ раздѣленъ между различными категоріями сельско-хозяйственныхъ рабочихъ.

Въ чемъ же, спрашивается, истинный характеръ всѣхъ этихъ видовъ такъ называемаго *раздѣленія*? Въ *обобществленіи труда*. Какъ наиболѣе широкое раздѣленіе труда по ступенямъ ведетъ къ тому, что совокупный продуктъ долженъ пройти чрезъ руки *всѣхъ*, слѣдовательно обусловливаетъ *общность* труда въ самомъ *широкомъ* кругѣ, такъ раздѣленіе труда въ его мельчайшихъ *раздѣленіяхъ*, въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, есть не что иное, какъ *единство, общность труда*. Другими словами, если не бояться употребить самое подходящее выраженіе — раздѣленіе труда есть *коммунизмъ*, хотя не юридическій, но фактический; если не коммунизмъ въ распредѣленіи продукта, то коммунизмъ въ производствѣ.

Въ этомъ — основная характерная черта *раздѣленія труда*. Въ чемъ же характерная черта другой стороны дѣла — *раздѣленія продукта*, такъ называемаго *распредѣленія*? Ясно, что здѣсь долженъ выступить впередъ *индивидуалистическій* элементъ, потому что дѣло вѣдь сводится здѣсь къ удовлетворенію потребностей *индивидовъ*, какъ *таковыхъ*; но и здѣсь этотъ элементъ выступаетъ далеко не въ той мѣрѣ, въ какой обыкновенно предполагали. Прежде всего, *окончательному* распре-

дѣленію всегда подлежитъ лишь малая часть *наличнаго совокупнаго продукта*, именно та часть, производство которой въ данный моментъ завершено на послѣдней ступени. Вся остальная масса продукта, какъ ни часто она переходитъ изъ рукъ однихъ работниковъ въ руки другихъ, а при современномъ строѣ даже въ руки другихъ собственниковъ, *по существу остается въ распоряженіи совокупности работниковъ*. Далѣе, и та часть продукта, которая подлежитъ окончательному распределенію, никогда не распределяется цѣликомъ между индивидами: послѣднимъ идетъ только *часть* продукта, а другая часть его достается *обществу, какъ таковому*, въ болѣе широкихъ или тѣсныхъ кругахъ,—государству или общинѣ; другими словами, даже и подлежащая распределенію часть продукта въ значительной части остается въ *общности индивидовъ*, на этотъ разъ уже въ *правовой* общности. А кромѣ того и большинство продуктовъ, дѣйствительно распределяющихся между индивидами по существу, въ смыслѣ доставляемой ими пользы, также остается общественнымъ достояніемъ. Наконецъ, та доля продукта, которая дѣйствительно поступаетъ въ распоряженіе индивидовъ, распределяется не между одними только участниками *вещественнаго* раздѣленія труда, о которыхъ до сихъ поръ шла рѣчь, но между всѣми участниками того *обширнаго царства раздѣленія труда*, въ которомъ хозяйственное раздѣленіе труда является лишь одною изъ областей; и при томъ эта доля распределяется не только между участниками этого наиболѣе широкаго раздѣленія труда, какъ *индивидами*, но и между этими послѣдними, съ одной стороны, и обществомъ—съ другой. Доли подлежащаго распределенію продукта получаетъ не только работникъ, постоянно обтачивающій остріе иголки, но и каждый, занимающійся научнымъ или художественнымъ трудомъ, и каждый, исполняющій тѣ постоянныя или временныя общественныя порученія, которыя извѣстны подъ названіемъ должностей. Въ этомъ *широкомъ* раздѣленіи труда всѣ они являются равноправными сотрудниками, и если производители вещественныхъ благъ пользуются продуктами труда ученыхъ и художниковъ и только благодаря этому могутъ заниматься исключительно однимъ вещественнымъ производствомъ, то и ученые и художники только потому могутъ специализироваться на своемъ дѣлѣ, что пользуются продуктами вещественнаго труда другихъ лицъ. *Всѣ* призваны къ участию въ пользованіи *всѣмъ*, но *производство*, трудъ остается специализированнымъ. И не только индивиды участвуютъ въ этомъ всеобщемъ распределеніи, но и общество, какъ

такое, имѣетъ свои потребности, для удовлетворенія которыхъ оно имѣетъ право на часть общественнаго продукта.

Я не останавливался здѣсь, конечно, на причинахъ, которыя опредѣляютъ величину долей участниковъ этого распредѣленія. Онѣ коренятся въ существующемъ порядкѣ, въ „дѣйствующемъ правѣ“: „публичное право“ въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ ту долю подлежащей распредѣленію части общественнаго продукта, которая должна остаться въ общественномъ распоряженіи. Въ частномъ имущественномъ правѣ заключаются, въ значительной мѣрѣ, основанія, опредѣляющія величину долей отдѣльныхъ лицъ; впрочемъ, отчасти и эти доли опредѣляются публичнымъ правомъ (напримѣръ, оклады должностныхъ лицъ), а съ другой стороны, и имущественное право иногда опредѣляетъ *въ существѣ дѣла* то, что остается въ общественномъ распоряженіи, какъ, напримѣръ, общественныя учрежденія, находящіяся въ завѣдываніи частныхъ предпринимателей. Равнымъ образомъ я не останавливался на формѣ, въ которой реализуются различныя доли въ распредѣленіи,—на способахъ и путяхъ этой реализаціи; это осуществляется особыми видами народохозяйственной дѣятельности, о которыхъ будетъ рѣчь ниже—видами дѣятельности, которые, благодаря частной собственности на землю и капиталъ, исполняются частными лицами, хотя вліяютъ здѣсь и общественные органы, напримѣръ финансовая администрація. Но ни того, ни другого рода обстоятельства не измѣняютъ того положенія, что и въ раздѣленіи продукта, въ распредѣленіи господствуетъ характеръ общности, другими словами—характеръ коммунистической: и раздѣленіе продукта *въ существѣ* является въ значительной мѣрѣ обобществленіемъ продукта, другими словами—коммунизмомъ ⁵⁾.

Эта хозяйственная общность, объединяющая индивидовъ и въ пространствѣ, и во времени, необходимо должна напечатлѣть въѣмъ хозяйственнымъ понятіямъ, которыя въ изолированномъ хозяйствѣ выступаютъ въ высшей индивидуалистической простотѣ, характеръ общности, коммунизма, и понятія эти перестаютъ быть атрибутомъ простаго единичнаго хозяйства: рядомъ съ понятіями *индивидуальныхъ* потребно-

5) Намъ нечего поэтому слишкомъ опасаться коммунизма. Только ложныя коммунистическія системы могутъ быть опасными. Что касается до коммунизма вообще, то мы со всѣхъ сторонъ окружены имъ, потому что сама природа общества коммунистична. Мы всегда узнаемъ позже всего именно то, что насъ непосредственно окружаетъ,—самихъ себя позже всего другого. Прим. Родбертуса.

стей, индивидуального производства продукта, капитала, дохода и пр., или, вѣрнѣе, надъ этими понятіями возникаютъ понятія національной потребности, національного производства и продукта, національного капитала и дохода. Эти понятія—совсѣмъ не то, что агрегатъ индивидуальных потребностей, производствъ, капиталовъ или доходовъ, какъ вѣдь и возникшее, благодаря раздѣленію труда, общество—совсѣмъ не то, что множество помѣщающихся другъ возлѣ друга изолированныхъ хозяевъ: только простая сумма индивидуальных потребностей, производствъ, капиталовъ и доходовъ суммы изолированныхъ хозяевъ образовала бы такой агрегатъ потребностей и пр. Эти понятія, напротивъ, носятъ тотъ самый коммунистическій характеръ, какой имѣеть вообще раздѣленіе труда, такъ какъ и они обозначаютъ общность потребности, производства и т. д. Такъ, въ національную потребность, кромѣ индивидуальных потребностей, входятъ потребности общества, какъ такового, въ значительной мѣрѣ переплетающіяся съ индивидуальными, влияющія и измѣняющія ихъ, такъ что національная потребность есть единое органическое понятіе, а не простая арифметическая сумма: сумма индивидуальных потребностей ряда изолированныхъ хозяевъ не дастъ ни малѣйшаго представленія о національной потребности равно многочисленнаго, но связаннаго раздѣленнымъ трудомъ общества. Национальный продуктъ, благодаря раздѣленію труда, становится общественнымъ продуктомъ, такъ что всѣ имѣютъ трудовую долю въ продуктѣ каждаго, каждый—въ продуктѣ всѣхъ, или, какъ хорошо говорить Прудонъ, каждый отдѣльный продуктъ является на свѣтъ съ ипотекой, принадлежащей всѣмъ, общественный продуктъ—съ ипотекою каждаго индивида. Равнымъ образомъ и национальный капиталъ—совсѣмъ иное, чѣмъ сумма индивидуальных капиталовъ ряда изолированныхъ хозяевъ: онъ тоже принимаетъ объединенный, органический видъ, въ которомъ онъ по существу принадлежитъ всѣмъ, нынѣшніе же „частные капиталы“—не что иное, какъ идеальныя доли, по которымъ цѣнность капитала распределяется между собственниками.

Ясно, что слово „национальный“ недостаточно точно выражаетъ смыслъ всѣхъ разсматриваемыхъ понятій. Слову этому нельзя придавать ничего похожаго на значеніе, придаваемое ему Листомъ, который тоже смотрѣлъ на дѣло съ индивидуалистической точки зрѣнія, противопоставляя націю—націи. Точнѣе было бы употреблять слово общественный, а слово „национальный“ только потому вошло во всеобщій обиходъ, что и

понятіе *общества* развилось изъ понятія *націи*, и *общественное хозяйство* изучалось сначала въ *національныхъ* границахъ.

Ясно далѣе, что въ томъ новомъ коммунистическомъ смыслѣ, который хозяйственныя понятія приобрѣтаютъ, благодаря раздѣленію труда, они выходятъ какъ по объему, такъ и по существу своему далеко за предѣлы отдѣльнаго хозяйства: индивидуальная потребность изолированнаго хозяина можетъ дать понятіе о *суммѣ потребностей ряда такихъ же хозяевъ*, но не дастъ ни малѣйшаго понятія о *національной* потребности, о потребности дѣйствительнаго общества. Равнымъ образомъ, *національный капиталъ* или продуктъ, *какъ таковыя*, даже частично не могутъ изучаться въ единичномъ хозяйствѣ, ибо они по существу отличны отъ суммы капиталовъ или суммы продукта множества отдѣльныхъ хозяйствъ.

Благодаря той же общности, которая составляетъ сущность раздѣленія труда, къ перечисленнымъ понятіямъ присоединяются и другія, не находящія себѣ аналогіи въ изолированномъ хозяйствѣ. Участники этого общенія живутъ въ различныхъ мѣстахъ, и производства ихъ пространственно разведены; поэтому самое распредѣленіе продукта должно совершаться на обширныхъ пространствахъ. Отсюда вытекаетъ необходимость *обращенія* продуктовъ, — этого безостановочнаго кругового движенія національнаго продукта, которое совершенно немислимо въ изолированномъ хозяйствѣ, а изъ обращенія вытекаютъ три новыхъ понятія, характеризующихъ общественный строй съ раздѣленнымъ трудомъ — *цѣнность, деньги и кредитъ*.

Такъ какъ въ національномъ производствѣ каждый имѣетъ свою долю участія, а потому и каждый имѣетъ право на соответствующую этому участию долю въ распредѣленіи продукта, то необходимымъ становится *сравненіе* того, что каждый совершаетъ на пользу цѣлаго, съ тѣмъ, что онъ долженъ получить за это, — каждой малѣйшей доли продукта со всѣми средствами удовлетворенія всѣхъ возможныхъ потребностей. Это сравненіе по существу есть оцѣнка по отношенію другъ къ другу всѣхъ возможныхъ продуктовъ, готовыхъ и частичныхъ, съ точки зрѣнія всеобщей пользы, оцѣнка *по ихъ сравнительной способности служить для этой пользы* — по ихъ *цѣнности*. Цѣнность, которой, согласно той первоначальной формѣ, въ которой она выступаетъ, присвоили названіе *мѣнновой цѣнности*, есть не что иное, какъ значеніе продукта съ точки зрѣнія *общественной потребительной цѣнности*; она не имѣ-

еть мѣста въ изолированномъ хозяйствѣ, гдѣ продукты могутъ оцѣниваться исключительно либо по затраченному труду, либо по доставляемому удовлетворенію, хотя экономисты иногда и смѣшивали подобнаго рода оцѣнки съ цѣнностью.

На-ряду съ цѣнностью изъ обращенія возникаютъ *денги*,—такъ называемое *орудіе обращенія*. Если всѣ участвовали въ созданіи національнаго продукта и всѣ должны извлечь изъ него вознагражденіе за свое участіе; если для этого необходимо предварительное сравненіе индивидуальнаго участія въ трудѣ съ конечнымъ участіемъ въ вознагражденіи, или оцѣнка отдѣльныхъ продуктовъ,—то *распредѣленіе* является по существу какъ бы *ликвидацией всѣхъ частныхъ требованій участія въ общественномъ продуктѣ, и притомъ ликвидацией соразмѣрно цѣнности*. По существу, такимъ образомъ, ничто не мѣшало бы совершать эту ликвидацию посредствомъ системы записей, системы счетныхъ книгъ ⁶⁾, гдѣ каждый участникъ имѣлъ бы свой счетъ, и гдѣ дебетъ и кредитъ вписывались бы по цѣнности; въ этомъ случаѣ орудіемъ обращенія служила бы простая приписка и отписка по этимъ счетамъ,—на мѣсто денегъ стала бы высоко развитая форма общественнаго кредита. Но если этотъ идеаль не можетъ быть достигнутъ, то орудіе обращенія должно пріобрѣсти иной характеръ—облечься въ форму *денегъ*. Если бы цѣнность могла быть твердо установлена ⁷⁾ по трудовой стоимости продукта, то можно было бы представить себѣ деньги, состоящіе какъ бы изъ вырванныхъ листовъ той же счетной книги изъ квитанцій, въ которыхъ каждому удостовѣрялась бы созданная имъ цѣнность, и которыя давали бы каждому право получить равную цѣнность при окончательномъ распредѣленіи подлежащей таковому части продукта. Но если цѣнность *вообще не можетъ* или *не можетъ при данныхъ условіяхъ* быть твердо устанавливаема, то деньги должны заключать въ самихъ себѣ, въ видѣ гарантіи или обезпеченія, цѣнность, равную той, на полученіе которой онѣ даютъ право, т. е. должны сами состоять изъ цѣннаго товара, золота или серебра; въ такомъ случаѣ металлическія деньги лишь отчасти и при особыхъ обстоятельствахъ могутъ замѣняться бумажными деньгами, т. е. ассигновками на полученіе металлическихъ же денегъ.

Третье понятіе, возникающее лишь вмѣстѣ съ обращеніемъ, это—*кредитъ*, основанный на увѣренности въ томъ, что немедленная оплата

⁶⁾ Buchführung. А. К.
Konstituit. А. К.

поставленной цѣнности будетъ замѣнена оплатою впоследствии. Кредитъ замѣняетъ металлическія деньги, денежный капиталъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отчасти и вообще „частный капиталъ“, который вѣдь постоянно проходитъ чрезъ денежную форму.

Независимо отъ сказаннаго, основанное на раздѣленіи труда общеніе вызываетъ необходимость *новыхъ видовъ хозяйственной дѣятельности*, какихъ равнымъ образомъ нельзя найти въ изолированномъ производительно-потребительномъ хозяйствѣ. Если въ изолированномъ хозяйствѣ каждый производитель естественно знаетъ размѣръ подлежащихъ удовлетворенію потребностей, и достаточно его желанія, чтобы сообразовать съ ними размѣры и направленіе производства, то при раздѣленіи труда дѣло идетъ уже объ *удовлетвореніи національной потребности*, которой ни одинъ производитель не можетъ знать непосредственно; нужна поэтому оживленная дѣятельность, чтобы опредѣлить эту потребность. Если, далѣе, въ изолированномъ хозяйствѣ каждый является полновластнымъ распорядителемъ наличныхъ производительныхъ средствъ—своего труда и капитала, и потому размѣръ его продукта всегда будетъ самъ собою соответствовать тѣмъ средствамъ, которые онъ готовъ употребить въ производствѣ, то теперь, когда каждый совершаетъ только часть необходимой совокупности работъ, когда средства производства состоятъ въ совмѣстной работѣ, т. е. въ національномъ трудѣ, и въ продуктѣ совмѣстной работы—въ національномъ капиталѣ, ни одинъ производитель не является уже полнымъ обладателемъ этихъ средствъ. Если, наконецъ, въ изолированномъ хозяйствѣ каждый остается обладателемъ своего продукта и потому, естественно, получаетъ равный этому продукту доходъ, то здѣсь, гдѣ всѣ участвовали въ созданіи общаго продукта, никто не можетъ получить безъ предварительнаго *распределенія подобающаго ему дохода*.

Между тѣмъ, и при раздѣленномъ трудѣ правильное регулированіе всѣхъ этихъ отношеній является неизбѣжнымъ условіемъ достиженія конечной хозяйственной цѣли. Пусть въ каждомъ единичномъ хозяйствѣ наибольшій продуктъ создается съ наименьшею затратой труда; пусть въ единичномъ потребленіи наибольшее удовлетвореніе достигается съ наименьшею затратой продукта,—и все же, если національное производство не сообразовано съ наличными средствами и потребностями, если національный доходъ не удовлетворяетъ всѣмъ отдѣльнымъ требованіямъ, неизбѣжными будутъ величайшіе убытки и недостаточное удовлетвореніе потребностей какъ общества, такъ и индивидовъ. Чтобы приноровить

національное производство къ потребности, эта послѣдняя должна быть изслѣдована, и соответственно должны быть установлены размѣры перваго; чтобы удержать національный продуктъ на уровнѣ, допускаемомъ наличными средствами, эти послѣднія должны быть скомбинированы и направлены къ производительной дѣятельности; чтобы каждый получилъ слѣдующій ему доходъ, должно послѣдовать надлежащее *распределение*. Все это, очевидно, можетъ быть достигнуто лишь въ результатѣ особыхъ видовъ спеціальной *практической дѣятельности*. Для насъ пока все равно, *къмъ, какъ и съ какимъ успѣхомъ* исполняются эти функціи,— это зависитъ отъ ступени развитія человѣческаго общества; но во всякомъ случаѣ ясно, что для этихъ цѣлей необходимы извѣстные виды *практической дѣятельности*, и что необходимость ихъ вытекаетъ только изъ *раздѣленія труда*. Пусть опредѣленіе національной потребности и приспособленіе къ ней производства, пусть поддержаніе послѣдняго на уровнѣ наличныхъ производительныхъ средствъ путемъ организаціи воедино капитала и работниковъ лежитъ, при существованіи частной собственности на землю и капиталъ, на частныхъ предпринимателяхъ, или наоборотъ, при общественной собственности на землю и капиталъ, возлагается на особые общественные органы; пусть распредѣленіе осуществляется въ первомъ случаѣ всеобщей конкуренціей въ формѣ спроса и предложенія, а во второмъ—установленіемъ цѣнности и долей дохода; во всякомъ случаѣ все это, несомнѣнно, особые виды *дѣятельности*, имѣющіе такое же *практическое* значеніе, какъ и хозяйственная дѣятельность въ изолированномъ хозяйствѣ, и во всякомъ случаѣ вытекающіе исключительно изъ раздѣленія труда.

Эта совокупность новыхъ хозяйственныхъ понятій и видовъ дѣятельности образуетъ, очевидно, новую и особенную хозяйственную систему, которая представляется намъ въ видѣ общественнаго хозяйства, въ видѣ организаціи хозяйства, основаннаго на раздѣленномъ трудѣ общежитія. Это общественное хозяйство и есть современное національное или государственное хозяйство.

Общественный характеръ національнаго хозяйства выяснился однако не сразу, а мало-по-малу и съ большою постепенностью.

Въ древности и въ средніе вѣка все національное хозяйство было настолько спутано со всѣми политическими и юридическими учрежденіями общества, что даже лучшіе мыслители не подозрѣвали его существованія. Оно начало выступать предъ сознаніемъ общества только въ болѣе новое время, когда новое государство начало централизоваться,

и явилось на свѣтъ сначала только въ видѣ одной своей отрасли— *финансоваго хозяйства*. Дальнѣйшій шагъ былъ сдѣланъ, когда меркантилисты перешли отъ изслѣдоваій о финансахъ къ размышленіямъ „о народномъ богатствѣ“, и еще позднѣе, лишь послѣ того, какъ новая философія и французская революція выдвинули права личности, государственное хозяйство предстало предъ общественнымъ сознаніемъ во весь ростъ и во всемъ своемъ значеніи. Но и тутъ по собственной винѣ экономистовъ оно въ научныхъ изслѣдованіяхъ и до сихъ поръ еще не представляется въ надлежащемъ видѣ: я уже говорилъ, что оно изобразалось въ видѣ *національнаго* или *государственнаго* хозяйства, въ національно-государственной обособленности, радикально противорѣчащей самому его существу и поведшей за собою такую пагубную вещь, какъ запрещенія и покровительственныя пошлины. Съ другой стороны, за нимъ не признавали того *коммунистическаго* характера, который присущъ ему, какъ *связанной общности труда хозяйственной организаціи*, и разсматривали его съ чисто индивидуалистической точки зрѣнія: вмѣсто того, чтобы начинать съ національной потребности и т. п. и уже отсюда переходить къ индивидуальному участию, экономисты, наоборотъ, слѣдовали общему направленію данной эпохи, ставившей индивида выше общества, и восходили отъ индивидуальной потребности къ общественной, какъ будто рѣчь шла не объ обществѣ, а о совокупности индивидовъ, и эта общая постановка отражалась на каждой отдѣльной отрасли теоріи. У общественнаго хозяйства отняли, наконецъ, всякій *активный* характеръ, — характеръ системы *практическихъ функций*, упуская изъ виду, что современная собственность на землю и капиталъ не упраздняетъ этихъ послѣднихъ, а только раздробляетъ ихъ между отдѣльными лицами; экономическая наука сдѣлалась поэтому *простымъ ученіемъ объ экономическихъ отношеніяхъ* ⁸⁾, обязаннымъ ограничиваться, какъ всякая чисто наблюдательная наука ⁹⁾, *изученіемъ* и *познаніемъ*, — познаніемъ, которое, когда не отрицаетъ фактовъ, связывается, по крайней мѣрѣ, съ сожалѣніемъ по поводу имущественныхъ убытковъ и нужды ¹⁰⁾, необходимыхъ, время отъ времени, для поддержанія *равновесія общественнаго организма*, но которое иногда, когда заблужденіе доходитъ до отрицанія фактовъ, усматриваетъ „экономическія гармоніи“ въ вопіющихъ контрастахъ.

⁸⁾ Naturlehre des Verkehrs. А. К.

⁹⁾ Naturwissenschaft. А. К.

¹⁰⁾ Въ подл. Hungertod. А. К.

Неправильная постановка вопроса во всѣхъ этихъ случаяхъ затмѣяла сущность національнаго хозяйства. Но если честно и открыто признать основной принципъ послѣдняго — раздѣленіе труда, и сдѣлать изъ него надлежащіе выводы, то уже нельзя дольше закрывать глаза на истинную природу нашей науки. Народное хозяйство есть явленіе социальное, его основное начало — общественность, необходимо вытекающее изъ раздѣленія труда. Если при отсутствіи послѣдняго въ изолированномъ хозяйствѣ, даже предполагая достаточную производительность труда, область хозяйства слагалась только изъ производства и потребленія; если въ такомъ хозяйствѣ обѣ эти области еще непосредственно соприкасаются другъ съ другомъ, и продукты непосредственно поступаютъ изъ одной въ другую, а потому конечная хозяйственная цѣль достигается при надлежащемъ хозяйствованіи въ этихъ только двухъ областяхъ, — то теперь раздѣленіе труда открываетъ между ними третью промежуточную хозяйственную область: всѣ продукты, выходящіе изъ какого-либо производительнаго хозяйства, должны, чтобы попасть въ какое-либо потребительное хозяйство, пройти именно чрезъ эту третью область, а потому для достиженія конечной хозяйственной цѣли необходимо цѣлесообразное завѣдываніе именно этою областью; другими словами, необходимо народное или государственное хозяйство. Не правъ ли я послѣ этого, утверждая, что вся суть народнаго хозяйства вытекаетъ изъ раздѣленія труда, и что на изолированномъ хозяйствѣ нельзя наблюдать ни одного народохозяйственнаго явленія?..

Глава II. Народное хозяйство безъ частной собственности на землю и капиталъ.

Обусловленное раздѣленіемъ труда общественное хозяйство, носящее еще названіе національнаго или государственнаго хозяйства, принимаетъ совершенно различный — хотя лишь въ степени — характеръ, смотря по тому, предполагать ли его съ правомъ частной собственности на землю и капиталъ, или безъ такого права.

Многіе считаютъ *трудъ* основой современной *собственности на землю и капиталъ*. Но чѣмъ вѣрнѣе то, что трудъ въ идеѣ есть единственный справедливый принципъ *собственности* вообще, тѣмъ несомнѣннѣе, что частная собственность на землю и капиталъ выходитъ да-

леко за предѣлы этого принципа: главное послѣдствіе этого института въ томъ, что *продуктъ поступаетъ въ собственность не работниковъ, а другихъ частныхъ лицъ, обладателей земли и капитала*. Правда, эти лица иногда участвуютъ въ работѣ, а еще чаще являются *руководителями* предпріятій и, какъ таковые, исполняютъ особаго рода трудъ, имѣющій право на вознагражденіе; но не какъ сотрудники или руководители, а просто *въ силу факта обладанія землей и капиталомъ* они получаютъ въ собственность продуктъ другихъ работниковъ, тогда какъ эти послѣдніе никогда не получаютъ въ собственность своего продукта. Какъ ни часто игнорировалось это обстоятельство, даже изображалось въ прямо противоположномъ видѣ, какъ оно ни противорѣчитъ естественному правовому чувству, — не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что дѣло обстоитъ именно такъ: весь національный продуктъ, производимый какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ общественнымъ трудомъ, переходя въ производствѣ со ступени на ступень, никогда не принадлежитъ ни работникамъ, ни руководителямъ предпріятій, какъ таковымъ, а всегда принадлежитъ сравнительно немногимъ лицамъ — обладателямъ земли и капитала. Только имъ принадлежитъ право собственности на большія или меньшія доли вещественнаго продукта труда соединенныхъ работниковъ; не выходя изъ обладанія этихъ третьихъ, несомнѣнно не работающихъ лицъ, національный продуктъ переходитъ посредствомъ обмѣна со ступени на ступень, пока не поступитъ въ распредѣленіе въ формѣ національнаго дохода, и только тогда *часть* продукта достается въ собственность работникамъ въ обмѣнъ на ассигновки, которыя они получаютъ въ видѣ денежной платы за исполненный ими трудъ. *Остальная* часть есть Рента, распредѣляющаяся на основаніяхъ, выясненныхъ въ первой части настоящаго выпуска.

Но если бы такой порядокъ могъ быть упраздненъ, то что могло бы быть поставлено на его мѣсто?.. Во всякомъ случаѣ — *не индивидуальное обладаніе работника непосредственнымъ продуктомъ его труда, потому что это было бы возможно лишь съ упраздненіемъ раздѣленія труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ самаго общества и его развитія*. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, кому-нибудь могъ бы достаться въ личную собственность такой продуктъ, какъ заостренность иголки, — даже не металлъ острія? *Что* именно, если говорить о вещественномъ продуктѣ, можно признать продуктомъ одного изъ пятидесяти работниковъ, которые въ теченіе года сообща работали въ большемъ имѣніи надъ созданіемъ годового урожая? И какимъ образомъ та-

кой индивидуальный собственник могъ бы слѣдить за сбытомъ во всѣ страны свѣта продукта своего труда, напр., миллиона кончиковъ игло-локъ? Все это абсолютно невозможно, а потому ясно, что индивидуальное обладаніе непосредственнымъ продуктомъ собственного труда могло имѣть мѣсто только до всякаго раздѣленія труда; *при наличности* же послѣдняго мыслимо только: либо современное право собственности, при которомъ *одному* принадлежитъ продуктъ общаго труда многихъ дру-гихъ, либо *общественное обладаніе землей и капиталомъ съ участіемъ* *каждаго въ распредѣленіи общаго продукта* пропорціонально цѣнности того продукта, который имъ изготовленъ. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ работникъ не получаетъ въ натурѣ продукта своего труда; но въ первомъ случаѣ онъ теряетъ *часть его цѣнности*, кото-рая поступаетъ въ Ренту другому лицу, во второмъ же и эта часть остается въ пользу работниковъ.

Общественное обладаніе землею и капиталомъ можетъ быть по-нимаемо двояко: оно можетъ распространяться либо только на землю и капиталъ *отдѣльныхъ производительныхъ предпріятій* — имѣній или фабрикъ, а слѣдовательно, и на продуктъ этихъ предпріятій, либо продуктъ наиболѣе широкаго общественнаго союза, именуемаго государствомъ,— на всю его землю и весь его капиталъ. Первое имѣютъ въ виду крайніе пред-ставители идеи „ассоціаціи“, переходомъ къ которой является участіе работ-никовъ въ прибыляхъ предпріятій. Общественная собственность въ этой формѣ, оставаясь *частною* собственностью отдѣльныхъ рабочихъ ассоціа-цій, разбила бы государство на массу производительныхъ и торговыхъ ас-соціацій, которымъ пришлось бы продолжать чрезъ своихъ представи-телей нынѣшнія отношенія обмѣна. Я лично считаю эти идеи, даже въ наиболѣе ихъ умѣренной формѣ, въ формѣ, участія въ прибыляхъ, не-осуществимыми, и тѣмъ менѣе считаю нужнымъ на нихъ останавливаться, что сравненіе съ подобнымъ строемъ не пролило бы особенно яркаго свѣта на современный хозяйственный строй. Въ дальнѣйшемъ я буду поэтому имѣть въ виду общественную собственность въ самомъ широ-комъ смыслѣ, т. е. буду предполагать землю и капиталъ свободными отъ всякой частной собственности, даже отъ собственности общинъ, и принадлежащими *цѣлой націи, какъ таковой*; тогда и національный продуктъ остается въ общій собственности до того момента, когда бу-детъ подлежать окончательному распредѣленію между отдѣльными ли-цами.

Но и подобный строй не долженъ вовсе быть настолько комму-

нистичнымъ, чтобы совершенно исключать всякую собственность. Это имѣло бы мѣсто только въ томъ случаѣ, если бы при *распределеніи національнаго дохода законъ распределенія* опредѣлялся исключительно руководимую соображеніями *цѣлесообразности общественною волей*, а не вытекалъ, независимо отъ послѣдней, изъ *правового* принципа, т. е. изъ принципа, связаннаго съ *длительною волей индивида*. Въ первомъ случаѣ, дѣйствительно, нуженъ былъ бы коммунистическій „распредѣлитель“, будетъ ли это сень-симонистскій папа, рабочій диктаторъ или общественная директорія; во второмъ, какъ я покажу ниже, въ этомъ нѣтъ надобности. Можно, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ общность, распространяющуюся лишь на землю и капиталъ націй, но не на распредѣленіе; въ такомъ случаѣ отмѣнится только *дающая Ренту собственность*, но не собственность вообще. Эта послѣдняя, напротивъ, сведется къ ея истинному принципу и будетъ состоять, правда, не въ обладаніи непосредственнымъ продуктомъ труда (которое вѣдь при раздѣленномъ трудѣ невозможно и не существуетъ также и при нынѣшнемъ строѣ), а въ принадлежащемъ каждому работнику обладаніи *всею цѣнностью его продукта*. Такимъ образомъ, общность національной земли и капитала съ индивидуальною собственностью на *цѣнность* индивидуальнаго продукта—таковъ правовой строй, которымъ я замѣняю нынѣшній порядокъ вещей.

Какой же, спрашивается, видъ приметъ поставленное на такую правовую основу *народное хозяйство*? *Раздѣленіе труда* при такомъ порядкѣ вещей можетъ сохранить въ общемъ свой нынѣшній видъ: современныя сельско-хозяйственныя имѣнія, фабрики и вообще производительныя предпріятія, какого бы они ни были размѣра, могли бы продолжать дѣйствовать по прежнему; они могли бы производить тѣ же полезности, если только предположить, что при обобществленіи земли и капитала ренты не будутъ отняты у нынѣшнихъ собственниковъ, а уплата ихъ будетъ принята на общественный бюджетъ, т. е. другими словами—что нынѣшняя собственность будетъ не столько упразднена, сколько выкуплена! Въ этомъ случаѣ потребленіе сохранило бы по роду и количеству потребляемыхъ товаровъ тотъ же характеръ, и только мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ возрастаніе народнаго дохода повышало бы доходъ и улучшало бы потребленіе рабочихъ классовъ, измѣнялось бы содержаніе народнаго производства ¹⁾. Напротивъ, руково-

¹⁾ Выкупъ всей частной собственности на землю и капиталъ не химера,

Дѣтельность національнымъ производствомъ и распределеіе народнаго дохода, т. е. *функции народохозяйственнаго характера*, исполнялись бы совершенно иначе, чѣмъ при современномъ строѣ, иначе и въ отношеніи *органовъ*, которые бы ихъ исполняли, и *по способу* ихъ исполненія и, наконецъ, по достигаемымъ *результатамъ*. Эти отличія я считаю необходимымъ разобрать подробнѣе, потому что только такой разборъ позволить экономисту надлежащимъ образомъ оцѣнить всѣ явленія *современнаго* хозяйственнаго строя и особенно отношенія капитала въ ихъ существенномъ значеніи и взаимной связи.

Общее движеніе національнаго производства и распределеія продукта одинаково и при *частной*, и при *общественной* собственности на землю и капиталъ; въ то время, какъ въ томъ и другомъ случаѣ одинъ разрядъ производителей постоянно добываетъ сырье, другой постоянно занимается превращеніемъ сырья въ полуфабрикатъ, а послѣдній разрядъ непрерывно занятъ обращеніемъ фабриката въ предметы употребленія ²⁾, которые распределяются, опять-таки въ обоихъ случаяхъ, между всѣми, кто участвовалъ въ данный періодъ времени въ разныхъ ступеняхъ производства и имѣеть въ вознагражденіе за такое участіе право на полученіе дохода. Напротивъ, *способъ*, какимъ осуществляется

напротивъ, онъ совершенно экономически выполнимъ. И несомнѣнно, что онъ былъ бы радикальнѣйшею мѣрою для того, чтобы помочь обществу, которое, выражаясь кратко, *страдаетъ отъ возрастанія Ренты*, подразумевая въ томъ числѣ и земельную ренту, и прибыль на капиталъ. Онъ былъ бы притомъ единственною формою отмѣны частной собственности на землю и капиталъ, которая не прервала бы даже на время прогресса народнаго богатства. Если бы Рента при выкупѣ была фиксирована по ея *нынешнему размѣру*, то при возрастаніи производительности труда она становилась бы все меньшею долею національнаго дохода, тогда какъ въ настоящее время, — въ чемъ и состоитъ главное зло, — она поглощаетъ весь результатъ растущей производительности. Съ другой стороны, если платежъ Ренты будетъ принятъ на общественный бюджетъ, т. е. если она будетъ не отмѣнена безъ вознагражденія, а выкуплена, то остающійся безъ измѣненія спросъ на товары позволитъ существовать попрежнему всѣмъ имѣющимъ на лицо производствомъ, тогда какъ при безвозмездной отмѣнѣ собственности на землю и капиталъ, т. е. при внезапномъ исчезновеніи Ренты, во все народное производство было бы внесено пагубное разстройство. Я не буду однако подробнѣе разбирать вопросъ о выкупѣ, такъ какъ мои практическія предложенія не идутъ столь далеко: я имѣю въ виду оставить собственникамъ не только Ренту, но и самую землю капиталъ, только задержать *ростъ Ренты, идущій въ ущербъ заработной платѣ*, и дать вслѣдней возможности расти параллельно съ ростомъ первой. *Прим. Родбертуса.*

²⁾ Einkommensgüter. А. Ж.

это движенье со ступени на ступень, равно какъ *права и доли участниковъ* распределенія совершенно различны.

Характерныя черты общественнаго строя съ частною собственностью на землю и капиталъ состоятъ, во-1-хъ, въ томъ, что движенье производства и распределенія осуществляется чрезъ посредство *мнового оборота*, и во-2-хъ, въ томъ, что участниками въ производствѣ являются, а потому право на участіе въ распределеніи имѣютъ не только дѣйствительные производители, но и другія лица — *обладатели земли и капитала*. Въ самомъ дѣлѣ, только частная собственность на землю и капиталъ сообщаетъ обществу *многовой* характеръ ³⁾. Только въ силу этого института все производство регулируется чрезъ посредство купли-продажи, — полуфабрикаты покупаютъ сырье и продаютъ полуфабрикатъ, и т. д. Только въ силу этого института купля-продажа регулируетъ и все распределеніе національнаго дохода, — работники *должны* продавать свой трудъ, собственники *могутъ* уступать *впрямь* доли дохода (Ренты), которыя доставить имъ *многовой* оборотъ, въ обмѣнъ на *опредѣленные* заранее количества продукта — ростъ или арендную плату. Наконецъ въ силу того же института обладатели готовыхъ предметовъ потребления *продаютъ* эти послѣдніе, и предметы эти покупаются потребителями въ обмѣнъ на полученныя въ видѣ дохода цѣнности. Хорошо ли, худо ли, но все эти продавцы и покупатели осуществляютъ необходимыя народохозяйственныя функціи и волей-неволей *должны* ихъ осуществлять, ибо ихъ вынуждаетъ къ тому существованіе собственности на землю и капиталъ. Равнымъ образомъ, только этотъ институтъ дѣлаетъ возможными постоянныя нарушенія принципа собственности и вынуждаетъ рабочихъ соглашаться на несправедливый раздѣлъ продукта, при которомъ собственникамъ достается львиная доля.

Характерныя черты общественнаго строя съ обобщественными землею и капиталомъ состоятъ, во-1-хъ, въ томъ, что движенье производства и распределенія происходитъ по *общественному распоряженію и назначенію*, и во-2-хъ, въ томъ, что принципъ собственности осуществляется въ его чистомъ видѣ, т. е. участниками производства, имѣющими право на участіе въ распределеніи, признаются только дѣйствительные производители. Въ самомъ дѣлѣ: если земля и капиталъ, а слѣдовательно и весь національный продуктъ, до момента поступленія

³⁾ Charakter einer Tauschgesellschaft. А. К.

въ доходъ не только по *существу*, но и *юридически* остаются въ обладаніи общества, то *мѣншой оборотъ*, какъ посредникъ въ національномъ производствѣ и распредѣленіи, долженъ исчезнуть. При такомъ общественномъ стрѣ частныхъ лица не могутъ уже *покупать* сырье, чтобы обратить его въ полуфабрикатъ и въ этомъ видѣ *перепродать* другимъ лицамъ, и т. д. до тѣхъ поръ, пока готовая полезность не будетъ продана уже прямо потребителямъ. Всѣ эти частныя лица могли совершать всѣ эти покупки и продажи только какъ обладатели соответствующихъ частицъ національнаго капитала, а частную собственность на послѣдній мы вѣдъ предполагаемъ уже несуществующею. Посредничество между производствомъ и распредѣленіемъ составляетъ обязанность того, кому принадлежитъ, какъ собственнику, право *распоряженія* землею и капиталомъ, а потому и національнымъ продуктомъ, т. е. въ предположенномъ нами случаѣ—объединеннаго общества. Но этому послѣднему достаточно изъяснить свою *волю*, чтобы сырье направилось на фабрики и, пройдя разнообразныя ступени производства, распредѣлилось между потребителями; общественная воля *распоряжается тамъ*, гдѣ прежде индивидуальныя воли боролись и вступали въ соглашенія; общество перестало быть „мѣншымъ союзомъ“, оно сдѣлалось и по *внѣшности* тѣмъ, чѣмъ оно всегда было по существу, т. е. *союзомъ, работающимъ сообща*, по указаніямъ общей воли и по общему плану. Съ другой стороны, по отмѣнѣ частной собственности на землю и капиталъ, Рента можетъ быть присоединена къ рабочей платѣ, а эта послѣдняя можетъ подняться до уровня *полнаго трудового дохода*, и такимъ образомъ принципъ собственности можетъ осуществиться въ его чистомъ видѣ.

Посмотримъ же прежде всего, каковы будутъ тѣ *органы*, на которые будутъ возложены *народохозяйственныя функціи*.

Общественный союзъ, какъ таковой, можетъ дѣйствовать и осуществлять свою волю только чрезъ своихъ уполномоченныхъ—чиновниковъ или должностныхъ лицъ. А такъ какъ вся земля и весь капиталъ предполагаются принадлежащими *всему* обществу, государственному союзу, то завѣдываніе ими и руководство производствомъ и потребленіемъ можетъ лежать въ послѣдней инстанціи только на *органахъ цѣлаго этого союза*—на *центральному органу* или учрежденіи. Этотъ органъ, который можетъ быть монархическаго или демократическаго происхожденія,—что съ хозяйственной точки зрѣнія безразлично,—соединилъ бы въ своихъ рукахъ всѣ тѣ народохозяйственныя функціи, большая часть которыхъ

нынѣ распредѣляется между частными лицами, и исполнять бы ихъ такимъ способомъ и съ такимъ успѣхомъ, которые соотвѣтствовали бы его объединенному характеру и его обращенному непосредственно къ цѣли направленію.

Итакъ, на общественномъ учрежденіи лежала бы обязанность при-
норовлять національное производство къ потребности, удерживать на-
ціональный продуктъ на уровнѣ различныхъ производительныхъ средствъ
и регулировать распредѣленіе національнаго дохода сообразно устано-
вленнымъ обществомъ правовымъ принципамъ. *Какимъ же образомъ,*
спрашивается, будетъ оно отправлять эти функціи?

Прежде всего, чтобы приноровить производство къ національной
потребности, надо *опредѣлить* эту послѣднюю. Возможно ли такое
опредѣленіе, разъ сфера потребностей и индивида и общества *безко-*
нечна? Потребности бываютъ публичныя, къ удовлетворенію которыхъ
общество *понуждаетъ* индивида, и частныя, удовлетвореніе которыхъ
оно предоставляетъ его усмотрѣнію. Первые народному хозяйству не-
чего опредѣлять,—онѣ *устанавливаются общественною волей* и въ видѣ
расходнаго бюджета преподаются къ исполненію народному хозяйству.
Для этого послѣдняго ихъ значеніе состоитъ только въ томъ, что онѣ
являются лишнимъ отправнымъ пунктомъ для опредѣленія потребностей
частныхъ. Въ чемъ же въ сущности трудность опредѣленія индивиду-
альныхъ потребностей? Не столько въ томъ, *каковы* онѣ и *чѣмъ* онѣ
могутъ быть удовлетворены, потребности въ общемъ, благодаря вліянію
человѣческой природы и... моды, у всѣхъ болѣе или менѣе одинаковы
по своему относительному значенію, и можно считать извѣстнымъ, ка-
ковы средства удовлетворенія каждой данной потребности,—трудность
состоитъ въ опредѣленіи того, въ *какой мѣрѣ* потребности каждаго
могутъ быть удовлетворены наличными средствами, т. е. въ *сравненіи*
производительной силы націи и *доли* этой силы, принадлежавшей ин-
дивиду, съ подлежащими удовлетворенію *потребностями*. Но именно
въ хозяйственномъ строѣ безъ частной собственности на землю и ка-
питаль такое сравненіе становится возможнымъ. *Если только извѣстно*
измѣренное по времени количество труда ⁴⁾, *которое берется*
исполнить каждый участвующій въ производствѣ работникъ, то
можно разсчитать, въ *какой мѣрѣ* наличныя средства достаточны для
удовлетворенія потребностей всѣхъ и каждаго; а вмѣстѣ съ тѣмъ ста-

⁴⁾ Zeitarbeit. А. Б.

новится извѣстнымъ, *какія* потребности подлежатъ удовлетворенію, а слѣдовательно, *какія* полезности должны производиться и въ *какомъ* *количествѣ*.

Измѣренное по времени количество труда, которое каждый беретъ на себя, есть—повторяю—мѣрило для сравненія совокупной и индивидуальной производительной силы съ подлежащими удовлетворенію потребностями; разъ извѣстно, что миллионъ работниковъ готовъ работать по 300 дней въ году, то это позволяетъ народному хозяйству опредѣлить тѣ потребности, къ удовлетворенію коихъ должны быть направлены эти самыя производительныя силы. А если это вѣрно, если рабочее время дѣйствительно можетъ служить такимъ мѣриломъ, то дальнѣйшее понятно само собой. Публичное право опредѣляетъ не только подлежащія удовлетворенію общественныя потребности, но также и размѣръ, въ которомъ каждый производитель долженъ участвовать въ ихъ покрытіи. Народному хозяйству не трудно будетъ опредѣлить какъ всю сумму рабочаго времени, нужную для покрытія публичной потребности, такъ и долю участія въ этой суммѣ каждаго производителя, а отсюда получится свободный остатокъ рабочаго времени, какимъ каждый располагаетъ для удовлетворенія своихъ индивидуальныхъ потребностей. А такъ какъ, при предположенномъ нами правовомъ строѣ, каждый производитель получаетъ всю цѣнность своего продукта, за вычетомъ лишь того, что идетъ на общественныя нужды, то нетрудно будетъ опредѣлить, въ какой мѣрѣ этотъ остатокъ способенъ служить къ удовлетворенію индивидуальныхъ потребностей, и затѣмъ останется только соотвѣтственно полученному результату распределить всю сумму подлежащаго исполненію рабочаго времени между отдѣльными производствами.

Но вопросъ именно въ томъ, *насколько вѣрно* это мѣрило; въ томъ, можетъ ли простое рабочее время служить масштабомъ для сравненія рабочей силы и потребностей, и въ частности можетъ ли оно служить мѣрою этихъ послѣднихъ?

Для изолированнаго хозяина отвѣтъ, конечно, былъ бы утвердительнымъ: предполагая данную производительность его труда, онъ отлично могъ бы опредѣлить, какія потребности и въ какомъ размѣрѣ онъ можетъ удовлетворить, проработавъ 100 дней, какое *богатство* ему дадутъ эти 100 дней. Слѣдовательно, рабочее время, несомнѣнно, могло бы служить для него *мѣрой удовлетворенія потребностей*, не въ такомъ, конечно, смыслѣ, въ какомъ аршинъ является мѣрой длины, а въ такомъ, въ какомъ термометръ служитъ мѣриломъ температуры. Но мо-

жетъ ли трудъ служить такимъ же мѣриломъ для народохозяйственнаго органа при раздѣленномъ трудѣ, когда, во 1-хъ, разные виды труда въ *разныхъ производствахъ* требуютъ различной силы и различнаго напряженія; когда, во 2-хъ, отдѣльные работники въ каждомъ *данномъ производствѣ* могутъ быть различны въ смыслѣ трудолюбія и умѣнья, и когда, въ 3-хъ, производительность труда и вообще подвержена измѣненіямъ, и въ общемъ результатъ различныя количества рабочаго времени въ разныхъ случаяхъ имѣютъ различное производительное значеніе? Если бы всѣ эти различія нельзя было привести къ одному знаменателю и устранить, то они несомнѣнно помѣшали бы общественному центральному органу на основаніи извѣстной въ цѣломъ и въ частности суммы рабочаго времени устанавливать подлежащія удовлетворенію потребности. Но въ дѣйствительности такое приведеніе къ одному знаменателю вполне возможно.

Устранимъ на минуту одно изъ указанныхъ обстоятельствъ и, предположивъ, что производительность труда *не измѣняется во времени* (такое предположеніе тѣмъ болѣе возможно, что и на практикѣ рѣчь прежде всего будетъ о производительности труда въ *данное время*), посмотримъ, можно ли устранить затрудненія, вытекающія изъ различія видовъ труда и свойствъ работниковъ ⁵⁾. Это несомнѣнно возможно. Затрудненіе, вытекающее изъ различія видовъ труда, устраняется принятіемъ *нормальнаго рабочаго времени*: если въ разныхъ производствахъ день труда имѣетъ разное производительное значеніе, то различные виды труда могутъ быть оцѣниваемы одинъ сравнительно съ другимъ и приравниваемы къ *нормальному рабочему времени*. Можно будетъ сказать, что въ одномъ производствѣ „рабочій день“ или „рабочій часъ“ заключаетъ столько-то, въ другомъ—столько-то часовъ или минутъ дѣйствительнаго времени ⁶⁾, и все же раздѣлять нормальный рабочій день или часъ въ разныхъ производствахъ на равное число нормальныхъ часовъ или минутъ. Нормальный рабочій день или часъ явится поэтому единицей мѣры, способной нормировать *производительную цѣнность* даннаго количества труда, измѣреннаго по времени, *въ каждомъ отдѣльномъ производствѣ* ⁷⁾. Что касается до затрудненій, вытекающихъ изъ

⁵⁾ Der Arbeiten und der Arbeiter. А. К.

⁶⁾ Zeitstunden oder Zeitminuten. А. К.

⁷⁾ Въ дѣйствительности это происходитъ и въ настоящее время. Рабочій день въ разныхъ производствахъ не всегда одинаковой продолжительности, но оплачивается и тамъ, гдѣ онъ короче, какъ полный рабочій день. Прим. Родбертуса.

различія въ свойствахъ работниковъ, то они устраняются помощью *нормальнаго дневноу урока* ⁸⁾: центральному органу достаточно узнать путемъ опроса участниковъ раздѣленнаго труда, какъ велика въ каждомъ производствѣ работа, исполняемая въ теченіе *нормальнаго рабочаго дня* среднимъ по трудолюбію и умѣлости работникомъ, и принять эту среднюю величину за размѣръ продукта измѣреннаго по нормальному рабочему времени количества труда: и въ природѣ, и въ соціальной жизни основное значеніе имѣютъ именно среднія величины, колебанія же вокругъ послѣднихъ должны взаимно уравновѣшиваться именно потому, что это среднія величины. При помощи *нормальнаго дневноу урока*, этого средняго продукта средняго работника въ теченіе опредѣленнаго промежутка нормальнаго рабочаго времени, центральный органъ сможетъ, такимъ образомъ, опредѣлить, несмотря на различія въ свойствахъ работниковъ, насколько данное количество нормальнаго рабочаго времени можетъ служить для удовлетворенія потребностей.

Если бы, такимъ образомъ, производительность труда не измѣнялась, то центральный органъ, не взирая на различія видовъ труда и индивидуальныхъ свойствъ работниковъ, несомнѣнно могъ бы отъ даннаго количества рабочаго времени заключать о подлежащихъ удовлетворенію потребностяхъ, и *простое рабочее время могло бы служить мѣриломъ удовлетворенія послѣднихъ*. Въ дѣйствительности однако *измѣненія* производительности не могутъ быть устранены; напротивъ, именно въ *повышеніи* ея, въ томъ, что данное количество труда, измѣреннаго по времени, доставляетъ, благодаря повышенію производительности земли, воздѣлыванію лучшихъ продуктовъ, улучшенію орудій, машинъ и методовъ производства, все болѣе удовлетворенія, именно въ этомъ лежитъ единственный истинный источникъ возрастанія богатства. Если, такимъ образомъ, въ *данное время* и при *данной* производительности возможно опредѣлить при помощи нормальнаго рабочаго дня и рабочаго урока, сколько удовлетворенія дастъ данное количество рабочаго времени, то это мѣрило мало-по-малу перестаетъ быть вѣрнымъ именно потому, что данное количество рабочаго времени создаетъ все больше продукта, и потому для изготовленія количества продуктовъ, нужнаго для удовлетворенія какой-либо потребности, становится необходимымъ все меньше рабочаго времени. Но и это затрудненіе легко устранить путемъ періодическаго пересмотра соотношеній нормальнаго

⁸⁾ Norm. Tagewerk. А. К.

рабочаго дня и рабочаго урока. Мнѣ достаточно упомянуть объ этомъ, чтобы дѣло само собою стало ясно.

Итакъ, центральный органъ, зная количество труда, *которое беретъ на себя каждый участникъ раздѣленнаго труда*, можетъ опредѣлить, что должно быть производимо для удовлетворенія индивидуальных потребностей. *Устанавливая напередъ* количество труда, который будутъ исполнять индивиды, онъ можетъ установить впередъ и тѣ потребности, къ удовлетворенію которыхъ долженъ быть направленъ этотъ трудъ. Если это не будетъ сдѣлано, ему придется поступать, какъ поступаютъ нынѣшніе предприниматели, то есть на основаніи прошедшаго и настоящаго потребленія заключать о будущемъ; но, конечно, самоопредѣленіе или предварительное установленіе каждымъ количества подлежащаго исполненію труда болѣе соответствовало бы высшимъ принципамъ морали.

Если, такимъ образомъ, опредѣлена національная потребность, то надлежащее направленіе производства не представитъ затрудненій: центральному органу, распоряжающемуся всеѣмъ національнымъ капиталомъ, остается только организовать соответствующія выяснившимся потребностямъ производства и распредѣлить по нимъ національный трудъ и капиталъ, а для этого достаточно простого распоряженія этого центральнаго органа.

Чтобы поддерживать національный продуктъ на уровнѣ наличныхъ производительныхъ средствъ, центральному органу нужно было бы только допускать *всякій* наличный трудъ сообразно выясняющимся потребностямъ къ надлежащимъ производствамъ и устраивать эти послѣднія въ удобнѣйшихъ мѣстахъ и съ наиболѣе подходящими средствами. Ему не было бы надобности выжидать спроса на трудъ, бытекающаго изъ спроса на продуктъ: всякій трудъ создавалъ бы спросъ самъ на себя, ибо оплатою его была бы вся цѣнность его продукта, — не болѣе и не менѣе; ему не нужно было бы ждать „сбереженія“ и „накопленія“ капитала, который, разсматриваемый самъ по себѣ, вѣдь вовсе не собирается и не накапливается, а производится правильно раздѣленнымъ національнымъ трудомъ. При разсматриваемыхъ порядкахъ, когда не было бы *частнаго капитала, частной собственности на капиталъ*, которая дѣйствительно должна быть „сберегаема“, потребовалось бы только распоряженіе центральнаго органа, чтобы сгруппировать его въ производительныя предпріятія. При этихъ порядкахъ промышленныя тайны не создавали бы искусственныхъ монополій, и искусственно не насаждались

бы „неестественныя“ отрасли промышленности, ибо всякій успѣхъ техники становился бы общимъ достояніемъ, а каждое производительное предпріятіе открывалось бы только тамъ, гдѣ оно было бы выполнѣ на мѣстѣ по естественнымъ условіямъ, наличнымъ вспомогательнымъ средствамъ и отношеніямъ къ потребителямъ, и такимъ образомъ центральный органъ прямымъ путемъ достигъ бы рѣшенія задачи, которую покровительственная система пытается, но неудачно, разрѣшить косвеннымъ путемъ.

Остается послѣдній вопросъ: какъ долженъ поступать центральный органъ, чтобы распредѣлять національный доходъ соотвѣтственно принципамъ предполагаемаго правового строя? Напомню прежде всего, что эти принципы не имѣютъ „коммунистическаго“ характера; они опредѣляютъ, что каждый имѣетъ право на *полную цѣнность* продукта *своего* личного труда, и что изъ соотвѣтствующаго послѣднему дохода можетъ быть вычтено лишь то, что причитается для покрытія публичныхъ потребностей.

Въ настоящее время, при существованіи частной собственности на землю и капиталъ, продукты *вымѣниваются* другъ на друга, и этимъ путемъ выясняется ихъ *цѣнность*, которая, въ свою очередь, опредѣляетъ размѣръ доли, получаемой каждымъ при распредѣленіи національнаго продукта. Въ разсматриваемомъ строѣ соотношеніе между продуктами и въ частности между продуктомъ и доходомъ будетъ опредѣляться центральнымъ народохозяйственнымъ органомъ; на *его* обязанности будетъ лежать опредѣленіе того, *какова цѣнность продукта каждаго работника, выраженная въ продуктъ каждаго другого, а слѣдовательно, и въ предметахъ потребленія*, а затѣмъ и забота о томъ, чтобы каждый получалъ доходъ въ соотвѣтственномъ размѣрѣ. Центральный органъ можетъ осуществить эту задачу двоякаго рода мѣрами:

а) *Установленіе нормальной цѣнности* ⁹⁾ каждаго продукта.

б) *Созданіемъ денежнаго знака, вполнѣ соотвѣтствующаго своей идее.*

Возможно ли, спрашивается, установленіе нормальной цѣнности? Не зависитъ ли послѣдняя, въ концѣ концовъ, отъ потребности, и есть ли что-либо болѣе непостоянное, чѣмъ потребность? Не есть ли цѣнность общественныхъ продуктовъ лишь рядъ относительныхъ величинъ?

⁹⁾ Konstituierung des Werths. А. К.

И не будет ли всякая нормировка цѣнности опрокинута, какъ только потребность въ продуктахъ останется неудовлетворенною, а потому измѣнятся эти отношенія? Конечно, да! Но если центральный органъ удерживаетъ производство на уровнѣ потребностей, то и цѣнность можетъ быть нормирована. Соотвѣтствіе производства съ потребностями безусловно необходимо, но при общественномъ обладаніи землею и капиталомъ и при завѣдываніи послѣдними, сосредоточенномъ въ рукахъ общественнаго органа, такое соотвѣтствіе, какъ я показалъ, вполне достижимо; необходимое предположеніе, *conditio sine qua* поц, возможности нормированія цѣнности въ разсматриваемомъ строѣ можетъ считаться осуществленнымъ, и остается только вопросъ: можетъ ли, при наличности этого предположенія, цѣнность, или взаимное отношеніе между продуктами, быть установлена въ какой-либо опредѣленной мѣрѣ? Существуетъ ли такое мѣрило, которое, ни мало не нарушая правовой и хозяйственной гармоніи распредѣленія общаго продукта, точно указывало бы, какая часть общаго дохода слѣдуетъ каждому за продуктъ его труда.

И я отвѣчаю: *трудъ есть именно такое мѣрило, и цѣнность каждаго продукта можетъ быть нормирована по суммѣ затраченнаго на его производство непосредственнаго и посредственнаго труда*, т. е. труда, соотвѣтствующаго погашенію орудій. Противъ этого положенія экономисты возражаютъ многое: они отрицаютъ не то, чтобы естественная стоимость продукта могла быть опредѣляема по формулѣ $m + \frac{n}{x}$ труда, а то, чтобы эта стоимость могла служить „мѣриломъ цѣнности“, другими словами, чтобы цѣнность могла быть нормирована по этой стоимости. Прежде всего они возражаютъ, что въ обществѣ, гдѣ, благодаря существованію частной собственности на землю и капиталъ, получается Рента, эта Рента, или по крайней мѣрѣ прибыль на капиталъ, тоже входитъ въ составъ цѣнности. Въ первой части я показалъ, что это возраженіе не вѣрно по существу; но во всякомъ случаѣ при разсматриваемомъ порядкѣ вещей оно отпадаетъ, такъ какъ вмѣстѣ съ собственностью на землю и капиталъ упраздняется Рента. Но у экономистовъ есть и болѣе вѣскія возраженія; они говорятъ: *изолированный хозяинъ*, правда, можетъ исчислять стоимость каждаго продукта по количеству труда; но въ обществѣ цѣнность не что иное, какъ посредствующій элементъ *распредѣленія* созданнаго раздѣленнымъ трудомъ продукта между участниками этого труда; цѣнность

есть значеніе ¹⁰⁾ для общества продукта труда данного индивида, опредѣляющее собой вознагражденіе индивида изъ продукта общественнаго труда; цѣнность есть показатель этого значенія и этого вознагражденія ¹¹⁾. Какимъ же образомъ, въ такомъ случаѣ, цѣнность можетъ быть нормирована по труду, а трудъ—служить мѣриломъ цѣнности, если, во-1-хъ, трудъ въ разныхъ производствахъ не одинаково интенсивенъ, а слѣдовательно *рабочій день* не одинаково продолжителенъ; если, во 2-хъ, *работники* въ каждомъ производствѣ различны по трудолюбію, силѣ, ловкости, и, слѣдовательно, не одинаковы и ихъ *дневные уроки*; если, въ 3-хъ, трудъ не одинаково производителенъ въ зависимости отъ естественныхъ условій, напр., отъ различій въ плодородіи земли, и если, въ 4-хъ, и самая производительность труда измѣняется съ теченіемъ времени подъ вліяніемъ прогресса культуры?

Конечно, если эти возраженія не ложны, и если указанные затрудненія не могутъ быть устранены, то трудъ *не* можетъ быть мѣриломъ цѣнности, а послѣдняя не можетъ быть нормирована по труду. Въ самомъ дѣлѣ, мѣрило стоимости и оплаты продукта индивидуальнаго труда должно быть вѣрнымъ; между тѣмъ невѣрно, чтобы легкій трудъ стоилъ столько же, сколько тяжелый, чтобы лучшій и большій продуктъ усерднаго работника стоилъ того же, чего стоитъ малый и плохой продуктъ лѣниваго, чтобы большій урожай, полученный съ плодородной почвы, стоилъ того же, чего стоилъ малый урожай съ плохой почвы и т. д.

Въ действительности эти возраженія не ложны, ибо указанныя различія дѣйствительно существуютъ. Но эти различія могутъ быть сглажены и устранены, а съ тѣмъ вмѣстѣ устраняются и приведенныя возраженія. Прежде всего, разнообразіе видовъ труда и свойствъ работниковъ можетъ быть сглажено, если за мѣрило принять *нормальный трудъ*. Выше я выяснилъ понятія „нормальнаго рабочаго времени“, сглаживающаго различія видовъ труда, и „нормальнаго дневнаго урока“, сглаживающаго различія свойствъ работниковъ. Понятіе „нормальнаго труда“ вытекаетъ изъ этихъ двухъ понятій: *нормальный трудъ есть трудъ, затраченный на исполненіе нормальнаго урока*; каждое данное количество продукта приравнивается къ такому количеству нормальнаго труда, какого стоило количество, соответствующее половинѣ нормальнаго урока, приравнивается къ половинному количеству нормальнаго

¹⁰⁾ Geltung. А. К.

¹¹⁾ Richtmaass dieser Geltung und dieser Vergeltung. А. К.

труда, хотя бы въ дѣйствительности труда было затрачено, благодаря лѣни или неумѣлости даннаго работника, и вдвое больше, и т. д. Если, такимъ образомъ, рѣчь идетъ о совокупности работниковъ, и если цѣнность должна опредѣлять справедливое вознагражденіе каждаго изъ нихъ, то трудъ, по которому должна нормироваться цѣнность, не можетъ быть трудомъ, измѣряемымъ по солнечнымъ часамъ, а долженъ быть *нормальнымъ трудомъ*; формула $t + \frac{n}{x}$ труда обращается въ формулу

$t + \frac{n}{x}$ *нормальнаго труда*. А съ этимъ падаетъ одно изъ возраженій экономистовъ, потому что въ нормальномъ трудѣ сглаживаются различія и въ свойствахъ труда, и въ работникахъ; если цѣнность опредѣляется по нормальному труду, то тяжелый трудъ уже не приравнивается къ легкому, трудъ лѣниваго работника — къ труду усерднаго; все эти дробы приведены къ одному знаменателю, и *нормальный трудъ* является мѣриломъ, равномернымъ и справедливо опредѣляющимъ цѣнность *каждаго* продукта индивидуальнаго труда. И дѣйствительно ли, спрашивается, такъ трудно установить для каждаго производства нормальное рабочее время, дневной урокъ и нормальный трудъ? Напротивъ, это настолько легко, что фактически дѣлается уже, хотя весьма несовершеннымъ способомъ, и нынѣ, среди нашего промышленнаго *bellum omnium contra omnes* и въ частности войны предпринимателей съ рабочими. Обществу нужно было бы только установить во всѣхъ производствахъ *постоянную* и неизмѣнную плату за сдѣланный трудъ, и очень скоро не только исчезла бы нелюбовь рабочихъ къ такого рода труду, но они очень точно и вѣрно установили бы для распредѣленія аккордной платы масштабъ для уровновѣщиванія различій въ свойствахъ работниковъ и родахъ труда.

Равнымъ образомъ, легко устранимо или, вѣрнѣе, само собой устраняется, при общественномъ владѣніи землей и капиталомъ, и третье изъ приведенныхъ возраженій. Различіе, напримѣръ, между богатыми и бѣдными рудниками неустранимо. Но предполагаемый нами общественный строй, основанный на общественномъ обладаніи землею и капиталомъ, признавая значеніе различій въ свойствахъ людей и требуя лучшей оплаты для болѣе усердныхъ и умѣлыхъ работниковъ (что и достигается принятіемъ за мѣрило нормальнаго труда), не позволяетъ отдѣльнымъ лицамъ извлекать выгоды изъ благопріятныхъ условий внѣшней природы, изъ различій въ производительности земли. Пока

существуетъ частная земельная собственность, такія условія и различія становятся естественною *монополіей* землевладѣльца. Нельзя, конечно, думать, чтобы именно эта монополія была источникомъ вообще земельной ренты, — этотъ ложный взглядъ я, мнѣ кажется, опровергъ, показавъ, что земельная рента можетъ получаться и при повсемѣстно равномъ плодородіи земли, и при цѣнѣ сырого продукта, которая, соотвѣтствуя трудовой стоимости, никакъ не можетъ быть признана монополюю. Но монополія даетъ землевладѣльцу *дифференціальную ренту*: наименѣ производительная земля нерѣдко устанавливаетъ цѣну, а такъ какъ на рынкѣ возможна вѣдь только одна цѣна, то продуктъ болѣе производительной земли тоже долженъ повыситься въ цѣнѣ до цѣны продукта менѣе производительной, т. е. до цѣны, имѣющей для болѣе производительной земли монополюный характеръ. То же было бы, если бы земля и капиталъ поступили въ общую собственность *общинъ*, если бы общество распалось на множество небольшихъ рабочихъ ассоціацій. Монополюныя цѣны и дифференціальныя прибыли остались бы; онѣ только пошли бы въ пользу болѣе счастливыхъ *общинъ*, что было бы еще болѣе вопіющею несправедливостью. Потребители не только попрежнему продолжали бы страдать отъ этихъ дифференціальныхъ прибылей, но несправедливость послѣднихъ ложилась бы именно на *работниковъ*, какъ таковыхъ: въ то время какъ теперь, — работаютъ ли они на плодородной или неплодородной землѣ, — они получаютъ одинаковую плату, при предполагаемой организаціи работники, трудящіеся на болѣе плодородныхъ земляхъ, получали бы болѣе доходъ. Если при этой организаціи исчезла бы неправда Ренты, то, напротивъ, во *взаимныхъ* отношеніяхъ между работниками именно тутъ была бы нарушена справедливость. Напротивъ, если земля и капиталъ будутъ принадлежать *всему* обществу, различія въ производительности земли не пойдутъ на пользу ни индивидамъ, ни отдѣльнымъ корпораціямъ, — само общество вступаетъ въ обладаніе наслѣдствомъ. Цѣнность даннаго количества продукта должна будетъ нормироваться не по нормальному труду работающихъ въ разныхъ мѣстахъ индивидовъ, а по среднему количеству труда, затраченнаго *на всю массу* производимаго въ обществѣ продукта данной категоріи. На мѣсто монополюной становится средняя цѣнность; первая опустится до уровня послѣдней, и *преимущества*, которыя *природа* даруетъ тѣмъ или другимъ *мѣстностямъ*, уже не будутъ давать никому — ни индивиду, ни корпораціи — незаслуженныхъ выгодъ, а, понижая среднюю цѣнность, станутъ достояніемъ цѣлаго общества, тогда

как субъективныя особенности индивидовъ сохранять свое прежнее значеніе.

Путемъ примѣненія принциповъ нормальнаго труда и средняго общественнаго труда получилась бы, такимъ образомъ, возможность нормировать цѣнность національнаго продукта и въ цѣломъ, и въ частяхъ его: весь сырой продуктъ націи имѣлъ бы цѣнность, равную всему непосредственному труду *плюс* весь посредственный трудъ, изображаемый ремонтомъ и погашеніемъ орудій; цѣнность полуфабриката слагалась бы изъ тѣхъ же элементовъ *плюс* цѣнность переработаннаго сырья и т. д., и, наконецъ, цѣнность окончательно изготовленнаго продукта, т. е. *національнаго дохода*, слагалась бы изъ всего непосредственнаго и посредственнаго труда, затраченнаго на послѣдней ступени, *плюс* цѣнность всего труда всѣхъ предыдущихъ ступеней, или соотвѣтствовала бы *общей суммѣ* всѣхъ *дѣйствительно исполненныхъ* въ данный періодъ *работъ*, конечно, по переводѣ ихъ на *нормальную работу*. Изъ этой общей суммы получалась бы цѣнность каждой отдѣльной категоріи продукта, а отсюда—цѣнность каждаго даннаго количества послѣдняго; такъ нормальная цѣнность шеффеля пшеницы равнялась бы частному отъ дѣленія цѣнности всей пшеницы на число шеффелей въ среднемъ урожаѣ страны. Какъ бы труднымъ ни показалось такое нормированіе на практикѣ и въ мелочахъ, во всякомъ случаѣ оно было бы вѣрно *принципіально*; но и практическая трудность не такъ велика, потому что тамъ, гдѣ начинаются главныя трудности, фиксація могла бы быть и болѣе произвольною. Главное назначеніе цѣнности вѣдь въ томъ, чтобы служить *регуляторъ распредѣленія*, чтобы не давать ни одному производителю излишняго и не отнимать слѣдующаго ему по сравненію съ другими; поэтому, при нормированіи цѣнности не такъ важно вѣрно установить ея высоту для національнаго продукта въ цѣломъ или въ частяхъ его, какъ важно точно взвѣсить отношеніе *субъективнаго* труда, — вѣрно установить нормальный рабочій день и дневной урокъ. Если взять любой продуктъ, то едва ли возможно точно опредѣлить его цѣнность по формулѣ $m + \frac{n}{x}$ труда, но вовсе не трудно перевести во всѣхъ

производствахъ *сумму даннаго* труда на нормальный трудъ и сообразно этому оцѣнить изготовленныя при среднихъ условіяхъ количества продукта сначала въ общей массѣ, а затѣмъ по частямъ. Разъ только это сдѣлано, то ошибка въ относительной высотѣ цѣнности отдѣльныхъ

продуктовъ не нарушить взаимной справедливости распредѣленія между потребителями.

Наконецъ, и *четвертое* затрудненіе устранимо путемъ *периодическаго пересмотра* нормировки. Такъ какъ цѣнность важна, главнымъ образомъ, какъ мѣрило справедливаго *распредѣленія* между одновременно трудящимися, то достаточно, если она будетъ мѣриломъ значенія и оплаты продукта индивидуального труда, справедливымъ *для данного времени*. Если общественный трудъ будетъ становиться все болѣе производительнымъ, то данное количество продукта будетъ мало-по-малу изображать все меньшее количество труда; нормировка цѣнности по прежнимъ пропорціямъ сдѣлается невѣрною. Но такъ какъ индивиды будутъ получать вознагражденіе за свой трудъ соотвѣтственно изготовленнымъ ими цѣностямъ, то изготовленный, благодаря производительности труда, избыточный продуктъ вовсе не попадетъ въ распредѣленіе, а остался бы лежать въ общественныхъ складахъ. Это значило бы, что наступилъ моментъ *пересмотра* существующей нормировки цѣнностей; эти послѣднія надлежало бы понизить, т. е. другими словами, повысить реальные доходы до размѣра, допускаемаго дѣйствительностью.

Перехожу теперь ко второму вопросу — о денежномъ знакѣ.

Народохозяйственное центральное учрежденіе выдавало бы каждому производителю удостовѣреніе на такое количество исполненнаго нормальнаго труда, какое причиталось бы, согласно изъясненнымъ принципамъ, на изготовленный имъ продуктъ; это удостовѣреніе точно обозначало бы созданную имъ цѣнность, а потому могло бы служить ассигновкой на полученіе равной цѣнности, которая могла бы быть взята изъ общественныхъ складовъ въ обмѣнъ на удостовѣреніе въ видѣ любыхъ предметовъ потребления, какъ теперь товары получаютъ въ обмѣнъ на деньги изъ частныхъ магазиновъ.

Эти нормальныя „рабочія свидѣтельства“ служили бы *орудіемъ обращенія*, *поскольку вообще была бы въ немъ надобность*. Такъ какъ вся земля и весь капиталъ были бы въ общемъ владѣніи и завѣдываніи, то въ такомъ орудіи не было бы нужды для направленія производства съ одной ступени на другую; это совершалось бы простымъ административнымъ распоряженіемъ, какъ нынѣ, напр., въ сельскохозяйственномъ имѣніи происходитъ передача зерна отъ одной ступени очистки къ другой; нормальныя рабочія свидѣтельства служили бы только *орудіемъ взаимныхъ расчетовъ* между связанными въ раздѣленномъ трудѣ производителями, точнымъ обозначеніемъ того, какая доля созданнаго обще-

ственнымъ трудомъ *дохода* причитается каждому производителю. Эти свидѣтельства были бы идеально совершенными деньгами: они, во-1-хъ, были бы *совершеннымъ мѣриломъ цѣнностей*, такъ какъ на каждомъ изъ нихъ изображалась бы извѣстная сумма цѣнности, выраженная въ той же единицѣ, въ какой цѣнность была бы нормирована; во-2-хъ, были бы *безусловно достовѣрны*, ибо выпускались бы лишь по мѣрѣ изготовленія обозначаемыхъ ими цѣнностей, и, въ-3-хъ, исполняя въ наивысшемъ совершенствѣ всѣ функціи денегъ, сами по себѣ были бы лишь *не имѣющими цѣности клочками бумаги*.

Лишь при наличности тѣхъ предположеній и на тѣхъ основаніяхъ, которыя мною выяснены, можно осуществить *нормированіе цѣнности* и выпускъ идеально совершенныхъ *денегъ*. Только тогда, когда будетъ отмѣнена частная собственность на землю и капиталъ, когда то и другое будетъ поручено завѣдыванію общественной власти, которая будетъ *регулировать производство сообразно съ потребностями*, а за мѣрило будетъ принять *нормальный трудъ*, возможно приноровить нормировку цѣнности къ измѣнчивымъ условіямъ, вліяющимъ на эту послѣднюю, и удерживать ее на соотвѣтственномъ уровнѣ; и лишь при тѣхъ же предположеніяхъ и на тѣхъ же началахъ можетъ быть созданъ новый родъ денегъ, который не носитъ за собой своего обезпеченія, какъ нынѣшнія металлическія деньги, и не лишенъ всякаго обезпеченія, какъ бываетъ большею частью съ нынѣшними банкнотами и кредитными билетами; могутъ быть созданы денежныя знаки, которые, сами по себѣ лишенные цѣнности, всегда обезпечены дѣйствительною наличною цѣнностью. Сходныя мысли относительно цѣнности и денегъ высказывались, правда, и раньше, но, какъ мнѣ кажется, въ не вполне правильной постановкѣ.

Въ своихъ *Études sur les réformateurs* Рейбо говоритъ: „Еще очевидно Оуэнъ скомпрометировалъ себя другимъ столь же нелѣпымъ предпріятіемъ, которое называлось *national labour equitable exchange*. Рѣчь шла ни болѣе, ни менѣе какъ объ отмѣнѣ денегъ, которыя должны были быть замѣнены „рабочими часами“; одинъ „рабочій часъ“ былъ въ этой системѣ мельчайшею монетою; изготовлены были любопытныя бумажныя деньги, изображавшія рабочіе часы. Трудно понять, продолжаетъ Рейбо, какъ такой умный человекъ, какъ Оуэнъ, могъ увлечься столь ребяческими опытами, которые, впрочемъ, скопированы были съ не менѣе неудачной попытки, сдѣланной во Франціи: *виды труда столь же различны, какъ и сами работники, и одинъ работникъ можетъ въ два*

часа исполнить большую работу и лучшего качества, чѣмъ другой— въ четыре. И эта попытка—результатъ той злосчастной системы, которая хочет основать равенство на явномъ неравенствѣ. Въ видѣ дополненія къ этому размѣнному банку нужны были общественные склады, гдѣ обращеніе товаровъ совершалось бы безъ помощи металлическихъ денегъ, путемъ взаимныхъ расчетовъ. Но вскорѣ и банкъ, и склады погибли за недостаткомъ общественнаго сочувствія“.

Въ 1842 г., когда я въ книгѣ своей *Zur Erkenntniß unserer staatswirtschaftlichen Zustände* впервые разъяснилъ идею нормированной цѣнности и рабочихъ денегъ, я не зналъ, чтобы когда-либо были дѣланы въ этомъ родѣ практическіе опыты. И до сихъ поръ я ничего ближе не узналъ о банкѣ Оуэна, а описаніе Рейбо, очевидно, неясно и неполно. Но если противники социалистическихъ и коммунистическихъ идей не имѣютъ болѣе вѣскихъ возраженій, чѣмъ есылка на различіе видовъ труда и свойствъ работниковъ, то ихъ возраженія не опасны: всѣ эти различія вполнѣ сглаживаются при нормировкѣ цѣнности по *нормальному труду*, и такая нормировка все же достаточно считается съ различіями обоего рода.

Путемъ нормированія цѣнности и установленія рабочихъ денегъ центральная народохозяйственная власть предполагаемаго нами общественнаго порядка получила бы полную возможность регулировать распредѣленіе согласно правовымъ принципамъ этого порядка. Отвлечемся, въ самомъ дѣлѣ, для наглядности отъ публичныхъ потребностей и предположимъ ихъ несуществующими. Въ такомъ случаѣ каждый производитель получалъ бы въ формѣ проектируемыхъ нами денегъ ассигновку на всю нормальную цѣнность своего продукта, и эта послѣдняя цѣнникомъ обращалась бы въ его частный доходъ. Національный доходъ распредѣлялся бы этимъ путемъ вполнѣ вѣрно, но и національный капиталъ воспроизводился бы полностью: подлежащая распредѣленію цѣнность *всего* національнаго дохода была бы строго равна суммѣ цѣнностей всѣхъ индивидуальныхъ продуктовъ, а слѣдовательно и всѣхъ индивидуальныхъ правъ на участіе въ доходѣ; участвовать въ послѣднемъ могли бы и производители орудій и т. п., потому что цѣнность нормировалась бы по формулѣ $m + \frac{n}{x}$, т. е. погашеніе и ремонтъ орудій принимались бы въ расчетъ при исчисленіи цѣнности предметовъ потребленія. А такъ какъ работа происходила бы одновременно на всѣхъ ступеняхъ производства (добыча сырья и т. п.), и производитель полу-

чалъ бы ассигновку на участіе въ уже готовомъ національномъ доходѣ лишь соотвѣтственно *уже выработанной* цѣнности, то весь національный капиталъ постоянно возстановлялся бы, несмотря на распредѣленіе *всего* національнаго продукта и совершенно безъ помощи „сбереженія“. Все распредѣленіе было бы безусловно справедливо и не шло бы въ ущербъ воспроизведенію капитала.

Но одна изъ отличительныхъ чертъ *общества* — *органическаго* общенія, а не простого агрегата, состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ *публичныя* потребности; мало того, эти послѣднія, не взирая на всякія индивидуалистическія возраженія, будутъ расти по мѣрѣ національнаго развитія, хотя и будутъ измѣнять свой характеръ, напр., нынѣшніе военные расходы, можетъ быть, замѣнятся не меньшими расходами на обученіе и воспитаніе. При распредѣленіи національнаго продукта поэтому необходимо позаботиться и о публичныхъ потребностяхъ. При такихъ условіяхъ, конечно, ни одинъ производитель не получитъ ассигновки на *всю* цѣнность своего продукта; изъ этой послѣдней вычтется величина, необходимая для покрытія публичныхъ потребностей, въ которыхъ каждый производитель участвуетъ соотвѣтственно существующимъ принципамъ обложенія, и вычтенная величина будетъ поступать въ пользу тѣхъ лицъ, которыя, работая для удовлетворенія публичныхъ нуждъ, имѣютъ право требовать отъ другихъ средства, нужныя для удовлетворенія ихъ личныхъ потребностей. Но и въ этомъ случаѣ распредѣленіе національнаго дохода и воспроизведеніе капитала будутъ идти правильно, если только центральная власть, направляя національное производство, предусмотрѣла необходимость производства средствъ, нужныхъ на публичныя надобности, и соотвѣтственно сократила производство предметовъ, служащихъ для частнаго потребленія.

Каковы же будутъ, спрашивается, *результаты* народохозяйственныхъ функций, осуществляемыхъ очерченнымъ нами способомъ? Отвѣтъ будетъ кратокъ: этотъ результатъ былъ бы — *поскольку дѣло шло бы о сферѣ народнаго хозяйства* — идеально хорошъ; во всякомъ случаѣ, если бы что и могло задержать прогрессъ общественнаго богатства и просвѣщенія, то это не была бы погрѣшность *народохозяйственнаго* характера. *Національное производство* не только сообразовалось бы съ тою лишь потребностью, которая одна имѣетъ законное право на удовлетвореніе, съ тою именно, которая опирается на *собственный* трудъ, но оно не могло бы впасть въ несоотвѣтствіе съ потребностью — опередить ее или отстать; никогда не могло бы случиться, чтобы исполненный

трудъ не получилъ оплаты, не могло бы случиться ни перепроизводства, ни недостатка въ продуктахъ. *Производительныя средства націи* всегда могли бы дѣйствовать въ полномъ объемѣ и въ полную силу, а потому національный продуктъ достигалъ бы возможно наибольшаго размѣра; никогда трудъ не оставался бы безъ приложенія, никогда не было бы ни недостатка, ни затрудненія въ помѣщеніи капитала. Наконецъ, *распредѣленіе національнаго дохода* происходило бы соответственно принципамъ совершеннѣйшей правовой идеи, строжайшей справедливости; никто не получалъ бы дохода, который не былъ бы эквивалентомъ цѣнности *его* труда, и никто не былъ бы исключенъ изъ участія въ плодахъ возрастающей производительности этого послѣдняго.

Глава III. Народное хозяйство съ частною собственностью на землю и капиталъ.

Въ народномъ хозяйствѣ, гдѣ существуетъ частная собственность на землю и капиталъ, все принимаетъ другой видъ; всѣ изображенныя выше народохозяйственныя функціи не перестаютъ быть необходимыми, но осуществляются *иными органами, иными способами и съ инымъ успѣхомъ*. При существованіи этого института въ частную собственность не только поступаетъ *національный доходъ*, но и земля и весь *національный продуктъ* съ начала до конца состоятъ въ частной собственности, и при томъ въ собственности не производителей, а другихъ лицъ — землевладѣльцевъ и капиталистовъ, которые, какъ таковые, не суть производители или работники; этимъ лицамъ принадлежать большими или малыми долями и земля, и весь продуктъ, и этимъ продуктомъ, хотя онъ есть продуктъ *чужого* труда, они могутъ распоряжаться какъ бы своимъ собственнымъ.

Это обстоятельство, конечно, почти во всемъ измѣняетъ строй народнаго хозяйства. Правда, общее движеніе національнаго производства и распредѣленія остается тѣмъ же, что и при порядкахъ, очерченныхъ выше: одни будутъ попрежнему добывать сырье, другіе — обращать его въ полуфабрикатъ и т. д.; національный доходъ, т. е. та часть продукта, которая на послѣдней ступени производства окончательно подготавливается къ потребленію, *будетъ поступать въ индивидуальный доходъ* всѣхъ тѣхъ лицъ, кто имѣетъ право на участіе въ распредѣленіи,

какъ на дѣйствительное или мнимое вознагражденіе за услуги; но какъ *пути*, которыми осуществляется это движеніе, такъ и *пропорція, въ коей распределяется національный доходъ*, будутъ совершенно иными. Все движеніе производства будетъ происходить чрезъ посредство *обмѣна* или, точнѣе, его двухъ составныхъ элементовъ—продажи и покупки: лица, владѣющія полуфабрикатомъ, *продаютъ* его обладателямъ готоваго продукта, а на вырученныя деньги *покупаютъ* сырье, чтобы вновь обработать его руками своихъ работниковъ въ полуфабрикатъ и т. д.

Нерѣдко на мѣсто мѣны становится кредитъ: обладатель полуфабриката передаетъ его производителю фабриката, землевладѣлецъ отдаетъ свое сырье производителю полуфабриката и т. д., и лишь послѣ того, какъ потребитель заплатитъ за готовый продуктъ, всѣ эти лица разсчитываются между собой. Значеніе кредита гораздо больше, чѣмъ предполагаетъ господствующая теорія: кредитъ, правда, не можетъ замѣнить *вещественнаго* капитала—сырья, полуфабриката и т. д., но онъ можетъ замѣнить *накопленіе капитала* въ частныхъ рукахъ, и въ *этомъ* смыслѣ дѣйствительно онъ замѣняетъ „капиталь“. Кредитъ, далѣе, не можетъ упразднить „капиталь и ущербъ, причиняемый имъ труду“, напротивъ, онъ создаетъ все новый капиталъ и новый ущербъ, потому что позволяетъ пріобрѣтать капиталъ въ частную собственность, не упраздняя различія между капиталистами и работниками, оставляя продуктъ, попрежнему, въ рукахъ не тѣхъ лицъ, кто трудился; но онъ, по крайней мѣрѣ, *не предполагаетъ* наличности частнаго капитала и можетъ обратить работниковъ, т. е. неимущихъ, въ капиталистовъ.

По своей *идеѣ* кредитъ—не что иное, какъ увѣренность, что всѣ права всѣхъ участниковъ въ національномъ доходѣ въ концѣ-концовъ будутъ *правильно* ликвидированы. Но такая ликвидация могла бы быть правильно завершена лишь въ томъ случаѣ, если бы производство всегда было вполне сообразно съ потребностью, если бы никогда не нарушалось правильное соотношеніе цѣнностей. Между тѣмъ при частной собственности на землю и капиталъ ни въ томъ, ни въ другомъ нельзя быть увѣреннымъ, ибо каждый капиталистъ производитъ за свой страхъ, ничего не зная о производствѣ другихъ капиталистовъ, а потому, пока существуетъ частная собственность на землю и капиталъ, такое значеніе кредита остается недостижимымъ идеаломъ; мало того, осуществленіе этого идеала нерѣдко особенно затрудняется именно благодаря кредиту, который въдь особенно способствуетъ неразумному разрастанію производства. Идея кредита можетъ быть вполне осуществлена лишь

при *полномъ* довѣрїи, т. е. при *полной* справедливости, другими словами, *безъ* частной собственности на землю и капиталъ, потому что только тогда каждый производитель будетъ получать *всю* цѣнность своего продукта, а руководство производствомъ останется въ рукахъ цѣлаго общества; только тогда можно будетъ быть *вполнѣ* *увѣреннымъ* въ соотвѣтствїи производства потребленію и въ правильномъ соотношенїи цѣнностей.

Далѣе, при существованїи частной собственности на землю и капиталъ національный доходъ распредѣляется уже не между одними производителями, а часть его отходитъ обладателямъ участвующихъ въ производствѣ; на различныхъ его ступеняхъ земли и капитала; *производители*, т. е. работники, получаютъ лишь *часть* цѣнности своего продукта въ видѣ „заработной платы“, остатокъ же поступаетъ въ видѣ „Ренты“ собственникамъ. Самый размѣръ этихъ долей не опредѣленъ правовыми нормами; послѣднія даютъ одному право на ренту, другому—на прибыль, третьему—на заработную плату, но не устанавливаютъ ихъ нормальныхъ размѣровъ¹⁾: каждому участнику распредѣленїя предоставляется получить столько заработной платы или Ренты, сколько ему удастся отвоевать себѣ въ мѣновомъ оборотѣ, и такимъ образомъ величина долей опредѣляется не правовыми нормами, но силой предоставленнаго самому себѣ мѣноваго оборота.

Съ этими основными характерными чертами тѣсно связанъ и рядъ второстепенныхъ.

Народохозяйственными органами разсматриваемаго порядка становятся, главнымъ образомъ, частныя лица и въ особенности землевладѣльцы и капиталисты, исполняющіе тѣ функціи, необходимость которыхъ вытекаетъ изъ раздѣленїя труда, и только удовлетворенїе публичныхъ потребностей, т. е. ничтожная часть народохозяйственныхъ функцій, возлагается на общественный органъ—министра финансовъ. Отсюда является какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ разграниченїе между „народнымъ“ и „финансовымъ“ хозяйствомъ: сначала происходятъ „народохозяйственныя явленїя“ — производство и распредѣленїе, и затѣмъ уже является финансовое хозяйство, которое беретъ изъ опредѣленнаго продукта столько, сколько нужно на публичныя потребности. Наука сначала описываетъ „народное хозяйство“, совершенно оставляя въ сто-

¹⁾ Dass der Grundbesitzer Pacht... fordern darf, steht rechtlich fest, das Wieviel hingegen nicht. А. К.

ронѣ публичныя потребности, а затѣмъ изучаетъ „финансовое хозяйство“ — способы удовлетворенія этихъ потребностей и вліяніе ихъ на „народное хозяйство“. Я лично совершенно оставлю въ сторонѣ финансовое хозяйство и изображу только современное народное хозяйство или „первоначальное распредѣленіе“.

Итакъ, въ настоящее время „народохозяйственныя“ функціи лежатъ на частныхъ лицахъ и главнымъ образомъ на землевладѣльцахъ и капиталистахъ. Въ частности отъ нихъ однихъ ²⁾ зависитъ приоровленіе національнаго производства къ потребности и поддержаніе національнаго продукта на уровнѣ средствъ производства, потому что они одни неограниченно распоряжаются вещественными средствами производства, и потому одни рѣшаютъ, что и въ какомъ размѣрѣ должно быть производимо. Въ распредѣленіи и въ опредѣленіи мѣнливой цѣнности участвуютъ, правда, *все* частныя лица, являющіяся на рынокъ въ роли покупателей или продавцовъ, включая и работниковъ, но собственники и здѣсь имѣютъ рѣшающій голосъ, ибо отъ нихъ зависитъ *снабжение* рынка.

Такимъ образомъ, *землевладѣльцы* и *капиталисты* выступаютъ нынѣ въ роли главнѣйшихъ народохозяйственныхъ органовъ общечитія; они—*наслѣдственныя народно-хозяйственныя должностныя лица* общественнаго союза, какъ прежде существовали наслѣдственныя должностныя лица въ другихъ сферахъ, пока ихъ „право“,—которое когда-то было такимъ же *правомъ*, какимъ нынѣ является право *собственности на землю и капиталъ*,—не растаяло предъ вопросомъ: лучше ли исполняются функціи подлежащей должности при наслѣдственности, или при назначеніи. Посмотримъ же теперь, *какимъ образомъ* эти наслѣдственныя должностныя лица исполняютъ свои народохозяйственныя функціи. Прежде всего *они исполняютъ эти функціи, имѣя въ виду лишь свои личныя выгоды*, и достиженіе народохозяйственныхъ цѣлей съ ихъ точки зрѣнія составляетъ *посредственный и попутный результатъ*; даже центральный *финансовый* органъ, и тотъ руководится больше интересами вѣдомства и имѣетъ въ виду не столько благосостояніе общества, сколько благосостояніе казны. Экономисты господствующей школы въ сущности вполнѣ признаютъ сказанное: они въ ослѣпленіи своемъ совершенно забываютъ *общественный, публичный* характеръ лежа-

²⁾ Я отождествляю здѣсь собственника и предпринимателя. Прим. Робертуса.

щихъ на собственникахъ функцій, а *эгоизмъ* возводить въ высшую хозяйственную добродѣтель.

Какъ же поступаютъ нынѣшнія должностныя лица, чтобы *приноровлять національное производство къ потребности*? Имъ, какъ собственникамъ, наследственно принадлежатъ большими или меньшими долями національная земля и національный капиталъ; эти доли составляютъ ихъ „частное имущество“, постоянный источникъ ихъ дохода—Ренты, которую они получаютъ вмѣсто жалованья; они управляютъ поэтому своими долями земли и капитала, имѣя въ виду лишь собственные выгоды; они стремятся прежде всего сохранить свое „мѣсто“ и свое „жалованье“, т. е. свое имущество и свою Ренту. Между тѣмъ использование имущества въ производствѣ выражается въ непрерывныхъ его *превращеніяхъ*: запасъ полуфабриката, принадлежащій соответствующему капиталисту, путемъ обмѣна поступаетъ къ капиталисту, изготовляющему готовый продуктъ, а на его мѣсто поступаетъ сырье, чтобы снова превратиться въ полуфабрикатъ и т. д.; только въ такомъ примѣненіи и превращеніи имущества состоитъ вообще производство, и только отъ него можетъ получаться Рента. При этомъ однако существуетъ постоянная опасность потерять и „мѣсто“, и „жалованье“,—при превращеніяхъ и промѣнѣ отдать больше, чѣмъ получить назадъ, и такимъ образомъ лишиться и имущества, и Ренты, а потому собственники могутъ предпринимать только тѣ превращенія своего имущества, т. е. тѣ производства, которыя обѣщаютъ не только возстановить въ цѣнности превращеннаго и проданнаго продукта ихъ капиталъ, но и дать имъ обычную Ренту; они предпринимаютъ производство *не въ цѣляхъ покрытія национальной потребности*, но потому, что ожидаютъ получить „прибыль“. Но точно предусмотрѣть эту прибыль они не могутъ: они могутъ только отъ *прошедшихъ* прибылей заключать о будущемъ; только наблюденіе явленій, уже совершившихся на рынкѣ, позволяетъ имъ *догадываться*, каковы будутъ грядущія явленія; только уже поднявшаяся или упавшая цѣна, уже полученный барышъ или понесенный убытокъ даетъ имъ основанія для расчетовъ о возможныхъ въ будущемъ прибыляхъ и убыткахъ и побуждаетъ ихъ сокращать или расширять производство. Всѣ подобныя заключенія отъ прошедшаго къ настоящему *каждый* дѣлаетъ *самъ по себѣ*, ничего не зная о заключеніяхъ другихъ: какъ частные собственники долей національной земли и капитала, они не зависимы не только отъ общественнаго союза, но и другъ отъ друга. Мало того, ихъ частный интересъ побуждаетъ ихъ скрывать другъ отъ

друга свои соображенія и планы, а если случается, что ихъ интересъ побуждаетъ ихъ вступать между собою въ соглашенія, то это дѣлается въ *ущербъ* обществу: создаются монопольныя цѣны. Такимъ образомъ, при разсматриваемомъ порядкѣ тысячи глазъ, не зная другъ о другѣ, занимаются опредѣленіемъ одной и той же потребности, и тысячи рукъ работаютъ на эту потребность, при чемъ никто не имѣетъ свѣдѣній относительно силы и размѣровъ производства другихъ.

Для того, чтобы *національное производство держалось на уровнѣ производительныхъ средствъ націи*, теперь уже недостаточно, чтобы былъ наготовѣ *трудъ*, и чтобы были на лицо *вещественные* капиталы, къ которымъ трудъ прилагается; пусть ищеть работы масса работниковъ, знающихъ прядильное производство; пусть сельскіе хозяева наготовили шерсти, машиностроители настроили прядильныхъ машинъ,—но если не найдется „капиталиста“, т. е. если не найдется предпринимателя, имѣющаго средства приобрести вещественный капиталъ, послѣдній останется въ бездѣйствіи, а работники—безъ хлѣба; трудъ не будетъ допущенъ къ производству, вещественный капиталъ не придетъ въ дѣйствіе. Всякому новому производству должно предшествовать *сбереженіе или накопленіе частнаго капитала*, оно должно стать рядомъ съ трудомъ и вещественнымъ капиталомъ, и только тогда будутъ на лицо все условія, необходимыя для производства. Но и выполненія этого новаго условія, не вытекающаго изъ природы вещей, а созданнаго современными общественными отношеніями, еще недостаточно: какъ собственники организуютъ только тѣ производства, отъ которыхъ они получаютъ Ренту, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ они *только тогда* пускаютъ въ ходъ свой капиталъ, когда получаютъ Ренту. Если, такимъ образомъ, есть наготовѣ и трудъ, и вещественный капиталъ, и даже если имъ противостоятъ накопленный „частный капиталъ“, но если нельзя ожидать Ренты, то ни трудъ, ни капиталъ не будутъ пущены въ ходъ. Но „частный капиталъ“ лишь тогда даетъ Ренту, когда цѣны продукта достигаютъ надлежащей высоты, а эта послѣдняя достигается лишь тогда, когда на продуктъ есть достаточно *дѣйствительнаго* спроса, который, въ свою очередь, основывается только на обладаніи готовою цѣнностью, а не на *предложеніи готоваго труда*; и если, наконецъ, на лицо есть все условія, если рядомъ съ трудомъ и вещественнымъ капиталомъ стоитъ накопленный частный капиталъ, если производительное примѣненіе его обѣщаетъ Ренту, и потому производство, наконецъ, предпринимается, то это происходитъ далеко не *наибольше производительнымъ* способомъ. Част-

ная собственность, охватывающая весь національный капиталъ, часто привязываетъ производство къ мѣстамъ, гдѣ условія не вполне благоприятны, а изъ всякаго лучшаго способа производства дѣлаетъ промышленную *тайну*, монополизирующую прогрессъ производительности.

Что касается, наконецъ, до *распределенія*, то оно не только слѣдуетъ въ отношеніи участвующихъ въ немъ лицъ совершенно инымъ принципамъ, но и самый процессъ распределенія идетъ совершенно инымъ путемъ, нежели въ строѣ съ обобществленною землею и капиталомъ. Прежде всего, совершенно инымъ путемъ происходитъ образованіе *цѣнности*,—нормированіе ея не можетъ имѣть мѣста, и цѣнность можетъ быть лишь *мнимою*. Дѣло въ томъ, что, благодаря институту частной собственности, національный капиталъ переданъ по частямъ въ обладаніе частныхъ лицъ, которыя юридически могутъ распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію, а экономически распоряжаются имъ только сообразно своей кажущейся выгодѣ, и которыя, дѣйствуя изолированно, не имѣютъ цѣлостнаго представленія о національной потребности, а судятъ о будущемъ только по прошедшему. При такихъ условіяхъ нѣтъ никакой гарантіи, что національное производство всегда будетъ удерживаться на уровнѣ потребности, а потому никакая общественная предусмотрительность не можетъ удержать цѣнность на нормальномъ уровнѣ; цѣнность должна дѣлать это сама и дѣлать путемъ безпрестанныхъ уклоненій; она какъ бы сама себя регулируетъ, падая, когда на рынокъ доставляется слишкомъ много продукта, и поднимаясь,—когда слишкомъ мало; она только *тяготеетъ* къ тому уровню, на которомъ она при другомъ порядкѣ вещей могла бы быть *нормально установлена*. Сообразно съ устанавливающеюся такимъ образомъ непрерывно *колеблющеюся цѣнностью продуктовъ* опредѣляется теперь и *вознагражденіе*, которое собственникъ получаетъ въ обмѣнъ на продуктъ, пускаемый имъ въ оборотъ. Для осуществленія этого обмѣна и теперь нужно орудіе обращенія или расчетовъ—*деньги*; и теперь тотъ, кто отдаетъ въ оборотъ продуктъ, получаетъ въ видѣ денегъ ассигновку, въ обмѣнъ на которую можетъ получить равноцѣнный продуктъ. Но такъ какъ цѣнность не можетъ быть нормирована, такъ какъ нѣтъ гарантіи, что производство всегда соотвѣтствуетъ потребности, а потому нѣтъ и гарантіи удержанія цѣнности на нормальномъ уровнѣ, то такая гарантія какъ со стороны общества передъ индивидами, такъ и со стороны индивидовъ передъ обществомъ должна содержаться въ самомъ денежномъ знакѣ, который долженъ гарантировать обществу, что отдѣльный производитель

не извлекаетъ изъ оборота большей цѣнности, нежели какую онъ пу-
стилъ въ оборотъ, а отдѣльному производителю, — что общество возмѣ-
щаетъ ему такую же цѣнность, какую онъ съ своей стороны доставилъ
обществу. Такую гарантію можетъ представить только денежный знакъ
который будетъ самъ *цѣннымъ продуктомъ, товаромъ*, — знакъ, цѣнность
котораго, какъ и всѣхъ другихъ товаровъ, опредѣляется обмѣномъ. *Его*
цѣнность не должна только такъ быстро измѣняться, какъ цѣнность
другихъ товаровъ. Обладающій такими свойствами денежный знакъ дѣй-
ствительно даетъ полную гарантію: если производитель вынесъ на ры-
нокъ слишкомъ много продукта и, слѣдовательно, поставилъ сравнительно
меньшую цѣнность, то вѣдь и деньги, какъ всякій другой продуктъ,
подчинены общему закону мѣнливости, а потому онъ получитъ
меньше денегъ, т. е. ассигновку на меньшую цѣнность. Общество обез-
печено въ томъ, что производитель не извлечетъ изъ оборота въ об-
мѣнъ на избыточный, а слѣдовательно, частью обезцѣненный продуктъ
дѣйствительной цѣнности; съ другой стороны, по той же причинѣ, въ
получаемыхъ производителемъ деньгахъ заключается столько же цѣн-
ности, сколько онъ отдалъ въ оборотъ, и сколько онъ можетъ требовать
изъ него обратно. Къ тому же производитель можетъ быть увѣренъ,
что когда онъ захочетъ реализовать свое требованіе, цѣнность, кото-
рую онъ получитъ, не будетъ отличаться отъ отданной имъ въ оборотъ,
потому что цѣнность денегъ, какъ товара, измѣняется не такъ скоро.
Такимъ образомъ и производитель обезпеченъ въ томъ, что дѣйствительно
получитъ отъ общества равноцѣнность, а слѣдовательно, употребленіе
такихъ денегъ даетъ во всякомъ случаѣ гарантію какъ въ томъ, что
никто не получитъ большей цѣнности, нежели какую онъ отдаетъ въ
оборотъ, такъ и въ томъ, что каждый получитъ равноцѣнность поста-
вляемаго имъ въ оборотъ продукта.

Но изложеннымъ далеко не исчерпываются всѣ характерныя черты
современнаго *распределенія*: изобразивъ участіе въ послѣднемъ мѣнливости
и металлическихъ денегъ, мы даемъ лишь очень неполную картину
этого распределенія; дальнѣйшія характерныя черты, которыя
мы должны еще изобразить и которыя только и дадутъ понятіе о рас-
пределеніи продукта *между разнообразными участниками современнаго*
оборота, значительно измѣняютъ эту картину. Если бы, въ самомъ дѣлѣ,
работникъ, предприниматель, капиталистъ и землевладѣлецъ совмѣщались
въ *одномъ лицѣ*, которое *одно создавало бы продуктъ, владело бы имъ*
и обмѣнивало бы его; если бы въ современномъ оборотѣ, основанномъ

на деньгахъ и мѣнковой цѣнности, принимали участіе только такіе производители-одиночки, изъ которыхъ каждый былъ бы обладателемъ своего собственнаго продукта, то несмотря на посредничество мѣнковой цѣнности и металлическихъ денегъ каждый производитель получалъ бы полную цѣнность своего продукта; распределение мало отличалось бы по существу отъ распределения при отсутствіи частной собственности на землю и капиталъ; цѣнность продукта, которая регулируетъ доходъ, была бы только не нормированною, а мѣнвою, и гарантія дохода лежала бы не въ общественной организаціи и не въ соответствующихъ своей идеѣ деньгахъ, а въ денежномъ товарѣ—въ золотѣ и серебрѣ. Но хотя господствующая школа именно въ такомъ видѣ представляетъ себѣ современное распределение, дѣйствительность, однако, имѣетъ мало общаго со сдѣланнымъ предположеніемъ. *Такихъ производителей-одиночекъ, которые участвовали бы въ распределеніи сообразно цѣнности ими созданнаго, имъ принадлежащаго и ими вымѣниваемого продукта, въ современномъ обществѣ нѣтъ.* Мнимый производитель-собственникъ распадается на работника, предпринимателя, капиталиста и землевладѣльца; одни лица дѣйствительно производятъ продукты, но *последніе принадлежатъ не имъ, а другимъ лицамъ*; и при томъ ни тѣ, ни другіе не получаютъ полностью *мѣнковой цѣнности* продукта, а эта цѣнность распределяется между всѣми, слѣдуя законамъ, совершенно не предусмотрѣннымъ при допущенномъ выше предположеніи.

Въ первой части я подробно выяснилъ принципы этого распределения продукта, и теперь только кратко резюмирую ихъ.

Представимъ себѣ сначала, что обладаніе землею и капиталомъ совмѣщается въ одномъ лицѣ, которое является вмѣстѣ съ тѣмъ и предпринимателемъ; и въ этомъ простѣйшемъ случаѣ, однако, дѣйствительными *производителями*, работниками, являются *особыя* лица, рѣзко отличающіяся отъ собственниковъ—предпринимателей. *Работники* одни создаютъ продуктъ, цѣнность котораго регулируется обмѣномъ; но право собственности на землю и капиталъ не позволяетъ имъ, производителямъ, ни сдѣлаться собственниками своего продукта, ни даже получить въ видѣ дохода полную *цѣнность* этого продукта. Благодаря вліянію этого института, единственнымъ обладателемъ продукта является неучаствующее въ производствѣ лицо—собственникъ и предприниматель, который отдастъ работнику за созданіе *всего* продукта только *часть* этого послѣдняго, остатокъ же можетъ сохранить въ свою пользу; часть, отдаваемая работнику, есть „заработная плата“, остатокъ—„Рента“, еще

закрывающая въ себѣ въ нераздѣльномъ видѣ земельную ренту, прибыль на капиталъ и предпринимательскій доходъ. Самое распредѣленіе происходитъ замѣчательнымъ путемъ и въ весьма своеобразной пропорціи: та часть продукта, которая достается производителю въ формѣ заработной платы, не *нормируется* никакимъ общественнымъ распоряженіемъ и не устанавливается по какому-либо справедливому основанію, напр., по размѣру продукта. Пока существовало рабство, размѣръ этой части опредѣлялся одностороннею волей и интересомъ господъ; съ тѣхъ поръ, какъ производители приобрѣли полную личную свободу (но ничего больше!), обѣ стороны заранее условливаются о размѣрѣ заработной платы,—эта послѣдняя стала объектомъ *свободнаго договора*, т. е. *конкуренціи*; благодаря этому трудъ подчиняется тѣмъ же законамъ мѣновой цѣнности, какъ и прочіе продукты,—онъ самъ приобретаетъ мѣновую цѣнность, и величина его оплаты становится въ зависимость отъ спроса и предложенія. Между тѣмъ размѣръ заработной платы устанавливается не въ видѣ определенной доли цѣнности создаваемого продукта; работники получаютъ ее, правда, уже *послѣ* исполненія труда, *послѣ* изготовленія продукта, но предварительный уговоръ устанавливаетъ ее въ видѣ абсолютной величины, въ видѣ *определеннаго* количества продукта или суммы цѣнности, безъ отношенія къ величинѣ продукта или его цѣнности; не-производитель, владѣющій продуктомъ на правѣ собственности, реализуетъ его за собственный счетъ и выплачиваетъ или погашаетъ изъ выручки заработную плату, либо заранее условленную въ определенной цифрѣ, либо уже выплаченную впередъ. Самый размѣръ заработной платы всегда устанавливается на краткіе сроки, и условіе постоянно возобновляется. Заработная плата измѣняется поэтому въ зависимости отъ измѣненій, претерпѣваемыхъ, согласно законамъ спроса и предложенія, цѣнностью труда, и притомъ, какъ и цѣна всякаго продукта, она подвержена особому *закону тяготѣнія*: при господствѣ законовъ мѣновой цѣнности цѣнность труда тяготѣетъ къ своего рода „издержкамъ производства“, къ тому уровню заработной платы, который необходимъ для „возстановленія“ труда, т. е. чтобы дать ему возможность продолжаться, хотя бы въ лицѣ потомковъ наличныхъ работниковъ, другими словами—къ такъ называемымъ „необходимымъ издержкамъ“. Какъ ни парадоксально кажется такая формулировка управляющихъ заработной платою законовъ, эта формулировка не принадлежитъ какимъ-нибудь социалистамъ: законы эти дѣйствительно таковы во всей ихъ неприкрашенной правдѣ; мало того, господствующая

индивидуалистическая школа съ циническою откровенностью признала эти законы за „необходимый и естественный порядокъ“ и договорилась въ концѣ-концовъ до афоризма: „цѣнность труда не выше, нежели получаемая имъ заработная плата!“

Но распредѣленіе продукта идетъ еще дальше: *землевладелецъ* и *капиталистъ* въ настоящее время суть разные лица, и *предприниматель* не совмѣщается ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Это обстоятельство не вліяетъ на *долю работниковъ* и на опредѣляющіе ее законы, но остатокъ, который я только что разсматривалъ, какъ единую Ренту, распредѣляется дальше, слѣдуя своимъ особымъ законамъ. Предположимъ сначала, что обладаніе землей и капиталомъ распредѣлилось между двумя лицами или классами, которые однако сами являются и предпринимателями; тогда единая Рента распадается уже на земельную ренту и прибыль, при чемъ самое распредѣленіе происходитъ въ пропорціи и сообразно законамъ, которые я уже объяснилъ въ первой части. Но собственники и предприниматели—разныя лица, а потому продуктъ распредѣляется еще дальше; законы распредѣленія единой Ренты на земельную ренту и прибыль остаются, правда, безъ измѣненія, но прибыль при этомъ послѣднемъ распредѣленіи распадается на ссудный процентъ и предпринимательскій доходъ, а иногда и часть земельной ренты поступаетъ въ предпринимательскій доходъ арендатора. Въ самомъ дѣлѣ: если то первоначальное распредѣленіе продукта на заработную плату и Ренту, при которомъ производители утрачиваютъ право собственности на цѣнность цѣлаго продукта, создается исключительно институтомъ частной собственности на землю и капиталъ, то вѣдь землевладельцы и капиталисты, *именно какъ таковыя*, получаютъ отнятую у производителей часть продукта; земельная рента и прибыль настолько присущи самому *обладанію* землею и капиталомъ, что поверхностная экономическая мысль принимала ихъ за особые продукты, создаваемые капиталомъ и землей, тогда какъ они представляютъ собой лишь часть продукта труда, присвоенную обладанію землей и капиталомъ; они поэтому могутъ быть передаваемы вмѣстѣ съ обладаніемъ землею и капиталомъ другимъ лицамъ. И дѣйствительно, собственники часто находятъ для себя болѣе удобнымъ передавать владѣніе землей вмѣстѣ съ вытекающимъ изъ него доходомъ другимъ лицамъ, выговаривая себѣ за это *часть* того дохода, который иначе принадлежалъ бы имъ цѣликомъ. Эти другія лица суть предприниматели, которые, организуя производство при помощи предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе земли и

капитала выплачиваютъ собственникамъ условную часть въ видѣ „арендной платы“ или „ссуднаго процента“, а остатокъ удерживаютъ въ качествѣ „предпринимательскаго дохода“.

Арендная плата и ссудный процентъ—эти доли продукта, выдѣляемыя въ пользу землевладѣльца и капиталиста изъ прибыли предпринимателя, такъ же мало нормируются общественнымъ распоряженіемъ, какъ и заработная плата; онѣ также опредѣляются соглашеніемъ собственниковъ и предпринимателей свободнымъ договоромъ, конкуренціей, законами мѣнливой цѣнности; и такъ же, какъ и для заработной платы, соглашеніе не устанавливаетъ распредѣленія по какимъ-либо пропорціональнымъ долямъ остающейся за оплатой труда части продукта или его цѣнности. Арендная плата и ссудный процентъ выплачиваются, какъ и заработная плата, *послѣ* утилизаціи земли или капитала, но выговариваются *заранѣе* въ видѣ *опредѣленной суммы* цѣнности, какъ бы въ видѣ подежной платы за землю и капиталъ. И, наконецъ, мѣнливая цѣнность пользованія землей и капиталомъ также подлежитъ закону тяготѣнія: тотъ доходъ, который собственники могли бы извлечь изъ земли и капитала, если бы они сами были предпринимателями, оказываетъ притягательное вліяніе на арендную плату и ссудный процентъ.

Но „свободный“ договоръ между собственниками и предпринимателями лишь въ *правовомъ, формальномъ* отношеніи похожъ на договоръ съ работниками. Тѣмъ глубже между ними *экономическое* различіе: трудъ³⁾, который является объектомъ рабочаго договора, есть творецъ всего распредѣленнаго продукта; напротивъ, доходъ съ земли и капитала, составляющій объектъ аренднаго и ссуднаго договора, есть лишь *часть продукта труда*, которую положительное право присваиваетъ собственникамъ. А потому, несмотря на тождественную во всѣхъ случаяхъ форму свободнаго договора, *работники, и одни работники*, чрезъ такой договоръ подвергаются эксплуатаціи, тогда какъ, напротивъ, собственники путемъ арендныхъ или ссудныхъ договоровъ только *вѣрнѣе* обезпечиваютъ себѣ свою долю добычи.

Итакъ, продуктъ распредѣляется не только на *двѣ* части — *заработную плату* и *остатокъ*, поступающій въ распоряженіе одного лица, совмѣщающаго въ себѣ предпринимателя, землевладѣльца и капиталиста. Предприниматель заключаетъ съ собственниками такой же „свободный

³⁾ Здѣсь непереводаемая игра словъ: *Arbeitsnutzung* и *grund-und Kapital-nutzung* А. К.

договоръ“ относительно ихъ земли и капитала, какъ съ работниками относительно ихъ труда; онъ общаетъ этимъ послѣднимъ опредѣленную сумму цѣнности, какъ поденную плату за трудъ, первымъ—опредѣленную же сумму, какъ поденную плату за землю и капиталъ, и затѣмъ одинъ за свой счетъ реализуетъ продуктъ труда своихъ работниковъ, при чемъ избытокъ надъ „издержками“, т. е. суммой заработной платы, процента и арендной платы, составляетъ его „предпринимательскій доходъ“.

Вотъ во что, такимъ образомъ, обратилось дѣйствительное распределение продукта! вмѣсто того, чтобы производителямъ владѣть собственнымъ продуктомъ и вымѣнивать его на рынкѣ, въ настоящее время производители продукта не становятся его собственниками, а тѣ, кто вымѣниваетъ продуктъ на рынкѣ, не суть его производители. вмѣсто того, чтобы производителямъ получать мѣтовую цѣнность *всего* ихъ продукта, они получаютъ въ видѣ заработной платы только часть его, а остатокъ распределяется между тремя разрядами непроизводителей въ видѣ арендной платы, ссуднаго процента и предпринимательской прибыли. вмѣсто того, чтобы этому распределенію происходить въ опредѣленной пропорціи, и каждому его участнику реализовать на рынкѣ свою долю продукта, одинъ изъ участниковъ, предприниматель, откупается отъ остальныхъ опредѣленную сумою цѣнности; онъ одинъ за *собственный* счетъ вымѣниваетъ на рынкѣ весь продуктъ, тогда какъ остальные только извлекаютъ изъ народнаго дохода установленныя заранѣе суммы цѣнности. Это послѣднее обстоятельство существеннѣйшимъ образомъ вліяетъ на процессъ образованія рыночной цѣнности продуктовъ: рыночная цѣнность предметовъ потребленія ⁴⁾, а за нею и всѣхъ фабрикатовъ, полуфабрикатовъ и сырья, зависитъ теперь отъ спроса этихъ лицъ, обладающихъ опредѣленными суммами цѣнности. Мѣтовая цѣнность не образуется путемъ взаимныхъ сношеній *обладателей продуктовъ*, которые обмѣнивали бы послѣдніе между собой, а владѣльцы выносимыхъ на рынокъ *массъ продукта* встрѣчаютъ здѣсь обладателей опредѣленныхъ *суммъ цѣнности*, которыя реализуются путемъ обмѣна на эти продукты; эти суммы цѣнности создаютъ дѣйствительный спросъ, поднимающій рыночную цѣнность продуктовъ,—отъ ихъ величины зависитъ высота рыночной цѣнности.

И наконецъ, послѣдняя характерная черта: при разнообразіи въ производительности находящихся въ частномъ владѣніи долей земли и

⁴⁾ Въ подл. Einkommensgüter. А. К.

капитала, при преобладающем вліянні и легкой превращаемости ⁵⁾ частного капитала, требующаго равномерной прибыли, и при неизбежности установленія одинаковыхъ цѣнъ на одинаковые продукты, рыночная цѣнность каждаго рода послѣднихъ *поднимается до уровня издержекъ производства того ихъ количества*, которое производится при неблагоприятѣйшихъ условіяхъ, благодаря чему владѣльцы болѣе благоприятствующихъ производству земель и капиталовъ получаютъ излишній доходъ—дифференціальную ренту, которая можетъ очичаться только въ ущербъ другимъ.

Вотъ какъ сильно различается современное распредѣленіе отъ описаннаго въ предыдущей главѣ! Тамъ общественная организація, нормируя цѣнность и устанавливая соответствующія своей идеѣ деньги, обеспечиваетъ каждому производителю въ видѣ дохода *всю* цѣнность его продукта. Здѣсь институтъ собственности создаетъ неизбежность распредѣленія продукта или его цѣнности между производителями, съ одной стороны, и собственниками—землевладѣльцами и капиталистами, съ другой. Рядомъ съ этими тремя участвующими въ распредѣленіи классами въ качествѣ четвертаго класса становятся предприниматели, которые за условныя заранѣе суммы цѣнности покупаютъ у остальныхъ трехъ классовъ ихъ доли участія въ распредѣленіи. А такъ какъ эти суммы опредѣляются подѣ вліаніемъ законовъ мѣнливой цѣнности, то онѣ, измѣняясь въ размѣрѣ, тяготеютъ однако къ опредѣленному уровню: доля производителей, независимо отъ результатовъ производства—къ „необходимымъ издержкамъ“, доли собственниковъ—къ тому, что они получили бы, если бы сами были предпринимателями. И наконецъ, лишь эти опредѣленные суммы цѣнности создаютъ дѣйствительный спросъ на выносимые производителемъ на рынокъ за его собственный счетъ продукты, и такимъ образомъ опредѣляютъ какъ ихъ мѣнливую цѣнность, такъ и доходъ предпринимателей.

Каковы же, наконецъ, *результаты* порядка, гдѣ народохозяйственныя должности имѣютъ наслѣдственный характеръ? Если землевладѣльцы и капиталисты, какъ и вообще всѣ тѣ, кому современное право поручаетъ народохозяйственныя функціи, исполняютъ ихъ прежде всего *въ своихъ собственныхъ интересахъ*, то достигается ли при этомъ, хотя бы попутно, соответствіе національнаго производства потребности, національнаго продукта наличнымъ производительнымъ средствамъ, распе-

⁵⁾ Flussigkeit. А. К.

дѣленія національнаго дохода — основнымъ началамъ права и справедливости?

Я уже показалъ, что землевладѣльцы и капиталисты предпринимаютъ только тѣ производства, гдѣ они сохраняютъ свое состояніе и получаютъ обычную Ренту; что они угадываютъ такія производства лишь по существующему въ началѣ операциі потоженію рынка, и что они распоряжаются производствомъ каждый самъ по себѣ, и не зная другъ о другѣ. Спрашивается: насколько производство при такихъ условіяхъ будетъ соотвѣтствовать спросу? Прежде всего, значить, эти наследственные чиновники предпринимаютъ только тѣ производства, гдѣ они сохраняютъ состояніе и получаютъ Ренту; но Рента можетъ очиститься лишь при *достаточной цѣнѣ продукта*; такая цѣна создается лишь *достаточнымъ дѣйствительнымъ спросомъ*, а дѣйствительный спросъ предполагаетъ уже *обладаніе цѣнностью*; въ виду всего этого *производство при разсматриваемомъ порядкѣ имѣетъ въ виду не потребности труда, а потребности владѣнія*. При отсутствіи частной собственности на землю и капиталъ центральнымъ пунктомъ былъ *готовый трудъ*; насколько хватало производительной силы каждаго, и насколько онъ былъ готовъ пустить ее въ ходъ, настолько онъ могъ быть увѣренъ, что его потребности будутъ предусмотрѣны производствомъ, настолько онъ былъ *богатъ*. Въ настоящее время опредѣляющимъ моментомъ производства является не національный трудъ, а уже *данное распределеніе національнаго продукта*: „продукты вымѣниваются только на продукты“, т. е. приобрести продукты можетъ только тотъ, кто самъ имѣетъ продукты или долю въ продуктахъ. Говорятъ, правда, что *трудъ покупаетъ въ видѣ заработной платы продукты*, но вѣрнѣе было бы сказать наоборотъ (какъ выраженіе „работникъ ищетъ труда“ вѣрнѣе было бы перефразировать: „работникъ *имѣетъ и предлагаетъ* трудъ“): соглашеніе о заработной платѣ не что иное, какъ соглашеніе о той части *собственнаго продукта работника*, которую онъ долженъ получить въ свое распоряженіе; оно является поэтому не покупкой, а наоборотъ — продажей будущаго продукта за простое *дозволеніе работать*, такъ какъ безъ такого дозволенія, при частной собственности на землю и капиталъ, онъ не имѣетъ возможности этого сдѣлать. Договоръ о заработной платѣ является для *работника* чѣмъ-то въ родѣ *постоянной запродажи урожая на корню*, но только *эта* запродажа не вліяетъ на цѣну урожая, уже доставленнаго на рынокъ: *рыночная цѣнность* продукта, т. е. цѣнность однихъ продуктовъ относительно другихъ, устана-

вливается соглашеніемъ съ тѣми, кто можетъ дать въ обмѣнъ уже *наличные* продукты или наличную цѣнность, съ представителями *дѣйствительнаго спроса*, а таковыми являются только тѣ, кто *уже участвовалъ* въ распредѣленіи, будутъ ли это работники или получатели Рентъ. Итакъ, факторомъ, регулирующимъ рыночную цѣнность, создающимъ „дѣйствительный“ спросъ и такимъ образомъ опредѣляющимъ направление производства, является не тотъ трудъ, который еще „безъ работы“, который только „*хочетъ* покупать продукты“, а лишь тотъ, который *уже* работалъ, *уже* покупалъ въ видѣ заработной платы продукты; землевладѣльцы и капиталисты, которые направляютъ производство, руководствуясь лишь собственными интересами, направляютъ его въ окончательномъ результатѣ на пользу не того общества, которое *нуждается*, а того, которое *можетъ платить*; на пользу не тѣхъ, кто *можетъ платить трудомъ*, а тѣхъ, кто *можетъ платить имуществомъ*.

„Трудъ, говоритъ Цахарю, есть первоначальная цѣна всѣхъ полезностей; трудъ—лучшія деньги; трудъ имѣетъ безусловную цѣнность“. Дѣйствительность такъ же мало похожа на эту теорію, какъ правда—на ложь: благодаря частной собственности на землю и капиталъ, эти „лучшія деньги“, эта первоначальная, естественная цѣнность всѣхъ продуктовъ *поставлена вниъ обращенія*; чтобы реализоваться, она должна быть специально пущена въ обращеніе, для чего нуждается въ разрѣшеніи обладателя земли и капитала. Трудъ, эта единственная безусловная цѣнность, стала цѣнностью даже очень условною: она зависитъ отъ *дозволенія частныхъ лицъ*, которыя имѣютъ безусловное право и очень часто находятъ выгоднымъ отказать въ такомъ дозволеніи.

Итакъ, вотъ первое послѣдствіе того, что собственники исполняютъ лежащія на нихъ функціи прежде всего въ *своёмъ личномъ интересѣ*: производство руководится потребностями не труда, а владѣнія; *высшая хозяйственная цѣнность нередко совершенно обезцѣнивается*. Но даже и эта сведенная къ спросу, предъявленному владѣніемъ, національная потребность не всегда точно покрывается національнымъ производствомъ: явленія рынка, по которымъ заключаютъ о потребности, ко времени завершения производства отходятъ уже въ область прошедшаго, и притомъ предприниматели строятъ заключенія, ничего не зная другъ о другѣ; общимъ правиломъ является поэтому не столько *соответствіе* производства національной потребности, сколько отступленія отъ этого соответствія; отражаясь на цѣнѣ продукта, эти отступленія являются

своимъ собственнымъ коррективомъ, но не приводящимъ въ равновѣсіе, а только перетягивающимъ вѣсы на другую сторону. За равновѣсіе теорія принимаетъ *стремленіе къ равновѣсію* ⁶⁾.

Далѣе. При господствѣ частной собственности на землю и капиталъ производство можетъ быть предпринято лишь тогда, когда намѣревающийся предпринимать его располагаетъ достаточнымъ *частнымъ капиталомъ* ⁷⁾, и когда помѣщеніе послѣдняго обѣщаетъ дать обычную Ренту. Производительныя предпріятія начинаются, главнымъ образомъ, только тамъ, гдѣ есть на-лицо обладатели частныхъ капиталовъ, и всякое новое изобрѣтеніе, всякій лучший способъ производства, примѣненный въ одномъ предпріятіи, держится въ секретѣ отъ другихъ. Спрашивается: въ какой мѣрѣ національный продуктъ доводится до высоты, соотвѣтствующей наличнымъ производительнымъ средствамъ?

Прежде всего, вѣдь для начатія производства необходимо достаточный частный капиталъ; если таковой накопленъ, онъ только тогда помѣщается въ производительное предпріятіе, если послѣднее обѣщаетъ обычную Ренту; обычная Рента зависитъ отъ достаточной цѣны, а эта послѣдняя опредѣляется дѣйствительнымъ спросомъ, который, въ свою очередь, вытекаетъ изъ *обладанія* соотвѣтствующею цѣнностью, зависящею отъ уже совершившагося *распредѣленія продукта*. Въ виду всего этого *объемъ вообще національнаго производства опредѣляется уже не объемомъ наличныхъ и естественныхъ производительныхъ средствъ нации, а накопленіемъ частныхъ капиталовъ и соотвѣтствующимъ распредѣленіемъ національнаго дохода.*

При отсутствіи частной собственности объемъ производства зависитъ прежде всего отъ размѣра производительныхъ средствъ: количество наличнаго труда и запасъ вещественныхъ капиталовъ ⁸⁾ одни всегда и при всякихъ обстоятельствахъ опредѣляли количественный результатъ производства; общественная организація, въ которой осуществленъ былъ высшій правовой принципъ распредѣленія, вела къ тому, что трудъ каждаго создавалъ дѣйствительный спросъ на его будущій продуктъ, и требовалось только соотвѣтственное распоряженіе общественной власти, чтобы цѣлесообразно организовать трудъ и снабдить его нужными вещественными капиталами. Въ настоящее время этихъ объективныхъ

⁶⁾ Въ подл. Die Theorie verwechselt Suchen und Finden. А. К.

⁷⁾ Kapitalvermögen. А. К.

⁸⁾ Kapitalgegenstände. А. К.

условія недостаточно: необходимо еще, чтобы рядомъ съ этими условіями стоялъ накопленный *частный капиталъ*, дающій власть ⁹⁾ распоряжаться разбросанными въ силу раздѣленія труда средствами производства и группировать ихъ для коопераціи. Но если даже и это условіе современнаго производства имѣется въ наличности, необходимо еще, чтобы распредѣленіе національнаго дохода создавало дѣйствительный спросъ на продукты и общало достаточныя цѣны и Ренты; иначе частный капиталъ отступается отъ производства и въ бездѣйствіи ожидаетъ „улучшенія конъюнктуры“, а *ею* бездѣйствіе осуждаетъ на бездѣйствіе и вещественные капиталы — машины и матеріалы, а также работниковъ, какъ бы они ни были готовы и предназначены для производства.

Что, казалось бы, естественнѣе, разумнѣе, понятнѣе, какъ не то, что богатство націи должно быть пропорціонально наличности у нея производительныхъ средствъ и ея готовности пускать ихъ въ ходъ, ея способности и охотѣ работать и сдѣланнымъ ею уже успѣхамъ въ производствѣ, т. е. наличнымъ запасамъ матеріаловъ и орудій? Что, казалось бы, нелѣпнѣе, нежели возможность наступленія случайности, которая можетъ парализовать способность и готовность производить и обречь трудъ на бездѣйствіе, машины—на застой, матеріалы—на порчу? А между тѣмъ эта нелѣпность нынѣ стала дѣйствительностью. Ни одна нація, живущая при господствѣ частной собственности на землю и капиталъ, не настолько богата, какъ она могла бы быть, и извѣстное вычисленіе М. Шевалье, что при равномъ подушномъ распредѣленіи французскаго національнаго дохода каждый французъ былъ бы только нищимъ, есть не что иное, какъ злая критика *современнаго* строя и *современнаго* распредѣленія.

Таково *второе* послѣдствіе наслѣдственности народохозяйственныхъ функций; объемъ національнаго производства сообразуется не съ объемомъ наличныхъ производительныхъ средствъ, а со случайными обстоятельствами, могущими какъ допустить, такъ и задержать примѣненіе послѣднихъ; *среди недостатка въ полезностяхъ трудъ и капиталъ могутъ, тѣмъ не менѣе, оказаться бесполезными и обременительными вещами*. Но даже и тогда, когда „конъюнктура“ позволяетъ пустить въ ходъ наличныя производительныя средства, эти послѣднія не могутъ проявить своей *полной* силы: частная собственность монополизируетъ то путемъ патента, то путемъ тайны даже прогрессъ производительности,

⁹⁾ Игра словъ:... Kapitalvermögens,—des Vermögens zu gebieten. А. К.

и при случайности ея распредѣленія основываетъ предпріятія тамъ, гдѣ для нихъ вовсе нѣтъ надлежащихъ удобствъ.

Наконецъ, при господствѣ частной собственности на землю и капиталъ продуктъ труда принадлежитъ собственникамъ или ихъ замѣстителямъ — предпринимателямъ, *на службѣ* которыхъ онъ создается работниками; онъ *распредѣляется* между работниками, предпринимателями, капиталистами и землевладѣльцами въ видѣ заработной платы, Ренты и предпринимательскаго дохода; заработная плата не только подлежитъ тѣмъ же общимъ мѣновымъ законамъ, что и цѣнность самихъ продуктовъ, но тяготеетъ къ „издержкамъ производства“, т. е. къ издержкамъ существованія. Спрашивается: обеспечивается ли всѣмъ этимъ справедливость и экономическая гармонія въ *распредѣленіи*?

Прежде всего, въдѣ благодаря частной собственности на землю и капиталъ, продуктъ труда принадлежитъ не объединеннымъ производителямъ, а другимъ лицамъ—собственникамъ, которые дали первымъ разрѣшеніе работать, и такимъ образомъ въ распредѣленіи участвуютъ не одни производители, но кромѣ нихъ и собственники или ихъ замѣстители—предприниматели. Въ силу этого при современномъ распредѣленіи *никто не получаетъ полной цѣнности продукта своего собственного труда*; напротивъ, *производители, получающіе цѣнность собственного продукта, получаютъ лишь наименьшую часть ея, а для собственниковъ, которымъ достается большая ея часть, она является цѣнностью чужого продукта*. И безъ частной собственности на землю и капиталъ, при раздѣленномъ трудѣ, никто не могъ быть собственникомъ своего непосредственнаго продукта, но въ этомъ случаѣ каждый имѣлъ право на *полную цѣнность своего продукта*, и каждый получалъ ее при распредѣленіи національнаго дохода. *При частной собственности на землю и капиталъ и при свободной конкуренціи за оплату труда* этотъ законъ простѣйшей естественной справедливости грубѣйшимъ образомъ нарушается: трудъ,—это непосредственное проявленіе личности,—теряетъ свое личное право и становится, какъ вещь, предметомъ торга; трудъ, создатель всѣхъ продуктовъ, лишенъ возможности вполне использовать послѣдніе и сталъ слугою чужихъ потребностей. Конечно, собственность—не воровство; она — неограниченное право на плоды *собственного труда*; конечно, собственность не можетъ кого-либо грабить, но нынѣ она сама подвергается ограбленію!.

Но этимъ не исчерпываются результаты современнаго распредѣленія: такъ какъ трудъ является на рынокъ въ видѣ товара, такъ какъ

соответствующая его „мѣншой цѣнности“ часть его собственного продукта тяготѣетъ къ „необходимымъ издержкамъ“, а эти послѣднія опредѣляются реальною массою предметовъ потребленія, зависящею отъ потребностей работника, а не отъ производительности его труда, то *трудъ, уже утратившій право на полную цѣнность своего продукта, лишается и участія въ пользованіи плодами его возрастающей производительности*. При отсутствіи частной собственности на землю и капиталъ, каждый производитель не только получалъ полную цѣнность своего продукта, но на его доходѣ отражался всякій шагъ прогресса производительности; въ настоящее время каждый производитель не только получаетъ не весь продуктъ, а небольшую часть его, но прогрессъ производительности не отражается и на этой долѣ, составляющей его доходъ. Если бы даже трудъ націи мало-по-малу сталъ вдвое производительнѣе, нежели былъ прежде; если бы четыре миліона наличныхъ работниковъ даннаго общегитія создавали вдвое большую массу всѣхъ продуктовъ, то именно для работниковъ это повышеніе было бы совершенно бесполезно: при господствѣ частной собственности и при предоставленномъ самому себѣ мѣншомъ оборотѣ оно не повысило бы реальной заработной платы, не сократило бы продолжительности рабочаго времени, не повело бы даже къ сокращенію численности работниковъ и къ увеличенію числа собственниковъ. Если эта истина не всѣмъ ясна, то причина заключается въ посредничествѣ металлическихъ денегъ и въ приростѣ населенія, — обстоятельствахъ, затруднившихъ пониманіе дѣйствительнаго хода вещей.

„Собственность (на землю и капиталъ), говоритъ Прудонъ, есть воровство, рабство—равносильно убійству“. Но если собственность потому воровство, что отнимаетъ у производителя часть цѣнности его продукта; если рабство потому не лучше убійства, что отнимаетъ у человѣка возможность свободнаго развитія, — то и въ свободныхъ учрежденіяхъ, сохраняющихъ, на-ряду съ собственностью на землю и капиталъ, „свободу“ рабочаго договора, господствуетъ и воровство, и человѣкоубійство. Пока работники даже въ своей долѣ продукта лишены участія въ плодахъ растущей производительности, они, конечно, лишены и возможности свободнаго развитія; ихъ матеріальное положеніе силою вещей удерживается на уровнѣ необходимыхъ издержекъ, ихъ умственное и нравственное развитіе — на уровнѣ ихъ матеріальнаго положенія, и такимъ образомъ, при свободной борьбѣ за заработную плату, въ образѣ

собственности на землю и капиталъ, въ существѣ дѣла продолжаетъ господствовать рабство.

Изъ этихъ безотраднѣхъ явленій современнаго оборота съ математическою послѣдовательностью выводятся два ряда экономическихъ законовъ и фактовъ. *Первый* рядъ содержитъ слѣдующіе законы. Мѣновая цѣнность вынесеннаго на рынокъ продукта, лишь при наличности *достаточнаго дѣйствительнаго* спроса, можетъ быть поднята до надлежащей высоты. Достаточный дѣйствительный спросъ предполагаетъ *соответствующую покупательную силу*, которая дается лишь *обладаніемъ достаточною цѣнностью*. Сумма цѣнности, отъ которой зависитъ покупательная сила каждаго лица, опредѣляется величиною *доли его участія въ продуктѣ*. Исключеніе рабочихъ классовъ отъ участія въ плодахъ возвращающей производительности труда равносильно *уменьшенію доли участія этихъ классовъ*. При возрастающей производительности, такимъ образомъ выносимая на рынокъ масса продукта растетъ, а доля большинства участниковъ экономическаго оборота, а слѣдовательно и ихъ дѣятельный спросъ, сокращается. Отсюда ясенъ выводъ, что *исключеніе рабочихъ классовъ отъ участія въ плодахъ возрастающей производительности оказываетъ неестественное давленіе на цѣнность*, — давленіе, не имѣющее ничего общаго съ естественнымъ вытекающимъ изъ возрастающей производительности пониженіемъ издержекъ, а происходящее исключительно изъ условій современнаго распредѣленія и потому присовокупляющее свое особое вліяніе къ упомянутому естественному пониженію. *Второй* рядъ гласитъ слѣдующее. Предприниматели въ настоящее время—единственные обладатели создаваемой ихъ работниками возрастающей по мѣрѣ роста производительности массы продукта; *они* выносятъ ее на рынокъ, *они* ликвидируютъ ее, *они* получаютъ прибыли и терпятъ убытки, вытекающіе изъ ея мѣновой цѣнности. *Но они не одни извлекаютъ изъ послѣдней свой доходъ*: еще раньше, чѣмъ продуктъ вынесенъ на рынокъ, и даже раньше, нежели началось производство, они обязались выплачивать *опредѣленную сумму цѣнности* работникамъ и собственникамъ, въ видѣ заработной платы и Рентъ, за передачу въ ихъ распоряженіе труда и производительнаго имущества; эта выплата или покрытіе выплаты, произведенной раньше, должны послѣдовать изъ выручки отъ вынесеннаго на рынокъ продукта, иначе предприниматель лишится состоянія и добраго имени. Въ силу этого мѣновая цѣнность выносимой на рынокъ массы продукта имѣетъ сильнѣйшее вліяніе на производство: *если она высока*, предпріятія преуспѣ-

вають; *если она понижена*, производство вяло прозябает; *если она падает ниже условленныхъ суммъ цѣнности*, ниже „издержекъ“, то предприниматели приостанавливаютъ производство, ибо только этимъ путемъ могутъ они сохранить свое состояніе и спасти честь своего имени.

Эти два ряда экономическихъ законовъ и фактовъ въ настоящее время дѣйствуютъ параллельно. Производительность труда растетъ съ прогрессирующею быстротою; а такъ какъ работники изъяты изъ участія въ плодахъ этого роста, то рыночная цѣнность испытываетъ постоянное давленіе и по-временамъ опускается ниже издержекъ производства; производство поэтому ищетъ въ видѣ общаго правила вялый ходъ, а по-временамъ и совершенно приостанавливается. Отъ *этихъ* послѣдствій непосредственно зависятъ, затѣмъ, страданія, которыя въ сущности безпрестанно терзаютъ современное хозяйство, а по-временамъ обостряются въ кризисы, видные и самому близорукому глазу. Распредѣленіе, и безъ того несправедливое, по-временамъ совершенно прекращается; производительныя средства націи—тысячи работниковъ и милліоны капитала—принуждаются къ бездѣйствію; трудъ, принимавшій уже участіе въ распредѣленіи, снова утрачиваетъ свое вліяніе на направленіе и складъ національнаго производства. Я спрашиваю: есть ли ошибка въ моемъ умозаключеніи, что всѣ эти страданія коренятся въ *современномъ распредѣленіи*, въ томъ и по существу своему несправедливомъ обстоятельствѣ, что рабочіе классы исключены изъ участія въ плодахъ растущей производительности, т. е. что ихъ плата становится все меньшею долей ихъ продукта, т. е., наконецъ, что *ихъ трудъ изведенъ на уровеньъ товара и подчиненъ закону свободной конкуренціи?*

Таковы *послѣдствія* предоставленнаго самому себѣ, при наличности собственности на землю и капиталъ, народнаго хозяйства! Такова *анархія*, которую индивидуалисты промышленнаго міра хотѣли бы распространить и на *всѣ* другія области общественной жизни! Можно ли по крайней мѣрѣ утверждать, что эта анархія *дешево* обходится обществу? *Нѣтъ!* Для этой изъ рукъ вонъ извращенной организациі народнаго хозяйства *необходима постоянная машина, которая для одной Пруссіи стоитъ 200 милл. талеровъ*,—такова приблизительно цѣнность *обращающихся* въ странѣ *металлическихъ денегъ*.

Г л а в а IV. Коммунизмъ.

Я противопоставилъ изображенную мною выше коммунистическую систему нынѣшней индивидуалистической исключительно въ теоретическихъ видахъ, чтобы лучше выяснить роль и значеніе капитала. Но я долженъ защитить ее отъ упрековъ, обыкновенно дѣлаемыхъ коммунизму.

Наиболѣе серьезны и рѣзки упреки Прудона. „Конечно, говорилъ онъ, единичные коммунисты не имѣютъ собственности, но зато коммунистическое государство является собственникомъ всего, — не только матеріальнаго богатства, но и личностей и ихъ воли. Благодаря этому, трудъ, который долженъ бы былъ быть обязанностью, возложенною на человѣка природою, становится *человѣческимъ* принужденіемъ, и въ силу этого уже онъ дѣлается ненавистнымъ; всѣмъ поэтому должно быть строго внушаемо пассивное повиновеніе, несомѣстное съ мыслящею волей; каждый долженъ безъ возраженія подчиниться всякой регламентаціи, хотя послѣдняя всегда будетъ неудовлетворительна, какъ бы она ни была тщательно установлена. Благодаря этому жизнь, талантъ, всѣ человѣческія способности — собственность государства, которое можетъ распоряжаться ими для всеобщаго блага по своему усмотрѣнію; частныя ассоціаціи, не взирая на симпатіи и антипатіи способностей и характеровъ, строго запрещены, потому что разрѣшеніе ихъ повело бы къ образованію внутри большого общественнаго союза малыхъ союзовъ, а слѣдовательно, опять къ появленію частной собственности. Благодаря этому сильный долженъ дѣлать работу слабого, хотя это могло бы быть только завѣтомъ милосердія, а не обязанностью, нравственнымъ, а не юридическимъ правиломъ; трудолюбивый долженъ исполнять работу лѣнтяя, хотя это несправедливо, толковый — работу глупца, хотя это нелѣзно. Благодаря этому, словомъ, человѣкъ долженъ отрѣшиться отъ своего я, своей свободной воли, своего духа, своихъ склонностей, и покорно склониться предъ непреклоннымъ величіемъ коммунистическаго государства“.

„Коммунизмъ — неравенство, но въ извращенномъ смыслѣ слова: собственность — эксплуатація слабого сильнымъ, коммунизмъ — эксплуатація сильного слабымъ“. „Коммунизмъ — униженіе и рабство: человѣкъ охотно подчиняется величіемъ долга, служитъ отечеству, оказываетъ услуги друзьямъ; но работать онъ согласенъ, лишь когда, сколько и что ему угодно; онъ хочетъ самъ располагать своимъ временемъ, повинно-

ваться только необходимости, самъ выбирать своихъ знакомыхъ, свои развлечения, свою профессію; онъ хочетъ быть полезенъ по доводамъ разума, а не по приказу, жертвовать собой изъ свободнаго эгоизма, а не по рабскому принужденію. Вотъ почему коммунизмъ рѣшительно противорѣчитъ свободному примѣненію нашихъ способностей, нашимъ благороднѣйшимъ склонностямъ и интимнѣйшимъ чувствамъ“. Такъ говоритъ Прудонъ; но ясно, что общественный строй, выясненный мною во второй главѣ, не имѣетъ ничего общаго съ его характеристикой.

Правда, земля и продуктъ націи остаются до момента распределенія послѣдняго въ доходъ собственностью общегитія — *государства*, но послѣднее не распоряжается доходомъ, личностью и волей индивидовъ; напротивъ, частная собственность сохранена *по отношенію ко всей цѣлности продукта индивидуальнаго труда*, а личность и воля свободны, насколько это вообще возможно въ человѣческомъ обществѣ; трудъ — результатъ не принужденія, а свободнаго самоопредѣленія; обязанность пассивнаго послушанія не идетъ дальше, нежели того требуетъ составившаяся изъ индивидуальныхъ волей народная воля; регламентация не больше, чѣмъ во всякой свободной ассоціаціи; жизнь, таланты и способности каждаго остаются *его* собственностью; не запрещена никакая ассоціація, направленная къ болѣе полезному и пріятному использованию дохода, и только частныя ассоціаціи для пріобрѣтенія земли и капитала, само собой, невозможны; сильному, трудолюбивому, умѣлому никогда не приходится исполнять работу слабого, лѣниваго, неумѣлаго, и не требуется большаго отрѣшенія отъ своего я, большаго подчиненія общегитію, чѣмъ во всякомъ другомъ порядкѣ демократической равноправности. Нѣтъ, такимъ образомъ, эксплуатаціи ни сильнаго слабымъ, ни слабого сильнымъ, а есть только *свободная эксплуатація каждымъ себя самою*; нѣтъ порабощенія и рабства, а есть только свободное исполненіе долга, на исполненіи котораго покоится свободное государство; индивидъ лишь постольку стѣсняется въ своей свободѣ работать что, когда и сколько ему угодно, поскольку его произволъ встрѣчается съ *естественными* ограниченіями. Словомъ, очерченный мною народохозяйственный строй ни въ какомъ отношеніи не противорѣчитъ свободѣ примѣненія нашихъ способностей, нашимъ лучшимъ склонностямъ и чувстваваніямъ.

Но я иду дальше и утверждаю, что при *общемъ обладаніи землей и капиталомъ* не только собственность обезпеченнѣе, свобода полнѣе, равноправность шире, нежели при наиболѣе свободныхъ порядкахъ, ос-

нованных на частномъ обладаніи тѣмъ и другимъ, но что лишь при общемъ обладаніи собственность, свобода и равноправность вообще осуществимы въ ихъ чистомъ видѣ. Взгляните, въ самомъ дѣлѣ, на современныя *имущественныя отношенія*. Что такое собственность съ *правовой, принципиальной* точки зрѣнія? Неограниченное право каждаго на полный продуктъ своего труда. Современныя имущественныя отношенія, при господствѣ частной собственности на землю и капиталъ, покоятся на такомъ же непрерывномъ, вопіющемъ нарушеніи этого принципа, какъ и рабство, которое лишь въ степени, а не въ принципѣ, отличается отъ частной собственности на землю и капиталъ; рабство, правда, подчиняетъ себѣ самую личность, частная собственность— только ея непосредственное проявленіе, но и то, и другое насильственно лишаетъ личность полного продукта ея труда; разница въ томъ, что рабство открыто признается въ этомъ насиліи, а частная собственность прикрываетъ его софизмами: первое дѣйствуетъ грубою силой, вторая— притворствомъ. Доведите свободу и дѣлимость земельной и капитальной собственности до послѣдней крайности, но все же вы не сдѣлаете *всѣхъ* собственниками, а потому ея вліяніе останется неизмѣннымъ; Рента, этотъ незаслуженный продуктъ чужого труда, останется ей имманентною; общество будетъ въ полной мѣрѣ пользоваться свободою нищеты ¹⁾, но будетъ и терпѣть ея нужду и нищету, ея безнравственность и униженіе. И напротивъ, свяжите собственность на землю и капиталъ, какъ вамъ угодно, сдѣлайте ее недѣлимую, и все же она будетъ жить плодами чужого труда, и общество утратить, кромѣ всего прочаго, и личную свободу работника. Взгляните далѣе на современную *свободу!* Что такое свобода? Конечно, не независимость индивида отъ общественной воли и морали (свобода требуетъ только участія индивида въ образованіи того и другого), а независимость отъ *чужой индивидуальной воли и индивидуальной морали*. Между тѣмъ нынѣшняя личная свобода для большинства не что иное, какъ безпрестанная зависимость отъ чужой индивидуальной воли и морали, отъ воли и морали землевладѣльцевъ и капиталистовъ, какъ служба-полурабство ²⁾. Пока существуетъ частная собственность на землю и капиталъ, до тѣхъ поръ будутъ существовать и *господа; Рента есть послѣдній историческій признакъ личного господства*. Доведите личную свободу до общаго избира-

¹⁾ Въ подл. Proletariatsfreiheit. А. К.

²⁾ Botmässigkeit. А. К.

тельного права, даже до „анархіи“, и сохраните при этомъ частную собственность на землю и капиталъ, и вы не отдѣляетесь отъ *Ренты* и *господства*, отъ *заработной платы* и *личной зависимости*. Если вы хотите дѣйствительной анархіи, вы должны отрѣшиться и отъ собственности на землю и капиталъ; правда, и тогда вамъ остается выборъ: между полуживотнымъ ³⁾, какое изобразилъ Руссо, и *цивилизациею* съ *единой общественной волей*, т. е. съ *государствомъ*, *централизациею* и *коммунизмомъ* ⁴⁾. Взгляните, наконецъ, на современную *равноправность*! Что такое равноправность? *Равное право на тѣ внѣшнія общественныя условія*, которыя нужны индивиду, чтобы *сообразно своему личному вкладу въ социальную жизнь* принимать участіе въ ея *плодахъ*. Но отъ такого равенства современная социальная жизнь еще очень далека: мы болѣе или менѣе достигли гражданского равноправія въ области гражданского и уголовного права и процесса и такъ называемой свободы личности и собственности; мы уже не такъ далеки отъ политическаго равноправія—отъ всеобщаго избирательнаго права какъ активнаго, такъ и пассивнаго. Но благодаря всему этому, индивидъ приобрѣлъ только *пустую правовую сферу*, которой большинство не можетъ заполнить, несмотря ни на какія *личные* усилія, заслуженнымъ участіемъ въ *богатствѣ*, *образованіи* и *культурѣ* ⁵⁾ нашего вѣка: частная собственность на землю и капиталъ при свободной борьбѣ за заработную плату постоянно удерживаетъ доходъ рабочихъ классовъ, даже при наивысшей производительности труда, на уровнѣ „необходимыхъ издержекъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ держитъ ихъ образованіе и культуру на уровнѣ, соответствующемъ гораздо болѣе варварскимъ временамъ. Въ силу этого при частной собственности на землю и капиталъ не можетъ надлежащимъ образомъ проявляться ни естественное равенство людей, ни даже то естественное неравенство, на которое такъ упираютъ противники социальнаго равноправія: равенство уничтожается

³⁾ Въ подл. Vierfüßler. А. К.

⁴⁾ Централизація и самоуправленіе вовсе не абсолютно противорѣчатъ другъ другу: централизація не равнозначуща власти, лежащей *въ* народной волѣ, самоуправленіе не то же, что разложеніе государства въ чистый индивидуализмъ. Централизація и самоуправленіе поэтому вполне совмѣстимы: общественныя дѣла рассматриваются тогда только *народнымъ* представительствомъ, а не *общиннымъ*, зависятъ отъ воли народа, какъ *цѣлаго*, а не какъ совокупности *отдѣльныхъ общинъ*. Народохозяйственное развитіе—порука въ томъ, что такая комбинація самоуправления и централизація *дѣйствительно осуществится*. Прим. Родбертуса.

⁵⁾ Въ подл. Sitte. А. К.

наслѣдственными преимуществами прирожденныхъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ, вліяніе естественнаго неравенства—равною для всѣхъ отверженностью ⁶⁾ рабочаго класса. Какъ бы прочно ни была обоснована гражданская и политическая равноправность, но при частной собственности на землю и капиталъ и предоставленномъ самому себѣ *распредѣленіи національнаго дохода* никогда не осуществится *соціальное равноправіе*, три четверти общества всегда останутся лишенными заслуженной доли въ плодахъ соціальной жизни.

Итакъ, поклонники современныхъ порядковъ слишкомъ заблуждаются, если думаютъ защищать противъ социалистовъ свободу, собственность и равноправность. Напротивъ, только упраздненіе частной собственности на землю и капиталъ, только общее обладаніе тѣмъ и другимъ, при той народохозяйственной организаціи, какую я выше обрисовалъ, можетъ *радикально* устранить всякія искаженія этихъ благъ, *вполнѣ* обезпечить каждому пользованіе ими; *и даже для того, чтобы устранить только самыя вопіющія ихъ искаженія, необходимо въ шатательство общества въ интересахъ заработной платы.*

Но, можетъ быть, при общественномъ строѣ безъ частной собственности на землю и капиталъ собственность, свобода и равноправность примутъ не такой видъ, какъ бы слѣдовало? Но вѣдь только при такомъ общественномъ устройствѣ собственность становится плодомъ собственнаго труда, а этотъ послѣдній—основаніемъ и мѣриломъ собственности; только тогда свобода становится всеобщей, такъ какъ исчезаетъ послѣдняя зависимость отъ чужой личной воли, каждый работаетъ только на самого себя и съ тѣмъ вмѣстѣ—на общество; только тогда вполнѣ осуществляется равноправіе, потому что дѣйствительностью становится то, что при другихъ условіяхъ остается фразой. Словомъ, только при общемъ обладаніи землею и капиталомъ общество становится воистину свободнымъ, создается общеніе „свободныхъ и равныхъ“ людей, не имѣющихъ надъ собою никого, кромѣ общественной воли, въ которой они сами участвуютъ; только при этомъ условіи можетъ быть въ полной мѣрѣ принято въ соображеніе то различіе индивидуальныхъ способностей и различіе ихъ примѣненія, вообще тѣ „явныя неравенства“, на которыхъ настаиваетъ Рейбо; только этотъ строй заполняетъ пагубный пробѣлъ въ системѣ свободы труда, какимъ является предоставленное самому

⁶⁾ Verdammiss. А. К.

себѣ распредѣленіе, и осуществляетъ хорошія стороны этой системы—международную свободную торговлю и свободу выбора занятій, безъ ея дурныхъ сторонъ. *Не индивидуализмъ, а социализмъ завершаетъ тотъ рядъ завоеваній свободы* 7), который начался съ реформации, даетъ послѣдней ея окончательное посвященіе.

Вотъ почему я убѣжденъ, что если когда-либо право и свобода должны достигнуть *полнаго* господства на землѣ, то общество должно идти навстрѣчу тому строю, какой я очертилъ выше. Я — признаюсь откровенно — вѣрю въ грядущую отмѣну собственности на землю и капиталъ; исторія, современность и наука одинаково способствовали укрѣпленію во мнѣ этой вѣры. Бросьте бѣглый взглядъ на исторію! Во всѣхъ большихъ социальныхъ потрясеніяхъ, изъ которыхъ зарождались новыя эпохи, всегда выступала предъ изумленными современниками социалистическая идея. Возьмите начала христіанства, этой первой и серьезнѣйшей освободительной попытки человѣка, и вы увидите коммунизмъ, даже *осуществленный*, хотя и въ наивномъ и ребяческомъ видѣ; но христіанская идея въ своемъ прямомъ видѣ бессильна противъ древняго зла; она можетъ дѣлать свое дѣло лишь обходнымъ путемъ, чрезъ посредство *требованій субъективнаго права*. Вотъ почему коммунизмъ перестаетъ быть нравственнымъ завѣтомъ, какимъ онъ былъ въ эпоху первыхъ христіанъ; но въ каждомъ новомъ социальномъ движеніи онъ появляется, какъ послѣднее *правовое* требованіе, появляется въ болѣе опредѣленномъ обликѣ, въ болѣе ясныхъ и научныхъ формахъ. Въ видѣ неяснаго требованія, вытекающаго изъ чувства, со всѣми свойственными чувству преувеличеніями, онъ появляется еще въ XIV в., въ жакеріи и въ походахъ Уата-Тайлера; изъ этой эпохи происходитъ изреченіе: „война дворцамъ, миръ хижинамъ“. Въ эпоху реформации это требованіе становится болѣе общимъ, и рядомъ съ неупорядоченными практически-коммунистическими попытками народа становятся коммунистическіе взгляды ученыхъ: Моръ, Кампанелла, Бэконъ, Вэрассъ писали свои утопіи въ 16-мъ и 17-мъ вѣкѣ; но они разсматривали коммунизмъ именно какъ утопію, какъ стремленіе въ дальнюю, недостижимую страну. Наконецъ, эпоха французской революціи дѣлаетъ систематическія попытки осуществленія „утопій“. Рядомъ съ усиливающимися коммунистическими стремленіями массъ, люди, въ родѣ Мабли, Бабѣфа, Фихте, С. Симона, Фурье, Оуэна, Кабѣ,—люди изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, теоре-

7) Emancipationen. A. E.

тики и практики, не руководимые ни ненавистью, ни личным интересом, строить обстоятельные детальные системы, приуроченные къ современнымъ обстоятельствамъ, и требуютъ осуществленія коммунистическаго строя, отъ котораго одного ожидаютъ возрожденія современнаго общества. Неужели во всѣхъ этихъ коммунистическихъ стремленіяхъ, все съ большею силою возвращающихся при каждомъ социальномъ потрясеніи, въ утопіяхъ и системахъ длиннаго ряда благороднѣйшихъ и мудрѣйшихъ мужей, отъ Платона до Оуэна, — неужели во всемъ этомъ нѣтъ *никакой* доли истины? Неужели всѣ эти системы—только порожденіе зависти или корысти, только фантастическія мечтанія? Взгляните далѣе на современность! Мнѣ кажется, что къ коммунизму клонится все современное развитіе во всѣхъ областяхъ практической жизни,—въ экономикѣ, въ правѣ и въ обычаяхъ. Развѣ величайшія и полезнѣйшія учрежденія экономическаго оборота не имѣютъ коммунистическаго характера, и не находится ли ихъ величіе и полезность въ прямомъ отношеніи къ степени проявленія этого характера? Не должно ли было право изобрѣсти для нихъ новыя формы, и не чувствуются ли еще и теперь какъ разъ въ этомъ отношеніи величайшіе пробѣлы? Не преобладаетъ ли въ нашихъ обычаяхъ стремленіе къ общности пользованія благами жизни, и не поддерживается ли оно обстоятельствами всякаго рода, особенно наиболѣе убѣдительными изъ всѣхъ—частно-экономическими? Правда, бóльшая часть такихъ коммунистическихъ учрежденій создана самою частною собственностью, но мнѣ кажется весьма замѣчательнымъ, что послѣдняя именно изъ нихъ извлекаетъ наибольшія прибыли, что она подъ давленіемъ собственныхъ интересовъ становится слугою коммунизма. Словомъ, никто не можетъ игнорировать того факта, что *фактически* коммунизмъ болѣе, чѣмъ когда-либо, господствуетъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ—въ правѣ, обычаяхъ и идеяхъ, что представителями его являются заслуживающія вниманія школы и еще болѣе заслуживающія его партіи; что, словомъ, онъ является силою, съ которою индивидуалистическому обществу скоро *придется вступить въ компромиссъ*. Взгляните, наконецъ, на науку политической экономіи! Нигдѣ, мнѣ кажется, не виденъ такъ близко конецъ индивидуализма, какъ въ этой области: господствующая система политической экономіи, въ безсознательной наивности признавъ сначала голодную смерть и имущественныя потери за необходимый регуляторъ народнаго хозяйства и открыто осудивъ рабочіе классы на рабскій трудъ и рабское существованіе, испугалась затѣмъ того отраженія своихъ ученій, которое уви-

дѣла въ зеркалѣ социализма, и внезапно игнорируя факты, безъ какого-либо серьезнаго научнаго обоснованія, перескочила къ принципу хозяйственной гармоніи и охватывающаго все болѣе широкіе круги участія въ растущихъ сокровищахъ производства,—скачокъ, напоминающій судорожныя предсмертныя движенія! А если глубже изслѣдовать дѣло, то окажется, что коммунистическія начала лежатъ въ основѣ всей политической экономіи, и что народохозяйственное развитіе не что иное, какъ стремленіе къ осуществленію этихъ коммунистическихъ началъ.

Но если я вѣрю въ будущность коммунизма, если я думаю, что современное общество быстрыми шагами идетъ къ его осуществленію, то все же я не ожидаю въ сколько-нибудь близкомъ будущемъ отмѣны частной собственности на землю и капиталъ. Противорѣчащія этому правовыя и экономическія убѣжденія, масса связанныхъ съ собственностью на землю и капиталъ интересовъ, умственное и нравственное состояніе и господствующихъ, имущихъ, и зависимыхъ, рабочихъ классовъ,—все это еще на много десятилѣтій сдѣлаетъ невозможнымъ паденіе столь крѣпко укоренившагося института. Независимо отъ этого, я не думаю, чтобы „свободный трудъ“ въ настоящее время проявилъ уже достаточную заботливость о наукѣ и искусствѣ, этихъ благороднѣйшихъ дарахъ цивилизаціи. Въ настоящее время общество *вынуждено* исполнять тотъ избыточный трудъ, на счетъ котораго цвѣтутъ науки и искусства, потому что *вещественныя* средства, нужныя для осуществленія высшихъ жизненныхъ задачъ, извлекаются въ видѣ Ренты изъ потребленія работниковъ, которымъ въ силу этого приходится больше работать. Конечно, было бы прекрасно, если бы „воспитаніе человѣческаго рода“ уже настолько закалило нравственную силу индивида, чтобы онъ свободно и самъ по себѣ согласился исполнять необходимый для указанной цѣли избыточный трудъ. Принужденіе всегда служило подготовительною школой къ свободѣ и всегда останется ею, хотя самыя средства воспитанія измѣняются, и насиліе привилегіи, насиліе личности надъ личностью уже вытѣснено властью равныхъ для всѣхъ общественныхъ институтовъ, какими являются частная собственность на землю и капиталъ, а на мѣсто этой власти, можетъ быть, станетъ впоследствии давленіе чисто естественныхъ фактовъ, каково размноженіе населенія. Съ того времени, какъ лучшіе умы поняли неправомѣрность рабства, прошло еще тысячелѣтіе, пока въ лицѣ крѣпостнаго права были уничтожены—и то только въ цивилизованныхъ государствахъ Европы—его послѣдніе слѣды. Если въ настоящее время исторія двигается быстрѣе, то, напротивъ, частная

собственность на землю и капиталъ тѣснѣе срослась съ обществомъ, нежели рабство, и при томъ она такъ часто связывается съ собственностью, соответствующек своему законному принципу; неправда собственности столь тѣсно переплелась съ правдой, что хотѣть немедленно упразднить ложную собственность значило бы сдѣлать истинную собственность ея союзникомъ и своимъ врагомъ.

Я думаю поэтому, что какъ исторія всегда двигалась путемъ компромиссовъ, такъ и ближайшею задачей нашей науки долженъ быть *компромиссъ между трудомъ и собственностью на землю и капиталъ*. Мнѣ было бы нетрудно развить до послѣднихъ подробностей планъ народохозяйственнаго строя, вовсе не знающаго этого института, но для настоящаго времени это было бы совершенно бесполезно. Я думаю ограничиться поэтому выясненіемъ того, какъ могли бы быть регулированы условія заработной платы, въ видахъ предоставленія рабочимъ классамъ подобающей имъ доли въ распредѣленіи продукта, при чемъ это регулированіе не требовало бы ограниченій личной свободы, свободы передвиженія и выбора занятій и т. п. Конечно, принципиальная неправда частной собственности на землю и капиталъ остается при *всякихъ* отношеніяхъ рабочаго найма, но практическое вліяніе этой неправды можетъ быть сокращено до такой степени, на которой она станетъ, съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ классовъ, болѣе нежели сносной. Соціальный строй можетъ быть измѣненъ настолько, что собственники изъ владыкъ, изъ божествъ, которымъ трудъ можетъ только приносить жертвы, станутъ полезными членами общества, получающими въ формѣ Ренты вознагражденіе за завѣдываніе производительными предпріятіями, т. е. за такую службу, которую общество должно оплачивать при всякомъ порядкѣ вещей. Картину народохозяйственнаго строя безъ частной собственности на землю и капиталъ я набросалъ больше для теоретическихъ, нежели для практическихъ цѣлей: мнѣ нужно было изобразить такой строй, чтобы на немъ показать ошибочность господствующихъ представлений о *капиталѣ*, къ анализу котораго я теперь и перехожу; я покажу при этомъ анализѣ, что экономисты смѣшали *естественный* ходъ производства съ *соціальнымъ* его ходомъ, обусловленнымъ существованіемъ права собственности на землю и капиталъ, и вслѣдствіе этого пришли къ такому представленію о капиталѣ, которое не имѣетъ ничего общаго съ явленіемъ дѣйствительнаго народохозяйственнаго міра.

Глава V. Капиталь въ изолированномъ хозяйствѣ.

Начнемъ съ изслѣдованія капитала въ *изолированномъ хозяйствѣ*. Здѣсь, гдѣ индивидъ, вырванный изъ всякой соціальной среды, одинъ противопоставленъ вѣчному міру, и потому явленія *соціальной* хода производства совершенно отсутствуютъ, тѣмъ яснѣе станетъ его *естественный* ходъ, а потому тѣмъ легче будетъ познать, что въ такомъ естественномъ ходѣ производства можетъ быть названо капиталомъ.

Прежде всего, изъ чего *состоитъ* здѣсь капиталъ? Потребности человѣка образуютъ все возобновляющійся по мѣрѣ ихъ удовлетворенія, безконечно растущій рядъ; *средства* удовлетворенія ихъ болѣе или менѣе скоро потребляются; трудъ, создающій эти средства, ограниченъ по времени и производительной силѣ, а потому человѣкъ долженъ постоянно работать и притомъ работать какъ можно производительнѣе, чтобы постоянно и какъ можно полнѣе удовлетворять свои потребности. Разъ его производительная дѣятельность перестаетъ быть простою оккупацией готовыхъ продуктовъ природы, а направляется на такіе предметы потребленія, для которыхъ природа даетъ только матерію, которую трудъ еще долженъ видоизмѣнить, и разъ нельзя добыть и переработать эту матерію голыми руками, то ему придется производить прежде всего *матеріалы* и *орудія*, чтобы изъ *первыхъ* и *помощью вторыхъ* изготовлять непосредственно *нужные* ему предметы потребленія; эти послѣдніе онъ потребитъ и, потребляя ихъ, будетъ продолжать производство. Таковъ будетъ безконечный круговоротъ его хозяйственной дѣятельности: потребляя нужные ему продукты, онъ будетъ изготовлять новые матеріалы и новыя орудія или по меньшей мѣрѣ ремонтировать и пополнять старые, и долженъ продолжать это дѣлать безъ перерыва, чтобы не прервалось удовлетвореніе его потребностей. Если взглянуть на этотъ процессъ въ какой-либо данный моментъ, то ясно можно увидѣть разницу между *капиталомъ* и *доходомъ*: *доходъ*—это предметы потребленія, которыми трудъ снабжаетъ изолированнаго хозяина; *капиталъ*—орудія и матеріалы, изъ которыхъ и помощью которыхъ трудъ регулярно изготовляетъ этотъ доходъ.

Такое опредѣленіе по существу отличается отъ взглядовъ экономистовъ, которые считаютъ за капиталъ даже у изолированнаго хозяина *запасъ средствъ существованія*, на которыя онъ живетъ, пока изготовляетъ новые продукты. Но не трудно показать, что это—ошибка, ко-

торая, логически проведенная, должна либо упразднить всякое различіе между капиталомъ и доходомъ, либо перевернуть оба понятія. Конечно, изолированный хозяинъ, работая надъ новыми продуктами, потребляетъ изготовленные ранѣ средства существованія, и если бы онъ не имѣлъ послѣднихъ, то долженъ былъ бы сперва изготовить ихъ и уже затѣмъ перейти къ производству первыхъ, но это—только естественное и необходимое соотношеніе между производствомъ и потребленіемъ: человѣкъ потребляетъ *въ то же время*, когда и производитъ, и производитъ въ то же время, когда потребляетъ; но никакъ нельзя сказать, что онъ потребляетъ, чтобы производить, подобно тому, какъ онъ изготавливаетъ матеріалы и орудія, чтобы затѣмъ производить доходъ, предметы потребленія; напротивъ, онъ производитъ, чтобы потреблять, создаетъ свой доходъ, чтобы имъ пользоваться. Но если бы признать то, что онъ *потребляетъ во время производства*, за *капиталъ*, то пришлось бы либо, если настаивать на различіи между капиталомъ и доходомъ, признать за *доходъ* то, что онъ *производитъ во время потребленія*, т. е. *орудія и матеріалы*, либо—если бы противъ *такого* рѣшенія возсталъ здравый смыслъ—признать *все*: орудія, матеріалы и средства существованія, за *капиталъ* и упразднить понятіе дохода. Но здравый смыслъ—по крайней мѣрѣ для изолированного хозяйства—столь же противорѣчитъ зачисленію средствъ существованія въ составъ капитала, какъ зачисленію орудій и машинъ въ составъ дохода, и только стремленіе изобразить заработную *плату*, которая *нынѣ* является составнымъ элементомъ *частнаго капитала*, какъ *естественную составную часть капитала* вообще, капитала *самого по себѣ*, могло побудить экономистовъ признать въ изолированномъ хозяйствѣ доходъ за часть капитала.

Но если даже удержать различіе между капиталомъ и доходомъ, разумѣть подъ однимъ матеріалы и орудія, подъ другимъ—предметы непосредственнаго потребленія, то все же и то и другое остается *продуктомъ труда* изолированного хозяина; критерій для различенія дохода и капитала, примѣняемый къ обѣимъ составнымъ частямъ послѣдняго—къ матеріаламъ и орудіямъ, въ томъ, что *капиталъ* есть продуктъ, служащій для дальнѣйшаго производства, *доходъ*—продуктъ, служащій для удовлетворенія непосредственныхъ потребностей; капиталъ—исполненный ранѣ трудъ, за которымъ долженъ слѣдовать еще трудъ; доходъ—законченный трудъ, за которымъ слѣдуетъ потребленіе; доходъ—цѣль пути, который совершаетъ трудъ, капиталъ—лишь пройденная часть этого пути.

Многіе экономисты держатся иныхъ взглядовъ: они усматриваютъ сущность капитала частью въ *повышеніи производительности*, почему и приписываютъ капиталу, какъ *таковому*, „накопляющую силу“, частью въ томъ, что капиталъ есть *запасъ, масса* вещественныхъ капиталовъ ¹⁾. По моему мнѣнію, оба эти взгляда столь же ошибочны, какъ взглядъ, причисляющій къ капиталу предметы потребления, и всѣ тѣ дальнѣйшія заблужденія по вопросу объ отношеніи труда къ капиталу, которыя въ ходу какъ въ наукѣ, такъ и въ обыденной жизни, имѣютъ свой источникъ именно въ этихъ первыхъ неясныхъ представленіяхъ о сущности капитала.

Понятіе производительности выражаетъ отношеніе издержекъ (производства) продукта къ его полезности; чѣмъ больше продуктъ количественно и качественно по сравненію съ затраченнымъ трудомъ, тѣмъ выше производительность труда; эта послѣдняя поэтому можетъ возрастать лишь въ томъ случаѣ, если увеличивается содѣйствіе природы труду, если человѣкъ заставляетъ работать на себя природу: если два человѣка въ теченіе одинаковаго времени и съ одинаковымъ усиленіемъ рвутъ плоды съ деревьевъ, одинъ—съ болѣе богатаго, другой—съ бѣднаго плодами, то первый, при данной затратѣ труда, заготовитъ болѣе продукта: его трудъ будетъ болѣе производителенъ, потому что природа въ большей мѣрѣ помогала ему, нежели другому. Но въ природѣ полезности очень рѣдко бываютъ настолько готовы къ потребленію, чтобы достаточно было простой ихъ апроприаціи; равнымъ образомъ и природа не часто помогаетъ человѣку, какъ въ приведенномъ примѣрѣ, безъ всякихъ съ его стороны усилій: онъ долженъ подчинить себѣ природу, заставить ее себѣ служить; такое подчиненіе опять-таки требуетъ труда, который я буду называть посредственнымъ, потому что онъ направляется не прямо на изготовленіе потребнаго продукта, а образуетъ какъ бы обходный путь, который, однако, скорѣе приводитъ къ цѣли. Для того, чтобы трудъ, благодаря этому обходу, сталъ болѣе производительнымъ, посредственный трудъ, обращенный на подчиненіе силъ природы, въ совокупности съ непосредственнымъ, опирающимся уже на эти силы, долженъ дать большую сумму полезностей, чѣмъ если бы *весь* трудъ былъ обращенъ непосредственно на созданіе продукта. Но въ большинствѣ случаевъ силы природы удается подчинить лишь въ образѣ „орудій“ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, включая въ это понятіе

¹⁾ „Kapitalgüter“. А. Л.

и осушительныя каналы на пашнѣ, и паровыя машины, и вещества, служащія для химической очистки продукта; человекъ, *чтобы сдѣлать свой трудъ болѣе производительнымъ, долженъ направить трудъ на изготовленіе орудія* и въ образѣ послѣдняго подчинить себѣ силу природы, которая позволить ему изготовить большее, нежели возможно было бы при другихъ условіяхъ, количество того продукта, въ которомъ онъ въ сущности только и нуждается. Тѣмъ же путемъ идетъ обыкновенно и всякое дальнѣйшее повышеніе производительности: приобретаю большую ловкость, изолированный хозяинъ замѣнитъ уже использованное плохое орудіе новымъ, хорошимъ, и такимъ образомъ дѣйствительно повышеніе производительности обыкновенно будетъ связано съ продуктами *посредственного* труда, съ орудіями, съ исполненнымъ ранѣе подготовительнымъ трудомъ²⁾. Именно это обстоятельство, — именно то, что повышеніе производительности *обыкновенно* связано съ орудіемъ или съ улучшеніемъ орудія, и что орудіе всегда принадлежитъ къ составу капитала, привело, какъ кажется, къ ошибочному заключенію, что суть капитала — въ производительности и въ ея повышеніи, къ смѣшенію *сущности орудія съ сущностью капитала*³⁾. Но орудія вовсе не потому почитаются за капиталъ, что они дѣлаютъ трудъ болѣе *производительнымъ*, а потому, что они, какъ и матеріалы, являются по отношенію къ предметамъ потребленія *незаконченнымъ трудомъ*; если бы суть капитала была въ возвышеніи производительности, то не были бы капиталомъ матеріалы, надъ которыми работаютъ орудія, но которые сами не вліяютъ на производительность. Независимо отъ этого, возрастаніе производительности возможно безъ возрастанія капитала и даже при уменьшеніи его: если изолированный хозяинъ замѣняетъ использованное орудіе новымъ, лучшимъ, но стоившимъ ему не больше труда, то капиталъ его не увеличивается, тогда какъ производительность несомнѣнно возроста.

Итакъ, возрастаніе производительности должно быть приписано не капиталу, а исключительно труду; та часть капитала, съ которою, главнымъ образомъ, связанъ прогрессъ производительности, — орудіе, — можетъ уменьшаться, въ то время какъ производительность будетъ расти, а та часть капитала, которая при увеличивающейся производитель-

2) Vorgethane Arbeit. А. К.

3) Большая ловкость рукъ дѣйствуетъ такъ же, какъ орудіе. Прим. Родбертуса

ности дѣйствительно растеть, — матеріаль, — есть не причина роста производительности, а скорѣе — *ею слѣдствіе*, а слѣдовательно, и „накопляющая сила“ свойственна только труду, а не капиталу, какъ таковому.

Равнымъ образомъ, суть капитала не въ томъ, чтобы онъ былъ *запасомъ*, извѣстною *массой* предметовъ. Экономисты согласны въ томъ, что палка, которую дикарь отламываетъ, чтобы сбить плодъ, и которую онъ, можетъ быть, сейчасъ же послѣ этого бросить, — въ такой же мѣрѣ капиталъ, какъ тысячи центнеровъ хлопка, прочныя зданія и машины современной прядильни. Но если это такъ, то ни въ *запасъ*, ни въ *изобиліи* и *прочности* не можетъ заключаться сущность капитала: эта сущность можетъ быть только въ томъ, что свойственно въ одинаковой мѣрѣ и капиталу дикаря, и капиталу стокипортекаго фабриканта, т. е. въ томъ, что и палка, и запасы бумаги, зданія и машины суть *продукты, служащіе для дальнѣйшаго производства*, суть незаконченный трудъ, за которымъ послѣдуетъ еще трудъ сбиванія плода или пряденія. Если въ одномъ случаѣ капиталъ имѣетъ массовый характеръ, то это проистекаетъ отчасти отъ того, что здѣсь съ особаго рода орудіями связана высшая производительность, отчасти же отъ того, что существуетъ раздѣленіе труда, и многочисленные соединенные работники, готовые исполнить массу послѣдующаго труда, должны располагать для этого массой труда предыдущаго.

Какимъ же образомъ *возникаетъ и растеть* капиталъ въ изолированномъ хозяйствѣ? Экономисты со времени Ад. Смита повторяютъ одинъ за другимъ, что *капиталъ возникаетъ лишь путемъ сбереженія и накопленія*. Въ изолированномъ хозяйствѣ дѣло, конечно, обстоитъ иначе. Какимъ образомъ, въ самомъ дѣлѣ, сбереженіе могло бы создавать матеріалы и орудія? „Сберегать“ въ примѣненіи къ капиталу могло бы только значить: собирать *цѣнности* для составленія *частнаго капитала*. Но если бы это значило даже: не допускать до потребленія годныхъ для того предметовъ, то все же, какимъ образомъ въ результатъ такого недопущенія могли бы *возникнуть* орудія и матеріалы? Вѣдь они должны были сначала возникнуть, а потомъ уже не быть допущенными! И во всякомъ случаѣ операція недопущенія матеріаловъ и орудій къ потребленію не представляла бы ничего похожаго на современное накопленіе капиталовъ.

Суть дѣла въ томъ, что въ этой теоріи накопленія находятъ себѣ выраженіе разобранные уже выше ложные взгляды на *понятіе* капитала, — взглядъ, что къ капиталу принадлежатъ и *средства существованія* изо-

лированного хозяина, что капиталъ есть *запасъ*. Кроме того, экономисты слишкомъ сроднились съ привычнымъ представленіемъ о современномъ „частномъ капиталѣ“, необходимымъ для того, чтобы предпринять производство, т. е. съ *понятіемъ, по существу отличнымъ* отъ капитала изолированного хозяина, отъ капитала самого по себѣ, отъ національнаго капитала, и благодаря этому потеряли способность правильно смотрѣть на природу вещей; они насильовали природу капитала, чтобы найти аналогіи именно этимъ своимъ представленіямъ, и рассуждали такъ: „первый запасъ средствъ существованія, служащихъ для пропитанія изолированного хозяина во время изготовленія орудія, которое позволить ему производить больше и лучше, онъ долженъ *сберечь*, и этотъ процессъ изображаетъ первое возникновеніе капитала и его накапливающую силу“. Но рассуждая такъ, они исходили не только изъ невѣрнаго представленія о капиталѣ, но изъ произвольнаго пониманія хода развитія изолированного хозяйства. Средства существованія изолированного хозяина суть его доходъ, и слѣдовательно, какъ я разъяснилъ, вовсе не входятъ въ составъ капитала; а разъ это такъ, то падаетъ и вся теорія сбереженія.

Но даже и тотъ „первый запасъ средствъ существованія“, который позволяетъ изолированному хозяину заняться изготовленіемъ орудія, и онъ не можетъ быть плодомъ сбереженія. Если, въ самомъ дѣлѣ, представлять себѣ начало хозяйственнаго развитія въ такомъ видѣ, что изолированный хозяинъ не имѣетъ времени изготовить орудіе, такъ какъ долженъ употреблять все свое время на добываніе пищи, то это значитъ, что трудъ его производителенъ лишь настолько, что позволяетъ ему только поддерживать свою силу для продолженія труда; а при такихъ условіяхъ онъ вовсе не можетъ ничего „сберегать“, не можетъ растянуть на четыре дня той пищи, которой достаточно только на два дня. Необходимо значитъ, чтобы кроме „сбереженія“ на сцену выступилъ еще другой моментъ, который позволилъ бы какъ создать тотъ „первый запасъ“ или мнимый капиталъ, который даетъ возможность изготовить орудіе, такъ и приступить къ изготовленію дѣйствительнаго капитала, т. е. самаго орудія. Такимъ моментомъ, очевидно, можетъ быть лишь повышеніе производительности труда, и притомъ лишь такое повышеніе, которое связано еще не съ какимъ-либо орудіемъ, а только съ большею независимою отъ усилій человѣка щедростью природы: если, въ самомъ дѣлѣ, принять, что трудъ изолированного хозяина сталъ производительнѣе, потому что онъ напалъ на болѣе богатое плодами дерево, то у

него остается свободною для другого труда часть того *рабочаго времени*, которое онъ ранѣе цѣликомъ затрачивалъ на добычу средствъ существованія, и этотъ-то *освободившійся трудъ* онъ можетъ направить на изготовленіе орудія. Итакъ, все равно, считать ли ошибочно за первый капиталъ изолированнаго хозяина запасъ средствъ существованія, позволяющій ему заняться изготовленіемъ другихъ вещей, или правильно усматривать его въ первыхъ орудіяхъ и матеріалахъ, во всякомъ случаѣ возникновеніе этого перваго капитала дѣлается возможнымъ, лишь благодаря повышенію производительности труда, а не *благодаря сбереженію*.

Можетъ быть, что экономисты были наведены на мысль усматривать существо капитала въ *накопляемости* и сводить возникновеніе его къ сбереженію *прочностью*, продолжительностью службы многихъ вещественныхъ капиталовъ, напр., орудій. Не подлежитъ, дѣйствительно, сомнѣнію, что приростъ производительности, вызываемый употребленіемъ орудія, чаще всего связанъ съ его прочностью. Но прежде всего такое объясненіе не примѣнялось бы къ матеріаламъ, которые вѣдь стремятся возможно скорѣе стать предметами потребленія и уйти изъ состава капитала; а затѣмъ—ясно, что и прочность орудій не имѣетъ ничего общаго съ сбереженіемъ. Конечно, съ точки зрѣнія производительности безразлично, изготовлено ли орудіе изъ непрочнаго матеріала или изъ желѣза, уничтожается ли оно при первомъ же употребленіи или служитъ годами; но бережливость, несомнѣнно, неповинна въ томъ, что эта часть капитала принимаетъ характеръ *накопляемаго запаса*.

Какъ капиталъ изолированнаго хозяина возникаетъ не путемъ сбереженія, а путемъ труда, такъ и *ростъ* его есть результатъ труда, а не сбереженія.

О *ростѣ* капитала можно говорить въ двоякомъ смыслѣ, смотря по мѣрѣ, въ которой оцѣнивается его величина: эту послѣднюю можно измѣрять либо по *массѣ продуктовъ*, входящихъ въ составъ капитала, либо по *массѣ затраченнаго на его изготовленіе труда*. Въ сущности опредѣлять размѣръ капитала по цѣнности по отношенію къ изолированному хозяйству нельзя, ибо самое это понятіе возникаетъ лишь въ результатѣ раздѣленія труда. Но съ какой бы точки зрѣнія его ни разсматривать, *ростъ* капитала всегда опредѣляется трудомъ.

Если оцѣнивать величину капитала по его содержанію, т. е. по массѣ орудій и матеріаловъ, то *ростъ* его связанъ исключительно съ *возрастаніемъ производительности труда*, а не съ возросшею береж-

ливостью. Предположимъ, что изолированный хозяинъ, чтобы быть въ состояніи со дня на день поддерживать свою жизнь, первоначально долженъ былъ работать 10 часовъ, а затѣмъ внезапно возросшая, благодаря содѣйствію природы, производительность его труда позволила ему достигать того же результата 8 часами труда! Въ теченіе освобождающихся двухъ часовъ онъ могъ изготовить какое-либо орудіе—свой первый капиталъ. Предположимъ далѣе, что съ этимъ орудіемъ не связано новое возрастаніе производительности, а что человѣку удастся лишь поставить себя внѣ зависимости отъ случайностей природы и регулярно добывать восьмичасовымъ трудомъ, хотя бы и при меньшемъ плодородіи земли, нужное для его существованія; въ такомъ случаѣ онъ будетъ постоянно затрачивать на это 8 часовъ, а 2 часа — на восстановление своего орудія; производительность его труда осталась безъ измѣненія, а потому и капиталъ его остался, какимъ былъ, и никакая бережливость не можетъ его увеличить. Только тогда, когда съ изготовленнымъ орудіемъ связано *новое* возрастаніе производительности, если оно настолько прочно, что не требуетъ ежедневнаго возобновленія, или если оно позволяетъ хозяину обезпечить свое существованіе *шести*-часовымъ трудомъ и, слѣдовательно, сохранить новыхъ два часа для какого-либо другого производства,—только тогда возможенъ *ростъ* капитала; но этотъ ростъ зависитъ, очевидно, отъ возрастанія производительности, а никакъ не отъ какого-либо акта бережливости. Предположимъ, наконецъ, что хозяинъ, благодаря этому новому повышенію производительности, производитъ въ 10 часовъ больше, нежели необходимо для его существованія; въ такомъ случаѣ онъ можетъ либо увеличить этимъ путемъ свое потребленіе, либо ограничить послѣднее размѣрами крайней необходимости и обратить остатокъ времени на изготовленіе новаго орудія или большаго запаса матеріаловъ. Но если съ этимъ не будетъ связано новое возрастаніе производительности, то ясно, что эти новыя средства производства ему будутъ бесполезны, ибо въ его распоряженіи не осталось болѣе труда, чтобы оплодотворить ихъ.

Если оцѣнивать капиталъ по массѣ затраченнаго труда, то ростъ его связанъ съ *ростомъ самаго труда*, а опять-таки не съ увеличенною бережливостью. Этотъ ростъ труда можетъ послѣдовать двоякимъ образомъ: либо благодаря увеличенію *числа часовъ* работы изолированнаго хозяина, либо благодаря тому, что онъ уже *издавна* работаетъ и обладаетъ нѣсколькими прочными вещами, носящими характеръ капитала. Въ первомъ случаѣ капиталъ растетъ сообразно удлиненію ежедневнаго

рабочаго времени, въ другомъ — пропорціонально времени, которое хозяинъ имѣеть за собою; но въ обоихъ случаяхъ ростъ капитала такъ же мало зависитъ отъ его произвола, а слѣдовательно, и отъ его бережливости, какъ и самое умноженіе количества труда. Количество дневнаго труда ограничено, — индивидъ можетъ работать лишь часть тѣхъ 24 часовъ, изъ которыхъ слагаются сутки; столь же мало зависитъ отъ него то время, которое онъ *уже* провелъ въ производствѣ. А въ примѣненіи къ націи эти положенія значатъ: первое—что національный капиталъ, оцѣненный по количеству труда, или—что въ общемъ то же — по *цѣнности*, можетъ расти лишь путемъ прироста работающаго населенія; второе—что такой ростъ возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если нація уже *дольше* производитъ, т. е. если она старѣе.

Итакъ, капиталъ изолированнаго хозяина есть лишь предварительно-исполненный *трудъ*; онъ возникаетъ и растетъ лишь посредствомъ *труда*; подобнымъ образомъ и *воспроизводится* онъ лишь *повтореніемъ* труда. Изолированный хозяинъ обладаетъ въ своемъ капиталѣ орудіями и матеріалами, служащими ему для изготовленія предметовъ потребленія; при такомъ изготовленіи орудія приходятъ въ негодность, и матеріалы превращаются въ предметы потребленія. Если поэтому къ концу даннаго періода капиталъ долженъ остаться въ томъ же объемѣ, какой онъ имѣлъ въ началѣ, то хозяинъ долженъ ремонтировать орудія или замѣнять ихъ новыми, и изготовлять новые матеріалы взаменъ превращенныхъ въ предметы потребленія, — онъ долженъ *воспроизводить* капиталъ. Но ясно, что этого онъ можетъ достигнуть лишь *повтореніемъ* труда, создавшаго потребленный капиталъ, а опять-таки не бережливостью.

Если хозяинъ цѣнитъ свой капиталъ по массѣ содержащихся въ немъ предметовъ, то для воспроизведенія его онъ долженъ затратить количество труда равное по производительности затраченному ранѣе; только въ томъ случаѣ, если трудъ сталъ болѣе производительнымъ, онъ можетъ возстановить капиталъ меньшимъ количествомъ труда, а остатокъ послѣдняго обратить на новое увеличеніе капитала и дохода. Если онъ оцѣняетъ капиталъ по количеству труда, то для возстановленія капитала онъ долженъ, очевидно, затратить то же количество его, какъ бы ни измѣнялась его производительность. Дѣло само по себѣ ясно и не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

Въ какомъ отношеніи, наконецъ, стоитъ въ изолированномъ хозяйствѣ капиталъ къ доходу? Экономисты признаютъ капиталъ вообще,

а слѣдовательно и въ изолированномъ хозяйствѣ, за *источникъ* дохода; они усматриваютъ *причинную зависимость* между капиталомъ и доходомъ или частью послѣдняго, и такимъ образомъ все еще стоятъ на наивной точкѣ зрѣнія грековъ, называвшихъ ростъ „дѣтенышами“ (*τῶκος*) капитала. Но изъ сдѣланныхъ уже разъясненій понятно, что такое представленіе—по крайней мѣрѣ для изолированного хозяйства—невѣрно: капиталъ, какъ предварительный трудъ, за которымъ долженъ послѣдовать дальнѣйшій трудъ, какъ продуктъ, служащій для дальнѣйшаго производства, какъ совокупность орудій и матеріаловъ, никакъ не можетъ относиться къ доходу, т. е. къ законченному труду, къ готовому продукту, къ обращеннымъ въ предметы непосредственнаго потребленія матеріаламъ, какъ источникъ къ изливающейся изъ него водѣ, какъ причина къ слѣдствію, какъ производительная сила къ продукту.

Изолированный хозяинъ отламываетъ пруть и сбиваетъ имъ съ дерева плодъ. Если бы капиталъ былъ источникомъ дохода, то они стояли бы въ томъ же отношеніи и въ данномъ простѣйшемъ случаѣ. Но можно ли, не извращая вещей и понятій, считать пруть за *источникъ* дохода или части его, состоящей въ сбитомъ плодѣ? сводить этотъ доходъ къ пруту, какъ его *причину*? разсматривать его, какъ *продуктъ* прута? Возможно, что плода безъ содѣйствія прута нельзя было бы достать, т. е. произвести; но все же и въ этомъ случаѣ *весь* плодъ не могъ бы быть названъ продуктомъ прута, ибо для достиженія его, кромѣ прута, нуженъ былъ бы приводящій его въ движеніе трудъ. Экономисты, правда, склонны приписывать доходъ только *соучаствію* капитала, сводить его къ труду и капиталу, какъ общему источнику, считать его продуктомъ соединенія труда съ капиталомъ. Но если экономисты и правы, считая плодъ продуктомъ *не одного только* труда, приведшаго въ движеніе пруть, то онъ все же не становится даже отчасти продуктомъ *прута*; онъ остается *продуктомъ труда, того, который отломилъ пруть, и того, который привелъ его въ движеніе*: трудъ перваго рода не что иное, какъ начало труда, имѣвшаго въ виду созданіе продукта,—начало, нуждающееся въ продолженіи въ видѣ труда втораго рода, чтобы создать готовые предметы потребленія. Не подлежитъ сомнѣнію, что трудъ, направившійся сперва на изготовленіе прута, благодаря этому сталъ *производительнѣе*, потому что безъ его содѣйствія достать плодъ было бы вовсе невозможно или крайне затруднительно. Но именно поэтому возвысившійся доходъ остается продуктомъ *болѣе производительнаго труда*; только въ этомъ послѣднемъ, а не въ резуль-

татъ его начала, не въ его незаконченной первой половинѣ лежитъ причина возвышенія дохода.

Если, далѣе, предположить, что изолированный хозяинъ пошелъ дальше въ своемъ экономическомъ развитіи, что онъ уже имѣеть запасъ орудій и матеріаловъ, служащихъ ему для изготовленія предметовъ потребленія, то въ этомъ случаѣ доходъ еще менѣе, чѣмъ въ предыдущемъ, можно признать продуктомъ капитала: теперь вѣдь и *матеріалы* принадлежатъ къ составу капитала, а, конечно, никакъ нельзя утверждать, чтобы дерево относилось къ столу, какъ причина къ слѣдствию, чтобы дерево было источникомъ стола, столъ—продуктомъ дерева; что же касается до орудій, служившихъ для превращенія дерева въ столъ, то къ нимъ приложимо все, что мы сказали относительно прута, служившаго для сбиванія плода съ дерева. И теперь поэтому доходъ, создаваемый трудомъ изолированного хозяина путемъ переработки матеріаловъ помощью орудій, есть не совокупный продуктъ труда и капитала, а одного лишь труда, который сначала создалъ капиталъ, а затѣмъ превратилъ послѣдній въ доходъ, и который, направившись сначала на изготовленіе орудій, благодаря этому сталъ *болѣе производителемъ* и создаетъ большій доходъ.

Итакъ, въ изолированномъ хозяйствѣ капиталъ и доходъ стоятъ другъ къ другу въ отношеніяхъ *послѣдовательности*, преемственности. Работая въ видахъ полученія возможно высшаго дохода, хозяинъ необходимо долженъ начать съ производства матеріаловъ и орудій и затѣмъ продолжать, обрабатывая первые послѣдними, пока не получитъ нужныхъ для его потребленія готовыхъ продуктовъ. Матеріалы переходятъ цѣликомъ въ предметы потребленія, орудія—можетъ быть только частью; но самъ капиталъ безпрестанно переходитъ въ доходъ; первый является началомъ второго, —началомъ, которое трудъ, его создавшій, доводитъ до конца. И капиталъ, и доходъ—одинаково продукты одного только труда, который, имѣя въ виду полученіе дохода, *долженъ* начать съ изготовленія капитала, такъ какъ капиталъ есть дѣйствительно лишь первая стадія самого дохода. Всякое возрастаніе послѣдняго, вытекающее изъ этого процесса, есть результатъ труда, ставшаго *болѣе производительнымъ* благодаря тому, что хозяинъ научился лучше пользоваться содѣйствіемъ природы, при чемъ это умѣніе можетъ выразиться либо въ замѣнѣ худшихъ орудій лучшими, либо въ замѣнѣ лучшимъ матеріаломъ худшаго, либо наконецъ въ улучшеніи самыхъ пріемовъ работы. Одна только *высшая производительность труда*, во всякомъ случаѣ, есть

источникъ высшаго дохода, а никакъ не второй отличный отъ труда элементъ, именуемый капиталомъ. Напротивъ, если капиталъ—лишь незаконченный доходъ, первая половина пути, то высшая производительность труда должна проявиться и въ началѣ этого послѣдняго, при производствѣ капитала: данное количество труда должно создавать вещественный капиталъ въ большемъ количествѣ и лучшаго качества. Поэтому, и только поэтому, доходъ всегда стоитъ въ прямомъ отношеніи къ капиталу; первый измѣняется пропорціонально послѣднему не потому, чтобы капиталъ былъ его творцомъ, а потому, что они оба созданы одною стоящею вѣдъ ихъ силой — трудомъ, который, создавая доходъ и попутно изготовляя капиталъ, долженъ равномерно выражаться въ томъ и другомъ. Пропорціональность эта имѣетъ мѣсто въ изолированномъ хозяйствѣ, исчислять ли объ величины по массѣ продуктовъ или по количеству затраченного труда: если у двухъ хозяевъ, при равныхъ количествахъ труда, производительность его неодинакова, то пропорціонально неодинакова будетъ у обоихъ масса и капитала, и дохода.

Глава VI. Національный капиталъ въ народномъ хозяйствѣ безъ частной собственности на землю и капиталъ.

Національный капиталъ есть совокупность вещественныхъ капиталовъ, имѣющихся у націи, разсматриваемой въ томъ коммунистическомъ единствѣ, которое создается раздѣленіемъ труда. Я утверждаю, что по отношенію къ національному капиталу вѣрно все, что вѣрно въ примѣненіи къ капиталу изолированного хозяина: его *сущность*, его *возникновеніе*, *ростъ* и *воспроизведеніе*, его *отношеніе къ національному доходу*, остаются тѣ же самыя, безразлично, существуетъ ли въ обществѣ частная собственность на землю и капиталъ или только собственность, основанная на одномъ трудѣ. Я постараюсь показать это въ примѣненіи сначала къ первому случаю, потому что здѣсь еще не приходится понятіе „частнаго капитала“, который вѣдъ по существу своему совѣмъ не то, что простая *часть національнаго капитала*, и на которомъ я обстоятельно останавлиюсь ниже.

Въ такомъ обществѣ, гдѣ нѣтъ частной собственности на землю и капиталъ, *національный капиталъ* состоитъ не изъ чего иного,

какъ изъ наличныхъ орудій и матеріаловъ, принадлежащихъ націи, и въ составъ его не входитъ никакой части національнаго дохода.

Я долженъ напомнить здѣсь въ общихъ чертахъ уже выясненный мною ранѣе ходъ національнаго производства. Все національное производство распадается на нѣсколько ступеней, каковы: добыча сырья, обращеніе его въ полуфабрикатъ, затѣмъ въ фабрикатъ и окончательное изготовленіе изъ этого послѣдняго предметовъ потребленія. Каждая изъ этихъ ступеней, въ свою очередь, распадается на разныя отрасли, напр., добыча сырья—на охоту, земледѣліе, горное дѣло и пр., каждая отрасль—на отдѣльныя производительныя предпріятія. Не только отдѣльныя ступени производства, но и отдѣльныя отрасли внутри одной и той же ступени исполняются различными разрядами производителей, а въ каждомъ отдѣльномъ предпріятіи совмѣстно работаетъ, раздѣляя между собою трудъ, по нѣскольку людей; наконецъ, рядъ особыхъ производительныхъ предпріятій изготовляетъ орудія и машины, нужныя для всѣхъ предпріятій. Работа идетъ одновременно и безостановочно во всѣхъ предпріятіяхъ всякой отрасли и на каждой ступени производства. Въ то время какъ въ предпріятіяхъ всѣхъ видовъ добывающей промышленности изъ земли добывается новое сырье, на слѣдующей ступени производства сырье, добытое въ предыдущій періодъ, обращается въ полуфабрикатъ; въ предпріятіяхъ, производящихъ орудія, изготовляются новыя орудія взамѣнъ орудій, приведенныхъ въ негодность; наконецъ, на послѣдней ступени производства продукты готовятся къ непосредственному потребленію. Какъ только закончены операціи, подлежащія исполненію на той или другой ступени, т. е. закончены изготовленіемъ продукты этой ступени, они передаются на слѣдующую ступень для продолженія производства, а на послѣдней ступени продукты становятся окончательно пригодными для удовлетворенія разнообразныхъ непосредственныхъ потребностей націи. Такимъ образомъ весь національный продуктъ, чтобы быть вполне законченнымъ и поступить въ непосредственное потребленіе, долженъ пройти чрезъ всѣ ступени производства, пока законченный на послѣдней ступени онъ не перейдетъ въ число предметовъ потребленія; въ каждомъ данномъ періодѣ производства весь національный продуктъ поднимается съ одной ступени на слѣдующую: въ добывающей промышленности получается новое сырье, каждая дальнѣйшая ступень производства получаетъ отъ предыдущей для переработки ея готовый продуктъ, всѣ ступени производства получаютъ ремонтъ орудій, и, наконецъ, послѣдняя ступень выпускаетъ въ общество непо-

средственно способные къ удовлетворенію потребностей продукты. Эти послѣдніе затѣмъ распределяются между *обществомъ*, какъ таковымъ, и *индивидами*, участвующими въ трудѣ на всѣхъ ступеняхъ производства; доля *перваго* опредѣляется согласно признаннымъ общей волею публичнымъ потребностямъ, доли *последнихъ* — по цѣнности, созданной въ данный періодъ каждымъ производителемъ. На эти продукты общество существуетъ, пока работаетъ надъ производствомъ пригодныхъ къ потребленію продуктовъ слѣдующаго періода. Наконецъ, распоряженіе какъ производствомъ, такъ и распределеніемъ служащаго для непосредственнаго потребленія продукта лежитъ на общественныхъ органахъ, способъ дѣйствія которыхъ мною уже былъ выясненъ.

Что же, спрашивается, при такихъ условіяхъ можно назвать *національнымъ капиталомъ* и что — *національнымъ доходомъ*? Если не желать совершенно уничтожить или извратить различіе между капиталомъ и доходомъ, то и здѣсь, какъ и въ изолированномъ хозяйствѣ, надо отнести всѣ *матеріалы и орудія къ первому*, всѣ продукты, служащіе для *удовлетворенія непосредственныхъ общественныхъ потребностей* — *ко второму*. Между тѣмъ, большинство экономистовъ, какъ мы видѣли, причисляютъ къ національному капиталу еще и ту часть національнаго дохода, на которую существуютъ *работники* въ теченіе новаго производительнаго періода. Понятно, что при предполагаемомъ порядкѣ, гдѣ отпадаетъ дѣленіе дохода на заработную плату и Ренту и существуетъ только единый *трудоу доходъ*, такое отграниченіе *части* національнаго дохода не можетъ имѣть мѣста: здѣсь всѣ являются работниками, и только работниками, и потому весь національный доходъ служить для существованія работниковъ; здѣсь поэтому пришлось бы причислить къ національному капиталу *весь* національный доходъ, а въ такомъ случаѣ оказалось бы неизбѣжнымъ либо отнести къ національному доходу *національный продуктъ* даннаго періода, слѣдовательно, въ томъ числѣ и большую часть національнаго *капитала*, именно вновь изготовленные орудія и матеріалы, либо упразднить всякое различіе между капиталомъ и доходомъ.

Другіе экономисты относятъ къ національному капиталу только ту часть содержанія работниковъ, которая соотвѣтствуетъ „необходимымъ издержкамъ“, и потому, если при нынѣшнихъ условіяхъ заработная плата превышаетъ эти издержки, то относятъ къ капиталу лишь соотвѣтствующую послѣднимъ часть платы, а не избытокъ ея. Такое предположеніе было бы допустимо и при разсматриваемомъ порядкѣ: и здѣсь

къ капиталу можно было бы относить лишь ту часть нераздѣльнаго трудового дохода, которая дѣлетъ работникамъ силы для продолженія труда, и одну избыточную часть лишь относить къ національному доходу. Такое разграниченіе было бы, однако, совершенно произвольнымъ: та часть національнаго дохода, которая соотвѣтствуетъ необходимымъ издержкамъ, не достается производителю отдѣльно равнѣ избыточной части,—производитель не существуетъ на счетъ одной, производя другую; обѣ части поступають въ его распоряженіе одновременно, въ видѣ единого дохода, и онъ живетъ одновременно на счетъ обѣихъ, работая надъ производствомъ новаго дохода. Если „необходимыя издержки“ абсолютно необходимы для продолженія труда, избытокъ же не необходимъ, то и это не даетъ основанія причислять первыхъ къ національному капиталу. Конечно, тотъ, кто не имѣетъ необходимаго для его существованія, такъ же точно не можетъ производить, какъ и тотъ, у кого нѣтъ необходимыхъ для производства орудій и матеріаловъ; но для него суть дѣла не въ этомъ, а въ томъ, что ему не на что *жить*. Разматривать *потребленіе*, хотя бы отчасти, какъ *средство* производства, а въ этомъ послѣднемъ видѣть цѣль, значило бы извратить всю сущность хозяйства, обратитъ цѣль въ средство, разматривать свободнаго человѣка какъ раба; въ этой теоріи все еще кроется тотъ старый взглядъ, что часть общества живетъ только для того, чтобы работать, потому что въ общемъ нельзя же оспаривать, что человѣкъ работаетъ, чтобы жить и жить въ полнѣйшей и прекраснѣйшей мѣрѣ.

Еще произвольнѣе ставить разграниченіе капитала и дохода въ зависимость отъ признака прочности, на оупляемости; оставаясь послѣдовательнымъ, нужно было бы признавать за доходъ одиѣ скоро-потребляемыя полезности, а не тѣ, которыя подвергаются лишь медленному потребленію, — одежду пришлось бы отнести къ капиталу, а не къ доходу, а чтобы избѣгнуть нелѣпности такого разграниченія, пришлось бы выдѣлнить прочныя полезности, служащія для удовлетворенія *непосредственныхъ* потребностей, въ особую категорію „потребительныхъ капиталовъ“ ¹⁾. Предметы потребленія, входящія въ составъ дохода, дѣйстви-

1) „Nutzkapital“. Подобное разграниченіе дѣйствительно мы находимъ у нѣкоторыхъ экономистовъ, выдвигающихъ на первый планъ при опредѣленіи капитала признакъ „сохраненія“, „прочности“. Такъ, Рошеръ (Grundl. d. Nat.-Oek. 20 Aufl., §§ 42 и 43), опредѣляющій капиталъ, какъ „всякій продуктъ, сохраняемый для дальнѣйшаго хозяйственнаго производства, а также для планомѣрнаго позднѣйшаго потребленія“, выдѣляетъ въ особую категорію „Gebrauchskapitalien“, къ ко-

тельно имѣють неодинаковую прочностьъ, а потому въ теченіе каждаго даннаго производственнаго періода не всё въ одинаковой мѣрѣ подлежатъ возобновленію: есть такіе предметы, которые существуютъ въ теченіе нѣсколькихъ періодовъ, другими словами—имѣють болѣе продолжительные производственные періоды, а потому и національный доходъ представляется, какъ *совокупность предметовъ потребления*, при чемъ часть послѣднихъ потребляется лишь очень медленно, и въ этомъ отношеніи представляетъ сходство съ національнымъ капиталомъ, который, въ виду большей прочности многихъ вещественныхъ капиталовъ, напр., изготовленныхъ изъ прочнаго матеріала машинъ, представляется *совокупностью вещественныхъ капиталовъ*, лишь медленно переходящею въ доходъ. Но мнѣ кажется яснымъ, что граница капитала и дохода лежитъ не въ такихъ не допускающихъ рѣзкаго разграниченія признакахъ, а только въ цѣли, для которой служатъ эти полезности, а потому и съ точки зрѣнія націи полезности должны относиться къ той или другой категоріи на основаніи *свойствъ самой ихъ пригодности* ²⁾, т. е. самаго ихъ назначенія.

Но если, такимъ образомъ, и при предполагаемомъ порядкѣ вещей подъ *национальнымъ капиталомъ* можно разумѣть лишь *орудія и матеріалы*, подъ *национальнымъ доходомъ*—лишь *средства удовлетворенія непосредственныхъ потребностей*, то *сущность національнаго капитала* сводится къ тому, что онъ есть та часть національнаго продукта, которая служитъ для дальнѣйшаго производства; *суть національнаго дохода*,—что онъ та часть національнаго продукта, которая служитъ для окончательнаго потребления. Нельзя поэтому видѣть сущность національнаго капитала въ *повышеніи производительности*: при такомъ пониманіи, матеріалы не могли бы причисляться къ капиталу націи, и понятіе увеличенія капитала неизбежно слилось бы съ понятіемъ роста самой производительности; но ростъ производительности у націи, какъ у изолированнаго хозяина, зависить отъ труда, а не отъ капитала,—въ данномъ случаѣ отъ національнаго труда, а не отъ національнаго капитала. Какъ продуктъ, создаваемый невооруженною рукой изолированнаго хозяина, есть продуктъ лишь его труда, такъ и болѣе изобиль-

торымъ онъ относить „капиталы, дѣйствующіе при производствѣ личныхъ полезностей или производительныхъ отношеній“, противопоставая ихъ „Produktivkapitalien“, служащимъ для производства вещественныхъ полезностей“. А. К.

²⁾ Natur ihrer Brauchbarkeit. А. К.

ный продуктъ, который онъ изготовляетъ при помощи орудія, ранѣе созданнаго его же трудомъ, остается продуктомъ одного лишь его труда, но только труда, *ставшаго болѣе производительнымъ*; и эта большая производительность зависитъ не отъ орудія, а отъ труда какъ того, который создалъ орудіе, такъ и того, который имъ пользуется; именно потому потребление орудія не приноситъ никакого убытка: трудъ, отъ котораго вѣдь зависитъ большая производительность, можетъ изготовить новое орудіе, т. е. создать условія для столь же изобильнаго производства; если бы производительность зависѣла отъ орудія, то съ окончательнымъ использованіемъ послѣдняго исчезла бы и повышенная производительность.

Предположимъ теперь, что два или болѣе лицъ соединяютъ свой трудъ, при чемъ одни постоянно изготовляютъ орудія, а другія при помощи послѣднихъ создаютъ тѣ предметы потребления, которые вѣдь собственно и являются цѣлью производства,—простѣйшее отношеніе, типичное для живущаго въ раздѣленномъ трудѣ общества. Ясно, что и здѣсь источникъ повышения производительности надо искать въ трудѣ этихъ соединившихся людей, т. е. въ національномъ трудѣ; нельзя думать, что производительнѣе сталъ только трудъ тѣхъ лицъ, кто при работѣ пользуется орудіями, и что въ орудіяхъ—источникъ роста этой производительности; производительнѣе сталъ *весь* въ совокупности *трудъ* соединившихся людей, какъ изготовляющихъ орудія, такъ и пользующихся ими.

Менѣе всего, конечно, здѣсь можетъ повліять *распределение* созданнаго трудомъ соединившихся людей, т. е. національнымъ трудомъ, продукта: будутъ ли участвовать въ этомъ распределеніи одни соединившіеся работники, каждый пропорціонально своему участию въ изготовленіи какъ орудія, такъ и создаваемаго при помощи послѣдняго предмета потребления, или же положительное право присвоить обладаніе и орудіями, и окончательнымъ продуктомъ третьему лицу, которое получить, благодаря этому, возможность оплатить трудъ соединенныхъ работниковъ частью продукта, а другую часть оставить себѣ; это въ разсматриваемомъ отношеніи совершенно безразлично: кому бы ни принадлежалъ капиталъ и какъ бы ни происходило распределение возросшаго продукта, источникомъ послѣдняго остается національный трудъ. Если тѣ, кто занятъ изготовленіемъ орудій, изобрѣтаютъ новыя орудія, позволяющія въ большей мѣрѣ использовать силы природы, и если другіе работники, изготовляющіе при помощи орудій предметы потребления,

научаются пользоваться этими новыми орудіями, то наступает новое повышение производительности, и продуктъ создается въ большей массѣ, чѣмъ прежде. Но и это новое повышение должно быть отнесено на счетъ *совокупнаго труда обнхъ группъ работниковъ*, т. е. на счетъ ставшаго болѣе производительнымъ *національнаго труда*, а не только на счетъ труда тѣхъ, кто пользуется орудіемъ, и самихъ *орудій* или *капитала*; а потому возросшая масса продуктовъ остается продуктомъ одного только національнаго труда, а не становится продуктомъ частью труда, частью капитала!

Подобно капиталу изолированнаго хозяина, національный капиталъ увеличивается *трудоу, а не сбереженіемъ*. Если держаться установленнаго мною понятія національнаго капитала, какъ совокупности орудій и матеріаловъ, противопологаемой національному доходу, какъ совокупности полезностей, поступающихъ въ потребление, то совершенно непонятно, какъ экономисты могли прійти къ мысли, что національный капиталъ возникаетъ и растетъ путемъ сбереженія. Сберегать значитъ у нихъ—то *накоплять запасы* полезностей, то *отвлекать ихъ отъ собственнаго непосредственнаго потребленія и употреблять для производства*. Но въ дѣйствительности матеріалы и орудія вовсе не накаплиются, а такъ какъ они для непосредственнаго потребленія вовсе непригодны, то они не могутъ быть отъ него и отвлекаемы. И матеріалы, и орудія, какъ только они изготовлены, тотчасъ же направляются въ производство, и „накопленіе“ ихъ свидѣтельствовало бы только о происшедшей въ послѣднемъ заминкѣ: зерно немедленно направляется къ мельнику, мука—къ пекарю; мельница и пекарная нечъ пускаются въ ходъ, лишь только онѣ построены; зерно и мука дѣйствительно собираются у мельника и пекаря въ большихъ количествахъ, но эти количества никогда не „накопились“: зерно и мука производятся большими массами потому, что самое производство нынѣ получило массовый характеръ и даетъ большія массы продукта, чѣмъ прежде, когда изолированный хозяинъ производилъ ничтожное количество зерна, растиралъ его между двухъ камней и т. п.,—но накопленія одинаково нѣтъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Съ другой стороны, мельницы и печи существуютъ продолжительное время, но и это не можетъ дать основанія считать ихъ накопленными.

Еще въ меньшей мѣрѣ матеріалы и орудія пригодны для непосредственнаго потребленія; они не могутъ поэтому быть отвлекаемы отъ послѣдняго, а, слѣд., не могутъ быть сберегаемы и въ этомъ смыслѣ.

Правда, экономистамъ удалось найти *одинъ* кажущійся примѣръ *сбереженія* настоящихъ вещественныхъ капиталовъ. „Мы можемъ, говоритъ Стюартъ Милль ³⁾, представить себѣ нѣкоторое число индивидовъ или семействъ, сидящихъ каждое на особомъ участкѣ земли, существующихъ каждое на счетъ продукта собственнаго труда и цѣликомъ потребляющихъ этотъ продуктъ; но вѣдь и имъ придется сберегать, т. е. отвлекать отъ собственнаго потребленія зерно, нужное для засѣва полей“. Я спрашиваю однако: можно ли о человѣкѣ, который срубилъ дерево и изъ одной части его сдѣлалъ себѣ стулъ, изъ другой—орудіе, сказать, что онъ „сберегъ“ эту послѣднюю часть дерева? А миллевскія семьи дѣлаютъ то же самое: онѣ превращаютъ въ муку и въ хлѣбъ не все зерно, а часть его обращаютъ въ орудіе, служащее для приведенія въ дѣйствіе производительной силы земли, и возможность превращенія какъ въ предметы потребленія, такъ и въ средства производства, присуща почти всѣмъ видамъ сырья.

Итакъ, очевидно, что орудія и матеріалы, составляющіе національный капиталъ, не сберегаются ни въ смыслѣ накопленія запаса, ни въ смыслѣ отвлеченія отъ потребленія. Ясно, напротивъ, что они создаются и увеличиваются лишь національнымъ трудомъ. Одни работники изготовляютъ сырье, другіе обращаютъ его въ полуфабрикатъ и т. д., еще другіе заготавливаютъ орудія для всѣхъ ступеней производства. Но это значитъ лишь, что національный трудъ, какъ и трудъ изолированнаго хозяина, долженъ сначала изготовить орудія и матеріалы, и уже ими и изъ нихъ изготовлять предметы непосредственнаго потребленія; если не считать случаевъ насильственнаго отнятія послѣднихъ одною націею у другой, то одинъ только трудъ можетъ доставлять обладаніе этими предметами.

Равнымъ образомъ, и *ростъ* орудій и матеріаловъ можетъ протекать лишь изъ національнаго труда. Капиталъ націи, какъ и капиталъ изолированнаго хозяина, можетъ оцѣниваться по двоякому основанію: по массѣ полезностей и по затраченному на производство труда, въ разсматриваемомъ общественномъ строѣ совпадающему съ цѣнностью.

³⁾ „Начала полит. экономіи и т. д.“—одна изъ новѣйшихъ и содержательнѣйшихъ англійскихъ работъ по политич. экономіи. Авторъ—фритредеръ, но отличается отъ другихъ тѣмъ, что отдаетъ справедливость социалистическимъ и коммунистическимъ стремленіямъ; при этомъ Милль проектируетъ столь же коренныя ограниченія для наследственнаго права, какъ социалисты—для „свободы экономическихъ отно-
Прим. Робертуса.

Если его оцѣивать по массѣ продуктовъ, то національный капиталъ увеличивается, очевидно, вслѣдствіе *возрастающей производительности національнаго труда*: производители, изготовляющіе орудія или ремонтъ ихъ, изобрѣтаютъ лучшія орудія, производители на разныхъ ступеняхъ производства предметовъ потребленія изобрѣтаютъ лучшіе приемы производства, и въ результатѣ большее количество матеріала извлекается изъ земли и перерабатывается на послѣдующихъ ступеняхъ. Если цѣнить національный капиталъ по количеству затраченнаго труда, то ростъ его можетъ быть лишь слѣдствіемъ количественнаго роста національнаго труда, который, какъ у изолированнаго хозяина, можетъ произойти двоякимъ образомъ: нація, имѣющая за собой при данной производительности труда болѣе продолжительное производство, можетъ въ силу этого обладать большими и болѣе прочными вещественными капиталами, представляющими собой болѣе труда и болѣе цѣности, нежели другая, причемъ, однако, при равной производительности труда, отставшая нація легко догонитъ первую. Второй видъ роста національнаго труда выражается въ томъ, что на всѣхъ ступеняхъ производства дѣйствуетъ большее количество труда, слѣдовательно, изготовляется *болше* орудій, и извлекается и перерабатывается *болше* матеріала. Въ этомъ смыслѣ ростъ національнаго труда несомнѣнно послѣдовалъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ Европы уже благодаря сокращенію числа праздниковъ, удлиненію рабочаго дня и привлеченію дѣтей къ производительному труду. Но такого рода ростъ ограничивается временемъ и предѣлами человѣческихъ силъ, наиболѣе же значительный ростъ національнаго труда можетъ вытекать только изъ прироста *населенія*, т. е. изъ увеличенія числа работниковъ.

Можетъ быть, что если бы экономисты признавали за капиталъ только орудія и матеріалы, то они признали бы, что *такой* капиталъ не возникаетъ и не растетъ путемъ сбереженія. Но я иду далѣе и утверждаю, что нація при предполагаемомъ порядкѣ не сберегаетъ и не имѣетъ нужды сберегать и *предметовъ потребленія*, — не имѣетъ въ этомъ нужды ни для созданія и увеличенія своего дѣйствительнаго капитала—орудій и матеріаловъ, ни для того, чтобы посредствомъ такого „накопленнаго ранѣе запаса“ доставить себѣ возможность расширенія производства. Въдѣ предметы непосредственнаго потребленія, законченные на послѣдней ступени производства, распределяются между производителями соотвѣтственно ихъ участию въ производствѣ, и цѣликомъ потребляются ими: никто не откладываетъ и не имѣетъ нужды откла-

дывать ничего изъ того, что получаетъ; нація, какъ и каждый индивидъ, находится въ положеніи изолированнаго хозяина, который можетъ потреблять все, что онъ производитъ, но, конечно, потребляя, долженъ производить заново, такъ какъ полезности при потребленіи уничтожаются, а потребности постоянно возникаютъ вновь.

Экономисты возразятъ однако, что въ томъ случаѣ, когда состоящей изъ орудій и машинъ національный капиталъ растетъ вслѣдствіе *роста числа производителей*, для этихъ новыхъ производителей во всякомъ случаѣ долженъ быть на-лицо готовый запасъ средствъ существованія, который долженъ быть накопленъ или сбереженъ прежними производителями, т. е. отвлеченъ ими отъ ихъ непосредственнаго потребления. Но такой взглядъ неѣрно и неточно изображаетъ дѣйствительное положеніе вещей. Увеличеніе числа производителей въ видѣ общаго правила можетъ послѣдовать лишь при увеличеніи населенія, а это послѣднее можетъ произойти двоякимъ образомъ: либо путемъ удлиненія, при равномъ приростѣ, средней продолжительности жизни; либо путемъ усиленія прироста, при данной средней продолжительности жизни. Приростъ населенія, происходящій первымъ путемъ, уже конечно не требуетъ предшествующаго накопленія средствъ существованія для возростающаго числа производителей: живущій дольше производитель по-прежнему—только нѣсколькими годами дольше—производитъ потребляемый имъ доходъ и, потребляя, производитъ дольше. Но и во второмъ случаѣ въ такомъ накопленіи нѣтъ надобности: приростъ населенія обуславливается главнымъ образомъ большею плодовитостью браковъ, напр., увеличеніемъ средняго числа дѣтей съ трехъ до четырехъ; если, конечно, предположить, что во время подрастанія этого увеличеннаго въ численности новаго поколѣнія производительность труда старшаго поколѣнія *не* возрастала, то, конечно, всѣмъ членамъ возросшихъ семей пришлось бы сократить свое потребление⁵⁾, пока новое поколѣніе, достигнувъ совершеннаго возраста, не начало бы само производить продукты для своего потребления. Но развѣ такое сокращеніе потребления⁶⁾ имѣло бы что-либо общее съ бережливостью, какъ ее представляютъ себѣ экономисты? Очевидно, что ничего, и при такомъ скудномъ потребленіи менѣе, нежели когда-либо, могла бы быть рѣчь о „сбереженіи“. А если бы во

5) „Spärlicher Leben“. А. К.

6) „Spärlicher Leben“. Вся фраза переведена не буквально, ибо въ подлинникѣ все основано на двоякомъ значеніи корня *sparen*: глаголъ *sparen* значитъ „сберегать“, прилагательное *spärllich*—значитъ „скудный“, „недостаточный“. А. К.

время подрастанія младшаго поколѣнія возрастала и производительность труда старшаго, то не было бы надобности и въ такомъ сокращеніи потребленія. Между тѣмъ въ дѣйствительности, при правильномъ ходѣ общественнаго развитія, усиленное размноженіе младшаго поколѣнія сопровождается именно такимъ ростомъ производительности труда старшаго; подрастающее молодое поколѣніе существуетъ и воспитывается на счетъ растущаго, благодаря увеличенію производительности труда, продукта труда старшаго поколѣнія, пока не получить возможности само принять участіе въ производствѣ. А можно ли сказать, что отецъ „накопляетъ капиталъ“, если его доходъ потребляется дѣтьми, еще не способными прокормить себя сами?

Таковъ былъ бы, несомнѣнно, естественный ходъ вещей. Между тѣмъ экономисты въ своей теоріи сбереженія изображаютъ ростъ національнаго производства въ такомъ видѣ, какъ будто націи приходилось сразу выставлять увеличенное число работниковъ, ранѣе не имѣвшихъ никакого заработка и потому не имѣющихъ, что потреблять во время производства. Разсуждая такъ, они, очевидно, совершенно извращаютъ естественное соотношеніе между производствомъ и потребленіемъ: если предполагать индивидовъ не имѣющими семей или лишенными дохода отъ предыдущаго производства,—дохода, на который они при естественномъ ходѣ вещей существуютъ, пока занимаются новымъ производствомъ, то имъ, конечно, чтобы работать, необходимо получать содержаніе со стороны. Но это, очевидно, не есть естественный порядокъ вещей, и экономисты представили его себѣ въ такомъ видѣ только потому, что подставили вмѣсто естественныхъ отношеній искусственныя, вытекающія изъ современнаго положительнаго права, что изображали націю въ видѣ предпринимателя, нанимающаго рабочихъ, тогда какъ нація можетъ быть разсматриваема лишь какъ самостоятельный производитель и собственникъ своего продукта.

„Въ грубомъ и безправномъ состояніи общества, говоритъ Дж. Ст. Милль, постоянно случается, что лицо, владѣющее капиталомъ, вовсе не есть то же лицо, которое его сберегало; владѣетъ капиталомъ нѣрѣдко болѣе сильный или членъ болѣе могущественнаго общества, присвоивъ себѣ его посредствомъ грабежа. Даже и при значительно болѣе развитомъ порядкѣ вещей ростъ капитала болѣею частью вытекаетъ изъ лишеній, которыя, будучи по существу тождественны съ сбереженіемъ, однако не носятъ этого названія, ибо являются не добровольными: дѣйствительными производителями были рабы, которые дол-

жны были производить столько, сколько можно было вынудить у них силой, и потреблять лишь столько, сколько оставляли имъ расчетъ или челоуѣколюбіе—обыкновенно весьма слабое—ихъ господъ. Но этого рода вынужденное сбереженіе не повело бы къ росту капитала, если бы, кромѣ того, часть продукта не была добровольно сберегаема господиномъ: если бы послѣдній потреблялъ на свои личныя потребности все то, что заставилъ своихъ рабовъ изготовить, и затѣмъ отнялъ у нихъ, то онъ не увеличилъ бы своего капитала и не могъ бы содержать растущаго числа рабовъ; возможность содержанія послѣднихъ создавалась предшествующимъ сбереженіемъ хотя бы нѣкотораго запаса пищи“.

Ничто не выясняетъ лучше, чѣмъ эта цитата, какъ экономисты пришли къ своей теоріи сбереженія: въ приводимомъ Миллемъ случаѣ дѣйствительно до известной степени можно говорить о сбереженіи; но въѣдъ въ этотъ случаѣ совершенно нарушено *естественное народохозяйственное* отношеніе между *производителемъ* и его *продуктомъ*: производитель не владѣетъ здѣсь *своимъ* созданнымъ *его* трудомъ продуктомъ; послѣдній отнять у него и принадлежитъ другому, который можетъ называть его *своимъ*, но не въ *хозяйственномъ*, а только въ *правовомъ* смыслѣ. Только тогда, *когда существуетъ общественный строй, гдѣ одни создаютъ весь продуктъ, другіе же являются обладателями его*, эти послѣдніе дѣйствительно должны оставить первымъ часть продукта, необходимую, чтобы быть въ состояніи работать; *господа* дѣйствительно не могутъ потребить на себя той части продукта труда рабовъ, которая нужна на содержаніе послѣднихъ; они должны назначить эту часть на потребленіе рабовъ, а такъ какъ послѣдніе разсматриваются какъ вещь, какъ орудіе, то значить употребить ее на производство. Но въѣдъ въ политической экономіи рѣчь идетъ прежде всего о томъ, вызывается ли необходимость „сбереженія“ *естественнымъ* ходомъ производства и естественнымъ отношеніемъ производителя къ продукту, а потому этотъ созданный правомъ, съ экономической точки зрѣнія *искусственный*, строй еще ничего не доказываетъ. Равнымъ образомъ, абсолютная необходимость сбереженія не доказывается и тѣмъ, что господинъ долженъ „сберечь“, т. е. отвлечь отъ своего потребления средства существованія для вновь являющихся въ его хозяйствѣ рабовъ: и здѣсь насильственно извращено то естественное отношеніе производителя къ продукту, при которомъ производитель, работая надъ новымъ продуктомъ, существуетъ на доходъ отъ предыдущаго періода,—ему приходится работать безъ такого дохода, а потому ясно, что тотъ, кто заставляеть его работать,

не давая ему этого послѣдняго, долженъ его чѣмъ-либо замѣнить. Но при разсматриваемомъ порядкѣ господинъ долженъ былъ вѣдь сберечь и средства для покупки раба; и какъ экономисты не стануть утверждать, что накопленіе *этихъ* средствъ абсолютно необходимо для успѣха народнаго хозяйства, такъ же точно они не могутъ придавать такого характера и сбереженію средствъ существованія рабовъ.

Въ другомъ мѣстѣ Милль говоритъ: „Врагъ огнемъ и мечемъ опустошаетъ страну и разрушаетъ или уноситъ съ собой все ея движимое имущество; жители разорены, но черезъ нѣсколько лѣтъ все пришло въ прежнее положеніе... И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: что врагъ разрушилъ,—то и безъ того вскорѣ было бы уничтожено, потреблено самими обитателями; то имущество, которое они такъ скоро возстановляютъ, и безъ того было бы воспроизведено, и вѣроятно чрезъ столь же короткое время; ничто не измѣнилось, только то, что во время новаго производства жители лишены возможности потреблять продукты, произведенные ранѣе. Возможность быстрого возстановленія того, что разрушено при такихъ бѣдствіяхъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, обезлюдѣла ли страна, или нѣтъ; если населеніе не уничтожено войною или не погибло отъ недостатка средствъ, то страна, сохранивъ прежнія знанія и умѣнье работать, сохранила въ сущности и все нужное для продолженія производства въ прежнемъ размѣрѣ: почва и ея дѣющіяся улучшенія вѣдь остались въ сохранности, а равнымъ образомъ и прочныя зданія либо не тронуты, либо лишь отчасти повреждены; если у населенія осталось столько пищи или средствъ для ея покупки, сколько ему нужно, чтобы просуществовать, хотя бы съ большими лишеніями, и сохранить трудоспособность, то оно вскорѣ произведетъ прежнее количество продукта и приобрететъ въ общемъ такое же имущество и такой же капиталъ, какимъ владѣла ранѣе, и это—при сохраненіи лишь той же степени напряженія, къ которой она привыкла при своихъ занятіяхъ“.

Милль не могъ привести лучшаго примѣра для опроверженія многихъ изъ своихъ собственныхъ заблужденій: онъ ярко освѣщаетъ здѣсь понятіе *производительности національнаго труда* и доказываетъ какъ то, что эта производительность не составляетъ существеннаго атрибута капитала, такъ и то, что *капиталъ не накапливается*. Если бы производительность зависѣла отъ капитала, то съ уничтоженіемъ капитала была бы уничтожена и производительность побѣжденной націи, и эта нація *не* могла бы такъ скоро оправиться; и если бы національный капиталъ

накоплялся, ей нужно было бы время, чтобы снова обзавестись капиталомъ. Нація быстро оправляется и быстро обзаводится капиталомъ именно потому, что производительность *не* зависитъ отъ капитала и послѣдній *не* накапливается,—потому, что производительность труда, несмотря на истребленіе капиталовъ, осталась неизмѣнною.

Итакъ, національный капиталъ, какъ и капиталъ изолированнаго хозяина, возникаетъ и растетъ благодаря труду, а не благодаря сбереженію; равнымъ образомъ, и *воспроизводится* капиталъ трудомъ, а не новымъ сбереженіемъ. Изолированный хозяинъ, изготовляя изъ матеріаловъ помощью орудій предметы потребленія, долженъ былъ бы, чтобы сохранить свой капиталъ, одновременно пополнять запасъ матеріаловъ и ремонтировать или замѣнять орудія; для этого ему нужно было бы раздѣлить свое рабочее время и назначить часть его на заготовленіе матеріаловъ и ремонтъ орудій, и только этимъ путемъ онъ могъ бы *воспроизвести* свой капиталъ. Такъ же точно дѣло обстоитъ и съ націей, но только, благодаря раздѣленію національнаго труда, воспроизведеніе капитала происходитъ *равномѣрно и одновременно съ переходомъ капитала въ доходъ*. Пока часть національнаго труда на послѣдней ступени производства окончательно изготовляетъ предметы потребленія, другія части его на другихъ ступеняхъ ремонтируютъ орудія и заготавливаютъ матеріалы, и такимъ образомъ въ каждый моментъ, когда распределяется и потребляется національный доходъ, и национальный капиталъ оказывается воспроизведеннымъ полностью. Ясно, что это—результатъ одного только національнаго труда; съ точки зрѣнія націи непонятно даже, какую роль *могло бы* сыграть „сбереженіе“: орудія и матеріалы должны были *расходоваться*, или производство остановилось бы, а накопленіе предметовъ потребленія далеко не замѣнило бы израсходованныхъ орудій и матеріаловъ; напротивъ, предметы потребленія должны *потребляться*, и во время ихъ потребленія часть *национальнаго труда* воспроизводитъ капиталъ.

Посмотримъ теперь, какъ національный капиталъ относится къ національному доходу. Я напомнимъ только о томъ, что я сказалъ объ отношеніи капитала изолированнаго хозяина къ его доходу; то же остается вѣрнымъ и для націи. Нація тоже безпрестанно изготовляетъ орудія и матеріалы, которыми пользуется для изготовленія предметовъ потребленія, и на счетъ этихъ послѣднихъ она существуетъ, пока повторяется процессъ производства. Если не извращать послѣдняго и не ставить дохода впереди труда, то ясно, что національный капиталъ

нельзя считать силою, творящею національный доходъ или даже участвующей въ такомъ твореніи; и доходъ, и капиталъ—суть одинаково продуктъ одного только національнаго труда; ихъ цѣнять либо по цѣнности, т. е. по *суммѣ* національнаго труда, либо по массѣ продуктовъ, т. е. по его *производительности*, которая выражается и при изготовленіи *вещественныхъ капиталовъ*—матеріаловъ и орудій, и при изготовленіи изъ нихъ предметовъ потребленія. И если бы даже повернуть кверху ногами естественный процессъ производства и молчаливо поставить, какъ часто дѣлають экономисты, доходъ впереди капитала, то все же скорѣе можно было бы считать національный доходъ источникомъ капитала, нежели наоборотъ. Между *национальнымъ доходомъ* и *капиталомъ* существуетъ только нѣкоторая *пропорціональность*; если велика производительность національнаго труда, а слѣд. и *масса* созданнаго продукта, то велики будутъ оцѣниваемые по этому признаку и доходъ, и капиталъ; если, благодаря приросту населенія, продуктъ увеличивается въ *цѣнности*, то въ цѣнности пропорціонально возрастутъ, опять-таки, и доходъ, и капиталъ; достаточно мимоходомъ замѣтить, что только возрастаніе дохода въ *первомъ* смыслѣ дѣлаеть націю *богаче*, ибо доходъ, возросшій во *второмъ* смыслѣ, распределяется между соотвѣтственно большимъ числомъ производителей. Увеличеніе въ обоихъ смыслахъ происходитъ однако не потому, чтобы возросшій въ томъ и другомъ смыслѣ капиталъ *производилъ* соотвѣтственно большій доходъ, а потому, что и доходъ, и капиталъ создаются и приводятся въ движеніе *одною и тою же* лежащею внѣ ихъ силою—*национальнымъ трудомъ*.

Экономисты никогда не могли правильно понять этого простаго отношенія. Они видѣли, что обладаніе достаточнымъ имуществомъ позволяетъ обладателю получать, не исполняя лично никакого производительнаго труда, правильный доходъ, при чемъ само имущество не подвергается сокращенію; для обозначенія такого обладанія подвернулся терминъ „капиталъ“, и вотъ всякій капиталъ начинаетъ разсматриваться, какъ „постоянный источникъ дохода“, а чтобы сдѣлать такой взглядъ правдоподобнымъ, указывается на свойственное *орудію* повышение производительной силы, ведущее къ увеличенію продукта. Но вѣдь въ современномъ строѣ обладаніе запасомъ матеріаловъ даетъ столь же правильный доходъ, какъ и обладаніе лучшими орудіями. Если бы экономисты признали, что доходъ, достающійся нынѣ капиталу, есть лишь часть законченнаго трудового продукта, отнимаемая въ силу

правовыхъ отношеній у работниковъ и присвоиваемая обладателямъ всего продукта національнаго труда—капиталовладѣльцамъ, то они связали бы этотъ доходъ не съ самимъ *капиталомъ*, а съ *капиталовладѣніемъ*, и тогда не стали бы искать въ капиталѣ какой-то особой творящей причины дохода,—причины, не только лишающей трудъ его экономического преобладанія, но даже исключющей изъ понятія капитала большую часть этого самаго капитала—матеріалы.

Глава VII. Національный капиталъ въ народномъ хозяйствѣ съ частною собственностью на землю и капиталъ.

Предположимъ теперь общественный строй съ частною собственностью на землю и капиталъ, но будемъ разсматривать націю какъ нѣчто единое, какъ обладательницу національныхъ продукта, дохода и капитала; будемъ разсматривать капиталъ *самъ по себѣ* съ точки зрѣнія единой, цѣлой націи. Я спрашиваю: можно ли прийти для капитала, разсматриваемаго въ этомъ смыслѣ, къ инымъ заключеніямъ, нежели мы получили при предыдущемъ изслѣдованіи? По моему мнѣнію, едва ли!

*По существу, и говоря вообще, и въ обществѣ съ частною собственностью на землю и капиталъ движеніе національнаго производства и самый національный продуктъ имѣютъ такой же характеръ, какъ и безъ этого института. Что весь продуктъ на всѣхъ ступеняхъ производства принадлежитъ большими или меньшими долями частнымъ лицамъ, которыя вовсе не входятъ въ число настоящихъ производителей; что дѣйствительные производители изготовляютъ весь продуктъ по порученію этихъ немногихъ собственниковъ и никогда не дѣлаются совладѣльцами въ собственномъ продуктѣ,—это, съ разсматриваемой точки зрѣнія, не имѣетъ значенія. Конечно, вліяніе этихъ обстоятельствъ дѣлаетъ разсматриваемый строй очень отличнымъ отъ предыдущаго: національный продуктъ переходитъ со ступени на ступень лишь путемъ *обмѣна*, купли-продажи и, слѣдовательно, подверженъ постояннымъ переходамъ изъ рукъ однихъ собственниковъ въ руки другихъ; доходъ дѣйствительныхъ производителей, ихъ заработная плата, составляетъ не всю цѣнность ихъ продукта, а небольшую часть ея, тогда какъ большая часть этой цѣнности достается въ видѣ Ренты неработающимъ соб-*

ственникамъ; благодаря неравномѣрному распредѣленію, національный трудъ направляется на производство другихъ полезностей, чѣмъ направлялся бы при иныхъ обстоятельствахъ, и продуктъ становится болѣе разнороднымъ, охватывая какъ предметы необходимости, нужные однимъ, такъ и предметы высшей роскоши, нужные другимъ, тогда какъ при другихъ обстоятельствахъ онъ былъ бы болѣе однообразенъ. Но всѣ эти послѣдствія не измѣняютъ общаго хода производства и общаго характера національнаго продукта, а равно ни въ какомъ отношеніи не измѣняютъ, съ *національной точки зрѣнія*, установленнаго мною противоположенія дохода и капитала; и теперь, если не желать уничтожить или извратить разницу между доходомъ и капиталомъ, къ національному капиталу можно отнести только ту часть національнаго продукта, которая охватываетъ орудія и матеріалы, а къ доходу—только ту, которая обнимаетъ предметы, удовлетворяющіе непосредственнымъ потребностямъ какъ индивидовъ, такъ и цѣлаго общества; и теперь національный капиталъ не можетъ возникать, расти и воспроизводиться иначе, какъ чрезъ національный трудъ; и теперь онъ остается въ томъ же самомъ отношеніи къ національному доходу. Частная собственность на землю и капиталъ существенно влияетъ только на отношенія индивидовъ, но это влияніе исчезаетъ, если націю разсматривать какъ одно цѣлое.

Я считаю лишнимъ подробно повторять свои разсужденія по этому предмету. Но я хотѣлъ бы остановиться на трехъ особенно важныхъ пунктахъ.

Во-первыхъ, можетъ возникнуть вопросъ: относятся ли къ *капиталу деньги*, которые при господствѣ частной собственности на землю и капиталъ должны состоять изъ золота и серебра и потому составляютъ весьма существенную часть національнаго богатства? Почти всѣ экономисты отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. По моему мнѣнію, отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Въ самомъ дѣлѣ: можно ли было бы въ народномъ хозяйствѣ безъ частной собственности на землю и капиталъ, гдѣ деньги, вполнѣ соотвѣтствуя своей идеѣ, были бы лишь простымъ расчетнымъ средствомъ, причислять съ точки зрѣнія націи израсходованную для этой цѣли бумагу, наравнѣ съ орудіями и матеріалами, къ ея *капиталу*? Конечно, нѣтъ! Деньги удовлетворяютъ *непосредственной общественной потребности*; онѣ нужны обществу для взаимныхъ хозяйственныхъ расчетовъ, какъ нужны ему судебныя зданія для отправленія правосудія и т. п., а потому исполняющая обязанности де-

негь бумага есть полезность, удовлетворяющая, какъ и публичное зданіе, непосредственной общественной потребности; а всѣ полезности, удовлетворяющія непосредственнымъ потребностямъ какъ общества, такъ и индивидовъ, принадлежать къ *доходу* націи, а не къ ея капиталу. Если затѣмъ деньги должны состоять не изъ лоскутковъ бумаги, а изъ золота и серебра, то онѣ, конечно, гораздо цѣннѣе и прочнѣе, но ни большая цѣнность, ни прочность никакъ не можетъ обратить въ капиталъ полезность, по *назначенію* своему принадлежащую къ доходу; между тѣмъ деньги, съ точки зрѣнія націи, и въ этомъ случаѣ имѣютъ назначеніемъ удовлетворять непосредственной потребности общества, какъ такового, въ орудіи правильного распредѣленія созданнаго общимъ трудомъ продукта, а потому онѣ продолжаютъ принадлежать не къ національному капиталу, а къ доходу, именно къ той части послѣдняго, которая служитъ для удовлетворенія непосредственныхъ *общественныхъ* потребностей.

Второй вопросъ относится къ доходу рабочихъ классовъ. Всѣ экономисты согласны въ томъ, что Ренты, получаемыя землевладѣльцами и капиталистами, принадлежать не къ національному капиталу, а къ національному доходу; далѣе, многіе изъ знаменитѣйшихъ экономистовъ согласны и въ томъ, что и *доходъ рабочихъ классовъ*, т. е. сумма полезностей, служащихъ для поддержанія ихъ существованія, составляетъ *если не съ точки зрѣнія предпринимателя*, то съ точки зрѣнія націи, часть *національнаго дохода*; но въ то же время они причисляютъ эту часть также и къ *національному капиталу* и полагаютъ, что заработная плата имѣетъ, съ національной точки зрѣнія, двоякій характеръ. Но и этотъ взглядъ покоится на представленіи, не имѣющемъ ничего общаго съ *дѣйствительнымъ* теченіемъ національнаго производства. Всѣ экономисты, въ томъ числѣ, конечно, и тѣ, которые причисляютъ заработную плату *только* къ національному капиталу, представляютъ себѣ, что и въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о свободныхъ работникахъ, *полезности, составляющія дѣйствительный доходъ работника* ¹⁾, равно какъ *матеріалы и орудія, должны быть готовы и накоплены уже до начала производства или предпріятія, тогда какъ тѣ предметы потребленія, которые входятъ въ составъ Ренты, изготовляются только въ данномъ производствѣ*. Если предприниматель, говорятъ они, долженъ платить работникамъ до продажи продукта, то сказанное ясно само собой; если выплата имъ про-

1) Въ подл. realen Lohngüter. А. К.

изводится уже изъ выручки за продуктъ, положеніе остается вѣрнымъ, ибо тогда работники до полученія платы должны существовать на счетъ другихъ уже принадлежащихъ имъ полезностей, которыя и принадлежатъ тогда къ капиталу.

Но изложенный взглядъ невѣренъ для обоихъ случаевъ: тѣ *полезности, которыя работники получаютъ за опредѣленную работу*, ни въ одномъ случаѣ не бываютъ готовы и накоплены, подобно матеріаламъ и орудіямъ, *до начала работы*; онѣ находятся въ обоихъ случаяхъ въ одинаковомъ положеніи съ полезностями, составляющими Ренту землевладѣльцевъ и капиталистовъ.

Въ первомъ случаѣ, когда предприниматель платитъ работникамъ *до продажи продукта, вещественныя полезности, составляющія плату работника, должны, правда, быть готовы и запасены до продажи продукта, но не необходимо до начала работы*: вѣдь и въ этомъ случаѣ работники получаютъ плату лишь по исполненіи труда, проработавъ день, недѣлю или мѣсяць; сказанныя полезности должны быть поэтому готовы и накоплены къ *наступленію срока расплаты*, т. е. къ истеченію дня, недѣли, мѣсяца работы, но не къ началу этой послѣдней. И таковъ, въ самомъ дѣлѣ, и дѣйствительный ходъ національнаго производства: лишь *въ то время, когда* работники трудятся на одной или на всѣхъ ступеняхъ производства, *за что* они должны получить плату *по истеченіи* дня, недѣли или мѣсяца, *въ то же время* на послѣдней ступени производства окончательно изготовляются къ потребленію тѣ полезности, которыя составляютъ ихъ дѣйствительную плату за тотъ же періодъ, и на эти полезности обмѣнивается изготовленный за то же время продуктъ. Работники, такимъ образомъ, получаютъ плату лишь изъ той цѣнности продукта, *которую они изготовляютъ за данный періодъ, а не изъ такой цѣнности, которая была бы уже готова ко времени начатія работы*; заработная плата, слѣдовательно, истекаетъ изъ того же источника, что и очищающіяся за тотъ же періодъ Ренты. Цѣнность продукта, который работники изготовляютъ въ каждый данный періодъ, и изъ которой оплачивается ихъ трудъ, только *длится* въ силу права частной собственности между работниками и собственниками, а вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ распредѣленіе на заработную плату и Ренту тѣхъ *одновременно* изготовляемыхъ предметовъ потребленія, которые вымѣниваются на соответственные доли продукта. Предметы потребленія, составляющіе Ренту, поставлены поэтому въ тождественныя условія съ составляющими заработную плату: и тѣ и другія

не готовы въ началѣ даннаго рабочаго періода, и тѣ и другія изготовляются лишь въ теченіе этого послѣдняго. Если поѣтому ни одинъ экономистъ никогда не думалъ относить получаемую изъ производства реальную Ренту одновременно къ доходу и къ капиталу, то нѣтъ никакого основанія относить одновременно къ обѣимъ категоріямъ вещественную заработную плату. Есть, впрочемъ, особое обстоятельство, которое ввело экономистовъ въ заблужденіе. Если предпринимателю приходится нынѣ платить работникамъ до продажи продукта, то, конечно, онъ не располагаетъ въ началѣ прозводства полезностями, составляющими реальную заработную плату; но ему необходимо въ этомъ случаѣ имѣть въ своемъ распоряженіи уже при самомъ началѣ производства средства, необходимыя, чтобы при наступленіи времени расплаты быть въ состояніи *снабдить рабочихъ* еще до продажи продукта *ассиновками* на изготовленные въ то же время предметы, составляющіе ихъ реальную плату; другими словами, у предпринимателя къ началу производства должны быть на-лицо *деньги*, равноцѣнныя всей реальной заработной платѣ. Но эти деньги являются лишь составною частью *частнаго капитала*, понятія, по существу отличнаго отъ понятія капитала вообще или національнаго капитала, но постоянно смѣшиваемаго экономистами съ этимъ послѣднимъ. И къ тому же тутъ надо замѣтить, что предприниматель при началѣ производства долженъ владѣть не только равноцѣнностью реальной заработной платы, но и равноцѣнностью Рентъ, ибо сроки выплаты послѣднихъ нерѣдко наступаютъ *до* продажи продукта.

Во *второмъ* случаѣ, когда оплата происходитъ лишь изъ выручки за продуктъ, къ капиталу производства принадлежать, по мнѣнію экономистовъ, тѣ предметы потребленія, на которые работники существуютъ до полученія заработной платы. Но *эти* предметы, которые дѣйствительно должны быть на-лицо къ началу производства, ужъ никакъ не могутъ быть причислены къ *капиталу* этого послѣдняго: они — доходъ работниковъ за предыдущій періодъ производства, доходъ, на счетъ котораго они живутъ, пока зарабатываютъ новую плату, и на счетъ котораго жили бы, и если бы вовсе не захотѣли дальше работать; они — вовсе не заработная плата *за то производство, во время котораго они потребляются*, и о принадлежности къ капиталу котораго идетъ рѣчь. Но если вообще ставить вопросъ, принадлежитъ ли реальная заработная плата къ капиталу производства, то, конечно, можно говорить только о заработной платѣ *даннаго* производства. Можно поѣтому только задаться вопросомъ: существовала ли уже въ началѣ производства, и

можетъ ли поэтому быть отнесена къ его капиталу та реальная плата, которая выплачивается изъ выручки за продуктъ? Но это отрицаютъ и сами экономисты. О тѣхъ же предметахъ потребленія, которые хотя и были на-лицо при началѣ новаго производства, но составляютъ заработную плату совсѣмъ другого производства, по изложеннымъ основаніямъ вовсе не можетъ быть и рѣчи. И въ этомъ случаѣ опять-таки реальная заработная плата ничѣмъ не отличается отъ реальной Ренты: съ тѣми предметами потребленія рабочихъ, которые готовы къ началу производства, но не принадлежатъ къ заработной платѣ данного производства, вполне аналогичны тѣ реальныя Ренты, которыя вмѣстѣ съ ними происходятъ изъ предыдущаго производительнаго періода: какъ работники существуютъ продуктомъ *предыдущаго* производства, пока не получаютъ плату за настоящее, такъ и собственники живутъ на Ренту, происходящую изъ *предыдущаго* періода, пока не получаютъ Ренты изъ настоящаго производства; если бы поэтому относить къ капиталу новаго производства предметы потребленія рабочихъ, то не было бы основанія не относить къ нему въ данномъ случаѣ и Ренту. Рау однажды возражалъ мнѣ на это, что предметы, потребляемые рабочими, составляютъ такую часть дохода, „которая употребляется, какъ орудіе производства, и воспроизводитъ себя вновь, тогда какъ умноженіе Ренты не имѣетъ такого результата“. Но если разсматривать продукты, потребляемые рабочими, какъ орудіе производства, само себя воспроизводящее, то такъ же надо разсматривать и реальную Ренту, ибо *она* въ той же мѣрѣ позволила собственникамъ обратить свое имущество на *новое* производство, а не потратить его капитальную цѣнность; какъ предметы потребленія, оставшіеся рабочимъ отъ прежняго производства, позволили имъ сохранить для новаго производства свою рабочую силу, которая иначе тоже должна была бы уничтожиться; и въ новомъ производствѣ Ренты воспроизводятъ себя, какъ и заработная плата, хотя, можетъ быть, и не въ томъ же размѣрѣ, такъ какъ и уровень заработной платы, и уровень Ренты могъ тѣмъ временемъ измѣниться.

Итакъ, экономисты не правы ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ. Въ *первомъ* случаѣ при началѣ новаго производства не готова и не накоплена ни выплачиваемая за трудъ реальная плата, ни остающаяся отъ производства реальная Рента; и то, и другое — продуктъ или доходъ именно этого новаго производства. Въ этомъ случаѣ предприниматель при началѣ производства обладаетъ, въ видѣ частнаго капитала, только денежною равноцѣнностью—опять таки и Ренты, и заработной

платы. Во *второмъ* случаѣ и вещественная Рента, и реальная плата дѣйствительно готовы и накоплены при началѣ производства; но ни та, ни другая не могутъ быть разсматриваемы какъ заработная плата, выплачиваемая изъ даннаго производства, или какъ Рента, остающаяся отъ этого послѣдняго. Полезности, составляющія реальную заработную плату, такимъ образомъ, во всѣхъ отношеніяхъ аналогичны тѣмъ, которыя составляютъ реальную Ренту, и было бы совершенно произвольно относить Ренты цѣликомъ къ національному доходу, а заработную плату, хотя бы частью, къ капиталу. Одно изъ двухъ: либо *и то и другое*, всецѣло или частью, принадлежитъ къ національному капиталу, — и тогда разница между доходомъ и капиталомъ уничтожается или извращается; либо и при разсматриваемой организаціи народнаго хозяйства *и то и другое* съ національной точки зрѣнія *принадлежитъ исключительно къ національному доходу.*

Наконецъ, *въ-третьихъ*, и при существованіи частной собственности на землю и капиталъ *полезности, составляющія реальную заработную плату*, никогда не „сберегаются“, даже и въ смыслѣ отвлеченія отъ собственнаго потребленія ихъ обладателей, какъ сберегались рабовладѣльцами предметы потребленія рабовъ: тѣ полезности, которыя происходятъ изъ предыдущаго періода и на которыя работники существуютъ во время производства, конечно, *потребляются* работниками; а тѣ, которыя они получаютъ за новое производство, не „сберегаются“ даже и предпринимателями, потому что при личной свободѣ рабочихъ онѣ вовсе не принадлежатъ предпринимателямъ, а представляютъ условленную *собственную* долю участія рабочихъ въ продуктѣ.

Совершенно отличный отъ капитала *самого по себѣ, вещественнаго* капитала, — капитала съ *точки зрѣнія націи*, характеръ имѣетъ *частный капиталъ, капиталовладѣніе*, которое нынѣ обыкновенно разумѣется подъ названіемъ „капитала“: частный капиталъ имѣетъ совсѣмъ иную *сущность*, совсѣмъ иначе *возникаетъ, растетъ и воспроизводится* и *совсѣмъ иначе относится къ доходу*. Смѣшеніе „частнаго капитала“ съ „капиталомъ“ самимъ по себѣ внесло величайшую путаницу въ политическую экономію, и лишь при отчетливомъ и сознательномъ разграниченіи этихъ двухъ понятій можно правильно понять большинство вопросовъ этой науки и въ частности — положеніе рабочихъ классовъ. Я долженъ поэтому точно установить понятіе „капитала“ въ этомъ

смыслѣ и затѣмъ показать его отличія отъ „капитала“ самого по себѣ во всѣхъ интересующихъ насъ особыхъ отношеніяхъ²⁾).

Я уже неоднократно пытался выяснитъ движеніе національнаго продукта и національнаго дохода. Прощедшій всѣ ступени производства продуктъ, обращенный въ предметы потребленія, распредѣляется въ доходъ между индивидами сообразно цѣнности продукта каждой отдѣльной ступени производства, и весь національный доходъ каждого даннаго періода всегда поглощается цѣнностью національнаго продукта, создаваемого въ теченіе того же періода на всѣхъ ступеняхъ производства. Если въ народномъ хозяйствѣ нѣтъ частной собственности на землю и капиталъ, то какъ вся почва, такъ и весь національный продуктъ, во всѣхъ его частяхъ и на всѣхъ ступеняхъ производства, состоятъ въ общемъ обладаніи цѣлаго общества, и только національный доходъ, т. е. готовые предметы потребленія, распредѣляясь въ *индивидуальный доходъ*, переходитъ и въ *индивидуальную собственность*. Распредѣленіе происходитъ пропорціонально цѣнности продукта, при чемъ въ распредѣленіи участвуютъ только одни производители, каждый разрядъ производителей получаетъ въ доходъ *всю* цѣнность своего продукта, и никто не вынуждается уступать часть своего дохода кому-либо другому. Движеніе національнаго продукта и дохода осуществляется при этомъ порядкѣ вещей простыми актами общественной воли, т. е. дѣятельностью спеціальнаго органа, который *удоставляетъ* созданную производителями на каждой ступени производства цѣнность и *распоряжается* передвиженіемъ продукта въ предпріятія слѣдующей производительной ступени, и выдаваемые производителямъ удостовѣренія служатъ имъ ассигновками на право полученія изготовляемыхъ на послѣдней ступени производства предметовъ потребленія. Такимъ образомъ, одновременно происходитъ передвиженіе продукта со ступени на ступень и распредѣленіе національнаго дохода между имѣющими право на личный доходъ, на счетъ котораго они существуютъ, пока не получаютъ удостовѣреній о цѣнности продукта, созданнаго ими въ слѣдующемъ производственномъ періодѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ—ассигновокъ на вновь изготовленный за то же время доходъ.

Такимъ образомъ при отсутствіи частной собственности на землю и капиталъ какъ движеніе національнаго продукта, такъ и распредѣле-

²⁾ Къ сожалѣнію, эта задача не была выполнена Родбертусомъ: глава эта, и съ ней все „разсужденіе о капиталѣ“, осталась незаконченной. А. К.

ніе національнаго дохода можетъ осуществляться путемъ общественнаго распоряженія и расчетовъ, безъ посредничества какой-либо иной дѣятельности или власти. Напротивъ, тамъ, гдѣ установлено не общее обладаніе, а частная собственность на землю и капиталъ,—тамъ не только индивидуальный доходъ, но и земля, и національный капиталъ отъ первой до послѣдней ступени производства состоятъ въ частной собственности, и притомъ—не самихъ производителей, а третьихъ лицъ, которыхъ, какъ собственники, не принадлежатъ къ числу производителей. Какъ участки земли, обрабатываемые добывающею промышленностью, такъ сырье и орудія, служащія, напр., для изготовленія полуфабрикатовъ, а также самые результаты производства принадлежатъ не занятымъ въ соответственныхъ производствахъ работникамъ, а другимъ лицамъ — „капиталистамъ“; равнымъ образомъ, не работникамъ, а капиталистамъ принадлежатъ тѣ продукты, которые на послѣдней ступени производства перерабатываются въ готовые предметы потребленія, принадлежатъ орудія, служащія для такой переработки, а также и сами ея непосредственные результаты. Эти готовые предметы потребленія и теперь распределяются въ индивидуальный доходъ, и въ видѣ такого дохода и работники получаютъ индивидуальную собственность. Распределеніе и теперь происходитъ пропорціонально стоимости продукта различныхъ ступеней производства. Но теперь въ распределеніи участвуютъ уже не одни только производители, работники, а часть дохода поступаетъ частнымъ лицамъ, владѣющимъ землею и продуктомъ націи.

При такихъ условіяхъ невозможна, конечно, руководящая всѣмъ теченіемъ производства и распределенія дѣятельность *общественной воли*: если вся земля и весь продуктъ націи, до момента распределенія его въ доходъ, состоятъ въ частной собственности отдѣльныхъ лицъ—не производителей, то распоряженіе ими, въ силу самой исключительности этого права не можетъ принадлежать никому, кромѣ этихъ лицъ, и только на нихъ можетъ лежать руководство движеніемъ національнаго продукта и дохода; теперь уже не достаточно того, чтобы работники соединились подъ властью общественной воли для соответствующаго національной потребности производства, а необходимо еще участіе собственника, который является связующимъ звеномъ вновь возникающаго производства и придаетъ послѣднему видъ *своего* частнаго „предпріятія“. Если, дажѣ, вся земля и весь продуктъ націи, пока послѣдній не перейдетъ въ доходъ, распределяются по частнымъ имуществамъ, то обладаніе такимъ имуществомъ необходимо нужно для того, чтобы

вести какое-либо производство; кто хочет вести предприятие по добычѣ сырья, долженъ владѣть на правѣ собственности долею³⁾ національныхъ *территоріи* и *продукта*, обнимающею необходимые для такого предприятия участки земли, орудія, матеріалы и т. п.; подобною же долей долженъ владѣть и тотъ, кто хочет основать новое фабричное предприятие; вообще, разъ существуетъ частная собственность на землю и капиталъ, безъ такой собственности нельзя вести производительнаго предприятия.

Такая необходимая для организаціи производительнаго предприятия, принадлежащая на правѣ собственности, доля національнаго продукта есть частный капиталъ, т. е. то, что экономисты обыкновенно называютъ просто „капиталомъ“; она относится къ національному продукту, какъ землевладѣніе къ національной территоріи.

Очевидно, что капиталъ, разумѣемый въ этомъ смыслѣ—*частный капиталъ*—обуславливается только институтомъ частной собственности; онъ необходимъ, и соответственное понятіе существуетъ лишь въ народномъ хозяйствѣ, находящемся подъ господствомъ этого института,—въ такомъ общественномъ строеѣ, гдѣ производитель не получаетъ всей цѣнности своего продукта; это не есть *вѣчное* народохозяйственное понятіе, оно имѣетъ своей корень лишь въ измѣнчивой правовой исторіи народовъ. Капиталъ самъ по себѣ, національный капиталъ, имѣетъ абсолютное значеніе, вытекающее изъ самой природы и прогресса производства: пока это послѣднее не прекратится, всегда нужны будутъ и будутъ существовать матеріалы и орудія, и національный продуктъ будетъ распадаться на готовые предметы потребленія, т. е. доходъ, и на полезности, служація для дальнѣйшаго производства. Напротивъ, частный капиталъ имѣетъ лишь относительное значеніе, связанное лишь съ существованіемъ извѣстныхъ правовыхъ отношеній, съ тою *формой* соціальной организаціи производства, которая опредѣляется частною собственностью на землю и капиталъ. Нѣтъ неизбѣжной необходимости въ томъ, чтобы та часть національнаго продукта, которая составляетъ реальное содержаніе частнаго капитала, всегда оставалась въ частной собственности; при другихъ правовыхъ отношеніяхъ, какъ я показаль, это могло бы стать излишнимъ. И если ны-

³⁾ Въ подл. Privateigentumsloose. А. К.

нѣшніе экономисты упрекають старыхъ въ томъ, что тѣ принимали *денежный капиталъ* за истинный капиталъ, за капиталъ самъ по себѣ, то ихъ самихъ можно упрекнуть въ томъ, что они за капиталъ самъ по себѣ принимаютъ *частный капиталъ*, частное капиталовладѣніе.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Часть первая. Теорія ренты.

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ. Жизнь и труды Родбертуса	5
ГЛАВА I.—Общая характеристика современного общественного строя	53
ГЛАВА II.—Распределение богатствъ въ современномъ обществѣ	57
ГЛАВА III.—Пауперизмъ и промышленные кризисы	63
ГЛАВА IV.—Критика теоріи Рикардо	78
ГЛАВА V.—Методъ изслѣдованія вопроса	92
ГЛАВА VI.—Общія положенія, лежащія въ основѣ правильной теоріи Ренты	101
ГЛАВА VII.—Происхожденіе Ренты	107
ГЛАВА VIII.—Расчлененіе Ренты на земельную ренту и прибыль	121
ГЛАВА IX.—Особый принципъ земельной ренты	134
ГЛАВА X.—Предпринимательская прибыль, ссудный процентъ и арендная плата	138
ГЛАВА XI.—Условія, вліяющія на высоту отдѣльныхъ частей Ренты	145
ГЛАВА XII.—Общее резюме теоріи Ренты	162
ГЛАВА XIII.—Нормальная и рыночная цѣнность. Происхожденіе кризисовъ.	171

Часть вторая. Изслѣдованіе о капиталѣ.

ГЛАВА I.—Народное хозяйство, какъ продуктъ раздѣленія труда	140
ГЛАВА II.—Народное хозяйство безъ частной собственности на землю и капиталъ	205
ГЛАВА III.—Народное хозяйство съ частною собственностью на землю и капиталъ	227
ГЛАВА IV.—Коммунизмъ	249
ГЛАВА V.—Капиталъ въ изолированномъ хозяйствѣ	258
ГЛАВА VI.—Национальный капиталъ въ народномъ хозяйствѣ безъ частной собственности на землю и капиталъ	269
ГЛАВА VII.—Национальный капиталъ въ народномъ хозяйствѣ съ частною собственностью на землю и капиталъ	284

2-

4. 2-00

K601587

